DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Simonenko, Grigorii Fedorovich

Проф. Г. Ѳ. СИМОНЕНКО.

Теорія статистики и сравнительная статистика населенія.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ

статистики, экономической науки, исторіи, соціологіи и этики.

On à dit aux poétes:
„Honte à qui peut chanter tandis que Rome brûle!" On peut dire aussi aux philosophes qu'ils ne sauraient se contenter de spéeuler quand s'agitent autour d'eux des questions de vie ou de mort.
Al. Fouillée. La France au point de vue moral, p. I.

ВАРШАВА.
ТИП. АКЦ. ОБЩ. С. ОРГЕЛЬБРАНДА СЫНОВЕЙ
Гожая ул. № 41.

1905.

Печатано по опредѣленію Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО
Варшавскаго Университета.

Ректоръ Университета *Г. Ульяновъ.*

31.2
S74J

Предисловіе.

Книга эта имѣетъ мало общаго съ обычными учебниками или курсами статистики, по способу изложенія и по своимъ задачамъ. Сжатое и слишкомъ сухое изложеніе теоріи статистики, которымъ обыкновенно отличаются учебники, мало можетъ возбуждать интереса къ наукѣ, столь важной для знанія общественной жизни и правильныхъ способовъ изслѣдованія ея. Задача моего труда заключается, съ одной стороны, въ томъ, чтобы, знакомя читателя съ общими теоретическими основаніями статистики, вмѣстѣ съ тѣмъ вводить его съ самого же начала въ богатое, жизненное содержаніе ея, служащее лучшей иллюстраціей общихъ научныхъ положеній. Съ другой стороны, эта книга имѣетъ въ виду дать возможность читателю уяснить себѣ всю важность задачъ различныхъ сторонъ обществовѣдѣнія, разрѣшенію которыхъ можетъ содѣйствовать статистическая наука.

Теорія статистики безъ приведенія примѣровъ, въ видѣ иллюстраціи общихъ положеній, мало говоритъ уму читателя, впервые приступающаго къ изученію ея, и еще менѣе можетъ возбудить интересъ къ ознакомленію съ нею. Большинство даже вполнѣ интеллигентныхъ людей отождествляетъ статистику съ массой сухихъ цифръ и естественно сторонится отъ нея, какъ отъ области знаній, имѣющей, будто бы, мало непосредственнаго отношенія

къ тому, что интересуетъ каждаго въ окружающей его жизни. Разрушить это предубѣжденіе, показать, что всѣ выводы статистики, болѣе чѣмъ какой либо другой науки, соприкасаются съ главными жизненными задачами общества, заинтересовать читателя ея содержаніемъ, составляющимъ обыкновенно предметъ спеціальныхъ изслѣдованій и изданій, мало доступныхъ ему — поставляется задачей этого сочиненія по статистикѣ. Почти съ первыхъ же страницъ своихъ оно стремится ввести читателя въ кругъ тѣхъ основныхъ интересовъ общественной жизни, безъ знакомства съ которыми человѣкъ не можетъ себя чувствовать живымъ членомъ современнаго культурнаго общества.

Быть можетъ, нѣкоторые изъ примѣровъ, иллюстрирующихъ общія положенія, развиты здѣсь слишкомъ подробно. Но содержаніе ихъ представляетъ само по себѣ животрепещущій интересъ, составляетъ, что называется, злобу дня. Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ напр. слишкомъ медленный естественный приростъ населенія во Франціи, возбуждающій чрезвычайную тревогу у ея патріотовъ, а въ Германіи — мирное завоеваніе ея польскими рабочими въ послѣднее время, заставляющее бить еще бо̀льшую тревогу нѣмецкихъ шовинистовъ, видящихъ въ немъ грозный призракъ возникновенія на почвѣ Германіи новаго польскаго царства (Polenreich).

Сухой характеръ статистической науки исчезаетъ для читателя, когда онъ убѣждается, что безъ ея указаній нѣтъ возможности рѣшить правильнымъ образомъ ни одного изъ текущихъ вопросовъ общественной жизни. Рядомъ примѣровъ, касающихся насущныхъ нуждъ послѣдней, я стараюсь сдѣлать очевидной для всѣхъ истину, что какой бы изъ этихъ вопросовъ мы ни взяли, рѣшеніе его, хотя бы и спеціалистами учеными, но безъ достаточнаго освѣщенія статистическими данными, ведетъ чаще всего

къ самымъ грубымъ ошибкамъ. Къ такимъ ошибкамъ принадлежитъ напр. нерѣдкое преувеличеніе и нашими и западноевропейскими гигіенистами значенія большой смертности населенія, безъ принятія во вниманіе размѣра рождаемости. Та же ошибка, дѣлаемая экономистами, ведетъ ихъ къ построенію черезъ-чуръ пессимистическихъ теорій, представляющихъ въ ложномъ свѣтѣ дѣйствительное положеніе дѣлъ. Подобнымъ образомъ, какими бы обширными спеціальными свѣдѣніями ни обладали агрономы, но если имъ недостаетъ знакомства со статистикой, они не могутъ давать правильныхъ заключеній объ условіяхъ процвѣтанія сельскаго хозяйства, какъ это выясняется мною здѣсь на статистикѣ скотоводства.

Тоже самое можно сказать и о духовныхъ проявленіяхъ общественной жизни. Никакой криминалистъ не дастъ вѣрнаго заключенія объ уровнѣ народной преступности и о причинахъ, вызывающихъ ее, если не обладаетъ свѣдѣніями по статистикѣ. Еще бо̀льшимъ безсиліемъ страдаютъ даже выдающіеся западноевропейскіе историки, когда берутся дѣлать заключенія объ общественномъ прогрессѣ или регрессѣ въ описываемыя ими эпохи, если не считаютъ необходимымъ предварительно взяться за крайне кропотливое изученіе статистическихъ цифръ, рѣшающихъ этотъ вопросъ. Блестящимъ доказательствомъ этого могутъ служить взгляды современныхъ намъ англійскихъ, германскихъ и французскихъ историковъ о вредѣ „континентальной системы“ для всей Европы и безвредности ея, въ видѣ исключенія, только для одной Англіи, противъ которой она была направлена. Эти отзывы о ней такъ единогласны, что перешли, въ качествѣ несомнѣнной истины, даже въ учебники всеобщей исторіи, по которымъ обучается наше юношество. Между тѣмъ изъ статистическихъ цифръ видно какъ разъ противное тому, что до-

казываютъ господа историки, не справляясь съ этими цифрами, какъ это выясняется мною здѣсь.

Изложеніе теоріи статистики съ такой подробной иллюстраціей общихъ положеній ея можетъ, по моему мнѣнію, скорѣе всего сдѣлать для читателя незамѣтнымъ переходъ къ ученію статистики о движеніи и состояніи населенія, которое почти все состоитъ изъ цифръ, но съ языкомъ которыхъ онъ уже успѣетъ освоиться на столько, чтобы понимать его, полюбить его и ставить выше самыхъ краснорѣчивыхъ описаній историковъ.

Около 12 лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ ни въ нашей литературѣ, со времени выхода въ свѣтъ послѣдняго труда нашего выдающагося статистика, проф. *Янсона*, ни въ иностранной — со времени изданія „Демографіи Франціи“ *Левассера*, не выходило никакого, сколько-нибудь значительнаго научнаго изслѣдованія по сравнительной статистикѣ населенія главнѣйшихъ европейскихъ странъ, если не считать „Статистики и соціологіи“ англійскаго экономиста *Майо Смита* и извѣстнаго баварскаго статистика *Георга Майера* „Статистики и обществовѣдѣнія“ Но трудъ Смита, не смотря на свою широкую постановку задачъ, крайне поверхностенъ по сравненію съ большинствомъ предшествовавшихъ ему иностранныхъ статистическихъ трудовъ; а сочиненіе Майера, при всей солидности и обширности знаній этого выдающагося изъ современныхъ намъ стастиковъ, отличается, въ противоположность его предшествовавшей, необыкновенно живо и увлекательно написанной книгѣ о „Закономѣрности въ общественной жизни“, такой сухостью и абстрактностью изложенія, что можетъ отбить всякую охоту изучать статистику у лицъ, впервые приступающихъ къ ней. Желая удовлетворить потребности общества въ статистическомъ сочиненіи, которое, вмѣстѣ съ характеристикой современ-

наго уровня развитія статистической науки, могло бы ознакомить читателей съ нынѣшнимъ состояніемъ жизни культурныхъ обществъ по новѣйшимъ даннымъ, собраннымъ недавними переписями, я рѣшился издавать свой трудъ отдѣльными выпусками, изъ которыхъ каждый будетъ посвященъ особому отдѣлу или особенно важнымъ вопросамъ статистической науки.

На статистику опираются въ своихъ выводахъ и почерпаютъ изъ нея часть своего содержанія исторія, экономическая наука, общественная гигіена, соціологія и этика, подвергая его дальнѣйшей переработкѣ въ интересахъ своихъ спеціальныхъ задачъ. Указать эту органическую связь между ними и статистикой, выяснить ихъ взаимное соотношеніе, способы изслѣдованія и задачи, — значитъ, помоему мнѣнію, подготовить научную почву для правильнаго развитія всѣхъ этихъ отраслей знанія, что и имѣется въ виду предлагаемымъ выпускомъ.

Со времени сравнительно недавняго образованія новой отрасли знанія, извѣстной подъ именемъ *соціологіи* и еще болѣе недавняго возникновенія *новоисторическаго* направленія политической экономіи, отвергнувшаго почти все, сдѣланное предшествующими ему направленіями, накопилась такая масса научныхъ недоразумѣній первостепенной важности, что безъ правильнаго разрѣшенія ихъ эти отрасли знанія не могутъ идти впередъ. Разсмотрѣнію ихъ уже былъ посвященъ мною обширный трудъ, изданный въ 1900-мъ году подъ заглавіемъ: „Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ“. Но, по своимъ размѣрамъ, онъ могъ быть доступенъ только небольшому кругу читателей спеціалистовъ. Въ настоящей книгѣ, гораздо меньшей по объему, я снова выдвигаю на первый планъ нѣкоторые изъ тѣхъ же вопросовъ, но подхожу къ разрѣшенію ихъ болѣе съ статистической, чѣмъ

экономической точки зрѣнія, притомъ останавливаюсь главнымъ образомъ на тѣхъ сторонахъ ихъ, которыя вызвали болѣе другихъ возраженія со стороны рецензентовъ моего предшествующаго труда. Доводы, высказанные ими въ защиту новоисторической школы, какъ равно и всѣ основныя положенія ея, подвергнуты мною подробной критической оцѣнкѣ, какой, къ сожалѣнію, она до сихъ поръ не нашла въ западноевропейской литературѣ. Они не представляютъ собою какихъ либо тонкостей и деталей, безъ знанія которыхъ можетъ обойтись большинство читателей неспеціалистовъ, но касаются такихъ главныхъ основъ статистической науки, политической экономіи, исторіи, соціологіи и этики, что безъ яснаго представленія современнаго положенія этихъ основныхъ вопросовъ нельзя разобраться въ массѣ противорѣчащихъ другъ другу мнѣній, высказываемыхъ по нимъ представителями соціальныхъ наукъ.

Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ прежде всего отношеніе статистики къ соціологіи.

Въ виду того, что статистическая наука охватываетъ собою всѣ стороны общественной жизни и служитъ фактическимъ фундаментомъ для построенія другихъ общественныхъ наукъ, возникаетъ вопросъ: не есть ли она та самая искомая многими соціологія, какую изъ нея хотѣлъ сдѣлать знаменитый бельгійскій математикъ и статистикъ *Кетле*, переименовавшій ее въ *„соціальную физику“*? На этой точкѣ зрѣнія стоитъ въ извѣстной степени и проф. *Рейхесбергеръ*, упрекавшій еще недавно нынѣшнихъ соціологовъ въ тщетности попытокъ раскрыть безъ помощи статистики тѣ *естественныя* основанія, которыя общество имѣетъ всюду и всегда съ тѣхъ поръ, какъ люди стали жить вмѣстѣ.

Но можно ли вмѣстѣ съ Кетле возводить статистическіе законы въ *естественные*, когда они являются не бо-

лѣе, какъ эмпирическими законами большихъ чиселъ, которые подлежатъ дальнѣйшей переработкѣ другими науками, главнымъ образомъ политическою экономіею? Опираясь на неизмѣнность внѣшней природы, среди которой призванъ жить и дѣйствовать человѣкъ, и на неизменность какъ нравственнаго міра, къ которому онъ принадлежитъ, такъ и логическаго мышленія, которымъ онъ пользуется, политическая экономія, начиная еще съ Ад. Смита, стремилась раскрыть болѣе глубокіе естественные законы, управляющіе общественной жизнью, чѣмъ тѣ законы ближайшихъ причинъ, о которыхъ учитъ статистика. Поэтому не надо ли считать за соціологію не статистику, а политическую экономію, согласно мнѣнію многихъ экономистовъ, переименовывающихъ ее въ науку объ обществѣ, какъ Кери, Ингрэмъ, Біанкини, Курсель Сенель, Клеманъ, Костъ, Шеффле, Удэ, отчасти *Рошеръ*, назвавшій ее „*физіологіей общества*". Къ этому мнѣнію былъ очень близокъ самъ основатель соціологіи *О. Контъ*, отказавшійся отъ возведенія на степень ея политической экономіи только вслѣдствіе тѣхъ слишкомъ непозитивныхъ методовъ разработки послѣдней современными ему французскими экономистами, отъ которыхъ она успѣла освободиться позже—со времени возникновенія староисторической школы Рошера.

Глава новоисторическаго направленія германскихъ экономистовъ, проф. *Шмоллеръ*, также признаетъ возможнымъ расширить политическую экономію до степени соціологіи, но подъ условіемъ, вмѣсто дедукціи ея законовъ изъ фиктивнаго homo oeconomicus, руководящагося однимъ только личнымъ интересомъ, какъ дѣлала классическая экономія, выясненія этихъ законовъ путемъ индукціи, простирающейся на народную жизнь всѣхъ временъ, съ которою органически связанъ экономическій бытъ. Законы

же, раскрытые классической экономіей, новоисторическое направленіе отказывается считать за естественные, ибо эгоизмъ, на которомъ они построены, хотя и служитъ въ своемъ родѣ пульсомъ общественной жизни, но этотъ пульсъ бьётъ не одинаковымъ темпомъ у различныхъ народовъ и въ различныя эпохи. Новоисторическая школа экономистовъ мечтаетъ открыть путемъ индуктивнаго метода новые соціологическіе законы, вмѣсто тѣхъ, какіе выставила классическая экономія. Но можно ли признать такую задачу научной, не разбросаются ли новоисторики на деталяхъ, рискуя изъ за деревьевъ не увидѣть лѣса? Основательно ли ихъ отрицаніе естественныхъ законовъ. выясненныхъ уже политическою экономіею?

Несомнѣнно, что *субъективныя* воззрѣнія, которыми руководились народы въ различныя эпохи въ выборѣ средствъ къ обезпеченію своего благосостоянія, были крайне разнообразны. Но результаты ихъ дѣятельности развѣ не всегда подчинялись вліянію *объективныхъ* силъ? Хотя люди свободны въ своихъ дѣйствіяхъ, но не властны въ послѣдствіяхъ ихъ, которыя не зависятъ отъ ихъ воли. Въ этомъ смыслѣ политическая экономія, выясняющая эти послѣдствія, не имѣетъ ли права говорить о *естественныхъ законахъ общественной жизни*?

Одностороннимъ увлеченіемъ индуктивнымъ методомъ и при томъ неправильнымъ примѣненіемъ его новоисторики не обрекаютъ ли на безплодіе свою работу по созданію новой науки, будетъ ли это политическая экономія въ обновленномъ видѣ, или соціологія?

Разрѣшенію этихъ вопросовъ посвящена большая часть третьей главы этой книги.

Интересно знать, о раскрытіи какихъ новыхъ законовъ путемъ бо̀льшаго противъ прежняго примѣненія индукціи мечтаютъ экономисты новоисторической школы?

Такими законами они выставляютъ законы соціальной эволюціи. Въ существованіи такихъ законовъ, отдѣляемыхъ ими отъ выясненныхъ уже политической экономіей, новоисторики вполнѣ увѣрены. Но открыли ли они ихъ и въ состояніи ли еще когда либо открыть — вотъ вопросы, разсмотрѣнію которыхъ посвящена вся 4-я и 5-я главы моего труда, въ виду чрезвычайнаго увлеченія идеей этихъ законовъ не однихъ новоисториковъ, но также марксистовъ, дарвинистовъ и другихъ эволюціонистовъ. Это увлеченіе не останавливается на изысканіи такихъ законовъ эволюціи въ области народнаго хозяйства, но переносится даже и въ область этики, хотя нравственные законы не подлежатъ эволюціи, какъ не могутъ подлежать ей законы логическаго мышленія.

Всѣхъ этихъ вопросовъ не можетъ быть чужда статистическая наука, въ область которой всецѣло входитъ нравственная статистика, могущая скорѣе всего служить разрѣшенію ихъ.

Къ числу защитниковъ идеи эволюціи во всѣхъ областяхъ обществовѣдѣнія, не исключая и этической, принадлежатъ даже такія свѣтила современной философской мысли, какъ профессора *Вундтъ* и *Паульсенъ*. Другіе изъ новѣйшихъ представителей ученія объ этикѣ, хотя отвергаютъ въ самомъ принципѣ возможность эволюціи этическихъ нормъ, какъ и измѣненія логическихъ законовъ, тѣмъ не менѣе, выводя ученіе о нравственности всецѣло изъ идеи личности, признавая за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ право и даже обязанность моральнаго творчества, они примыкаютъ тѣмъ самымъ въ извѣстной степени къ крайнему представителю эволюціонизма, къ Нитцше, требующему „переоцѣнки всѣхъ нравственныхъ цѣнностей“ для обезпеченія успѣховъ борьбы за существованіе, какъ основного условія человѣческаго и общественнаго прогресса.

Не смотря на то, что вопросу объ эволюціи удѣляется въ настоящее время столько мѣста въ сочиненіяхъ по философіи, этикѣ, политической экономіи, исторіи и естествознаніи, этотъ вопросъ, въ его главныхъ основаніяхъ есть прежде всего статистическій. Хотя онъ впервые выдвинутъ на первый планъ научныхъ изслѣдованій *Дарвиномъ* и *Уоллесомъ*, но онъ взятъ ими изъ ученія *Мальтуса* о народонаселеніи, какъ они сами прямо объ этомъ заявляютъ. Поэтому выясненію этого вопроса болѣе всего можетъ оказать содѣйствіе ученіе статистики о движеніи населенія. Къ этой статистической точкѣ зрѣнія я и свожу его въ 5-ой главѣ при разсмотрѣніи сущности эволюціи.

Для того, чтобы освободить читателя неспеціалиста отъ необходимости принимать мои или приводимыя мною здѣсь чужія научныя мнѣнія на вѣру, я счелъ необходимымъ снабдить текстъ своей книги довольно обширными указаніями литературы изслѣдуемыхъ вопросовъ, которыя даютъ возможность каждому провѣрить и расширить содержаніе предлагаемаго труда дальнѣйшимъ ознакомленіемъ съ этими вопросами. Въ настоящее время всѣ науки двигаются впередъ не усиліями немногихъ геніальныхъ умовъ, какъ было въ эпоху зарожденія ихъ, но кропотливымъ трудомъ массы научныхъ тружениковъ, влагающихъ строительные камни въ созидаемое общими усиліями научное зданіе. Научныя знанія, драгоцѣнныя сами по себѣ, какъ удовлетворяющіе основной потребности человѣка опредѣлить свое отношеніе къ окружающей его дѣйствительности, пріобрѣтаютъ для насъ тѣмъ большую цѣнность, когда мы видимъ, съ какимъ трудомъ они добываются, какая масса силъ затрачивается на разработку ихъ, съ какими громадными препятствіями приходится встрѣчаться для установленія каждаго изъ основныхъ научныхъ положеній. Ни въ какой отрасли знаній не встрѣчается такой массы

недоразумѣній и самыхъ разнообразныхъ, нерѣдко радикально противорѣчащихъ другъ другу мнѣній, какъ въ области общественныхъ наукъ, вслѣдствіе крайней сложности изучаемыхъ ими явленій. Поэтому здѣсь почти каждое научное свѣдѣніе тогда только пріобрѣтаетъ полную достовѣрность и убѣдительность для ума, когда мы знаемъ все, что было высказано по данному предмету существенно важнаго и получаемъ возможность остановиться на тѣхъ положеніяхъ, которыя имѣютъ за собою силу фактическихъ основаній и убѣдительность законовъ логическаго мышленія. Въ спорныхъ вопросахъ мнѣніе отдѣльнаго лица, какъ бы оно ни было авторитетно само по себѣ, при игнорированіи мнѣній расходящихся съ нимъ, не можетъ имѣть убѣдительной силы. Вѣрѣ не должно быть мѣста во всемъ томъ, что не выходитъ изъ области знаній, доступныхъ человѣку. Знанія, принимаемыя на вѣру, перестаютъ быть знаніями и становятся *суевѣріемъ*, которое въ наукѣ гораздо постыднѣе и унизительнѣе суевѣрій въ той области, въ которой человѣческій умъ падаетъ въ сознаніи своего безсилія.

Сочту себя счастливымъ, если моя книга поможетъ кому-либо изъ читателей освободиться отъ научныхъ суевѣрій, которыхъ не разъ приходится касаться въ ней и поддержитъ его вѣру въ той области, въ которой она имѣетъ вполнѣ логическое основаніе.

Наше время болѣе, чѣмъ какое другое, нуждается въ такой поддержкѣ всѣхъ благомыслящихъ людей съ твердыми, вполнѣ сложившимися убѣжденіями. Проф. Паульсенъ въ своей „Системѣ этики“, не безъ тяжелаго чувства разочарованія въ возможности легко отстаивать истину, характеризуетъ современное состояніе западноевропейской литературы не какъ выраженіе единенія мысли и чувствъ въ главномъ, но какъ чудовищный, неслыханный донынѣ

хоръ голосовъ людей, стремящихся въ возбужденномъ состояніи сбить другъ друга съ толку. Въ общественной дѣятельности точно также вмѣсто единодушія всѣхъ разсудительныхъ и доброжелательныхъ лицъ, онъ констатируетъ разрозненность и ожесточеніе партійной жизни, отталкивающей отъ участія въ ней всѣхъ свободно чувствующихъ и серіозно мыслящихъ людей. Пессимизмъ становится господствующимъ, основнымъ тономъ въ чудовищной сумятицѣ голосовъ. Раздражительносгь и разочарованіе — характеристическія черты жизни чувства нашего времени. Шопенгауеръ даетъ камертонъ философскому хору. Всѣ поэты и литераторы, изучая его, постигли великую истину, по которой изнанка составляетъ сущность вещей, а лицевая сторона не болѣе, какъ нарисованную для обмана внѣшность. То, что Ж. Ж. Руссо выставилъ какъ неслыханный парадоксъ своего времени, утверждая что образованіе и культура не дѣлаютъ людей лучше и счастливѣе, — это въ настоящее время, становится философской теоремой: культура увеличиваетъ бѣдность и является главнымъ, громаднымъ faux pas человѣчества! Въ виду всего этого, не приближается ли уже европейская отрасль народовъ къ эпохѣ старчества? — спрашиваетъ съ отчаяніемъ проф. Паульсенъ. Не достигли ли новѣйшіе народы того пункта своей жизненной исторіи, въ какомъ находился древній міръ при началѣ Римской имперіи? Не наступаетъ ли конецъ и угасаніе культурной тенденціи? Не означаютъ ли слова fin de siècle, которыми играютъ французы, не только конца столѣтія, но и конца всей западноевропейской міровой эпохи — finis saeculi?

Лучше ли поставлена наша русская литература и русская мысль? За границей, наряду съ массой хаотическихъ голосовъ, сбивающихъ другъ друга съ толку,

всетаки раздается не мало и трезвыхъ голосовъ, облегчающихъ читателю возможность разобраться въ этой сумятицѣ противорѣчающихъ одно другому мнѣній. У насъ научная литература заполненная массой переводныхъ иностранныхъ произведеній, проводящихъ самыя крайнія, одностороннія воззрѣнія по вопросамъ коренной важности, отъ которыхъ зависитъ весь послѣдующій ходъ развитія нашей цивилизаціи, остается чаще всего безъ надлежащей критической оцѣнки. Неподготовленному въ научномъ отношенію читателю, предоставленному собственнымъ силамъ разбираться въ этомъ хаосѣ разнузданной нравственно мысли, остается только принимать на вѣру самые крайніе, односторонніе взгляды въ области наукъ столь близко соприкасающихся съ реальной жизнью и ея основными задачами, какъ политическая экономія, соціологія и этика. Самостоятельныя же изслѣдованія которыя бы давали ему возможность оріентироваться въ мірѣ новыхъ идей и отличать въ нихъ утопіи отъ дѣйствительности, куколь отъ пшеницы — появляются у насъ крайне рѣдко.

Но мрачный взгядъ на современное нравственное и умственное состояніе западно-европейскаго человѣчества, высказанный извѣстнымъ германскимъ философомъ, необусловливается ли съ его стороны слишкомъ большой требовательностью, какъ представителя ученія о нравственности? Быть можетъ люди, не занимающіеся спеціально этическими вопросами и стоящіе на противоположной точкѣ зрѣнія чисто позитивнаго мышленія, не смотрятъ черезъ такія темныя очки на существующее положеніе дѣлъ?

Дѣйствительно мыслители этого лагеря болѣе бодро глядятъ въ будущность, не падаютъ духомъ и видятъ въ нынешнемъ состояніи умственнаго и нравственнаго развитія образованнаго человѣчества не приближеніе его

къ дряхлости, но напротивъ — увѣренное въ себѣ шествіе его къ полному разцвѣту и возрожденію. Послушаемъ ихъ мнѣнія, чтобы составить себѣ сколько нибудь вѣрное понятіе о томъ, что совершается у всѣхъ насъ предъ глазами. Это мнѣніе позитивистовъ о современномъ состояніи культурнаго человѣчества необыкновенно ярко и съ увлеченіемъ выражено русскимъ соціологомъ де Роберти въ напечатанной имъ недавно въ одномъ изъ нынѣшнихъ ежемѣсячныхъ журналовъ статьѣ по поводу философіи Нитцше. Онъ пишетъ слѣдующее:

„Міръ услышалъ голосъ, который два столѣтія предъ тѣмъ въ лицѣ Спинозы и полъ вѣка въ лицѣ Штирнера еще вопіялъ въ пустынѣ. Онъ не остался глухъ и въ краснорѣчивой проповѣди Нитцше. Онъ довольно благосклонно отнесся къ его грозному боевому призыву. Это доказываетъ, что душевное состояніе, извѣстное подъ именемъ „Нитцшеновской тоски", не представляетъ собою единичнаго, изолированнаго факта, но составляетъ явленіе *широкораспространенное.* Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что времена свершились, *что мы живемъ среди полнаго нравственнаго кризиса*, что *традиціонной этикѣ нанесенъ тяжелый, ничѣмъ не поправимый ударъ* (?!). Все это доказываетъ, что Нитцше можетъ быть и не ошибся, предсказавъ, что „*смерть нравственности*", не только унаслѣдованной нами отъ предковъ, но и утилитарной этики будетъ тѣмъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, которое не сойдетъ съ афиши исторической сцены, зрѣлищемъ ужаснымъ, прибавляетъ Нитцше, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полнымъ чудесныхъ надеждъ (?!) Дѣло вѣдь подлинно идетъ о кончинѣ міра нашихъ предковъ и о судѣ, который, не будучи страшнымъ, ни послѣднимъ, явится тѣмъ не менѣе почти всеобщимъ и будетъ имѣть рѣшающій характеръ. Поставленный имъ приговоръ долженъ будетъ коснуться всѣхъ извѣстныхъ нравственныхъ цѣнностей, между которыми придется сдѣлать выборъ, распредѣливъ ихъ на двѣ большія категоріи: въ одной найдутъ мѣсто оцѣнки, обязанныя своимъ существованіемъ главнымъ образомъ разуму, логическія, объективныя. Онѣ,

по всей вѣроятности, сохранятся всецѣло. Въ другую попадутъ обязанныя своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ чувству, сентиментальности, субъективизму; онѣ, надо думать, безслѣдно исчезнуть (?!).

„Нравственные кризисы—явленіе весьма нерѣдкое въ исторіи. Но угрожающій современному европейскому человѣчеству кризисъ *представляется особенно серіознымъ и чреватымъ послѣдствіями* не только потому, что можетъ *нанести тяжелый ударъ культурѣ*, далеко оставляющей за собою всѣ извѣстные типы цивилизаціи, но еще потому, что совпадаетъ съ событіемъ огромнаго практическаго значенія. Я говорю о построеніи науки на твердой почвѣ біологическихъ знаній объ обществѣ, *окончательно (?!) порвавшей всѣ связи какъ съ религіозными, такъ и съ метафизическими предпосылками и понятіями.* Появленіе соціологіи въ ряду опытныхъ наукъ—фактъ чрезвычайной важности по своимъ послѣдствіямъ въ области практической нравственности. Если движеніе достигнетъ цѣли, увѣнчается успѣхомъ, то это повлечетъ за собою не частичныя реформы, а цѣлый грандіозный переворотъ, *радикально перемѣнивъ во всей совокупности нравственныя понятія и нормируемыя ими общественныя отношенія.* Допотопныя моральныя телѣги и стариннаго фасона дилижансы должны будутъ уступить мѣсто болѣе совершеннымъ способамъ нравственнаго общенія людей между собою. *Эту величайшую изъ всѣхъ революцій* Нитцше всѣми силами старался подготовить и приблизить. За это я такъ высоко чту его память. Онъ былъ оздоровителемъ (?!) общественной среды и усерднымъ работникомъ, который не щадя силъ, выкапывалъ исполинскую могилу, имѣющую принять бренные останки уже начавшагося разлагаться міра нравственныхъ понятій“.

Наше русское образованное общество останется ли въ сторонѣ отъ величайшей изъ революцій, которую стремится подготовить популярнѣйшій изъ нѣмецкихъ философовъ? Сумѣетъ ли оно охранить себя отъ погребенія въ исполинской могилѣ, о которой говоритъ нашъ соціологъ?

Только что приведенная выдержка изъ статьи его показываетъ, что мы, русскіе интелигенты, будемъ занимать чуть ли не первое мѣсто въ ряду могильщиковъ, погребающихъ нравственность, которою жили наши предки въ теченіе столькихъ вѣковъ и которою еще долѣе ихъ жило и живетъ все культурное человѣчество.

Но не слишкомъ ли рано г. Де Роберти трубитъ побѣду крайняго позитивизма и эволюціонизма, не церемонясь ни съ религіозными вѣрованіями, ни со всей философіей, понимаемой имъ въ смыслѣ ученія о непознаваемомъ. Чтобы устранить ихъ такъ легко, какъ кажется нашему соціологу, необходимо въ замѣнъ ихъ дать человѣчеству что либо равноцѣнное. Что же можетъ предложить ему нашъ строитель науки объ обществѣ на почвѣ біологическихъ знаній? Въ своемъ сочиненіи объ „Этикѣ", которое вышло незадолго предъ цитируемой здѣсь статьей его, онъ самъ отзывается о соціологіи какъ о наукѣ, въ которой сколько головъ, столько „умовъ". „Перечисленіе и критика подобныхъ тезисовъ заполняетъ, говоритъ онъ, безсодержательность трактатовъ по соціологіи". Казалось бы поэтому не было основаніи придавать такому ученію объ обществѣ особенную важность, чтобы, опираясь на него, предсказывать близость суда надъ всѣми нравственными цѣнностями, которыми до сихъ поръ жило культурное человѣчество. Точно также и въ своей „Метафизикѣ и психологіи непознаваемаго" онъ самъ сознается, что въ замѣнъ духовныхъ сокровищъ, которыми до сихъ поръ жило человѣчество онъ, какъ позитивистъ и эволюціонистъ, ничего не можетъ обѣщать: „Я не дѣлаю никакихъ илюзій, заявляетъ онъ съ похвальной откровенностью, относительно дѣйствительной цѣнности большей части моихъ положеній. Они остаются и останутся быть можетъ еще долгое время простыми предположеніями, предназначенными къ тому, чтобы дать возможность оріен-

тироваться нѣсколькимъ умамъ и возбудить изслѣдованіе. Я хотѣлъ бы указать скорѣе стремленія, чѣмъ усилія, увѣнчанныя успѣхомъ, чтобы дать отвѣтъ на вопросъ, обращенный ко мнѣ: „Кто вы и откуда являетесь къ намъ“? Но архитектору, который приходитъ къ намъ съ предложеніемъ своихъ услугъ разрушить вѣковое зданіе, въ которомъ мы живемъ, не обѣщая на мѣсто его создать ничего лучшаго, каждый благоразумный человѣкъ покажетъ съ негодованіемъ двери своего дома. Онъ не найдетъ убѣдительнымъ и успокоительнымъ заявленіе г. Де Роберти, что всѣ теоріи познанія, самыя разнообразныя, выдаваемыя за философскія системы, были не болѣе того, что онъ предлагаетъ въ своей „Метафизикѣ и психологіи непознаваемаго“ — простымъ анализомъ въ области конкретной психологіи“. Тѣ теоріи, которыя совпадали съ религіозными вѣрованіями, были не простымъ анализомъ, а живой силой, управлявшей жизнью человѣчества въ теченіе столькихъ вѣковъ, ведя его по пути безконечнаго прогресса. Анализъ же, направленный на разрушеніе прежнихъ нравственныхъ цѣнностей безъ замѣны ихъ новыми, является простымъ нигилизмомъ, стремящимся къ одному только разрушенію, къ чистой анархіи, безъ всякаго плана улучшенія общественной организаціи, какъ охарактеризовалъ его *Bourdeau* въ своей книгѣ о „Германскомъ соціализмѣ и Русскомъ нигилизмѣ“.

Нигилизмъ если и есть философія, то развѣ одного только сомнѣнія, отрицанія вѣчнаго безплодія, какъ выражается самъ Де Роберти (Philosophie du siècle). Это есть философія разрушенія, мертвечины, а не созидательнаго творчества. Предоставимъ представителямъ этого мертвящаго ученія погребать мертвыхъ; но людей, живыхъ духомъ и вѣрою въ высшіе идеалы жизни, оно не коснется.

Нельзя не удивляться легкомысленному стремленію многихъ расшатать во чтобы то ни стало вѣковыя основы культурной жизни человѣчества. Не безинтересно ознакомиться съ тѣми мотивами, которыми они руководятся въ этомъ случаѣ, и оцѣнить ихъ значеніе. Этотъ вопросъ находится въ ближайшей связи съ еще болѣе важнымъ: Возможенъ ли общественный прогрессъ безъ нравственности, опирающейся на религію? Отвѣтамъ на эти вопросы посвящена вся послѣдняя часть этого сочиненія.

Полагаю, что мой трудъ, посвященный выясненію основныхъ, капитальной важности вопросовъ и критической оцѣнкѣ общераспространенныхъ по нимъ мнѣній, является въ самую пору. Хотѣлось бы думать, что онъ разсѣетъ хоть нѣсколько тотъ страшный хаосъ мыслей и чувствъ, который охарактеризованъ столь ярко представителями двухъ радикально противоположныхъ міровоззрѣній, что онъ освѣтитъ путь жизни для тѣхъ, кто не желаетъ оставаться заживо погребеннымъ въ исполинской могилѣ, такъ усердно уготовляемой нашими и заграничными гробокопателями, что онъ броситъ нѣсколько свѣтлыхъ, путеводныхъ лучей истины для нежелающихъ оставаться въ мракѣ хотя и модныхъ, но невыдерживающихъ критики теорій по основнымъ вопросамъ жизни культурнаго человѣчества.

Проф. Симоненко.

ГЛАВА I.

Задача статистической науки, главные предметы ея содержанія, способъ выясненія причинной связи между ними и отношеніе ея къ другимъ общественнымъ наукамъ.

Каждый сколько-нибудь мыслящій человѣкъ не можетъ не интересоваться окружающей его общественной жизнію и не сравнивать ее съ жизнью другихъ народовъ, стремясь понять причины встрѣчающихся различій. Въ этомъ случаѣ статистика прежде другихъ наукъ приходитъ къ нему на помощь. Она, говоря словами *Кетле*, изслѣдуетъ и перечисляетъ все содержаніе нашего общественнаго быта, всѣ элементы его, въ формѣ наиболѣе удобной для сравненія, и оцѣниваетъ ихъ взаимное соотношеніе [1]). Поэтому, благодаря ей, мы получаемъ возможность не только ознакомиться съ соціальными явленіями собственной страны, но и другихъ народовъ, чтобы видѣть, въ какой степени мы стоимъ выше или ниже ихъ по своему культурному развитію и по успѣхамъ народнаго благосостоянія.

Но этимъ не ограничивается статистическая наука въ ея современномъ значеніи. Она выясняетъ, что окружающія насъ соціальныя явленія, подобно физическимъ, не имѣютъ случайнаго характера, но вызываются опредѣленными причинами, будучи результатомъ дѣйствія извѣстныхъ естественныхъ законовъ, проявляющихся въ жизни человѣческихъ обществъ. Статистика

---

[1]) См. *Quetelet*. Physique sociale ou éssais sur le développement des facultés de l'homme. Bruxelles, 1869, т. I-й, стр. 101 и 160.

открываетъ намъ устойчивость въ повтореніи изъ году въ годъ однихъ и тѣхъ же явленій въ одинаковой пропорціи, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ физическихъ и соціальныхъ условій. Выясняя существованіе закономѣрности въ общественной жизни, статистическая наука тѣмъ самымъ даетъ обществу возможность господствовать и надъ силами внѣшней природы, и надъ стихійными силами соціальной жизни, путемъ измѣненія условій ихъ дѣйствія [1]).

Такимъ образомъ статистика не только рисуетъ намъ картину современнаго состоянія культурныхъ обществъ, но и выясняетъ причины, вызывающія его. Она подводитъ эти причины подъ общіе законы, проявляющіе одинаково свою силу вездѣ, гдѣ существуютъ сходныя условія. Все это дѣлается ею не путемъ общихъ, отвлеченныхъ умозрѣній, а въ живыхъ цифрахъ, выведенныхъ изъ наблюденій надъ жизнію сотенъ тысячъ и милліоновъ людей. Общество есть коллективный организмъ, почему и законы его жизни могутъ быть раскрываемы только посредствомъ количественнаго, массоваго наблюденія. Поэтому статистику можно опредѣлить какъ науку, изслѣдующую цифровымъ методомъ массовыя явленія общественной жизни культурныхъ народовъ для вывода законовъ большихъ чиселъ, характеризующихъ эту жизнь.

Нѣтъ ни одной сколько-нибудь существенно важной стороны соціальной жизни, которой статистика не изслѣдовала бы этимъ методомъ. Желаемъ ли мы ознакомиться съ тѣмъ, какъ возникаетъ и поддерживается общественная жизнь, — статистика браковъ укажетъ намъ, сколько въ каждой странѣ заключается ежегодно семейныхъ союзовъ, служащихъ первой основой общественной жизни. Эти союзы не только являются прототипомъ нравственнаго, умственнаго и экономическаго единенія общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ развиваютъ и воспитываютъ въ людяхъ сознаніе той взаимной солидарности ихъ, которою держится весь общественный бытъ. Семейныя чувства не безъ основанія счи-

---

[1]) См. мою „Политическую экономію въ ея новѣйшихъ направленіяхъ“. Варшава, 1900, главу VI-ю о естественныхъ законахъ народнаго хозяйства, стр. 206, 239—246 и др.

таются нѣкоторыми учеными въ своемъ родѣ термометрами сознанія нашихъ нравственныхъ обязанностей вообще, источникомъ нашихъ идеальныхъ, альтруистическихъ стремленій [1]). Возникнувъ въ семьѣ, эти чувства переносятся потомъ и на все общество. Неудивительно поэтому, что разложеніе семьи было вездѣ началомъ упадка всего общества и государства.

Въ ученіи о рождаемости и смертности статистика знакомитъ насъ, съ какой быстротой размножается и обновляется населеніе, какъ одни поколѣнія являются на смѣну другихъ. Сопоставляя ежегодное число родившихся съ числомъ умершихъ, статистика показываетъ намъ быстроту естественнаго прироста населенія въ каждой странѣ. Различіе между отдѣльными странами въ этомъ отношеніи необыкновенно велико. Такъ въ Германіи, Швеціи съ Норвегіей, Нидерландахъ, Бельгіи и Даніи, съ начала XIX-го вѣка, населеніе въ теченіе двухъ поколѣній удвоивалось, а въ Англіи съ Шотландіей даже утроивалось. Въ нѣкоторыхъ же изъ другихъ европейскихъ странъ, какъ напр. во Франціи, съ половины XIX-го вѣка, оно почти не возрастало. Въ ней есть даже такіе департаменты и притомъ наиболѣе богатые, въ которыхъ уже болѣе полустолѣтія число жителей постоянно уменьшается, вслѣдствіе перевѣса смертности надъ рождаемостью. Такое, хотя и медленное, но постоянное вымираніе населенія Франціи въ провинціяхъ, поставленныхъ въ лучшія, въ сравненіи съ другими, условія жизни, вызываетъ столь всеобщую тревогу среди французскихъ публицистовъ, что въ настоящее время возникла цѣлая литература, посвященная выясненію причинъ этого поразительнаго явленія. Французскіе патріоты съ ужасомъ указываютъ на болѣе серіозныя послѣдствія этого, чѣмъ дѣйствіе самыхъ опустошительныхъ войнъ и эпидемій. Такія бѣдствія поражаютъ только отдѣльныя поколѣнія, но не угрожаютъ существованію цѣлаго народа, подобно непрерывному уменьшенію населенія, особенно при постоянномъ возрастаніи его у сосѣднихъ народовъ. Предлагаются всевозможныя мѣ-

---

[1]) См. напр. *Функъ Брентано,* La civilisation et ses lois, morale sociale, Paris, 1876 г. и *Гефдингъ*, Этика или наука о нравственности, р. п. Спб. 1898, стр. 155.

ры, какими государственная власть могла бы повліять на усиленіе рождаемости въ своей странѣ: выдача премій лицамъ многочисленныхъ семей, что отчасти принято уже французскимъ законодательствомъ, освобожденіе такихъ семей отъ податей и переложеніе податной тягости не только на холостыхъ людей, но даже и на бездѣтныя семьи. Нѣкоторые же изъ французскихъ демографовъ идутъ еще дальше этого. Они проектируютъ лишать этихъ лицъ и семьи права наслѣдованія, а у имѣющихъ не болѣе одного ребенка предлагаютъ конфисковать половину всякаго, получаемаго по наслѣдству имущества. Такого рода взгляды проводятся напр. въ статьѣ извѣстнаго французскаго статистика *Бертилліона* „Le problème de la population", напечатанной въ „Revue politique et parlamentaire" за 1897 годъ и переведенной два года спустя на русскій языкъ подъ заглавіемъ „Вымираніе французскаго народа, Finis Galliae"! Съ неменьшей тревогой относится къ тому же вопросу французскій ученый *Надальякъ* въ цѣломъ рядѣ своихъ произведеній, необыкновенно краснорѣчиво и увлекательно написанныхъ, изъ которыхъ главное—„Affaiblissement de la natalité en France, ses causes et ses conséquences", вышло вторымъ изданіемъ въ 1886 г. Чтобы обратить общее вниманіе на этотъ вопросъ, четыре года спустя онъ печатаетъ новое сочиненіе подъ грознымъ заглавіемъ „Le péril national". Подъ такимъ же заглавіемъ появляются сочиненія *Frary* (1881) и *Tourneur*'а (1896). Но на этомъ французскіе патріоты не успокоиваются и одинъ изъ нихъ (*Nadaillac*) печатаетъ новый трудъ подъ еще болѣе тревожнымъ заглавіемъ: „Un cri d'alarme" (1894). Другіе ученые—*Dumont* и извѣстный всѣмъ соціологъ *Тардъ*, ставятъ вымираніе французскаго населенія въ связь со всѣмъ ходомъ цивилизаціи и посвящаютъ этому вопросу особыя сочиненія [1]). Даже изящная

---

[1]) *Dumont.* Dépopulation et civilisation. Paris, 1890, и подъ тѣмъ же заглавіемъ *Тарда.* Lyon, 1892. Первый изъ нихъ не только рекомендуетъ полное воспрещеніе монашеской жизни (стр. 567), но даже ставитъ вопросъ о замѣнѣ во Франціи католическаго вѣроисповѣданія протестантскимъ (стр. 354), отдавая, впрочемъ, еще боль-

литература Франціи въ лицѣ одного изъ своихъ наиболѣе выдающихся представителей, *Зола*, вноситъ свой вкладъ въ разрѣшеніе этого вопроса романомъ „Fécondité“.

Вопросъ этотъ становится предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій и въ нѣмецкой литературѣ, какъ это можно видѣть изъ обстоятельнаго труда преподавателя Цюрихскаго университета *Гольдштейна* [1]). Тотъ же вопросъ разсматривается и въ общихъ статистическихъ трудахъ германскихъ профессоровъ. Но здѣсь онъ получаетъ совершенно другую окраску и то, что кажется французскимъ ученымъ величайшимъ бѣдствіемъ для страны, признается германскими учеными, напротивъ, желательнымъ явленіемъ даже и для Германіи. Слишкомъ быстрый приростъ числа жителей послѣдней, которому такъ завидуетъ Франція, имъ кажется, напротивъ, явленіемъ крайне прискорбнымъ, ведущимъ Германію къ такому же нравственному, экономическому и политическому упадку, какой уже наступилъ въ Англіи, какъ это лучше всего обнаружилось, говорятъ они, въ войнѣ съ южно-африканскими, боэрскими республиками [2]). Какъ французскихъ патріотовъ огорчаетъ слишкомъ медленное увеличеніе числа населенія ихъ страны, такъ германскихъ тревожитъ черезчуръ быстрое возрастаніе его. Одинъ изъ нихъ, извѣстный публицистъ *Геффкенъ*, въ статьѣ, напеча-

---

шее предпочтеніе религіи евреевъ, какъ наиболѣе поощряющей большую размножаемость населенія (стр. 352).

[1]) *Goldstein.* Bevölkerungsprobleme und Berufsgliederung Frankreichs. Berlin, 1900.

[2]) См. *Ad. Wagner.* Agrar-und Industriestaat. Die Kehrseite des Industriestaats, Berlin, 1902. Вопросу о печальныхъ послѣдствіяхъ перенаселенія въ Англіи посвященъ также спеціальный трудъ нѣмецкаго ученаго *Шиппеля*, переведенный недавно на русскій языкъ со втораго изданія его подъ заглавіемъ: „Современная бѣдность и современное перенаселеніе.“ Спб., 1902 г. Къ сожалѣнію, въ немъ не видно той серіозной переработки 1-го изданія, какую обѣщаетъ авторъ въ своемъ предисловіи, почему его трудъ является значительно устарѣвшимъ, не идущимъ, по сообщаемымъ въ немъ статистическимъ цифрамъ, дальше 1880-го года.

танной имъ въ началѣ 1880 годовъ, называетъ Германію страной самой богатой дѣтьми въ мірѣ (Kinderreichste Land der Welt), ставя отъ этого въ зависимость указываемое имъ нравственное и умственное разложеніе ея. Первую причину слишкомъ быстраго возрастанія съ 1870-хъ годовъ населенія Германіи Геффкенъ видитъ въ отмѣнѣ законовъ, ограничивавшихъ свободу вступленія въ бракъ лицамъ бѣднѣйшихъ классовъ. Прежде въ Баваріи, Виртембергѣ, Баденѣ, Гессенъ-Дармштатѣ, Ганноверѣ и въ другихъ мелкихъ германскихъ государствахъ браки разрѣшались только людямъ, могущимъ доказать, что они заработываютъ достаточныя средства для содержанія вновь основываемыхъ ими семей, или обладающимъ извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ. Кромѣ того, положительно воспрещалось вступать въ бракъ людямъ, живущимъ общественной благотворительностью или извѣстнымъ своей праздностью, мотовствомъ, разгульной жизнью, пьянствомъ, а также преступникамъ [1]). Еще большее вліяніе на чрезмѣрную размножаемость населенія Германіи Геффкенъ приписываетъ закону 1871 года, возлагающему на общество обязанность содержанія бѣдныхъ семей и воспитанія ихъ дѣтей. Вслѣдствіе этого, по его мнѣнію, съ начала 1870-хъ годовъ люди, неимѣющіе средствъ для собственнаго существованія, стали смѣло вступать въ бракъ, зная, что вся тяжесть содержанія ихъ потомства ляжетъ не на нихъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этого былъ не только быстрый приростъ населенія, но въ то же время еще болѣе быстрое размноженіе бѣдныхъ. Нищенство и бродяжничество сдѣлались съ этого времени въ Германіи, по словамъ Геффкена, всеобщимъ бѣдствіемъ (Plag). Бремя по содержанію неимущихъ стало все болѣе возрастать, какъ равно и число лицъ, освобождаемыхъ отъ уплаты податей, вслѣдствіе минимальныхъ размѣровъ дохода, получаемаго ими для своего содержанія. Результатомъ развитія пауперизма въ странѣ явилось столь сильное паденіе нравственности, что число преступниковъ,

---

[1]) См. *Elster*. Bevölkerungswesen въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, томъ 2-й. Jena, 1899, стр. 737—740.

осужденныхъ судами присяжныхъ, удвоилось, число арестантовъ, содержимыхъ въ домахъ предварительнаго заключенія, увеличилось на 80%[1]).

Другой еще болѣе выдающійся изъ германскихъ ученыхъ, извѣстный статистикъ *Рюмелинъ*, писавшій около того же времени, идетъ еще далѣе въ своихъ опасеніяхъ за будущность Германіи, вслѣдствіе большой рождаемости въ ней. Онъ возмущается тѣмъ, что германское законодательство предоставило легкомыслію или пылкости чувствъ влюбленныхъ право возлагать тяжелое бремя на все общество по содержанію ихъ потомства. При этомъ онъ ссылается на мнѣніе Платона и Аристотеля, которые въ слишкомъ большомъ приростѣ населенія видѣли причину быстраго обѣднѣнія общества, отдающаго государство въ добычу сначала пролетаріевъ, а потомъ диктатора, и предсказываетъ неизбѣжность самыхъ тяжкихъ катастрофъ для Германіи, если населеніе будетъ продолжать размножаться съ такой же быстротой, какъ это было въ 1870-хъ годахъ. „Наши государственные люди, публицисты и экономисты, говоритъ онъ, не должны долѣе замалчивать этого вопроса, но подвергнуть его серіозному изслѣдованію“ [2]).

---

[1]) См. *Geffken*. Bevölkerungspolitik, Auswanderung und Colonisation во 2-мъ томѣ Handbuch der politischen Oekonomie *Шенберга*. Tübingen. 1886. Фактъ необыкновенно большаго развитія въ Германіи бродяжничества и нищенства (Wanderbetelei) и даже увеличенія въ три раза числа лицъ, содержимыхъ въ исправительныхъ заведеніяхъ, въ періодъ отъ 1874 по 1883 годъ, констатируетъ также другой германскій ученый *Мюнстербергъ*, но онъ объясняетъ это нѣсколько иными причинами, чѣмъ Геффкенъ. См. *Münsterberg*, Wanderarbeitsstätten въ Handw. d. Staatswissenschaften Конрада, Jena 1901, томъ VII-й стр. 615.

[2]) См. *Rumelin*. Zur Uebervölkerungsfrage въ его Reden und Aufsätze—Neue Folge. Freiburg und Tübingen, изд. 2-е (1881), т. II, стр. 568 и слѣд. *Его же* Die Bevölkerungslehre въ Шенберга Handbuch d. pol. Oekonomie, изд. 1890 г. стр. 723 и слѣд. Срвн. *Ichenhaeuser*. Ein Beitrag zuz Uebervölkerungsfrage, Berlin, 1888. *Cohn*. Volkswirtschaftliche Aufsätze. Stuttgart, 1882 и *его же* System der Nationalokönomie, 1885. *Schmoller* въ Landwirtschaftlichen Jahrbücher Тиля. томъ XI, Berlin, 1882. *Conrad*, Grundriss zum Studium

Но послѣ громадныхъ, небывалыхъ до тѣхъ поръ размѣровъ, какіе приняла заатлантическая эмиграція въ 1880-хъ годахъ, въ Германіи исчезли тѣ печальныя послѣдствія перенаселенія, на которыя обращали вниманіе только что указанные ученые. Тѣмъ не менѣе, грозный призракъ перенаселенія такъ напугалъ нѣкоторыхъ изъ германскихъ ученыхъ, что еще недавно появился вторымъ изданіемъ трудъ профессора Берлинскаго университета Вагнера, въ которомъ онъ не задумывается рекомендовать правительству вызвать искусственное вздорожаніе хлѣба въ странѣ путемъ поднятія таможенныхъ пошлинъ на иностранный хлѣбъ. Этимъ путемъ онъ надѣется скорѣе всего задержать слишкомъ быстрый приростъ населенія въ Германіи.

Въ своихъ пессимистическихъ взглядахъ на послѣдствія перенаселенія онъ доходитъ до признанія цѣлесообразнымъ и для нашего времени безчеловѣчнаго законодательства древней Спарты и нынѣшняго Китая къ уменьшенію нарождающихся поколѣній, малоспособныхъ къ труду, если бы только оно, какъ онъ самъ замѣчаетъ, не противорѣчило всѣмъ гуманнымъ чувствамъ и христіанскимъ понятіямъ новѣйшихъ народовъ. Даже въ успѣхахъ общественной гигіены, которыми гордится наука и современная цивилизація, проф. Вагнеръ видитъ своего рода тёмную сторону: благодаря этимъ успѣхамъ уменьшается, говоритъ онъ, смертность дѣтей и стариковъ, что увеличиваетъ бремя, лежащее на народномъ хозяйствѣ по содержанію этой слабѣйшей части населенія [1]).

---

der politischen Oekonomie, 1-ю и особенно 2-ю части, Jena, 1898. Краткій обзоръ мнѣній германскихъ экономистовъ и статистиковъ по этому вопросу, какъ равно и противоположныхъ имъ мнѣній французскихъ писателей, можно найти въ книгѣ проф. Неаполитанскаго университета *Нитти* „Народонаселеніе и общественный строй“, русск. переводъ, Спб. 1898 г.

[1]) Prof. *Ad. Wagner.* Agrar-und Industriestaat. Die Kehrseite des Industriestaats und die Rechtfertigung agrarischen Zollschutzes mit besonderer Rücksicht auf die Bevölkerungsfrage. Berlin, 1902, стр 74—75, 222 и др. Нельзя не замѣтить значительнаго сходства взглядовъ проф. Вагнера на вопросъ о перенаселеніи съ высказанными

Трудно такимъ образомъ сказать, какіе статистики—французскіе или германскіе, превосходятъ другъ друга въ своихъ опасеніяхъ предъ послѣдствіями тѣхъ крайностей, которыми отличаются ихъ страны въ движеніи населенія. Какъ ни преувеличенными кажутся, со стороны, эти опасенія, тѣмъ не менѣе они показываютъ, насколько жизненнымъ является вопросъ о значеніи рождаемости, смертности и приростѣ населенія, и какую первостепенную важность онъ представляетъ по своимъ послѣдствіямъ для культурнаго развитія западно-европейскихъ народовъ. Но однихъ ли только этихъ народовъ? Всей Россіи, съ ея громадными, слишкомъ слабо заселенными пространствами въ Азіи, пока нѣтъ, конечно, основаній опасаться перенаселенія. Но въ нѣкоторыхъ частяхъ ея этотъ вопросъ стоитъ уже на очереди. Онъ сильнѣе всего стучится въ двери Привислинскаго края и принадлежитъ въ немъ къ числу жгучихъ вопросовъ дня. По средней густотѣ своего населенія этотъ край далеко превышаетъ остальную Имперію. Изъ 50 губерній Европейской Россіи не найдется даже пяти, которыя по населенности могли бы сравняться съ губерніями Царства Польскаго. Послѣднія превосходятъ въ этомъ отношеніи, хотя и въ меньшей степени, также всѣ сосѣднія провинціи Пруссіи, за исключеніемъ одной только Силезіи, высоко развитой въ промышленномъ отношеніи. Мало того, онѣ превышаютъ плотностью своего населенія даже страну, стоявшую въ теченіе столькихъ вѣковъ во главѣ культурнаго развитія всей континентальной Европы,—Францію. Къ сожалѣнію, здѣшній край уступаетъ всѣмъ этимъ странамъ по уровню развитія фабрично-заводской промышленности, а Россіи—главнымъ образомъ по слабому развитію кустарныхъ промысловъ. Вслѣдствіе этого онъ не можетъ не отличаться отъ всѣхъ ихъ значитель-

---

еще въ 1840-хъ годахъ *Кетле,* который если и не доходилъ до подобныхъ же нападокъ на успѣхи врачебнаго искусства, то только потому, что не допускалъ вліянія ихъ на увеличеніе числа живущихъ, ограничивая пользу этого искусства избавленіемъ людей отъ многихъ страданій. См. *Кетле* „Соціальная система и законы, ею управляющіе“, р. п. Спб. 1866. стр. 169—179 и 194 — 198.

нымъ избыткомъ рабочаго населенія, ненаходящаго себѣ достаточныхъ занятій ни въ сельскомъ хозяйствѣ, ни въ промышленности. Предложеніе рабочихъ рукъ превышаетъ здѣсь спросъ на нихъ; результатомъ этого является такая низкая заработная плата, подобной которой не знаютъ не только перечисленныя мною заграничныя страны, но даже и большинство губерній остальной Россіи. Это не можетъ не обусловливать болѣе дурнаго питанія населенія, чѣмъ въ остальной Россіи, особенно при относительно болѣе высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ [1]). Кромѣ этихъ признаковъ перенаселенія есть и другіе: необычайно высокія цѣны на землю, встрѣчающіяся въ немногихъ изъ другихъ губерній Россіи, слишкомъ высокая плата за выпасъ скота [2]) и слишкомъ большое количество безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ [3]), отчего въ свою очередь зависитъ почти вдвое большая имущественная преступность здѣшняго населенія по сравненію съ остальной Россіей, за исключеніемъ Остзейскаго края [4]). Въ этомъ отношеніи здѣшній край и Остзейскій рѣзко выдѣляются изъ другихъ частей Россіи, какъ по имущественной преступности, такъ и по количеству сельского пролетаріата [5]).

Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить значительнаго поворота къ лучшему въ послѣднее время. Наступленіе земледѣльческаго кризиса, общаго краю со всей западной Европой, сильно понизило цѣны на землю и сдѣлало пріобрѣтеніе ея болѣе доступнымъ безземельному и малоземельному населенію [6]). Переходъ

---

[1]) См. V-й и IX-й выпуски „Трудовъ Варшавскаго Статистическаго Комитета“ по сравнительной статистикѣ заработковъ и продовольствія населенія въ десяти губерніяхъ Царства Польскаго.

[2]) Idem.

[3]) См. XIV-й выпускъ тѣхъ же „Трудовъ“ о числѣ безземельныхъ крестьянъ въ 10 губерніяхъ края.

[4]) См. XVII-й выпускъ тѣхъ же „Трудовъ“, стр. 14, а также *Тарновскаго* „Итоги уголовной статистики за послѣднее двадцатилѣтіе“ (1874—1894). Спб. 1900, стр. 133.

[5]) См. *Симоненко*. Объ экономическомъ и общественномъ значеніи крестьянскаго землевладѣнія и размѣровъ его. Варшава, 1901, стр. 14.

[6]) Idem, стр. 5.

сельского пролетаріата въ положеніе земельныхъ собственниковъ еще болѣе облегчился съ распространеніемъ на здѣшній край дѣйствій Крестьянскаго Поземельнаго Банка, ссужающаго крестьянамъ деньги на покупку земель у помѣщиковъ. Это не могло не повліять благотворно на благосостояніе сельского населенія. Сильная заатлантическая эмиграція въ 1880-хъ годахъ, по размѣрамъ которой нѣкоторыя изъ губерній, какъ напр. Сувалкская и Плоцкая, не уступали сосѣднимъ провинціямъ Пруссіи, повліяла на уменьшеніе предложенія рабочихъ рукъ и повышеніе въ послѣднее десятилѣтіе заработной платы во всѣхъ сосѣднихъ съ Пруссіей губерніяхъ. Этому еще болѣе содѣйствовало столь сильное уменьшеніе сельского населенія въ Пруссіи, вслѣдствіе той же эмиграціи въ 1880-хъ годахъ, что въ настоящее время германскіе помѣщики не могутъ обходиться безъ помощи польскихъ крестьянъ. Послѣдніе уходятъ за границу ежегодно массами на временные заработки и приносятъ домой милліоны рублей своихъ сбереженій. Эти деньги идутъ затѣмъ на улучшеніе ихъ питанія, жилищъ, на расширеніе ихъ поземельной собственности, увеличеніе живого и мертваго инвентаря ихъ усадьбъ и проч. Благопріятнымъ признакомъ слѣдуетъ считать также нѣкоторое уменьшеніе за послѣдніе годы имущественной преступности по сравненію съ предшествующими годами и очень большое сокращеніе размѣровъ заатлантической эмиграціи, уменьшившейся въ 2 и болѣе разъ.

Быстрота прироста населенія каждой страны зависитъ не только отъ разницы между числомъ ежегодно рождающихся и умирающихъ, но также и отъ различія размѣровъ выселенія изъ страны и переселеній въ нее. Вопросъ объ эмиграціи представляетъ большой интересъ не только вслѣдствіе значительнаго вліянія ея на замедленіе возрастанія народонаселенія тѣхъ странъ, откуда она направляется, но еще болѣе потому, что большія размѣры ея служатъ лучшей иллюстраціей темныхъ сторонъ общественнаго и экономическаго быта этихъ странъ.

Свѣдѣніями объ эмиграціи заканчивается I-я часть статистической науки, извѣстная подъ именемъ „Ученія о движеніи населенія“. Въ ней разсматриваются всѣ измѣненія въ соста-

вѣ населенія различныхъ странъ, происходящія какъ отъ чисто естественныхъ причинъ рожденія и смерти, такъ и отъ соціальныхъ условій, вызывающихъ эмиграцію.

Не меньшій интересъ представляетъ и вторая часть статистики — ученіе о *состояніи* населенія. Оно даетъ намъ возможность разсмотрѣть составъ населенія каждой страны какъ въ физическомъ, такъ въ государственномъ, общественномъ, экономическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Въ физическомъ отношеніи оно характеризуетъ его распредѣленіемъ по полу, возрасту и физическимъ недостаткамъ. Различія между отдѣльными странами въ этомъ отношеніи довольно значительны. Въ однѣхъ изъ нихъ преобладаетъ своею численностью женскій полъ, въ другихъ—мужской; въ однѣхъ — лица болѣе старшихъ возрастовъ, въ другихъ болѣе младшихъ. Но особенно велики различія странъ по такимъ физическимъ недостаткамъ населенія, какъ слѣпота, глухонѣмота, слабоуміе, различнаго рода уродства и тяжелыя хроническія болѣзни. Замѣчательнѣе всего то, что эти различія зависятъ не столько отъ физіологическихъ законовъ человѣческаго организма, сколько отъ тѣхъ соціальныхъ условій, въ которыя поставлены жители каждой страны.

Эти физическія различія состава населенія не могутъ не имѣть значенія для государственной и общественной жизни народовъ. Если отъ общаго числа жителей каждаго государства зависитъ его политическое вліяніе и военная сила, то возрастными отношеніями и распредѣленіемъ населенія по полу опредѣляется процентъ лицъ, участвующихъ въ главнѣйшихъ отправленіяхъ государственной и общественной жизни. Отъ этихъ различій зависятъ въ значительной степени не только производительныя силы каждой стравы, т. е. число лицъ, способныхъ къ труду, но и оборонительныя силы ея. Въ то время какъ, напр., въ Россіи и Германіи изъ 100 лицъ, подлежащихъ воинской повинности, въ среднемъ около 20 лицъ оказывается неспособными къ отбыванію ея, вслѣдствіе различныхъ хроническихъ болѣзней и физическихъ недостатковъ, во Франціи свыше 30,

въ Австріи и Италіи эта пропорція достигаетъ 50 человѣкъ на 100 и даже свыше половины всего взрослаго мужскаго населенія.

Въ политическомъ отношеніи придается также большое значеніе степени національнаго и вѣроисповѣднаго объединенія жителей. Статистическая наука не только сообщаетъ свѣдѣнія о религіозномъ и племенномъ составѣ населенія каждой страны, но даетъ возможность, опираясь на цифровыя данныя, выяснить, имѣютъ ли различія въ этомъ составѣ вліяніе, и какое именно, на успѣхи народной нравственности и всей культуры. Безъ содѣйствія статистики приходится, при рѣшеніи этихъ вопросовъ, витать въ области однихъ только бездоказательныхъ предположеній и субъективныхъ чувствъ, переходящихъ нерѣдко въ страстныя увлеченія, неимѣющія ничего общаго съ объективнымъ, научнымъ изслѣдованіемъ.

Но особенно важныя услуги оказываетъ статистическая наука въ выясненіи всего общественнаго и экономическаго строя жизни современныхъ намъ государствъ. Она указываетъ на степень средней плотности или густоты населенія, имѣющей большое вліяніе на средства существованія его и знакомитъ съ характеромъ распредѣленія жителей по городамъ и сёламъ, отъ котораго зависятъ въ большой степени не только успѣхи производства цѣнностей и умственнаго развитія, но и состояніе народной нравственности. Въ ней же сообщаются цифровыя данныя о томъ, какъ населеніе каждой страны организовало у себя трудъ по обезпеченію себя во всѣхъ необходимыхъ для него продуктахъ и услугахъ, указывается какой процентъ всего числа жителей посвящаетъ себя производству сырыхъ продуктовъ сельскаго хозяйства, какой горнозаводству, фабрично-заводской, ремесленной, торговой дѣятельности, какой государственной службѣ и оказанію различнаго рода нематеріальныхъ услугъ въ ученой, педагогической, религіозной и другихъ видахъ дѣятельности. Знакомя съ раздѣленіемъ труда во всемъ обществѣ, т. е. съ распредѣленіемъ населенія по профессіямъ, статистическая наука тѣмъ самымъ даетъ возможность понять сущность всего общественнаго организма и главное условіе, отъ котораго зависитъ степень производительности труда, а слѣдо-

вательно количество создаваемаго народомъ богатства и большая часть культурныхъ успѣховъ человѣчества [1]).

Само по себѣ количество ежегодно производимыхъ богатствъ въ каждой странѣ не характеризуетъ еще степени благосостоянія жителей ея. Въ этомъ отношеніи важно знать самый способъ распредѣленія этихъ богатствъ между отдѣльными классами общества. Статистика знакомитъ насъ и съ этимъ, сообщая, какой процентъ населенія состоитъ изъ поземельныхъ собственниковъ крупныхъ, среднихъ, малыхъ и самыхъ мелкихъ,—владѣльцевъ такъ наз. „карликовыхъ хозяйствъ", въ которыхъ доходъ отъ земли не обезпечиваетъ средствъ существованія. Подобнымъ образомъ всѣ лица, занимающіяся промышленностью, распредѣляются статистикой на владѣльцевъ фабрикъ, заводовъ, ремесленныхъ, торговыхъ и другихъ заведеній. Вмѣстѣ съ этимъ дается понятіе о количествѣ населенія, которое не ведетъ никакихъ самостоятельныхъ предпріятій, существуя однимъ только вознагражденіемъ за свой трудъ, а также о средней величинѣ вознагражденія въ различныхъ отрасляхъ производства каждой страны.

Для характеристики того же уровня благосостоянія большинства жителей статистика знакомитъ насъ съ тѣмъ, насколько доступны ему главныя жизненныя удобства, начиная съ жилищъ и кончая пищей. Она указываетъ общую цифру жилыхъ зданій въ странѣ и среднюю населенность ихъ. Для главныхъ же европейскихъ городовъ даются даже свѣдѣнія о количествѣ семействъ, занимающихъ по одной, по двѣ, по три и болѣе комнатъ. Подробности доходятъ до знанія средняго числа жильцовъ на комнату. Все это даетъ возможность судить о степени зажиточности или бѣдности населенія главныхъ городовъ, служащихъ центрами европейской цивилизаціи. Точно также, судя по цифрѣ косвенныхъ налоговъ на предметы потребленія и по разнымъ другимъ признакамъ, статистика выясняетъ количество

---

[1]) См. мое сочиненіе „Государство, общество и право, съ точки зрѣнія законовъ народнаго хозяйства", томъ II-й, Варшава, 1872, гл. 1-ю: Раздѣленіе труда, какъ основаніе общественнаго организма. Срвн. *Дюркгеймъ*. Раздѣленіе общественнаго труда. р. и. Одесса, 1900.

потребляемыхъ въ среднемъ выводѣ на жителя хлѣба, мяса, спиртныхъ напитковъ, колоніальныхъ продуктовъ и предметовъ роскоши.

Интересуется ли кто уровнемъ образованія, доступнаго населенію,—статистика сообщаетъ ему свѣдѣнія о количествѣ низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ каждой странѣ, о числѣ учащихся въ нихъ, о количествѣ грамотнаго и неграмотнаго населенія, о числѣ выходящихъ ежегодно въ странѣ журналовъ, газетъ и книгъ, количествѣ писемъ, посылаемыхъ по почтѣ и проч.

Для опредѣленія уровня народной нравственности данной страны тоже приходится обратиться къ статистикѣ. Здѣсь цифры нарисуютъ намъ яркую картину степени деморализаціи населенія, выражающейся въ количествѣ ежегодно совершаемыхъ различнаго рода преступленій. А распредѣленіе преступниковъ по полу, возрасту, видамъ занятій, степени бѣдности и уровню образованія выяснитъ намъ главныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ совершаются эти преступленія. Число же самоубійствъ, сумашествій, незаконныхъ рожденій, разводовъ, проститутокъ и проч. еще болѣе дастъ намъ возможность составить правильное представленіе о нравственномъ уровнѣ населенія изучаемой страны.

Ученіе о состояніи и движеніи населенія говоритъ только о людяхъ и ихъ дѣятельности, а не о самыхъ результатахъ этой дѣятельности въ тѣхъ разнообразныхъ продуктахъ, которые создаются ими для удовлетворенія своихъ нуждъ. Это разсматривается въ спеціальныхъ отдѣлахъ статистики о сельскомъ хозяйствѣ, горнозаводствѣ, всѣхъ видахъ фабрично-заводскаго производства, путяхъ сообщенія, торговыхъ оборотахъ и проч. Спеціальныя части статистики обыкновенно не составляютъ предмета университетскаго преподаванія, которое ограничивается статистикой населенія, какъ представляющей наибольшій интересъ. Послѣдняя находится въ ближайшей связи съ другими общественными науками и притомъ наиболѣе разработана въ научномъ отношеніи. Но спеціальныя части статистики входятъ въ число предметовъ преподаванія сельско-хозяйственныхъ академій, по-

литехникъ, коммерческихъ училищъ и другихъ техническихъ учебныхъ заведеній. Кромѣ того ими пользуется въ извѣстной степени экономическая наука, такъ какъ всѣ ея заключенія опираются большею частью на цифровой, статистическій матеріалъ.

Такимъ образомъ статистическая наука располагаетъ массой цифровыхъ свѣдѣній о всѣхъ сторонахъ общественнаго быта. Излагая ихъ систематично, въ обработанномъ надлежащимъ образомъ видѣ, она знакомитъ насъ со всѣми отправленіями общественной жизни, выясняя какъ ихъ правильный, такъ и болѣзненный ходъ. Она является въ своемъ родѣ фонэндоскопомъ, для опредѣленія силы и качества тоновъ біеній сердца общественнаго организма, по которымъ можно судить о нормальномъ или болѣзненномъ состояніи его. Но для того, чтобы статистика могла имѣть такое значеніе, надо умѣть пользоваться ея данными, чему она также учитъ.

Мы намѣтили пока только объемъ статистической науки, главные предметы ея содержанія, но не способъ разсмотрѣнія и освѣщенія ихъ взаимнаго вліянія. Статистика, въ ея современномъ значеніи, не ограничивается только простымъ изображеніемъ состоянія и движенія общественной жизни, а стремится въ тоже время выяснить причины, отъ которыхъ зависитъ то и другое. Это дѣлаетъ она тѣмъ путемъ, который впервые былъ выясненъ блестящимъ образомъ основателемъ позитивной философіи *О. Контомъ*. Онъ указалъ, что въ общественной жизни господствуетъ объективный порядокъ сосуществованія и послѣдовательности явленій. При такомъ порядкѣ ни одинъ фактъ, добытый наблюденіемъ, не имѣетъ самостоятельнаго значенія, но получаетъ научный смыслъ только тогда, когда поставленъ въ правильное соотношеніе съ другими одновременно или послѣдовательно существующими явленіями [1]). Исходя изъ сознанія тѣсной солидарности между всѣми явленіями обще-

---

[1]) См. *Симоненко*. Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ. Варшава, 1900, стр. 51—65 и проф. *Янсона*. Теорія статистики, Спб. 1887, стр. 23—24.

ственной жизни, статистика стремится раскрыть причины этихъ явленій путемъ сопоставленія цифровыхъ данныхъ, характеризующихъ различныя стороны общественной жизни.

Общество есть въ своемъ родѣ организмъ, въ которомъ всѣ главныя жизненныя отправленія находятся въ тѣсной зависимости другъ отъ друга; изъ нихъ каждое является одновременно и причиной и слѣдствіемъ другихъ. Такъ, процвѣтаніе промышленности и торговли невозможно безъ личной и имущественной безопасности, обезпечиваемой государствомъ; но матеріальныя средства, въ которыхъ нуждается послѣднее, чтобы содержать войска, полицію, суды, въ свою очередь зависятъ отъ успѣховъ народнаго богатства. „Бѣденъ народъ — бѣдно и государство", говорилъ еще Генрихъ IV-й. Точно также успѣхи умственнаго и нравственнаго развитія населенія зависятъ отъ успѣховъ его матеріальнаго благосостоянія, такъ какъ послѣднее даетъ ему возможность развивать себя умственно и не падать нравственно подъ бременемъ слишкомъ тяжелыхъ условій жизни. Высокій уровень умственнаго и нравственнаго развитія населенія въ свою очередь является первымъ условіемъ матеріальнаго благосостоянія. Безъ успѣховъ знаній вообще и техническихъ въ особенности не могутъ развиваться ни сельское хозяйство, ни промышленность, ни торговля. Они обязаны своими успѣхами агрономіи, технологіи, химіи, физикѣ, механикѣ и другимъ наукамъ. Въ неменьшей степени весь экономическій и государственный прогрессъ зависитъ отъ высокаго уровня народной нравственности, недопускающаго эксплоатаціи однихъ классовъ общества другими и опирающаго всѣ промышленныя и торговыя сдѣлки на честность и взаимное довѣріе вступающихъ въ нихъ сторонъ. Въ подобной же взаимной зависимости находятся и всѣ другія явленія общественной жизни, изучаемыя статистикой.

Если въ такой тѣсной, органической связи и взаимодѣйствіи находятся всѣ стороны жизни, входящія въ область статистической науки, всѣ явленія изучаемыя ею, то понятно, въ какой степени даже простое сопоставленіе статистическихъ цифръ можетъ вести къ выясненію причинъ интересующихъ насъ общественныхъ явленій. Съ другой стороны, становится не ме-

нѣе яснымъ, насколько ошибочными и несогласными съ дѣйствительностью бываютъ почти неизбѣжно мнѣнія, сложившіяся безъ знакомства съ статистическими данными, характеризующими различныя стороны общественнаго быта въ ихъ органической связи и взаимодѣйствіи. Такъ напр., долгое время общераспространеннымъ мнѣніемъ о причинахъ необычайно большихъ размѣровъ заатлантической эмиграціи изъ Германіи и ея Drang nach Osten служило предположеніе о слишкомъ большой густотѣ населенія ея. Число жителей, говорили, растетъ въ Германіи слишкомъ быстро; имъ тѣсно жить у себя дома, потому volens nolens эта страна поставлена въ необходимость или отдавать избытки своего населенія чуждымъ ей странамъ, или раздвигать свои предѣлы на востокъ, западъ и югъ. Завоевательная политика для Германіи предсказывалась такимъ образомъ какъ бы неизбѣжною. Но соображенія эти рушатся при первомъ же сопоставленіи статистическихъ цифръ, характеризующихъ степень густоты населенія различныхъ частей Германіи и размѣры эмиграціи изъ нихъ. Самымъ густымъ населеніемъ отличаются: Саксонское королевство, Прирейнская Пруссія и Вестфалія; между тѣмъ изъ нихъ идетъ самая незначительная эмиграція. Наоборотъ, слабѣе всѣхъ населенными частями Германіи являются Мекленбургскія герцогства и восточныя провинціи Пруссіи; несмотря на это, изъ нихъ до сихъ поръ направлялись главные потоки заатлантической эмиграціи. Ясно, что густота населенія тутъ ни при чемъ, а существуютъ какія то другія обстоятельства, побуждающія жителей Германіи ежегодно десятками и даже сотнями тысячъ покидать свою родину. При дальнѣйшемъ сопоставленіи размѣровъ эмиграціи съ цифровыми данными, характеризующими другія стороны общественнаго быта той же страны, эти обстоятельства легко выступаютъ на видъ. Статистика нѣмецкой эмиграціи показываетъ, что главное участіе въ ней принимаетъ сельское земледѣльческое населеніе. Это заставляетъ искать главныхъ причинъ ея въ неудовлетворительныхъ аграрныхъ условіяхъ жизни этого населенія. Самымъ важнымъ изъ такихъ условій служитъ степень доступности для него обладанія поземельной собственностью, этимъ гла-

внымъ источникомъ его благостоянія. Сопоставивъ размѣры эмиграціи изъ различныхъ частей Германіи съ этимъ основнымъ условіемъ благосостоянія сельскаго населенія въ тѣхъ же частяхъ ея, увидимъ, что самая большая эмиграція идетъ изъ тѣхъ провинцій, которые отличаются наибольшимъ преобладаніемъ крупной поземельной собственности, малой доступностью землевладѣнія для большинства сельскаго населенія, слишкомъ большимъ количествомъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ. Эти обстоятельства вызываютъ черезчуръ большое предложеніе рабочихъ рукъ, которое понижаетъ заработную плату до ея минимальнаго уровня. Такими условіями наиболѣе отличаются восточныя части Пруссіи и Мекленбургскія герцогства. Это страны самаго большаго преобладанія крупнаго землевладѣнія, при которомъ переходъ безземельныхъ крестьянъ въ состояніе земельныхъ собственниковъ почти невозможенъ. Неудивительно поэтому, что отсюда главнымъ образомъ крестьяне выселяются въ Америку, гдѣ масса незаселенныхъ пространствъ и высокая заработная плата даютъ каждому трудолюбивому и бережливому рабочему возможность сдѣлаться поземельнымъ собственникомъ [1]). Наоборотъ, въ западныхъ частяхъ Пруссіи эмиграція потому именно и слаба, что это страны, въ которыхъ наиболѣе развита малая поземельная собственность, обезпечивающая благосостояніе большинству сельскаго населенія.

Низкая заработная плата въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи побуждаетъ сельское рабочее населеніе искать также лучшихъ заработковъ въ городахъ и въ другихъ центрахъ фабрично-заводской промышленности. Это обстоятельство, совмѣстно съ громадными размѣрами заатлантической эмиграціи въ 1880-хъ годахъ, привело къ такому большому уменьшенію сельскаго на-

---

[1]) Въ послѣднее время, впрочемъ, эмиграція изъ Мекленбургъ-Шверинскаго великаго герцогства уменьшилась, такъ какъ для восполненія недостатка въ рабочихъ стали съ успѣхомъ дѣлаться опыты заселенія казенныхъ земель крестьянами на правахъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ. См. *Goltz*, Landwirtschaftliche Arbeiter въ H. d. Staatsw. h. v. Conrad V, Jena, 1900, стр. 476.

селенія въ восточныхъ частяхъ Пруссіи, что теперь ни о какихъ избыткахъ въ сельскихъ рабочихъ не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ, крупные землевладѣльцы единогласно жалуются на страшное безлюдье селъ и крайнюю трудность пріисканія рабочихъ даже для самыхъ необходимыхъ полевыхъ работъ. По замѣчанію одного изъ германскихъ писателей, „нужда въ сельскихъ рабочихъ надолго не исчезнетъ изъ числа настоятельныхъ вопросовъ дня, ибо она является самой грозной тучей на горизонтѣ германскаго сельскаго хозяйства“[1]). За недостаткомъ своихъ рабочихъ помѣщики обращаются къ найму крестьянъ, приходящихъ изъ пограничныхъ съ Пруссіей губерній Царства Польскаго и изъ Галиціи. При почти вдвое большей заработной платѣ, получаемой польскими рабочими въ Германіи, по сравненію съ мѣстной, они уходятъ туда на время отъ 4 до 9 мѣсяцевъ и возвращаются домой съ сбереженіями, простирающимися, по свѣдѣніямъ, собраннымъ Варшавскимъ Статистическимъ Комитетомъ въ 1901 году, до 9 милліоновъ рублей [2]). Путешествуя лѣтомъ по Германіи, просто изумляешься, встрѣчая почти всюду польскихъ рабочихъ, успѣвшихъ по костюму такъ преобразиться, что ихъ можно отличить отъ нѣмецкихъ рабочихъ развѣ только по тѣмъ полнымъ симпатіи взглядамъ, которые они бросаютъ на встрѣчающихся имъ нашихъ путешественниковъ. Радостно прислушиваясь къ звукамъ родственной имъ славянской рѣчи, они не безъ нѣкотораго чувства гордости стараются показать свое знаніе русскаго языка, усвоенное во время отбыванія воинской повинности. Наступило то, чего менѣе всего можно было ожидать: мирное завоеваніе Германіи польскими рабочими. Теперь совершается уже не Drang nach Osten изъ Германіи, а наоборотъ, Drang nach Westen населенія губерній Царства Польскаго. Противъ такого хотя и мирнаго завоеванія германское правительство готово принять всевозможныя ре-

---

[1]) См. v. *Mendel-Steinfels.* Landwirtschafliches Vereinswesen въ V-мъ томѣ Handwörterbuch der Staatswissenschaften Конрада, Jena, 1900, стр. 520.

[2]) См. XIX-й выпускъ „Трудовъ Варш. Статист. Комитета.“

прессивныя мѣры подъ тѣмъ или другимъ благовиднымъ предлогомъ. Но польскіе рабочіе находятъ себѣ сильныхъ союзниковъ въ нѣмецкихъ помѣщикахъ, немогущихъ обходиться безъ ихъ услугъ и потому протестующихъ противъ всякихъ мѣръ, направленныхъ къ стѣсненію прилива къ нимъ рабочаго населенія изъ заграницы [1]). Уже давно германскіе землевладѣльцы не нахвалятся хорошими качествами польскихъ рабочихъ, указываютъ на ихъ трудолюбіе, быструю сообразительность и способность взяться за совершенно новыя для нихъ работы. Они отдаютъ имъ предпочтеніе въ этомъ отношеніи предъ нѣмецкими рабочими, какъ напр. въ умѣніи пользоваться новыми земледѣльческими орудіями и машинами. Еще болѣе высокимъ мнѣніемъ пользуются заграницей польскіе рабочіе въ отношеніи ихъ нравственныхъ качествъ. Тѣ же германскіе помѣщики почти единогласно отзываются съ похвалой о необыкновенно мягкомъ, кроткомъ, услужливомъ характерѣ ихъ, а также о веселомъ настроеніи духа, показывающемъ ихъ непретендательность и довольство своимъ положеніемъ. Къ числу недостатковъ польскихъ рабочихъ относятъ отсутствіе привычки къ порядку и легкомысліе. Но эти недостатки, говорятъ они, легко устраняются строгимъ надзоромъ [2]). Такого рода благопріятные отзывы въ Германіи о польскомъ рабочемъ населеніи не измѣнились и въ послѣднее время, какъ это можно видѣть напр. изъ недавней статьи

---

[1]) Проф. *Goltz* указываетъ какъ на существенно важную уступку, сдѣланную германскимъ правительствомъ настойчивымъ требованіямъ прусскихъ аграріевъ по этому вопросу,—на разрѣшеніе, котораго послѣдніе добились въ 1900 году для иностранныхъ рабочихъ оставаться въ Германіи въ теченіе почти круглаго года—отъ 1-го февраля по 20 декабря. См. статью *Гольтца* Sachsengänger въ VI-омъ томѣ Handw. d. Staatswissenschaften, стр. 483.

[2]) Необыкновенно лестные отзывы объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ польскихъ рабочихъ, разбросанные въ нѣмецкой литературѣ за время до 1880-хъ годовъ, можно найти въ книгѣ, составленной съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и знаніемъ дѣла, *Bergmann*'a Zur Geschichte der Entwickelung deutscher, polnischer und judischer Bevölkerung in der Provinz Posen seit 1824. Tübingen. 1883, стр. 303 и слѣд.

извѣстнаго знатока сельско-хозяйственныхъ отношеній въ Германіи, проф. *Гольтца*, объ отхожихъ промыслахъ [1]).

При такого рода высокихъ качествахъ польскихъ рабочихъ, мирное, культурное завоеваніе ими Германіи совершенно понятно и казалось бы не должно было вызывать ни съ чьей стороны опасеній. Между тѣмъ даже тѣ самые нѣмецкіе ученые, которые даютъ столь лестные отзывы о польскомъ рабочемъ населеніи, приходящемъ изъ заграницы, какъ напр. только что цитированный нами проф. *Гольтцъ*, съ ужасомъ смотрятъ на все возрастающій наплывъ его въ ихъ страну и видятъ въ этомъ „величайшую опасность постепенной полонизаціи германскаго востока". Имъ грезится миражъ возникновенія на почвѣ Германіи новаго польскаго государства (Polenreich). Въ доказательство этого они ссылаются на подобную полонизацію сѣверовосточной Германіи послѣ паденія тевтонскаго ордена [2]).

Полонизаціи германскаго востока способствуютъ, по мнѣнію нѣмецкихъ писателей, особенно неблагопріятныя аграрныя условія, въ которыя поставлена сѣверовосточная Пруссія. Невозможность въ ней для сельскихъ рабочихъ обзавестись на свои сбереженія собственнымъ домомъ съ клочкомъ земли и отсутствіе всякой надежды улучшить свое положеніе въ будущемъ побуждаютъ мѣстное нѣмецкое рабочее населеніе покидать массами родину и переселяться или въ Америку, или въ западныя части Германіи. Въ послѣднихъ преобладаетъ мелкая поземельная собственность, что предоставляетъ возможность наплывающему сюда безземельному пролетаріату переходить въ состояніе земельныхъ собственниковъ. Выселеніе нѣмцевъ изъ восточныхъ провинцій Пруссіи очищаетъ почву для прилива замѣняющихъ ихъ польскихъ рабочихъ [3]). Это происходитъ не только въ провинціяхъ, сосѣднихъ съ губерніями Царства Польскаго, но и въ прилегающихъ къ Эльбѣ.

---

[1]) См. *Goltz*, Sachsengänger въ VI-омъ томѣ Handw. d. Staatswissenschaften, Jena, 1901, стр. 483.

[2]) *Goltz*. Landwirtschaftliche Arbeiter въ Handw. d. Staatswissenschaften, томъ V-й, Jena, 1900, стр. 474—475. Срвн. его же статью Sachsengänger въ VI-мъ томѣ.

[3]) Idem.

Подтвержденіе этихъ соображеній можно найти въ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ. Уже французкій ученый *Meuriot* указывалъ, что въ періодъ, протекшій между 1871 и 1891 годами, въ восточныхъ частяхъ Пруссіи, не исключая даже Бранденбурга съ Берлиномъ, пропорція протестантскаго населенія понизилась, а католическаго повысилась [1]). Новѣйшія данныя, собранныя десять лѣтъ спустя, еще въ большей степени констатируютъ тотъ же фактъ. По германской переписи 1900 года, во всѣхъ безъ исключенія какъ восточныхъ, такъ и среднихъ провинціяхъ Пруссіи, пропорція, какую составляютъ католики, возрасла, а протестантовъ въ соотвѣтственной степени уменьшилась. Особенно замѣтное увеличеніе числа первыхъ и уменьшеніе вторыхъ приходится на провинціи Познань, Силезію и Западную Пруссію, непосредственно соприкасающіяся съ губерніями Царства Польскаго. Въ 1-й изъ 1000 всего числа жителей католики составляли по переписи 1890 г. 664,6, а по переписи 1900 года это число возрасло уже до 678,3; во 2-ой съ 532,6 до 550,4; въ 3-й съ 500,5 до 511,9 [2]). Изъ этихъ цифръ видно, что особенно значительный приростъ католическаго населенія, простирающійся почти до 18% на 1000 жителей, встрѣчается въ самой промышленной провинціи, Силезіи. А такъ какъ почти на столько же процентовъ уменьшилось за то же время въ ней протестантское населеніе, то отсюда можно заключить, что польскіе рабочіе вытѣсняютъ нѣмецкихъ не только изъ сельско-хозяйственныхъ отраслей производства, но и изъ фабрично-заводской промышленности.

Быстрый приростъ католическаго населенія и уменьшеніе протестантскаго происходитъ главнымъ образомъ отъ выселенія нѣмцевъ въ южно-германскія государства какъ Баденъ, Баварія, Виртембергъ и особенно въ Эльзасъ-Лотарингію, а отчасти также и въ западныя провинціи Пруссіи—Вестфалію и Прирейнскую

---

[1]) *Meuriot*, Des agloméralions urbaines dans l'Europe contemporaine. Paris, 1897, стр. 345.

[2]) См. Zeitschrift des königlichen Preussischen Statistischen Bureau's за 1901 годъ, Heft 4, стр. XL—LI.

Пруссію. Это доказывается тѣмъ, что во всѣхъ этихъ странахъ относительное количество протестантскаго населенія увеличилось, а католическаго уменьшилось [1]).

По отзыву автора новѣйшаго изслѣдованія вопроса о „Славянахъ въ Германіи“ *Тецнера*, ни литовцы, ни моравы не отличаются въ этой странѣ такой подвижностью, такимъ большимъ участіемъ въ отхожихъ промыслахъ, какъ поляки. Но выходъ рабочихъ на временные заработки хотя бы въ самыя отдаленныя страны отъ ихъ родины, прокладываетъ вездѣ, какъ извѣстно, первый путь къ переселеніямъ ихъ навсегда въ тѣ мѣстности, въ которыхъ они находятъ хорошіе заработки и благопріятныя для себя условія жизни. Тоже самое происходитъ и съ польскими рабочими. Такъ изъ 100,000 поляковъ, приходящихъ весною, по словамъ Тецнера, на Эльбу преимущественно на сельско-хозяйственныя и фабрично заводскія работы, не всѣ возвращаются осенью домой со своими сбереженіями. Часть ихъ остается въ Германіи. Она не смѣшивается съ мѣстнымъ населеніемъ, а образуетъ изъ себя небольшія славянскія колоніи, принимающія къ себѣ новыхъ переселенцевъ. Такія колоніи живутъ своей особой жизнью, устроиваютъ собственные костёлы, открываютъ свои школы и даже обзаводятся собственными газетами [2]).

Drang nach Westen польскаго населенія вызывается причинами, коренящимися не только въ неудовлетворительномъ аграрномъ строѣ восточныхъ частей Пруссіи, побуждающемъ нѣмецкихъ крестьянъ выселяться изъ нихъ и очищать мѣста для польскихъ переселенцевъ, но и не менѣе глубокими

---

[1]) Несомнѣнно, бо̀льшій приростъ католиковъ въ польскихъ провинціяхъ Пруссіи, чѣмъ протестантовъ, можетъ зависѣть также и отъ болѣе быстраго естественнаго прироста польскаго населенія въ сравненіи съ нѣмецкимъ, какъ это давно уже констатировано германскими статистиками *Нейманомъ*, *Бергманомъ* и другими; но во всякомъ случаѣ переселенія играютъ главную роль въ этомъ отношеніи.

[2]) См. *Tetzner*. Die Slawen in Deutschland. Braunschweig, 1902, стр. 470—472.

причинами, коренящимися въ условіяхъ экономическаго быт губерній Царства Польскаго. Большая густота населенія здѣшнихъ губерній, по сравненію съ прилегающими къ нимъ прусскими провинціями и низкій уровень развитія фабрично-заводской промышленности въ этихъ губерніяхъ не даютъ достаточныхъ занятій избыткамъ здѣшняго сельскаго населенія. Послѣднему стало тѣсно жить у себя дома и оно ежегодно массами уходитъ сначала на временные заработки въ Германію и въ Сѣверо-Американскіе Штаты [1]), а затѣмъ и совсѣмъ переселяется туда.

Какой бы вопросъ статистической науки мы ни взяли, причины каждаго явленія общественной жизни выясняются вліяніемъ другихъ явленій той же жизни, вслѣдствіе тѣсной, органической, связи, существующей между ними.

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ того, какъ безсильно изслѣдованіе общественныхъ явленій безъ установленія взаимной связи ихъ, константируемой статистическими данными, и какъ легко выясненіе большинства соціальныхъ вопросовъ путемъ сопоставленія и анализа различныхъ цифровыхъ данныхъ, входящихъ въ область статистики.

Всѣмъ извѣстна напр. большая смертность, которою выдѣляется Россія изъ среды всѣхъ европейскихъ странъ. По размѣрамъ этой смертности къ ней приближается развѣ только Венгрія и польскія провинціи Австріи и Пруссіи. Необычайные размѣры смертности нашего населенія приводили нѣкоторыхъ изъ наблюдателей этого вопроса просто въ ужасъ. Они стремились объяснить ихъ всевозможными причинами—бѣдностью населенія, нерѣдко отсутствіемъ почти всякихъ жизненныхъ удобствъ, особенно въ деревняхъ, пьянствомъ, невѣжествомъ, дурной организаціей медицинской помощи и т. п. Безспорно всѣ эти обстоятельства не могутъ не оказывать большаго вліянія на народное здравіе. Тѣмъ не менѣе, безъ сопоставленія статистическихъ данныхъ, характеризующихъ различныя стороны движенія

---

[1]) См. V-й выпускъ Трудовъ Варш. Ст. Комитета, объ эмиграціи въ Америку, стр.

населенія, одни только что перечисленныя обстоятельства не могутъ выяснить главной причины необычайной смертности, какою отличается Россія отъ другихъ европейскихъ государствъ. Если мы сравнимъ не одну только смертность въ нихъ, но и рождаемость, то окажется, что не меньшую особенность движенія населенія у насъ составляетъ также и необычайно большая рождаемость, по сравненію со всѣми другими европейскими государствами. Цитированный мною нѣмецкій статистикъ *Геффкенъ* неосновательно назвалъ Германію „страною богатѣйшею въ мірѣ дѣтьми". Германія далеко уступаетъ въ этомъ отношеніи Россіи. Такого обилія рожденій, какое встрѣчается ежегодно у насъ, нельзя встрѣтить почти ни въ одномъ изъ другихъ европейскихъ государствъ. Но именно это совпаденіе максимальной смертности въ Россіи съ самой большой рождаемостью и раскрываетъ намъ главную причину первой. Гдѣ рождается много дѣтей, тамъ неизбѣжно будетъ и много умирать людей по той простой причинѣ, что самая большая смертность вездѣ приходится на дѣтскій возрастъ. Дѣти, умирающія въ возрастѣ отъ дня рожденія до 5 лѣтъ, составляютъ во всѣхъ странахъ отъ 25 до 50 и свыше процентовъ смертности всего населенія. Даже при самомъ хорошемъ материнскомъ уходѣ, слишкомъ большая воспріимчивость дѣтскаго организма ко всякимъ неблагопріятнымъ внѣшнимъ вліяніямъ неизбѣжно вызываетъ среди ихъ такую смертность, какой не встрѣчается среди взрослаго населенія, за исключеніемъ развѣ лицъ старческаго возраста съ 80 лѣтъ.

Какъ ни очевидна эта причинная связь между большой рождаемостью и большой смертностью, тѣмъ не менѣе, она сплошь да рядомъ упускается многими изъ виду, не исключая даже гигіенистовъ и медиковъ, которые нерѣдко берутся за спеціальное изслѣдованіе смертности, безъ связи съ другими частями статистики движенія населенія. Такъ напр. въ „Сравнительной статистикѣ Россіи" проф. *Янсона* сообщаются нѣкоторыя данныя о смертности въ Петербургѣ въ началѣ 1870-хъ годовъ, разработанныя докторомъ *Гюбнеромъ*. Смертность по отдѣльнымъ участкамъ города сопоставляется съ средней годовой пла-

той квартиръ въ нихъ и съ числомъ жителей на одну комнату. Судя по наибольшимъ размѣрамъ смертности, пришлось бы признать самыми нездоровыми III-іе участки Выборгской, Нарвской и Рождественской частей (56—60 ум. на 1000 жит.). Самыми же здоровыми, судя по наименьшей смертности (22—24) всю Адмиральтейскую часть и два первыхъ участка Спасской части, въ которыхъ смертность была въ 2 раза меньше максимальной. Причины столь большихъ различій сводятся въ этомъ изслѣдованіи, съ одной стороны, къ вліянію большой зажиточности квартирантовъ въ двухъ послѣднихъ частяхъ города, доказываемой самыми высокими цѣнами квартиръ въ нихъ и минимальнымъ числомъ жителей на одну квартиру, а съ другой — къ вліянію бѣдности населенія участковъ первыхъ трехъ частей, проявляющейся въ дешевизнѣ квартиръ и въ максимальной пропорціи жильцовъ на одну комнату. На изслѣдованіе д-ра Гюбнера и теперь нерѣдко ссылаются, какъ на самое удачное доказательство вліянія степени благосостоянія на смертность. Не думая оспоривать подобнаго вліянія, тѣмъ не менѣе, помимо недостатка, указаннаго проф. *Янсономъ* въ этомъ трудѣ, какъ относящемся къ холернымъ годамъ [1]), нельзя не обратить вниманія еще на другой, столь же первостепенной важности недостатокъ въ немъ. Онъ заключается въ упущеніи изъ виду необходимости одновременно съ сопоставленіемъ смертности привести различія и въ рождаемости. Если максимальная смертность совпадала бы съ максимальной рождаемостью, то въ такомъ случаѣ констатированныя *Гюбнеромъ* большія различія въ смертности по отдѣльнымъ участкамъ могли бы обусловливаться не столько различіемъ въ уровнѣ благосостоянія населенія, сколько еще болѣе неодинаковой рождаемостью. При слишкомъ большой рождаемости можетъ быть максимальная смертность даже и при отсутствіи неблагопріятныхъ санитарныхъ условій, такъ какъ рождаемость имѣетъ доминирующее вліяніе на смертность среди всѣхъ другихъ, постоянно дѣйствующихъ причинъ.

---

[1]) См. проф. *Янсонъ*. Сравнительная статистика Россіи и Западно-европейскихъ государствъ. Спб. 1878, стр. 289—291.

И въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ гигіенистовъ, знакомыхъ со статистической наукой не въ ея цѣльномъ видѣ, а отрывочно, съ тѣми только частями ея, которыя имѣютъ непосредственное соприкосновеніе со смертностью и заболѣваемостью населенія, встрѣчаются тѣже самыя крупныя ошибки. Такъ напр. въ изслѣдованіи земскаго врача Воронежской губерніи *Обухова* о большомъ вліяніи на смертность величины крестьянскихъ надѣловъ [1]) и варшавскаго врача-гигіениста г. *Поляка* о вліяніи на нее скученности населенія въ различныхъ частяхъ г. Варшавы, [2]) повторяется та же ошибка — сопоставляются различія въ одной только смертности безъ одновременнаго сравненія различій въ рождаемости. Поэтому въ этихъ трудахъ остается невыясненнымъ, вызывается ли большая смертность изслѣдуемыми ими обстоятельствами, или же главнымъ образомъ малой предусмотрительностью бѣднѣйшихъ классовъ и потому слишкомъ большой рождаемостью среди ихъ.

Подобнаго рода ошибки нашихъ врачей гигіенистовъ противъ основныхъ положеній ученія о населеніи обусловливаются, по всей вѣроятности, тѣмъ, что у насъ медицинская статистика не имѣетъ самостоятельной каѳедры на медицинскихъ факультетахъ, а преподается въ отрывочномъ видѣ, какъ часть гигіены. Поэтому нельзя не признать вполнѣ заслуженнымъ нашими медиками тотъ отзывъ, который былъ сдѣланъ извѣстнымъ нашимъ гигіенистомъ, проф. *Эрисманомъ*, въ его курсѣ гигіены (стр. 15) о „недостаточной гигіенической подготовкѣ нашихъ врачей и незнаніи ими подчасъ самыхъ элементарныхъ истинъ изъ области санитарной науки.“ Подобный отзывъ былъ сдѣланъ и на одномъ изъ засѣданій Варш. Ст. Комитета лицомъ, стоящимъ во главѣ мѣстнаго медицинскаго персонала, редактировавшимъ „Труды Постоянной Санитарной Комиссіи“, которыя не уступаютъ по своимъ достоинствамъ лучшимъ санитарнымъ

---

[1]) См. Журналъ Общества охраненія народнаго здравія за 1895 г.

[2]) *Поляка*. Диссертація на степень доктора медицины о „Вліяніи скученности населенія на смертность отъ остро-заразныхъ болѣзней.“ Варшава, 1897.

изслѣдованіямъ западно-европейскихъ городовъ. Онъ заявилъ, что, по его мнѣнію, большинство уѣздныхъ и городскихъ врачей „едва ли стоитъ по своимъ познаніямъ на высотѣ тѣхъ научныхъ требованій, съ которыми соединено выполненіе санитарнаго описанія края [1]).“

Не лучше, повидимому, поставлено преподаваніе медицинской статистики и въ нѣмецкихъ университетахъ. Она и тамъ не имѣетъ самостоятельной каѳедры [2]), а входитъ только въ большей или меньшей степени въ область предметовъ изслѣдованія другихъ медицинскихъ наукъ. Такъ напр. въ Берлинскомъ университетѣ въ теченіе многихъ лѣтъ она преподавалась недавно скончавшимся проф. *Гиршемъ* только какъ составная часть „историческо-географической патологіи“ [3]). Неудивительно, что и заграницей встрѣчаются изслѣдованія по санитарной статистикѣ, обнаруживающія такія же незнанія элементарныхъ основаній статистики населенія, какъ у насъ. Такъ напр. врачъ г. Праги, Joseph *Rychna* [4]) напечаталъ въ 1892 г. изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Construktion der Salubritätsziffer“, въ которомъ стремится выяснить причины слишкомъ большой смертности въ этомъ городѣ по сравненію съ другими европейскими городами. Въ этомъ изслѣдованіи онъ перечисляетъ всевозможныя, второстепенныя причины большой смертности въ Прагѣ и упускаетъ изъ виду главную, о которой не обмолвился ни полъ словомъ — о слишкомъ большой рождаемости въ ней. Способность дѣлать такіе серіозные промахи иностранныхъ ученыхъ, какъ Рыхна, удосто-

---

[1]) См. Журналъ засѣданія Варш. Ст. Комитета, состоявшагося въ 1895 г. подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Губернатора гр. П. А. Шувалова, напечатанный въ XIII-мъ выпускѣ „Трудовъ“ этого Комитета, стр. 338.

[2]) См. *Lexis*. Die Deutschen Universitäten. Zweiter Band. Besonderer Theil. Medicinische Fakultät. Berlin, 1893, стр. 179—406.

[3]) См. его богатый по статистическому содержанію Handbuch der historisch-geographischen Patologie въ 3-хъ томахъ, Stuttgart, 1886.

[4]) Dr. *J. Rychna*. Zur Construktion der Salubritätsziffer. Einige Bemerkungen zu den jungsten Wiener Beschlüssen des internationalen statistischen Institutes betreffs des Sterblichkeitsziffern. Prag, 1892.

ивающихся при томъ лестныхъ отзывовъ въ періодической нѣмецкой прессѣ, не характеризуетъ высокаго уровня знаній статистики со стороны нѣмецкихъ врачей. Впрочемъ, они и сами сознаются въ нерѣдкой элементарной ошибкѣ, только-что отмѣченной мною. „Многія изъ санитарно-статистическихъ описаній въ Германіи, говорится въ статьѣ о мѣрахъ, принимаемыхъ правительствомъ къ охраненію народнаго здравія, помѣщенной въ извѣстномъ словарѣ государственныхъ наукъ *Конрада*, упускаютъ чаще всего изъ виду вліяніе возрастныхъ отношеній на заболѣваемость и смертность, приписывая результаты этого вліянія такимъ причинамъ, какъ видъ занятій, неблагопріятныя мѣстныя условія и т. под.“ [1]).

Другіе, не менѣе важные промахи, повидимому, вслѣдствіе той же причины, встрѣчаются нерѣдко даже въ такихъ солидныхъ офиціальныхъ изданіяхъ заграницей, какъ напр. Oesterreichische Städtebuch (Statistische Berichte von grösseren oesterreichischen Städten), издаваемыхъ ежегодно въ Вѣнѣ Импер. Корол. Статистической Центральной Комиссіей. Здѣсь вкралась другаго рода ошибка — въ число рожденій включаются и мертворожденные, которые не вносятся въ то же время въ число умершихъ, почему дается совершенно ложное представленіе о санитарныхъ условіяхъ австрійскихъ городовъ.

Неумѣніе пользоваться статистическими данными, характеризующими различныя стороны общественнаго быта, для выясненія причинъ интересующихъ насъ явленій, приводитъ къ еще болѣе серіознымъ ошибкамъ въ области политической экономіи. Тоже самое непринятіе во вниманіе рождаемости при указаніи большой смертности среди рабочаго населенія ведетъ нѣкоторыхъ экономистовъ къ построенію слишкомъ пессимистическихъ теорій, отрицающихъ всякую возможность улучшенія положенія этихъ классовъ. Въ подтвержденіе этихъ теорій ссылаются напр. на статистическія изслѣдованія *Виллермэ*, показавшія, что смертность въ бѣднѣйшихъ кварталахъ Парижа чуть не въ 2 раза пре-

---

[1]) См. Oefentliche Gesundheitspflege въ IV-мъ томѣ Handw. d. Staatswissenschaften. Jena, 1900, стр. 268.

вышаетъ смертность въ участкахъ съ зажиточнымъ населеніемъ. Никто не сомнѣвается, что всякаго рода лишенія, соединенныя съ большой бѣдностью, не могутъ не оказывать крайне вреднаго вліянія на народное здравіе. Но тѣмъ не менѣе, нельзя однимъ этимъ вліяніемъ объяснять чрезвычайно рѣзкаго различія между смертностью населенія богатыхъ и бѣдныхъ частей города, совершенно игнорируя еще бо̀льшее вліяніе на это рождаемости. Между тѣмъ Виллермэ не сдѣлалъ для тѣхъ же частей Парижа такихъ же сравнительныхъ сопоставленій послѣдней. Этому ученому, писавшему свое изслѣдованіе еще въ 1830-хъ годахъ, было простительно дѣлать такія ошибки. Но едва-ли есть основаніе не принимать во вниманіе этихъ ошибокъ тѣмъ изъ современныхъ намъ ученыхъ, которые ссылаются на его труды, игнорируя новѣйшія изслѣдованія того же вопроса. Къ лучшимъ изъ такихъ изслѣдованій несомнѣнно принадлежатъ труды теперешняго директора Парижскаго статистическаго бюро *Бертильона*. Въ издаваемомъ имъ ежегодно Annuaire de Paris онъ констатируетъ одновременно съ большой смертностью на окраинахъ города, населенныхъ рабочими, также и большую рождаемость, которая вызываетъ особенно большіе размѣры смертности на этихъ окраинахъ отъ такихъ чисто дѣтскихъ болѣзней, какъ скарлатина, корь, дифтеритъ и другія. Гдѣ большая дѣтская смертность, тамъ, вслѣдствіе этого, будетъ, конечно, и слишкомъ малая средняя продолжительность жизни населенія. Но если исключить вліяніе на послѣднюю большой рождаемости и вычислить среднюю вѣроятную жизнь только взрослаго рабочаго населенія, то оказывается, что при сколько нибудь воздержномъ и предусмотрительномъ образѣ, какой ведутъ напр. въ Англіи рабочіе, принадлежащіе къ обществамъ взаимнаго всепомоществованія, или такъ называемымъ трэдъ-уніонамъ, эта жизнь ихъ немногимъ менѣе продолжительна, а при извѣстныхъ условіяхъ (въ сёлахъ) даже болѣе продолжительна, чѣмъ средняя вѣроятная жизнь лицъ, принадлежащихъ къ самымъ богатымъ классамъ англійскаго населенія — какъ рантье и лорды. Это вполнѣ доказано замѣчательнымъ изслѣдованіемъ *Нисона* (*Neison*. Contributions to vital statistics), пережившимъ нѣсколько изданій

въ Англіи, но у насъ и даже заграницей въ общей статистической литературѣ мало извѣстномъ [1]). Это изслѣдованіе, конечно, не имѣетъ въ виду опровергать очевидную для всѣхъ истину о вредномъ вліяніи крайней бѣдности на народное здравіе и большую смертность населенія. Но оно ведетъ къ сознанію необходимости отличать въ ней результаты этой бѣдности отъ послѣдствій злоупотребленія спиртными напитками и той непредусмотрительности, съ которою заключаются въ бѣдныхъ классахъ браки въ раннихъ возрастахъ, влекущіе за собою чрезмѣрно большую рождаемость, а потому и смертность.

Большой интересъ по этому вопросу представляютъ статистическія данныя, сообщаемыя новѣйшимъ изслѣдованіемъ директора Буда-Пештскаго статистическаго бюро *Кёрёзи*. На основаніи этихъ данныхъ Кёрёзи приходитъ къ заключенію, что многія болѣзни, какъ напр. скарлатина, крупъ-дифтерія, коклюшъ, нервныя страданія, воспаленія мозга, болѣзни почекъ, соединенныя съ нарушеніемъ кровообращенія, пороки сердца и нѣкоторыя другія, вызываютъ у бѣдныхъ классовъ значительно *меньшую* смертность, чѣмъ въ зажиточныхъ слояхъ общества. Бѣдное населеніе болѣе всего превышаетъ зажиточное по смертности отъ чахотки. Несомнѣнно, что такого рода занятія, какимъ посвящаютъ себя каменщики, слесаря, кузнецы, лица занятые типографскимъ ремесломъ, и т. под. сильно предрасполагаютъ къ заболѣваніямъ чахоткой, вслѣдствіе жесткой пыли, раздражающей легкія. Но уже

---

[1]) Даже въ такомъ обстоятельномъ изданіи, по статистической и экономической библіографіи, какъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften *Conrad*'а, *Нисонъ* и всѣ его ученые труды совсѣмъ упущены изъ виду. Исключеніе представляетъ развѣ Die Moralstatistik *Oetingen*'а, который указываетъ на Нисона, какъ на одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ англійскихъ статистиковъ, который въ своихъ Contributions to vital statistics и въ другихъ выдающихся трудахъ сообщаетъ интереснѣйшія данныя о вліяніи нравственности на продолжительность жизни. Еще бо̀льшее значеніе его изслѣдованію придаетъ медицинская статистика, какъ это можно видѣть изъ *Oesterlen*'а Handbuch der medicinischen Statistik, въ которомъ сообщаются статистическія цифры, взятыя у Нисона.

сильная смертность отъ чахотки у портныхъ и т. под. ремесленниковъ—есть результатъ, по мнѣнію Кёрёзи, не этого вида занятій, а того обстоятельства, что люди слабосильные и предрасположенные къ заболѣванію чахоткой предпочитаютъ посвящать себя такого рода ремесламъ, не требующимъ большой физической силы [1]). Выводы этого ученаго тѣмъ замѣчательнѣе, что они сдѣланы изъ цифръ за довольно продолжительный періодъ времени отъ 1876 по 1898 годъ, которыя поэтому не могутъ имѣть случайнаго характера. Въ подтвержденіе правильности своихъ заключеній онъ ссылается также на изслѣдованія проф. *Conrad'a* о смертности въ г. Галле и *Neefe* въ г. Бреславлѣ. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ и объясненіемъ возможности малой дѣтской смертности въ бѣднѣйшихъ семьяхъ городскаго населенія можетъ служить также констатированный мною въ „Трудахъ" областнаго статистическаго комитета по губерніямъ Царства Польскаго замѣчательный фактъ слабой смертности дѣтей въ г. Варшавѣ и въ другихъ городахъ съ большимъ количествомъ еврейскаго населенія. Въ то время какъ при 33% евреевъ въ Варшавѣ на 1000 ежегодно

---

[1]) См. *Körösy* Die Sterblichkeit der Haupt- und Residenzstadt Budapest in den Jahren 1886—1898 und deren Ursachen. Berlin, 1898, стр. 57 — 72 и 80. Выводы этого учёнаго могутъ возбудить у статистика большое сомнѣніе въ отношеніи смертности отъ тифа „на распространеніе котораго, по его словамъ, бѣдность, повидимому, не имѣетъ особеннаго вліянія" (стр. 59). Неизвѣстно, о какомъ видѣ тифа онъ говоритъ. Конечно,—не о сыпномъ и не о возвратномъ, такъ какъ первый не безъ основаній принято называть *голоднымъ* тифомъ (typhus famelicus), а второй—болѣзнію *бѣдныхъ* (morbus pauperum). См. *Hirsch*. Die allg. acuten Infectionskrankheiten vom historisch-geographischen Standpunkte, Stuttgart, 1882, стр. 430. Если *Кёрёзи* имѣетъ въ виду брюшной тифъ, то это противорѣчитъ его же докладу, сдѣланному на международномъ медицинскомъ конгресѣ 1890 г., въ которомъ онъ доказывалъ, что нечистая, загрязненная разлагающимися органическими остатками вода, употребляемая для питья, конечно, чаще бѣдными, чѣмъ зажиточными классами, является главной причиной заболѣваній тифомъ. См. Verhandlungen des internationalen medicinischer Congresses, Band V, Berlin, 1891, Abtheilung XVI, стр. 65—66. Непосредственная связь качествъ воды съ развитіемъ брюшнаго тифа считается теперь вполнѣ доказанною, какъ можно видѣть изъ труда извѣстнаго гигиениста *Krebs'a* Hochwasser, Grundwasserstau und Gesundheitsverhältnisse in europäischen Grosstädten, Frankfurt am M. 1896, стр. 14—15, и изъ „Этіологіи болѣзней человѣка и животныхъ" *Lubarsch'a* и *Oestertag'a*. См. въ этихъ Ergebnisse der allg. Aetiologie der Menschen und Thierkrankheiten главу *Dunbar'a* о тифѣ Wiesbaden, 1896, стр. 611 и 625—626 и др.

рождавшихся умирало дѣтей до 1 года только 187, въ Краковѣ и Львовѣ при 28% евреевъ умирало дѣтей 227—216, между тѣмъ какъ въ г. Москвѣ дѣтская смертность того же возраста достигала 391 на 1000 новорожденныхъ, въ Петербургѣ и Берлинѣ—257 [1]). Если мы возьмемъ даже цѣлыя губерніи Россіи, то въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ встрѣчается наибольшая примѣсь еврейскаго населенія, какъ въ Виленской, Витебской, Минской, Гродненской, Ковенской, Подольской и др., смертность дѣтей до 1 года оказывается минимальной — отъ 12 до 17% всего числа родившихся, между тѣмъ, какъ во всей Россіи она превышаетъ 27% въ среднемъ выводѣ [2]).

Этотъ поразительный съ перваго взгляда фактъ можно объяснить только тѣмъ, что большинство евреевъ, несмотря на неблагопріятныя гигіеническія условія жизни, соединенныя съ чрезмѣрной скученностью ихъ въ городахъ и бѣдностью, посвящаютъ себя преимущественно такимъ профессіямъ, которыя не отрываютъ ихъ отъ семей. Это обезпечиваетъ матерямъ возможность самимъ кормить грудью своихъ дѣтей, а также лучшій уходъ за дѣтьми, отъ котораго и зависитъ главнымъ образомъ малая дѣтская смертность. Этому благопріятствуетъ и значительная предусмотрительность евреевъ, на которую обратилъ вниманіе еще бывшій директоръ Прусскаго статистическаго бюро *Гоффманъ*. Посвящая себя торговлѣ, ремесламъ и различнаго рода мелкимъ промысламъ, большинство евреевъ вступаетъ въ бракъ только тогда, когда успѣваетъ скопить средства для основанія этихъ предпріятій, а слѣдовательно и для обезпеченія содержанія своихъ семей. Необыкновенно воздержная жизнь, крайне рѣдкія случаи пьянства, столь сильно распространеннаго среди остальнаго населенія, обезпечиваетъ евреямъ болѣе продолжительную среднюю жизнь, какъ доказываютъ *Бернульи*, *Легуа*, *Глаттеръ*, *Майеръ*,

---

[1]) См. XIII-й выпускъ „Трудовъ Варш. Ст. Комитета“ стр. 248-ая и слѣд.

[2]) См. Смертность младенцевъ въ Европейской Россіи 1867—1887 гг. Составлено по порученію канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Спб., 1889.

Кёрёзи и другіе статистики [1]). По даннымъ, сообщаемымъ послѣднимъ, изъ населенія различныхъ возрастныхъ категорій у евреевъ, по сравненію съ другими національностями, самую большую пропорцію составляютъ лица дѣтскаго и юношескаго возраста до 21 года, а затѣмъ старики. Средній возрастъ послѣднихъ, умирающихъ отъ возрастной слабости, превышаетъ 80 лѣтъ, между тѣмъ какъ въ католическомъ населеніи не достигаетъ 75 лѣтъ [2]). Все это, вмѣстѣ взятое, не можетъ не обезпечивать болѣе быстраго естественнаго прироста еврейскаго населенія почти вездѣ, хотя *дѣйствительный* приростъ его уменьшился въ Россіи, судя по переписи 1897 г.: въ 1881 г. евреи составляли $11^1/_2$% всего населенія въ чертѣ ихъ осѣдлости, а теперь только $10^1/_2$; но въ Привислинскомъ краѣ въ 1880 г. 14%, теперь 14,7 [3]).

---

[1]) См. *Legoyt.* De certaines immunités biostatiques de la race juive en Europe во 2-мъ томѣ его La France et l'étranger. Études de statistique comparée. Paris, 1870. *Майръ.* Статистика и обществовѣдѣніе. Спб., 1901. *Bergmann.* Zur Geschichte der Entwickelung deutscher, polnischer und judischer Bevölkerungen der Provinz Posen. Tübingen, 1885, стр. 225 — 239. *Glatter.* Lebenschancen der Juden и другія изслѣдованія, цитируемыя Легуа. Не этимъ ли воздержаніемъ евреевъ отъ злоупотребленій спиртными напитками, въ противоположность окружающему его населенію, и сильно развитой среди ихъ предусмотрительностью, объясняется въ значительной степени и самая возможность эксплоатаціи ими послѣдняго, проявлявшаяся сильнѣе всего въ питейной торговлѣ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ акцизными учрежденіями въ 1884 г., около $^2/_3$ всѣхъ шинковъ и питейныхъ домовъ въ чертѣ еврейской осѣдлости содержалось евреями, а въ Привислинскихъ губерніяхъ эта пропорція достигала даже 76%, изъ которыхъ, впрочемъ, больше половины—въ обходъ существующихъ законовъ. См. Еврейская питейная торговля въ Россіи, изд. Ц. Ст. Комитета, 1886, стр. XVII и III.

[2]) См. *Körösy.* Die Sterblichkeit d. Budapest, 1898, стр. 42 и 45.

[3]) За періодъ отъ 1860 по 1880 годы дѣйствительный приростъ евреевъ значительнѣе превышалъ увеличеніе остальнаго населенія, какъ это можно видѣть по даннымъ для Привислинскаго края. См. II-ой выпускъ „Трудовъ" Варш. Ст. Ком., стр. 115. Но при оставленіи свѣдѣній о числѣ еврейскаго населенія, собранныхъ

Такъ какъ слабая смертность евреевъ зависитъ въ значительной степени отъ преобладающаго характера занятій, которымъ они посвящаютъ себя, то поэтому было бы интересно сопоставить различія въ смертности какъ дѣтскаго, такъ и взрослаго населенія по виду занятій семей во всемъ населеніи. Къ сожалѣнію, этому вопросу удѣляется слишкомъ мало вниманія даже въ статистикѣ многолюдныхъ городовъ, располагающихъ наибольшими средствами къ тому, чтобы поставить статистику населенія въ соотвѣтствіе съ научными требованіями отъ нея [1]).

Какой бы популярностью и общимъ распространеніемъ ни пользовались нѣкоторыя мнѣнія по различнымъ общественнымъ

въ 1881 г., со свѣдѣніями по однодневной переписи 1897 г. замѣчается уменьшеніе процента, составляемаго евреями въ общей цифрѣ населенія большинства губерній. Особенно велико это уменшеніе въ губерніяхъ Подольской, Могилевской и Ковенской: съ прежнихъ 18 и 19% онъ понизился до 12—14%. Срн. „Еврейское населеніе и землевладѣніе", изд. Ц. Ст. К. 1884 г. и „Распредѣленіе населенія Имперіи по вѣроисповѣданіямъ по переписи 1897 г." Спб., 1901 г. Причину такого уменьшенія надо искать въ значительныхъ размѣрахъ эмиграціи евреевъ изъ Россіи въ С.-Американскіе Штаты и въ Палестину. См. V-й выпускъ „Трудовъ" Варш. Ст. Ком. объ эмиграціи. Въ Германіи тоже еврейское населеніе возрастаетъ гораздо медленнѣе христіанскаго, но это происходитъ тамъ теперь отъ перехода евреевъ въ протестантизмъ, а прежде—отъ выселеній. См. Zeitschrift d. Königl. Preussischen St. Bureau за 1901 г. Heft 4 и *Bergmann.*, стр. 232. Впрочемъ и въ Россіи, безъ губерній Царства Польскаго. проф. *Янсонъ* указывалъ въ своей „Сравнительной статистикѣ Россіи" изданія 1878 года „на плодовитость еврейскаго населенія, какъ на одну изъ слабѣйшихъ", (стр. 169). Но провѣрить это невозможно вслѣдствіе крайне неудовлетворительной у насъ регистраціи движенія еврейскаго населенія, какъ это мною подробно доказано въ XII-мъ выпускѣ „Трудовъ", стр. 6 — 12 и 71 — 133. Срвн. VII-й выпускъ „Трудовъ" о движеніи населенія въ десяти губерніяхъ Царства Польскаго, стр. IX—XV.

[1]) Во всякомъ случаѣ въ большихъ европейскихъ городахъ, обладающихъ особыми статистическими бюро, лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, ведется статистика смертности въ связи съ различными причинами, обусловливающими ее. Поэтому нельзя не пожалѣть, что, несмотря на все богатство ежегодно собираемаго въ нихъ статистическаго матеріала, до сихъ поръ нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ этотъ матеріалъ былъ бы перерабо-

вопросамъ, соприкасающимся со статистикой населенія, эти мнѣнія легко опровергаются или исправляются путемъ анализа цифровыхъ данныхъ, относящихся къ нимъ. Это можно впрочемъ сказать и про другіе отдѣлы статистической науки.

Мы желаемъ напр. выяснить такой первостепенной важности для политической экономіи вопросъ сельско-хозяйственной статистики: какая форма землевладѣнія болѣе благопріятствуетъ успѣхамъ скотоводства—крупная или мелкая? Одни утверждаютъ, что мелкая, ибо при ней возможенъ гораздо лучшій уходъ за скотомъ со стороны крестьянъ-хозяевъ, чѣмъ при крупной со стороны наёмныхъ рабочихъ [1]). Другіе указываютъ, что крупныя помѣщичьи хозяйства обладаютъ гораздо большимъ пространствомъ луговъ и пастбищъ, чѣмъ мелкія крестьянскія хозяйства, что въ распоряженіи помѣщиковъ находятся въ тоже время бо̀льшія, чѣмъ у крестьянъ, матеріальныя средства для пріобрѣтенія репродукторовъ лучшихъ породъ скота, для постройки хорошихъ помѣщеній скота и содержанія его, соотвѣтственно всѣмъ требованіямъ науки сельскаго хозяйства. Это приводитъ ихъ къ заключенію, что

танъ хотя для главныхъ городовъ Европы сравнительнымъ образомъ, если не считать слишкомъ устарѣвшей Statistique international des grands villes d'Europe *Кёрёзи* и немногихъ страницъ, посвященныхъ недавно этому вопросу въ трудѣ *Meuriot* Des agloméralions urbaines dans l'Europe contemporaine. Paris, 1897. Даже въ общихъ трактатахъ по сравнительной статистикѣ этому вопросу почему-то удѣляется слишкомъ мало вниманія. Такъ проф. *Янсонъ* въ своей „Сравнительный статистикѣ населенія" изд. 1893 г. совсѣмъ пропустилъ городскую смертность. *Levasseur* въ своей обширной, трехтомной Démographie comparée только слегка касается этого вопроса. Еще менѣе останавливается на немъ *Майръ* въ своей „Статистикѣ и обществовѣдѣніи". Спб., 1901. Мою попытку сдѣлать сравнительное сопоставленіе смертности и рождаемости въ главныхъ городахъ Европы, ближайшихъ къ Варшавѣ. за періодъ отъ 1868 по 1894 годъ см. въ XIII-мъ выпускѣ „Трудовъ Варш. Ст. Комитета, стр. 248-ую и слѣд.

[1]) См. напр. *Nordmann.* Agrarier helft Euch selbst. Berlin, 1899, стр. 101—102. *Sulimerski.* Obecne stosunki wiejskie въ III-мъ томѣ изданія „W naszych sprawach", Warszawa, 1902, стр. 301—302. *Grabski* во II-мъ томѣ того же изданія. стр. 66. Характеристику содержанія этихъ трудовъ см. въ моей статьѣ „О развитіи скотоводства, какъ средствѣ къ устраненію сельско-хозяйственнаго кризиса и къ поднятію уровня благосостоянія крестьянъ", вышедшую особымъ изданіемъ въ Варшавѣ въ 1892 г.

крупное землевладѣніе поставлено въ гораздо болѣе благопріятныя условія для веденія скотоводства, а потому ему болѣе всего каждая страна обязана его успѣхами [1]). Справка съ статистическими цифрами вполнѣ подтверждаетъ вѣрность перваго мнѣнія и ошибочность втораго даже въ такой странѣ, какъ Германія. Въ то время какъ въ большихъ имѣніяхъ на 100 гектаровъ обработаннаго пространства приходится только 25 штукъ крупнаго скота, въ маломъ землевладѣніи (отъ 5 до 20 гектар.) эта пропорція достигаетъ 85 штукъ на тоже пространство, слѣдовательно превышаетъ въ $3^1/_2$ раза пропорцію его въ большихъ имѣніяхъ. Да и въ самыхъ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствахъ она простирается до 78 штукъ, слѣдовательно превышаетъ пропорцію въ большихъ имѣніяхъ въ 3 раза [2]). Подобныя пропорціи встрѣчаются и въ губерніяхъ Царства Польскаго: на 100 десятинъ удобныхъ земель, не считая лѣсовъ, приходится у помѣщиковъ менѣе 18 головъ крупнаго скота, а у крестьянъ свыше 46, слѣдовательно въ $2^1/_2$ раза больше [3]). Въ 50 губерніяхъ остальной Европейской Россіи $82^0/_0$ общаго числа крупнаго рогатаго скота принадлежитъ крестьянамъ и только $18^0/_0$ помѣщикамъ [4]). Помѣщики въ Германіи, въ здѣшнемъ краѣ и въ Россіи предпочитаютъ нерѣдко покупать скотъ и лошадей у крестьянъ, чѣмъ разводить сами [5]).

Выясненіе причиннаго соотношенія между извѣстными общественными явленіями и условіями, вызывающими ихъ, ведетъ

---

[1]) См. нпр. *Каутскій*. Аграрные вопросы. Харьковъ, 1899. и *Ильина* Развитіе капитализма въ Россіи. Спб. 1899, стр. 201 и др.

[2]) См. *Kollmann*. Viehstatistik въ Handw. d. Staatswissenschaften, Jena, 1900, томъ VII, стр. 500 и 497.

[3]) См. XVIII-й выпускъ „Трудовъ Варш. Ст. Комитета по десяти губерніямъ Царства Польскаго“: Статистика коневодства и скотоводства въ 1870 и 1899 гг. Варшава, 1901.

[4]) См. Временникъ Центральнаго Ст. Комитета № 50, Спб. 1901.

[5]) См. въ Landwirtschaftliche Jahrbücher her. von *Thiel*, XXX Band, Berlin, 1901, стенографическій отчетъ о засѣданіи сельско-хозяйственной коллегіи отъ 1 февраля 1901 г. О подобномъ же явленіи у насъ см. *Ильинъ*, Развитіе капитализма въ Россіи. Спб., 1899, стр. 200.

къ открытію законовъ общественной жизни, ибо подъ закономъ понимается единообразіе явленій, сведенное къ его причинѣ. Почти во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни статистика открываетъ поразительную правильность въ повтореніи однихъ и тѣхъ же явленій. Датскій статистикъ *Вестергардъ* указываетъ напр., что въ Даніи въ теченіе всего XIX-го столѣтія, процентъ рожденій въ отношеніи числа всего населенія колебался изъ года въ годъ между 3 и $3^1/_2$, процентъ незаконныхъ рожденій между 10 и $11^0/_0$ всего числа рожденій [1]). Но правильность въ повтореніи статистическихъ фактовъ не имѣетъ окаменѣлой формы, неизмѣнной для всѣхъ странъ и эпохъ. Статистическія цифры, характеризующія однородныя явленія въ различныхъ странахъ и даже въ однѣхъ и тѣхъ же, но въ различное время, далеко неодинаковы. Такъ напр. самоубійства въ Даніи совершаются, по тому же Вестергарду, въ 4 раза чаще, чѣмъ въ Норвегіи и отъ 2 до 3 разъ чаще, чѣмъ въ Швеціи. Подобную же, слишкомъ большую пропорцію самоубійствъ можно указать въ Саксоніи по сравненію съ остальными частями Германіи; между германскими народами вообще они совершаются чаще, чѣмъ между романскими и особенно рѣдко между славянскими [2]). Точно также пропорціи, характеризующія рождаемость, браки, смертность, физическіе недостатки, преступность населенія и иныя явленія, изучаемыя статистикой, превышаютъ въ однѣхъ странахъ нерѣдко въ два и болѣе разъ относительное количество тѣхъ же явленій въ другихъ. Какъ ни велики эти различія, они нисколько не говорятъ противъ существованія статистическихъ законовъ, а только подтверждаютъ его, указывая различіе условій, въ которыя поставлены эти страны. „Пока существуютъ однѣ и тѣ же причины, надо ожидать и повторенія однихъ и тѣхъ же послѣдствій“, какъ замѣтилъ Кетле. Напротивъ, всякое измѣненіе этихъ условій или несходство ихъ въ различныхъ странахъ вызываетъ измѣненіе и несходство яв-

---

[1]) *Westergard.* Theorie der Statistik, Jena, 1890, стр. 1.

[2]) См. *Haushoffer.* Lehr- und Handbuch der Statistik, изд. 2-е, стр. 476.

леній, изучаемыхъ статистикой. Поэтому предварительное знаніе причинныхъ соотношеній этихъ явленій даетъ возможность, какъ и въ естественныхъ наукахъ, дѣлать правильныя заключенія о будущемъ. Savoir c'est prévoir, какъ выразился О. Контъ.

Изъ только что выясненнаго значенія и содержанія статистической науки становится понятнымъ, почему ни одна изъ другихъ общественныхъ наукъ не пользуется бо̀льшимъ вліяніемъ на весь ходъ общественной жизни, почему къ голосу ни одной изъ нихъ не прислушиваются съ большей надеждой найти въ сообщаемыхъ ею данныхъ отвѣты на волнующіе общественное мнѣніе вопросы, составляющіе злобу дня, какъ статистики. Какъ бы ни были разнообразны и противорѣчащи другъ другу мнѣнія по любому вопросу общественной и государственной жизни, какіе бы ни велись нескончаемые споры о пользѣ или вредѣ того или другаго государственнаго мѣропріятія,—въ статистикѣ спорящія стороны ищутъ подкрѣпленія вѣрности своихъ мнѣній и опроверженія чужихъ. И дѣйствительно, статистическія свѣдѣнія скорѣе всего могутъ служить ключемъ къ устраненію разногласія, ибо онѣ основаны не на предположеніяхъ и не на частичномъ наблюденіи небольшого числа фактовъ реальной жизни, доступномъ отдѣльному лицу, но на итогахъ наблюденій надъ сотнями тысячъ и милліонами этихъ фактовъ, доступномъ только правильно организованнымъ статистическимъ учрежденіямъ.

Неудивительно поэтому, что къ выводамъ ея изъ массовыхъ статистическихъ наблюденій обращаются и государственные люди-практики почти по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія и теоретики-учёные въ тѣхъ отрасляхъ знанія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ общественную жизнь. Къ ея помощи прибѣгаютъ экономисты, теряясь въ безконечныхъ спорахъ о томъ, что полезнѣе для народнаго благосостоянія — свобода торговли или протекціонная система, крупныя или мелкія формы производства, промышленные синдикаты или возможно большая внутренняя конкуренція производителей и продавцевъ. О ея цифровыя данныя разбиваются апріористическія теоріи соціалистовъ, стремящихся увѣрить всѣхъ, что при современныхъ фор-

махъ экономической жизни, будто бы невозможно никакое улучшеніе въ положеніи рабочихъ классовъ (Марксъ и Лассаль). На статистику опираются криминалисты, когда желаютъ уловить, по цифрамъ ежегодно совершаемыхъ преступленій, вліяніе общественныхъ и экономическихъ условій, предрасполагающихъ населеніе къ преступнымъ посягательствамъ на чужую собственность и личность. Еще менѣе могутъ обойтись безъ ея помощи гигіенисты, когда имъ необходимо, по размѣрамъ смертности населенія въ данныхъ мѣстностяхъ, опредѣлить степень вреднаго вліянія неблагопріятныхъ топографическихъ или соціальныхъ условій на народное здравіе. Предъ объективнымъ, чуждымъ всякаго пристрастія и увлеченій приговоромъ статистическихъ цифръ, невольно склоняются самые страстные приверженцы всякаго рода апріористическихъ мнѣній, неоснованныхъ на достаточномъ знаніи дѣйствительности. Я позволю себѣ повторить здѣсь то, что мною было высказано на одномъ изъ засѣданій Статистическаго Комитета при обсужденіи такого вопроса первостепенной важности, какъ вопросъ о степени обезпеченія поземельной собственностью крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго по сравненію съ обезпеченіемъ ихъ ею въ остальной Россіи:

„Несомнѣнно, что по каждому вопросу экономической политики могутъ быть самыя разнообразныя мнѣнія и если не опираться на цифровыя данныя, то пренія могутъ быть безконечными. Но статистическій методъ изслѣдованія имѣетъ на своей сторонѣ то громадное преимущество предъ другими методами, что онъ является путемъ къ примиренію самыхъ разнообразныхъ мнѣній и ведетъ легко къ возможности единогласія въ рѣшеніяхъ. Такъ, напримѣръ, по вопросу о безземельи крестьянъ нѣкоторые утверждаютъ, что въ губерніяхъ Россіи съ общиннымъ землевладѣніемъ это безземелье существуетъ даже въ бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ здѣшнемъ краѣ, но что оно тамъ маскируется общиннымъ началомъ владѣнія, ибо чрезвычайно дробные надѣлы, на которыхъ невозможно вести хозяйство, являются въ сущности тѣмъ же безземельемъ. Чтобы рѣшить спорный вопросъ, въ какихъ губерніяхъ крестьяне страдаютъ въ большей степени отъ безземелья и малоземелья—въ здѣшнемъ ли краѣ или въ остальной Россіи—стоитъ только обратиться къ статистикѣ крестьянскихъ надѣловъ въ губерніяхъ остальной Европейской Рос-

сіи, татѣмъ къ цифрамъ безлошадныхъ дворовъ у мелкихъ крестьянъ-землевладѣльцевъ, а также къ статистикѣ числа лошадей, приходящагося у этихъ крестьянъ въ среднемъ выводѣ на усадьбу. Въ Россіи средній надѣлъ удобной земли на дворъ—свыше 12 десятинъ, а въ здѣшнемъ краѣ немного болѣе 6 десятинъ [1]). Ясно такимъ образомъ, что здѣшніе крестьяне страдаютъ бо́льшимъ малоземеліемъ, чѣмъ крестьяне остальной Россіи.

„Если мы возьмемъ величину самыхъ мелкихъ надѣловъ, такъ называемыхъ даровыхъ, то она окажется въ среднемъ выводѣ для всей Россіи около $2^1/_2$ десятинъ, т. е 5 морговъ на дворъ, а въ губерніяхъ Царства Польскаго значительный процентъ, именно около 22% всего числа усадьбъ [2]). составляютъ усадьбы съ надѣлами менѣе $1^1/_2$ десятины. Положеніе этихъ крестьянъ такъ тяжело, что въ нихъ безлошадные дворы составляютъ отъ 76%, какъ въ Люблинской, до 92%, какъ въ Калишской губерніи. При среднихъ надѣлахъ въ здѣшнемъ краѣ въ 6 десятинъ на дворъ вмѣсто 12 десятинъ для остальной Россіи, не можетъ быть сомнѣнія, что безземелье и малоземелье въ губерніяхъ Царства Польскаго гораздо болѣе значительно, чѣмъ въ большинствѣ губерній остальной Европейской Россіи“ [3]).

Статистика есть въ своемъ родѣ зеркало, отражающее въ себѣ общественную и государственную жизнь со всѣми ея свѣтлыми и тёмными сторонами. Статистическія данныя не безъ основанія сравниваются также съ маяками, бросающими свой спасительный свѣтъ на мѣста, полныя мелей, скалъ и подводныхъ камней, среди которыхъ приходится вести государственный корабль къ экономическому процвѣтанію населенія и къ успѣхамъ умственнаго и нравственнаго развитія его.

---

[1]) См. XVII-й выпускъ „Трудовъ Варш. Ст. Комитета, стр. 8.

[2]) По даннымъ 1870-хъ годовъ, по новѣйшимъ даннымъ за 1899 годъ только 17%.

[3]) См. XVI-й выпускъ „Трудовъ Варш. Ст. Комитета“, стр. 151—153. Конечно уровень благосостоянія крестьянскаго населенія опредѣляется не одной величиной земельныхъ владѣній, но также степенью плодородія ихъ, количествомъ вполнѣ безземельныхъ крестьянъ, высотой заработной платы, величиной арендныхъ цѣнъ на землю и проч. См. объ этомъ выпуски тѣхъ же „Трудовъ“ V, VIII, IX-й, XIV-й, XVII-й, XVIII-й и другіе.

ГЛАВА II.

Отношеніе статистики къ другимъ общественнымъ наукамъ.

Хотя главное назначеніе статистики состоитъ въ изученіи общественной жизни, но тѣмъ не менѣе ее нельзя назвать наукой объ обществѣ въ отличіе отъ другихъ отраслей знанія. Есть и другія науки, изучающія ту же жизнь. Но всѣ онѣ въ отличіе отъ статистики, ограничиваются въ большинствѣ случаевъ общей характеристикой различныхъ отправленій общественной и государственной жизни, не подводя цифровыхъ итоговъ подъ результатами этихъ отправленій. Статистическая наука, напротивъ, не занимается описаніемъ организаціи различныхъ сторонъ общественной и государственной жизни, а стремится уловить, въ числовыхъ величинахъ и пропорціяхъ, общіе, жизненные результаты этихъ отправленій.

Такъ ученіе о *государственномъ правѣ* говоритъ о сущности государстверного союза и государственной власти, о государственномъ устройствѣ и формахъ его, о значеніи различныхъ отраслей государственнаго управленія для всего внутренняго преуспѣнія страны. *Административное* или такъ называемое *полицейское* право учитъ о томъ, въ какихъ случаяхъ и какія мѣры должно правительство принимать для содѣйствія этому преуспѣянію, Но эти науки не подводятъ итоговъ такого воздѣйствія государства на общественную жизнь, не характеризуютъ того, въ чемъ именно выражается преуспѣяніе и политическое могущество каждой страны. Онѣ не говорятъ ни о количествѣ населенія и богатства ея, ни о числѣ войскъ, какимъ располагаетъ она для защиты своей внутренней и вѣш-

ней безопасности, ни объ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія народа. Итоги всего этого сообщаетъ статистическая наука. Но она не ограничивается при этомъ простой передачей цифръ, характеризующихъ всѣ эти стороны народной жизни, а стремится путемъ сопоставленія этихъ цифръ уловить ближайшую причинную связь между ними, вызывающую общій прогрессъ или регрессъ страны.

Подобнымъ образомъ науки *уголовнаго* и *гражданскаго* права подробно излагаютъ основные принципы законовъ, гарантирующихъ личную и имущественную безопасность гражданъ; въ ученіи о судопроизводствѣ и судоустройствѣ указываютъ лучшіе способы организаціи уголовной и гражданской юстиціи. Но онѣ не сообщаютъ цифровыхъ результатовъ дѣятельности этой юстиціи, напр. о видѣ и числѣ преступленій и преступниковъ, распредѣленій послѣднихъ по полу, возрасту, степени имущественной состоятельности, образованію и вѣроисповѣданію, о причинахъ, обусловливавшихъ большую или меньшую степень участія въ общей цифрѣ преступленій населенія различныхъ частей страны или колебаній цифры преступленій по отдѣльнымъ годамъ. Это дѣло статистической науки. Она должна быть уголовной этіологіей, ученіемъ о причинахъ, вызывающихъ преступленія. Имѣя въ своихъ рукахъ общіе цифровые результаты всей пережитой обществомъ жизни въ теченіе извѣстнаго періода времени, статистическая наука, путемъ анализа цифровыхъ данныхъ, характеризующихъ различныя стороны этой жизни, можетъ констатировать ихъ взаимное вліяніе другъ на друга. Сопоставивъ, напр., размѣры хлѣбнаго неурожая въ данномъ году и уровень необезпеченности народныхъ массъ въ средствахъ продовольствія съ числомъ преступленій противъ собственности въ томъ же году, статистика легко выясняетъ, почему этотъ годъ отличался бо́льшимъ количествомъ преступленій въ сравненіи съ предшествующими, болѣе благопріятными въ экономическомъ отношеніи годами. Подобнымъ образомъ статистическая наука даетъ возможность раскрывать и причины, вліяющія болѣе постояннымъ образомъ на преступность жителей. Такъ, путемъ сопоставленія относительнаго количества безземельнаго и малоземельнаго населенія съ числомъ престу-

пленій противъ собственности въ различныхъ губерніяхъ Царства Польскаго мнѣ удалось не только доказать громадное вліяніе аграрнаго строя на степень преступности населенія этого края по сравненію съ другими частями Россіи, но и выяснить, что малоземельные крестьяне принимаютъ столь же сильное участіе въ посягательствахъ на чужую собственность, какъ и безземельные. Наименьшею имущественною преступностью отличаются въ краѣ тѣ губерніи, въ которыхъ крестьяне получили самые большіе земельные надѣлы (Сувалкская, Люблинская и Сѣдлецкая), наибольшей-же преступностью — Варшавская губернія съ деморализованнымъ городскимъ населеніемъ, а за нею губерніи съ самой большой пропорціей малоземельныхъ крестьянъ (Радомская и Кѣлецкая), немного превосходя по этой преступности даже губерніи съ максимальной пропорціей безземельныхъ крестьянъ (Плоцкую и Калишскую) [1]).

Знаніе реальныхъ условій жизни, предрасполагающихъ къ совершенію преступленія и надламывающихъ волю человѣка въ непосильной борьбѣ съ ними, не можетъ не имѣть вліянія на уголовную юстицію. Хотя соотвѣтственно ея символическому изображенію она въ своихъ приговорахъ должна быть слѣпой въ отношеніи общественного положенія подсудимыхъ, чужда всякихъ личныхъ симпатій и антипатій къ нимъ, но не должна быть слѣпой въ отношеніи тѣхъ внѣшнихъ условій жизни, при которыхъ совершаются преступленія. Эти условія являются обстоятельствами, могущими какъ отягчать, такъ и смягчать вину подсудимыхъ и даже совсѣмъ освобождать ихъ отъ отвѣтственности, какъ это часто бываетъ по приговорамъ присяжныхъ, руководящихся голосомъ своей совѣсти. Знаніе реальныхъ условій преступности, по справедливому замѣчанію проф. *Чубинскаго*, даетъ судьѣ возможность легче убѣдиться въ виновности или

---

[1]) См. *Симоненко*. Объ экономическомъ и общественномъ значеніи крестьянскаго землевладѣнія и размѣровъ его, въ связи съ вліяніемъ его на народную нравственность, по новѣйшимъ даннымъ уголовной статистики Привислинскаго края. Варшава, 1901, стр. 36—39.

невиновности обвиняемаго и легче выбирать болѣе подходящую мѣру и родъ наказаній [1]).

Знаніе тѣхъ же условій еще болѣе важно для законодательной власти. Оно даетъ ей возможность улучшать дѣйствующее законодательство, направляя его и всю соціальную политику къ устраненію въ самомъ корнѣ причинъ, дурно вліяющихъ на матеріальное и нравственное благосостояніе населенія. По образному выраженію лорда Brougham'а въ рѣчи, сказанной на Лондонскомъ статистическомъ конгрессѣ „уголовная статистика имѣетъ для законодателя такое же значеніе, какъ морская карта и компасъ для мореплавателя". Знакомя съ соціальной средой и разнообразными условіями, подъ вліяніемъ которыхъ возникаютъ преступленія, она болѣе чѣмъ какая либо другая наука можетъ создавать государственныхъ людей, способныхъ далѣе развивать существующія правовыя нормы и выработывать новыя, необходимость которыхъ вызывается постоянно измѣняющимися отношеніями общественной жизни [2]).

Къ сожалѣнію, представители статистической науки въ послѣднее время все съ меньшимъ вниманіемъ стали относиться къ тому отдѣлу ея, который посвященъ разработкѣ цифровыхъ данныхъ, характеризующихъ уровень народной нравственности и условія, отъ которыхъ онъ зависитъ. Статистическая научная литература все рѣже стала обогащаться новыми трудами, которые напоминали бы собою прежнія изслѣдованія *Кетле*, *Герри*, *Файе*, *Легуа*, *Майера* и другихъ [3]). Но такъ какъ этотъ отдѣлъ статистики представляетъ первостепенную важность для

---

[1]) *Чубинскій.* Наука уголовнаго права и ея составные элементы. Спб., 1902, стр. 58.

[2]). См. *Paulsen.* Die Deutschen Universitäten und das Universitätsstudium. Berlin, 1902, стр. 508.

[3]) Даже такой выдающійся изъ современныхъ германскихъ статистиковъ, какъ Георгъ *Майеръ*, посвятившій уголовной статистикѣ цѣлый отдѣлъ въ своемъ прежнемъ трудѣ о „Закономѣрности въ общественной жизни", совершенно исключилъ этотъ отдѣлъ изъ своего новѣйшаго, обширнаго труда о „Статистикѣ и обществовѣдѣніи". См. рус. пер. Спб., 1899.

науки уголовнаго права, то нисколько не удивительно, что криминалисты взялись сами восполнить этотъ существенно важный пробѣлъ въ новѣйшей статистической литературѣ, какъ это можно видѣть изъ трудовъ по уголовной соціологіи у насъ — *Неклюдова*, *Фойницкаго*, *Тарновскаго* и другихъ. Нѣкоторые какъ изъ западноевропейскихъ, такъ и изъ нашихъ криминалистовъ, требуютъ даже включенія уголовной соціологіи, ничѣмъ существеннымъ не отличающейся по своимъ задачамъ отъ нравственной статистики, въ область науки уголовнаго права и измѣненія какъ общихъ основаній послѣдняго, такъ и самыхъ пріемовъ изслѣдованія его. Они желаютъ обратить эту до сихъ поръ чисто юридическую науку въ особую отрасль соціологіи [1]). Другіе изъ нихъ, какъ напр. Liszt, хотятъ включить статистику преступленій и условій, вызывающихъ ихъ, въ составъ уголовной политики, какъ особаго отдѣла науки уголовнаго права. Даже тѣ криминалисты, которые протестуютъ противъ подобнаго соединенія въ одну науку соціально-антропологическихъ и юридическихъ изслѣдованій, какъ нашъ маститый представитель уголовнаго права — проф. *Таганцевъ*, въ ученіи о вмѣняемости, опираютъ свои выводы на чисто статистическія изслѣдованія по нравственной статистикѣ Вагнера, Кетле, Этингена и другихъ [2]). Другой изъ нашихъ криминалистовъ, проф. *Чубинскій*, оставляя въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи теоретическое разсмотрѣніе спорнаго вопроса, слѣдуетъ или не слѣдуетъ включать уголовную статистику въ область науки уголовнаго права, разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ съ чисто практической точки зрѣнія: „Криминалистъ, пишетъ онъ,

---

[1]) См. *Ferri*. La Sociologie criminelle. Paris, 1893, стр. 575. Близокъ къ этому проф. *Чубинскій*, предлагающій сдѣлать предметомъ уголовнаго права изученіе преступныхъ дѣяній и преступниковъ съ точки зрѣнія юридической, соціологической и біологической. См. его „Общую характеристику новыхъ ученій уголовнаго права.“ Кіевъ, 1898. Срвн. также проф. *Есипова* „Преступность и мѣры воздѣйствія. Варшава, 1900“.

[2]) См. проф. *Таганцевъ*. Русское уголовное право, изд. 2-е, томъ I-й, Спб., 1902, стр. 393--412

долженъ съ благодарностью принимать при исполненіи своей задачи всякую помощь отъ другихъ наукъ въ разработкѣ необходимаго для него матеріала, но и самъ долженъ заняться разработкою его, памятуя, что если *теперь* онъ будетъ настаивать на строгомъ распредѣленіи труда между науками, то отъ этого прежде всего пострадаетъ *его наука*" [1]).

По моему мнѣнію, между уголовной статистикой и уголовнымъ правомъ существуетъ почти такое же отношеніе, какъ между политической экономіей и гражданскимъ правомъ. Какъ экономическая наука знакомитъ съ тѣми жизненными условіями, которыя вызываютъ возникновеніе и развитіе гражданскаго права и съ взаимными отношеніями людей, къ которымъ оно примѣняется [2]), такъ точно уголовная статистика знакомитъ съ реальными условіями соціальной жизни, при которыхъ чаще всего возникаютъ преступленія, караемыя уголовнымъ закономъ.

Благодаря тому, что вслѣдствіе развитія и усовершенствованія статистическихъ учрежденій, наблюденія статистической науки охватываютъ все бо̀льшее число общественныхъ явленій и отличаются гораздо большей противъ прежняго точностью и полнотой, она стала оказывать все бо̀льшее вліяніе на развитіе другихъ наукъ. Безъ ея помощи не обходится теперь ни одна наука, которой необходимо охарактеризовать ту или другую сторону общественной жизни. До возникновенія статистики изучавшіе эту жизнь были поставлены въ необходимость характеризовать ее общими фразами, отличавшимися значительной туманностью и неопредѣленностью. Особенно это можно замѣтить на всеобщей исторіи. Можно ли напримѣръ составить опредѣленное представленіе объ уровнѣ развитія Аѳинской республики въ сравненіи съ Спартой по общему замѣчанію Ѳукидита, что первая отличалась гораздо болѣе обширными внутренни-

---

[1]) *Чубинскій.* Наука уголовнаго права и ея составные элементы. Спб., 1902, стр. 54.

[2]) См. главу объ отношеніи политической экономіи къ юридическимъ наукамъ въ моей книгѣ „Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ". Варшава, 1900, стр. 103—130.

ми и внѣшними сношеніями, чѣмъ вторая, или о степени развитія торговыхъ сношеній и денежныхъ оборотовъ въ Галліи во времена Цицерона по его замѣчанію, что никакая денежная уплата въ Галліи не совершалась, не пройдя черезъ книги римскихъ мѣнялъ [1]). Нынѣ-же историкъ новѣйщихъ торговыхъ сношеній могъ бы, благодаря статистикѣ, нарисовать подробную и ясную картину этихъ сношеній и банковыхъ оборотовъ въ сравниваемыхъ имъ странахъ. Онъ сообщилъ бы сколько вывозится ежегодно заграницу и ввозится товаровъ, какихъ именно и на какую сумму, какъ велико въ нихъ протяженіе желѣзныхъ и водяныхъ путей сообщенія, въ сравненіи съ пространствомъ территоріи, какое количество грузовъ перевозится по нимъ, какъ велико въ этихъ странахъ число выѣзжающихъ и пріѣзжающихъ пассажировъ и прч. Столь же неопредѣленной для характеристики древне-греческихъ нравовъ является замѣчаніе Демосѳена о большой легкости разводовъ и распущенности нравовъ въ Аѳинахъ. Историкъ современныхъ намъ нравовъ могъ бы, благодаря той же статистикѣ, привести обстоятельныя свѣдѣнія, сколько ежегодно расторгается браковъ въ каждомъ государствѣ по сравненію съ другими странами. Онъ могъ бы сообщить годовое число незаконныхъ рожденій, дѣтоубійствъ, преступленій противъ нравственности, цифру разводовъ и другихъ подобныхъ явленій, характеризующихъ степень упадка семейнаго быта. Однимъ словомъ, на сколько исторія прежнихъ вѣковъ безъ помощи статистики неизбѣжно должна оставаться туманной, произвольной и бездоказательной въ своихъ сужденіяхъ, на столько новѣйшая исторія, опираясь на числовыя данныя, можетъ вѣрно, ясно и убѣдительно характеризовать состояніе общества и измѣненія, происходящія въ немъ съ ходомъ времени.

Нѣкоторые изъ ученыхъ полагаютъ главное отличіе между исторіей и статистикой въ томъ, что первая характеризуетъ общество въ *качественномъ* отношеніи, а вторая въ *количе-*

---

[1]) См. *Roscher*. Geschichte der Nationalökonomie.

ственномъ [1]), изъ чего можно сдѣлать косвенное заключеніе, что какъ будто бы въ исторіи цифры не играютъ важной роли, что безъ нихъ можно обходиться. Но когда исторіи приходится характеризовать хотя бы и въ качественномъ отношеніи не отдѣльныя лица или событія, а черты народнаго характера или вліяніе событій на ходъ общественной жизни, ея прогрессъ или регрессъ, то можно сильно сомнѣваться въ вѣрности характеристикъ, дѣлаемыхъ историками, если они не подтверждаютъ своихъ словъ цифровыми данными.

Еще въ большей степени становится въ исторіи необходимою характеристика въ количественномъ отношеніи, когда рѣчь идетъ объ обществѣ съ точки зрѣнія соціальной исторіи, которая выясняетъ его строеніе, т. е. *пропорціи* между его частями. По справедливому замѣчанію проф. *Сеньобоса*, соціальная исторія безусловно должна быть знаніемъ, опредѣляющимъ *количество* [2]).

Вслѣдствіе неопредѣленности общихъ характеристикъ, дѣлаемыхъ историками безъ помощи статистическихъ данныхъ даже въ отношеніи такихъ эпохъ новѣйшей исторіи, для которыхъ они имѣются въ достаточномъ количествѣ, многія положенія являются у нихъ совершенно бездоказательными. Историки такъ привыкли, чтобы имъ вѣрили на слово, что въ своихъ отзывахъ о событіяхъ первостепенной важности очень часто отдѣлываются или голословными завѣреніями, или приведеніемъ мелочныхъ фактовъ въ подтвержденіе этихъ завѣреній, не потрудившись изучить болѣе серіозныхъ, фактическихъ основаній, идущихъ въ разрѣзъ съ ихъ предвзятыми мнѣніями. Предубѣжденія, сочувственное или несочувственное отношеніе къ описываемымъ событіямъ, опасеніе возможности повторенія ихъ въ будущемъ ко вреду собственной страны, играютъ нерѣдко такую большую роль въ ихъ приговорахъ о людяхъ и событіяхъ, что вслѣдствіе

---

[1]) См. *Ferri*. La Sociologie criminelle, стр. 141 и проф. *Чупровъ*, печатный курсъ статистики, стр. 5.

[2]) *Сеньобосъ*, Историческій методъ въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ, рус. пер. Москва, 1902, стр. 155.

этого событіямъ первостепенной важности и ихъ послѣдствіямъ дается совершенно ложное освѣщеніе.

Чтобы не заслужить въ свою очередь упрека въ голословности только что высказаннаго мнѣнія, укажу для примѣра хотя бы на такое событіе изъ исторіи начала XIX-го вѣка, которое чуть не привело Англію къ соціальной революціи, болѣе грозной по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ политическая революція, пережитая Франціей въ концѣ XVIII-го вѣка. Такимъ событіемъ была *континентальная система*, которую удалось генію Наполеона I организовать противъ Англіи, оказавшейся неуязвимой для нашествія непріятельскихъ войскъ, вслѣдствіе ея островного положенія и могущества ея флота.

По мнѣнію новѣйшихъ англійскихъ историковъ, никакія пораженія армій Наполеона I-го не подорвали въ такой степени основы владычества его, какъ континентальная система, результатовъ которой сама Франція будто-бы была не въ состояніи долѣе выносить. По ихъ словамъ, эта система привела къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ и весь континентъ Европы. Геній Наполеона былъ побѣжденъ, говорятъ они, главнымъ образомъ неумолимыми законами торговыхъ сношеній, такъ насильственно нарушенныхъ имъ. Это утверждаетъ *Чарльзъ Эндрьюсъ* въ вышедшемъ недавно сочиненіи его объ „Историческомъ развитіи современной Европы“ [1]). Другой изъ новѣйшихъ англійскихъ историковъ проф. *Саймсъ* (Symes) въ главѣ о „Соціальной экономіи“, написанной для V-го тома Social England *Трайля*, увѣряетъ, что континентальная система нанесла гораздо больше вреда самому континенту, чѣмъ Англіи, противъ которой была направлена. „Наши враги и соперники, говоритъ онъ, страдали больше, чѣмъ мы“. Если-же Англія и пострадала отъ нея, то развѣ косвеннымъ образомъ, ибо обѣднѣніе континентальной Европы, вызванное этой системой, не могло не отразиться и на интересахъ Англіи [2]).

---

[1]) Этотъ трудъ *Чарльза Эндрьюса* вышелъ въ русскомъ переводѣ въ Москвѣ въ 1899 г. См. томъ I-й, стр. 41 и 49.

[2]) См. *J. E. Symes.* The War and Trade въ V-омъ томѣ Social England by *Traill*, London, 1897, стр. 605.

По отзыву третьяго изъ англійскихъ историковъ—*Грина*, вліяніе означенной системы на британскую промышленность если и можно замѣтить, то развѣ только на повышеніи цѣны ея продуктовъ на континентѣ [1]). Не лучше оцѣниваютъ значеніе этой системы и нѣкоторые изъ новѣйшихъ германскихъ историковъ и почти столь же бездоказательно. Такъ извѣстный германскій историкъ *Трейтшке* сводитъ всѣ послѣдствія ея къ слѣдующему:

„Для средняго класса обычные предметы потребленія сдѣлались недоступными. Поэтому вмѣсто кофе стали пить цикорій, вмѣсто табаку начали курить орѣховые листья. Въ каждомъ хозяйствѣ, въ каждой отрасли промышленности наступило крайнее обѣднѣніе“(?!) [2]).

Другой же изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ историковъ—*Іегеръ*, прямо называетъ континентальную систему „чудовищной нелѣпостью“, неприводя точно также въ подтвержденіе своего мнѣнія никакихъ другихъ фактовъ, кромѣ лишенія нѣмецкихъ бюргеровъ тѣхъ же любимыхъ лакомствъ, на которыя указываетъ и Трейтшке. Онъ пишетъ:

„Благодаря континентальному запрету, простой народъ, мало цѣнящій отвлеченныя блага, былъ обреченъ на невольную промышленную бездѣятельность (!?). Онъ былъ лишенъ даже своего скромнаго лакомства — кофе и сахара. Многіе восхваляли и даже теперь восхваляютъ континентальную систему Наполеона за то, что она породила нѣсколько отраслей промышленности. Но чудовищная нелѣпость континентальнаго запрета не умаляется отъ того, что нашлось нѣсколько смышленныхъ головъ, съумѣвшихъ выгодно наладить дѣла даже и среди этихъ стѣсненій“ [3]).

Еще болѣе поразительно то, что нѣкоторые даже изъ новѣйшихъ французскихъ историковъ, подъ вліяніемъ фритредерскихъ увлеченій, утверждаютъ, что отъ континентальной систе-

---

[1]) См. Джонъ Ричардъ *Гринъ*, Исторія англійскаго народа, рус. пер. Москва 1892, т. IV, стр. 290.

[2]) *Treitschke*, Deutsche Geschichte im XIX Jahrhundert, стр. 277.

[3]) Проф. *О. Іегеръ*. Всеобщая исторія, р. пер. Спб., 1894, выпускъ 10-й, стр. 222.

мы „Англія страдала быть можетъ даже менѣе, чѣмъ Франція“. Такое замѣчаніе можно найти въ извѣстной „Всеобщей исторіи“ *Лависса* и *Рамбо* [1]).

Подобнаго рода отзывы выдающихся историковъ о событіи, имѣвшемъ громадное вліяніе на весь ходъ промышленнаго развитія какъ Англіи, такъ и всей Европы, не могли бы имѣть мѣста, если бы статистика служила фундаментомъ для историческихъ изслѣдованій. Опираясь на нее, я позволю себѣ здѣсь, въ немногихъ словахъ, охарактеризовать это событіе въ его дѣйствительномъ значеніи.

Въ 1807 году, при полномъ нейтралитетѣ Даніи, англійскій флотъ совершеннно неожиданно, безъ всякаго объявленія войны, явился подъ стѣнами Копенгагена. Во время шестидневной бомбардировки столица Даніи была обращена въ развалины, датскій флотъ захваченъ и уведенъ въ Англію. Такое безцеремонное нарушеніе элементарныхъ понятій о правѣ и справедливости не могло не вызвать всеобщаго негодованія. Оно было болѣе велико, чѣмъ даже то, какое въ наши дни возбудила война той же державы съ боэрскими республиками. Россія, Австрія, Данія и почти всѣ другіе европейскія государства, не исключая Турціи, затѣмъ и С.-Американскіе Штаты примкнули къ задачѣ Наполеона, поставленной еще Берлинскимъ декретомъ 1806 г., сломить могущество Великобританіи путемъ закрытія для нея ея обычныхъ рынковъ для сбыта товаровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишить ее возможности получать сырой матеріалъ для ея мануфактуръ и хлѣбъ, котораго тогда уже недоставало для прокормленія ея населенія. Этими мѣрами былъ нанесенъ самый тяжелый ударъ державѣ, вся политическая сила которой опиралась на гигантское развитіе промышленности и торговли. Болѣе всего далъ себя почувствовать ей разрывъ торговыхъ сношеній съ Россіей, главной поставщицей въ то время Европѣ сырыхъ продуктовъ. Цѣны на пеньку, лёнъ, сало, строевой

---

[1]) *Lavisse* et *Rambaud*, Histoire générale du IV-e siècle a nos jours, tome IX, Paris, 1897, стр. 412.

лѣсъ и т. под. предметы сразу удвоились [1]). Стоимость пшеницы быстро поднялась до цѣнъ голодныхъ годовъ (famine prices), а съ 1808 г. наступила такая страшная дороговизна хлѣба, что превзошла даже ту, какую испытала эта страна въ голодные 1795 и 1801 годы, когда англійской аристократіи пришлось обязаться сократить домашнее потребленіе хлѣба на $^1/_3$ и отказаться даже отъ такого невиннаго удовольствія, какъ употребленіе пудры на парикахъ. Въ 1807 къ такимъ мѣрамъ не прибѣгали, но была принята болѣе цѣлесообразная мѣра — воспрещена выкурка спирта изъ хлѣба. Вздорожаніе всѣхъ предметовъ было столь велико, что правительству пришлось повысить жалованье всѣмъ лицамъ, состоявшимъ на государственной службѣ.

Не менѣе тяжелымъ ударомъ для Англіи было прекращеніе возможности сбывать продукты. Результатомъ этого было чрезмѣрное паденіе цѣнъ на нихъ. На большинство мануфактурныхъ издѣлій оно простиралось до 50 и даже свыше процентовъ. Колоніальные же продукты понизились въ своей цѣнности отъ 2-хъ до 5 разъ. Въ дѣйствительности это обезцѣненіе надо считать еще болѣе значительнымъ, такъ какъ, вслѣдствіе исчезновенія изъ обращенія золотой монеты, всѣ предметы продавались на упавшія въ цѣнѣ серебряную монету и банковыя билеты. Вслѣдствіе слишкомъ большого выпуска послѣднихъ курсъ ихъ понизился почти на 30%, почему въ дѣйствительности заработная плата едва равнялась $^2/_3$ номинальной платы [2]). Не зная куда дѣвать свои мануфактурныя издѣлія, Англія наводнила ими Южную Америку, потребностямъ которой они совсѣмъ не соотвѣтствовали и потому возвращались обратно въ Ан-

---

[1]) Пенька, столь необходимая для англійскаго флота, поднялась въ цѣнѣ съ 58 ф. ст. за тону въ 1807 г. до 117 ф. въ 1808 г., ленъ съ 68 ф. до 142, строевой лѣсъ съ 6 ф. за ластъ до 17 ф., льняное сѣмя съ 43 до 150 шил. за квартеръ, сало съ 53 ш. до 112 за центнеръ, шерсть съ 8 ш. до 24 за фунтъ, шелкъ съ 38 до 110 ш. См. *Tooke* und *Newmarch*, Die Geschichte der Preise.

[2]) См. *Роджерсъ*, Исторія труда и заработной платы въ Англіи, р. пер. Спб., 1899, стр. 414.

глію на счетъ отправителей. Начались банкрутства первоклассныхъ торговыхъ и промышленныхъ фирмъ. Уже въ періодъ отъ 1806 по 1810-й годъ половина всего числа англійскихъ коммерсантовъ прекратила платежи или совсѣмъ обанкрутилась. Банкрутства повлекли за собою закрытіе множества промышленныхъ предпріятій, вслѣдствіе чего массы рабочихъ остались безъ занятій, а слѣдовательно и безъ насущнаго куска хлѣба. Заработная же плата оставшихся при занятіяхъ естественно уменьшилась [1]). Пониженіе платы при одновременномъ вздорожаніи всѣхъ предметовъ первой необходимости дѣлало положеніе рабочаго населенія крайне тяжелымъ. Неудивительно, что число бѣдныхъ въ такихъ промышленныхъ центрахъ, какъ напр. Ливерпуль, удвоилось. Въ виду чрезвычайныхъ бѣдствій, переносимыхъ рабочими, былъ внесенъ въ парламентъ въ 1808 г. билль чисто соціалистическаго характера о запрещеніи предпринимателямъ назначать заработную плату ниже установленной правительствомъ минимальной нормы, но онъ былъ отвергнутъ. Громадные и безъ того приходскіе налоги въ пользу бѣдныхъ были повышены еще на 60%. По даннымъ, сообщаемымъ въ сочиненіи *Тука* и *Ньюмарча*, они достигли въ 1813 году своихъ максимальныхъ размѣровъ — 8,640,842 ф. ст. [2]). Но это ни-

---

[1]) Такъ напр. еженедѣльная заработная плата ткачей съ 10 шиллинговъ 6 пенсовъ въ 1806 г. понизилась до 6 шил. 4 пен., въ 1812 г., при одновременномъ повышеніи цѣнъ на хлѣбъ болѣе чѣмъ на 63%. См. *Гиббенсъ* „Промышленная исторія Англіи“ р. п. Спб. 1898, стр. 184. Срвн. *Роджерсъ*, Исторія труда и заработной платы р. пер. стр. 411 и 418. *Гринъ*, Исторія англійскаго народа, т. IV-й, стр. 299. *Lavisse* et *Rambaud*, His. g. IX, 567—9.

[2]) См. *Tooke* und *Neumarch*, Die Geschichte und Bestimmung der Preise während der Jahre 1793—1857, Dresden, 1858, томъ I-й, стр. 150. *Гиббинсъ* въ своей Промышленной исторіи Англіи (р. п. Спб. 1898, стр. 183) указываетъ на 1818 г., когда, по его мнѣнію, эти налоги достигли своихъ максимальныхъ размѣровъ, но приводитъ цифру ихъ только въ 7,870,000 ф. ст. *Саймсъ* сообщаетъ цифру тѣхъ же налоговъ въ 1812 г. въ 6,656,105 ф., называя ее гигантской. См. *Traill*, Social England, т. V, стр. 608. Какія изъ этихъ свѣдѣній вѣрнѣе по сравненію съ данными, сообщаемыми *Тукомъ*

сколько не улучшало положеніе рабочихъ, а разоряло классы съ средней зажиточностью. По словамъ англійскаго статистика *Гиффена*, пауперизмъ достигъ въ это время до такихъ размѣровъ, что почти погубилъ страну. Положеніе и богатыхъ классовъ сдѣлалось не блестящимъ. Былъ снова введенъ подоходный налогъ (income taxe) 1799 года, отмѣненный послѣ Аміенскаго мира. Общей своей суммой (6 мил. ф. ст.) онъ немногимъ уступалъ величинѣ таксы въ пользу бѣдныхъ. Прибавленный къ пошлинамъ, которыми облагались всѣ предметы потребленія, этотъ налогъ, по словамъ *Роджерса*, составлялъ удручающую тягость даже для зажиточныхъ плательщиковъ [1]), почему уже въ 1815 г. парламентъ поспѣшилъ отмѣнить его.

Съ возрастаніемъ бѣдности начало сильна увеличиваться ежегодная цифра преступленій особенно въ промышленномъ, рабочемъ населеніи. Раздраженіе рабочихъ классовъ достигло крайнихъ предѣловъ. Страна покрылась сѣтью тайныхъ обществъ [2]). Приписывая несовсѣмъ основательно пониженіе заработной платы болѣе всего введенію машинъ, рабочіе стали изливать свое негодованіе на нихъ. Начались мятежи „люддистовъ", т. е. разрушителей машинъ. Они не только уничтожали машины, но нападали на жилища фабрикантовъ и хлѣботорговцевъ, требуя отъ нихъ хлѣба, грабили ихъ запасы и сжигали ихъ зданія. Поджоги, грабежи, разрушенія машинъ, убійства, сдѣлались повседневнымъ, обычнымъ явленіемъ [3]). Бунты рабо-

---

и *Ньюмарчемъ* не берусь рѣшать; но нельзя не выразить удивленія, что обширный статистическій трудъ послѣднихъ по исторіи цѣнъ, дающій самый богатый матеріалъ для характеристики эпохи континентальной блокады, остается совершенно неизвѣстнымъ всѣмъ цитированнымъ мною англійскимъ и другимъ историкамъ. Это тѣмъ страннѣе, что Дж. Ст. *Милль* называетъ Тука „head of the monetary science", а „The Economist" говоритъ о немъ „in many respects for a long period the chief of living economists".

[1]) См *Rogers*. Interprétion économique de l'histoire. Cours professé à Oxford, Paris, 1892, стр. 403.

[2]) Idem.

[3]) *Mehring*. Geschichte der deutschen Socialdemokratie. Stuttgart, 1897, стр. 16.

чихъ переходили затѣмъ въ общенародные мятежи. Разбивались тюрьмы, выпускались арестанты, расхищались склады оружія милиціи. Послѣдняя, вмѣсто подавленія безпорядковъ, переходила на сторону мятежниковъ. Приходилось двигать противъ народа цѣлые полки регулярнаго войска, еще остававшагося на сторонѣ порядка. Правительство не церемонилось въ расправѣ съ мятежниками. Въ 1811 г. парламентъ издалъ законъ, назначавшій смертную казнь за всякую злонамѣренную порчу машинъ, отмѣненный впрочемъ вскорѣ послѣ снятія континентальной блокады. Но и послѣ этого общее броженіе не прекращалось. На грозный характеръ его еще въ 1812 г. принцъ-регентъ считалъ необходимымъ обратить вниманіе парламента. Продлись еще съ годъ, другой континентальная система и соціальная революція сдѣлалась бы для Англіи неизбѣжною. Не безъ основанія всю эпоху этой системы и ближайшее къ ней время (1802—1815) тотъ же англійскій историкъ, *Трайль*, котораго мы цитировали, называетъ „борьбой Англіи за существованіе", а другой—*Гринъ*, видитъ въ ней начало той классовой борьбы, которая разъѣдала общественный организмъ этой страны въ послѣдующее время, описанное *Марксомъ* въ его сочиненіи „Капиталъ". Отвергнувъ сначала всякое серіозное значеніе континентальной системы для Англіи, эти историки такимъ образомъ косвенно сознаются потомъ въ громадномъ вредѣ, нанесенномъ ею ихъ странѣ. *Гринъ* впрочемъ даже прямо заявляетъ слѣдующее: „Отрѣзанной отъ своихъ рынковъ и на востокѣ и на западѣ, съ разоренной промышленностью, при финансовомъ кризисѣ и общественной неурядицѣ, Англіи вѣроятно пришлось бы преклониться предъ неизбѣжностью подчиненія континентальной системѣ [1]).

Начавшаяся въ 1812 г. война между Франціей и Россіей спасла культурное человѣчество отъ зрѣлища одного изъ ужаснѣйшихъ потрясеній всѣхъ основъ государственнаго и общественнаго строя жизни передовой во многихъ отношеніяхъ европейской державы, притомъ не изъ за идей, а изъ за насущнаго куска хлѣба для народныхъ массъ. Тѣмъ не менѣе,

---

[1]) *Ричардъ Гринъ*, Исторія англійскаго народа, томъ IV, стр. 301.

континентальная система, даже и недоведенная до конца, подорвала навсегда промышленное господство Англіи на европейскихъ рынкахъ. Когда въ 1813 году снова открылись для нея европейскіе рынки, она нашла ихъ уже занятыми произведеніями мѣстной промышленности. Во время этой системы континентъ сдѣлалъ, по справедливому замѣчанію автора „Исторіи всемірной торговли“ *Бэра,* не малые успѣхи въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности. Многія таможенныя стѣсненія, затруднявшія сношенія между континентальными странами, были устранены, чѣмъ былъ обезпеченъ большой сбытъ произведеніямъ національной промышленности. Это вознаградило ихъ за убытки отъ исключенія ихъ изъ всемірнаго рынка. Если за Англіей продолжало еще оставаться превосходство въ нѣкоторыхъ отрасляхъ фабричной промышленности, какъ напр. въ хлопчатобумажной и желѣзныхъ издѣлій, то во многихъ другихъ ей приходилось конкурировать съ промышленными произведеніями континента и побѣда далеко не всегда оставалась на ея сторонѣ [1]). Благодаря континентальной системѣ многія отрасли національной промышленности успѣли настолько окрѣпнуть во Франціи, Германіи, Бельгіи, Голландіи, Австріи, Швейцаріи и въ другихъ странахъ, что правительствамъ ихъ оставалось только поспѣшить оградить дальнѣйшій ростъ ихъ охранительными таможенными пошлинами, что они и сдѣлали, не исключая и Россіи — со времени графа Канкрина.

Трудно понять въ чемъ именно „Всеобщая исторія“ *Лависа* и *Рамбо* видитъ положеніе Франціи во время континентальной блокады болѣе тяжелымъ, чѣмъ Англіи. Конечно, при блокадѣ Франціи мудрено было получать такіе сырые продукты для своихъ фабрикъ, какъ хлопокъ и индиго. Но за то тѣмъ въ большей степени развились въ ней въ это время тѣ виды промышленности, которые перерабатывали сырой матеріалъ, доставляемый ея собственнымъ сельскимъ хозяйствомъ, какъ лёнъ, шерсть, кожи, шелкъ, свекловица, виноградъ. Въ это время значительно развилось свеклосахарное производство, вытѣснив-

---

[1]) См. *Beer*. Geschichte des Welthandels, томъ II-й, стр. 258.

шее потомъ колоніальный сахаръ изъ тростника во всей Европѣ. Усиленіе спроса на сырые продукты собственнаго земледѣлія, совмѣстно съ развитіемъ мелкаго землевладѣнія, вызваннымъ продажею земель казенныхъ, подуховныхъ и эмигрантовъ, сильно повліяло на успѣхи сельскаго хозяйства во Франціи. Въ зажиточномъ, многочисленномъ классѣ землевладѣльцевъ создался внутренній обширный спросъ на продукты французской промышленности. Не смотря на смутное время революціи и безпрерывныхъ войнъ, на потерю своихъ колоній и прекращеніе морской торговли, „французскія фабрики, благодаря своему внутреннему рынку и упраздненію феодальной системы достигли во времена имперіи, по справедливому замѣчанію *Фрид. Листа*, бо̀льшаго процвѣтанія, чѣмъ во время предшествовавшаго образа правленія. Къ тѣмъ же результатамъ континентальная система привела Германію и всѣ другія страны, на которыя распространялась [1])“.

По уровню благосостоянія большинства своего населенія Франція въ это время представляла контрастъ Англіи. Въ то время какъ въ послѣдней промышленное населеніе страдало одновременно и отъ страшной дороговизны хлѣба и отъ отсутствія заработковъ во всѣхъ отрасляхъ производства, за исключеніемъ земледѣльческаго, во Франціи хлѣба было въ обиліи, вслѣдствіе прекращенія вывоза его въ Англію. Низкія цѣны на хлѣбъ не страшили Наполеона. Напротивъ, онъ желалъ сохранить ихъ, основательно полагая, что „изъ дороговизны хлѣба легко возникаютъ народные мятежи“ [2]).

Отсутствіе внѣшней морской торговли замѣнилось необыкновеннымъ оживленіемъ сухопутной и рѣчной торговли. „Всеобщая исторія“ *Лависса* и *Рамбо* совершенно неосновательно сводитъ всю эту ввозную и вывозную торговлю къ размѣрамъ простыхъ пограничныхъ торговыхъ сношеній, вслѣдствіе дурного состоянія путей сообщенія. Если даже въ средніе вѣка, при

---

[1]) *Фрид. Листъ,* Національная система политической экономіи, р. п. Спб., 1891, стр. 124.

[2]) *Chaptal*, Souvenirs sur Napoléon, Paris, 1893, стр. 291.

еще менѣе удовлетворительномъ состояніи ихъ и при отсутствіи всякой безопасности, нѣмецкіе напр. сукна находили себѣ значительный сбытъ во Францію, Италію, Англію, Скандинавію и на Востокъ, то возможная ли вещь, чтобы сухопутная и рѣчная торговля въ Европѣ въ эпоху Наполеона могла быть сведена къ незначительнымъ пограничнымъ сношеніямъ! При закрытіи моря для торговли пришлось вернуться къ средневѣковымъ путямъ ея. Такъ особенно сильно оживились сношенія по Рейну. Транспорты же съ товарами изъ Марселя въ Константинополь пришлось отправлять сухимъ путемъ чрезъ Тріестъ и Боснію.

Апріористическія положенія, высказанныя въ исторіи, редактированной Левиссомъ и Рамбо, легко опровергаются даже тѣмъ экономистомъ-фритредеромъ *Амэ*, на котораго „Этюды о таможенныхъ тарифахъ и торговыхъ трактатахъ" ссылается эта исторія. Въ этихъ „Этюдахъ" онъ пишетъ слѣдующее:

„Наша промышленность, призванная соперничать съ промышленностью Бельгіи и Прирейнской Пруссіи, была въ состояніи выдержать эту конкуренцію. Значительные капиталы были вложены въ ткацкія фабрики. Возрасло количество металлургическихъ заводовъ, хотя и съ отсталыми способами производства. Наши кожи, галантерейные товары, articles de scellerie значительно улучшились. Въ соотвѣтственной степени развилось наше производство предметовъ роскоши. Расширеніе границъ Франціи и увеличеніе числа рынковъ для сбыта нашихъ произведеній, чѣмъ мы были обязаны побѣдоносному шествію нашей арміи, несомнѣнно могли содѣйствовать прогрессу нашей промышленности. Но было бы несправедливо не приписывать причинъ этихъ успѣховъ также изобрѣтательности и предпріимчивости нашихъ фабрикантовъ. Не смотря на прекращеніе торговыхъ сношеній съ Англіей, *таможенные доходы Франціи не уменьшились, а увеличились. Это можно приписать только необыкновенному оживленію торговыхъ сношеній между Франціей и другими континентальными державами Европы*" [1]).

---

[1]) *Amé*, Etudes sur les tarifs de douanes et sur les traités de commerce, t. I, p. 62—63. Изъ выдающихся нѣмецкихъ историковъ

Точно также въ Германіи, по справедливому замѣчанію проф. *Cauwes*'а, подъемъ мануфактуръ начался только со времени континентальной блокады, снявшей съ нихъ, какъ онъ говоритъ, путы, которыя наложяла на нее Англія [1]). Тоже можно сказать и про промышленные успѣхи остальной Европы.

Тяжелые коммерческіе кризисы, которые пришлось Англіи безпрестанно переживать съ 1815 г., вслѣдствіе невозможности размѣщенія произведеній своей промышленности на иностранныхъ рынкахъ, показали, что ея прежней промышленной гегемоніи положенъ конецъ. Сверженіемъ съ себя этого ига эгоистической державы, постоянно ставившей служеніе золотому тельцу выше всякихъ нравственныхъ интересовъ, культурное человѣчество обязано континентальной системѣ. Она поколебала главные основы могущества Великобританіи, пріобрѣсти которое вновь ей будетъ мудрено, не повернувъ назадъ всего хода всемірной исторіи.

Англійскіе историки, а съ ихъ словъ и нѣкоторые экономисты, увѣряютъ—въ противорѣчіе съ дѣйствительностью—что по заключеніи мира единственной страной, которая была въ силахъ продолжать свою промышленность, осталась Англія [2]). По словамъ *Hobson*'а „текстильныя и другія фабрики начали возникать на континентѣ не раньше какъ по прекращеніи войны". Но вслѣдъ затѣмъ онъ поставленъ въ необходимость сознаться, „что паденіе цѣнъ и прибылей въ англійской промышленности между 1820 — 1830 годами показываетъ *разрушеніе англійской моно-*

можно указать на *Sybel*'я, (V, 530), который констатируетъ экономическіе успѣхи Франціи въ означенную эпоху. Большіе успѣхи какъ сельскаго хозяйства, такъ и промышленности во Франціи во время блокады намѣчаетъ также молодой германскій ученый *A. Brandt* въ трудѣ, написанномъ въ университетской семинаріи подъ руководствомъ профессоровъ *Brentano*, *Lotz*'а и *Sering*'а. См. *A. Brandt* Beiträge zur Geschichte der französischen Handelspolitik von Colbert, bis zur Gegenwart, Leipzig, 1896, стр. 65 и слѣд.

[1]) *Cauwes*, Précis du cours d'économie politique professé à la faculté de droit de Paris, t. I, гл. Du commerce international.

[2]) *Гиббинсъ*, Промышленная исторія Англіи, стр. 167.

Не опасеніями ли возможности такого воскресенія континентальной системы, хотя и въ *„облагороженной“*, мирной формѣ, объясняется въ извѣстной степени то упорное отрицаніе англійскими историками всякаго значенія ея въ эпоху Наполеона и почти замалчиваніе ими этого событія, котораго они если и касаются, то только слегка, какъ бы мимоходомъ, отдѣлываясь обыкновенно нѣсколькими строками, особенно въ отношеніи послѣдствій его для Англіи? Во всякомъ случаѣ такое замалчиваніе, а тѣмъ болѣе совершенно превратная оцѣнка его были бы немыслимы, еслибы главнымъ фундаментомъ исторической науки служила статистика. Выставленіе общихъ положеній для характеристики общественнаго и экономическаго положенія описываемыхъ странъ, безъ предварительной, кропотливой разработки относящагося къ нимъ статистическаго матеріала, не только лишаетъ исторію научнаго значенія, но не можетъ не приносить положительнаго вреда и политической экономіи, опирающей въ значительной степени свои выводы на исторію.

Огромное значеніе статистики для исторіи, какъ позитивной науки прекрасно было намѣчено въ трудѣ извѣстнаго француз-

---

Между тѣмъ торговля на одинъ фунтъ у себя дома имѣетъ больше значенія, чѣмъ на два фунта заграницей. Мы убѣждены въ необходимости привлеченія всевозможными мѣрами капитала и труда снова къ землѣ, нынѣ покинутой ими.“ См. *Гиббинсъ*. Промышленная исторія Англіи, стр. 205 и 198. Но въ такомъ случаѣ Англіи пришлось бы передѣлать весь свой экономическій и общественный строй жизни, замѣнить крупное землевладѣніе мелкимъ и отказаться отъ той вѣковой роли, какую играла у нея аристократія. По силамъ ли будетъ ей такая задача?! Проф. *Вагнеръ*, даже не касаясь вопроса о значеніи мирной континентальной системы, выставляетъ тревожнаго характера прогностику ближайшей экономической будущности Англіи. Онъ указываетъ на *стагнацію* британской вывозной торговли въ большинствѣ европейскихъ странъ и даже на уменьшеніе на $^1/_4$ часть ея прежняго дохода отъ ввозной торговли въ С.-А. Штаты, не смотря на то, что населеніе послѣднихъ удвоилось въ періодъ отъ 1870 по 1900 года. Въ этомъ онъ видитъ предостереженіе для Германіи и другихъ высокоразвитыхъ промышленныхъ странъ противъ ихъ чрезмѣрной погони за ино-

скаго соціолога *Bourdeau*, подъ заглавіемъ „Исторія и историки. Критическій опытъ о значеніи исторіи, какъ позитивной науки". Основныя требованія, какія можно предъявлять ко всякой исторіи и ко всякой наукѣ, по его мнѣнію, тѣ же, какія выставлялъ еще Цицеронъ для современной ему исторіи: 1) Не говорить ничего, чтобы не было истиной; 2) смѣть говорить все, что есть истина. Къ числу недостатковъ новѣйшей исторіи Бурдо относитъ, кромѣ отсутствія яснаго опредѣленія своихъ задачъ и ея неспособности раскрывать какіе либо общіе, научные законы,—тотъ же недостатокъ, который ставили въ вину древней исторіи нѣкоторые изъ выдающихся классическихъ писателей. Historicum mos, писалъ *Сенека* — quum multa mentiti sunt [1]). Если этотъ упрекъ не можетъ быть въ такой же степени примѣненъ и къ новѣйшимъ историкамъ, то во всякомъ случаѣ методъ изслѣдованія, котораго они держатся, не даетъ имъ возможности констатировать фактовъ съ достаточной вѣрностью. Вслѣдствіе этой неудовлетворительности принятаго ими метода, искаженія и замалчиванія истины становятся почти неизбѣжными. На передачѣ описываемыхъ исторіей событій от-

---

странными рынками. Даже и оппонентъ Вагнера, проф. *Брентано*, не признаетъ подобнаго предпочтенія внѣшнихъ рынковъ внутреннимъ за нормальное явленіе. Выдающійся же изъ современныхъ представителей философіи исторіи и соціологіи въ Германіи, проф. *Бартъ* идетъ еще далѣе. Онъ прямо предсказываетъ „тяжкія потрясенія въ западно-европейскихъ обществахъ, которыя приведутъ въ ужасъ всѣхъ и заставятъ внимательно отнестись къ соціальной жизни. Тогда сами собою возникнутъ новыя учрежденія, каждая страна снова начнетъ работать на себя, вмѣсто того, чтобы отправлять и получать товары и ради этого тратить несоотвѣтственное количество рабочихъ силъ только на одинъ транспортъ." См. *Бартъ*, Философія исторіи какъ соціологія, р. пер. Спб., 1902, стр. 347, срвн. стр. 323 и Предисловіе къ моей Политической экономіи стр. VIII_1—VIII_4. Мнѣнія же *Вагнера* и *Брентано* развиты первымъ въ его Agrar-und Industriestaat. Berlin, 1902, стр. 180 и слѣд. и вторымъ въ его сочиненіи Ueber die Ursachen der heutigen socialen Noth. Leizig, 1889, стр. 14—17.

[1]) *Seneca*, Quest. natur. IV, 3, 1.

Не опасеніями ли возможности такого воскресенія континентальной системы, хотя и въ „*облагороженной*“, мирной формѣ, объясняется въ извѣстной степени то упорное отрицаніе англійскими историками всякаго значенія ея въ эпоху Наполеона и почти замалчиваніе ими этого событія, котораго они если и касаются, то только слегка, какъ бы мимоходомъ, отдѣлываясь обыкновенно нѣсколькими строками, особенно въ отношеніи послѣдствій его для Англіи? Во всякомъ случаѣ такое заманчиваніе, а тѣмъ болѣе совершенно превратная оцѣнка его были бы немыслимы, еслибы главнымъ фундаментомъ исторической науки служила статистика. Выставленіе общихъ положеній для характеристики общественнаго и экономическаго положенія описываемыхъ странъ, безъ предварительной, кропотливой разработки относящагося къ нимъ статистическаго матеріала, не только лишаетъ исторію научнаго значенія, но не можетъ не приносить положительнаго вреда и политической экономіи, опирающей въ значительной степени свои выводы на исторію.

Огромное значеніе статистики для исторіи, какъ позитивной науки прекрасно было намѣчено въ трудѣ извѣстнаго француз-

---

Между тѣмъ торговля на одинъ фунтъ у себя дома имѣетъ больше значенія, чѣмъ на два фунта заграницей. Мы убѣждены въ необходимости привлеченія всевозможными мѣрами капитала и труда снова къ землѣ, нынѣ покинутой ими.“ См. *Гиббинсъ*. Промышленная исторія Англіи, стр. 205 и 198. Но въ такомъ случаѣ Англіи пришлось бы передѣлать весь свой экономическій и общественный строй жизни, замѣнить крупное землевладѣніе мелкимъ и отказаться отъ той вѣковой роли, какую играла у нея аристократія. По силамъ ли будетъ ей такая задача?! Проф. *Вагнеръ*, даже не касаясь вопроса о значеніи мирной континентальной системы, выставляетъ тревожнаго характера прогностику ближайшей экономической будущности Англіи. Онъ указываетъ на *стагнацію* британской вывозной торговли въ большинствѣ европейскихъ странъ и даже на уменьшеніе на $^1/_4$ часть ея прежняго дохода отъ ввозной торговли въ С.-А. Штаты, не смотря на то, что населеніе послѣднихъ удвоилось въ періодъ отъ 1870 по 1900 года. Въ этомъ онъ видитъ предостереженіе для Германіи и другихъ высокоразвитыхъ промышленныхъ странъ противъ ихъ чрезмѣрной погони за ино-

скаго соціолога *Bourdeau*, подъ заглавіемъ „Исторія и историки. Критическій опытъ о значеніи исторіи, какъ позитивной науки". Основныя требованія, какія можно предъявлять ко всякой исторіи и ко всякой наукѣ, по его мнѣнію, тѣ же, какія выставлялъ еще Цицеронъ для современной ему исторіи: 1) Не говорить ничего, чтобы не было истиной; 2) смѣть говорить все, что есть истина. Къ числу недостатковъ новѣйшей исторіи Бурдо относитъ, кромѣ отсутствія яснаго опредѣленія своихъ задачъ и ея неспособности раскрывать какіе либо общіе, научные законы,—тотъ же недостатокъ, который ставили въ вину древней исторіи нѣкоторые изъ выдающихся классическихъ писателей. Historicum mos, писалъ *Сенека* — quum multa mentiti sunt [1]). Если этотъ упрекъ не можетъ быть въ такой же степени примѣненъ и къ новѣйшимъ историкамъ, то во всякомъ случаѣ методъ изслѣдованія, котораго они держатся, не даетъ имъ возможности констатировать фактовъ съ достаточной вѣрностью. Вслѣдствіе этой неудовлетворительности принятаго ими метода, искаженія и замалчиванія истины становятся почти неизбѣжными. На передачѣ описываемыхъ исторіей событій от-

---

странными рынками. Даже и оппонентъ Вагнера, проф. *Брентано*, не признаетъ подобнаго предпочтенія внѣшнихъ рынковъ внутреннимъ за нормальное явленіе. Выдающійся же изъ современныхъ представителей философіи исторіи и соціологіи въ Германіи, проф. *Бартъ* идетъ еще далѣе. Онъ прямо предсказываетъ „тяжкія потрясенія въ западно-европейскихъ обществахъ, которыя приведутъ въ ужасъ всѣхъ и заставятъ внимательно отнестись къ соціальной жизни. Тогда сами собою возникнутъ новыя учрежденія, каждая страна снова начнетъ работать на себя, вмѣсто того, чтобы отправлять и получать товары и ради этого тратить несоотвѣтственное количество рабочихъ силъ только на одинъ транспортъ." См. *Бартъ*, Философія исторіи какъ соціологія, р. пер. Спб., 1902, стр. 347, срвн. стр. 323 и Предисловіе къ моей Политической экономіи стр. VIII_1—VIII_4. Мнѣнія же *Вагнера* и *Брентано* развиты первымъ въ его Agrar-und Industriestaat. Berlin, 1902, стр. 180 и слѣд. и вторымъ въ его сочиненіи Ueber die Ursachen der heutigen socialen Noth. Leizig, 1889, стр. 14—17.

[1]) *Seneca*, Quest. natur. IV, 3, 1.

ражаются ихъ предвзятыя мнѣнія, увлеченія и предразсудки. Съ этимъ нельзя не согласиться. Одинъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ представителей философіи, берлинскій профессоръ *Паульсенъ*, возводитъ даже почти въ общее правило, что историки руководятся субъективными чувствами въ оцѣнкѣ главныхъ событій и потому чаще всего высказываютъ радикально противоположныя о нихъ мнѣнія: „Замѣчательно, говоритъ онъ, что почти при всѣхъ событіяхъ, производившихъ большіе историческіе повороты, противостоятъ другъ другу два пониманія: одно смотритъ на событіе, какъ на хорошее, другое—какъ на дурное. Возьмемъ, напримѣръ, изображеніе реформаціи у протестантовъ и католиковъ, или изображеніе французской революціи у демократовъ и роялистовъ; или предоставимъ написать исторію Англіи англичанамъ и народамъ, растоптаннымъ и уничтоженнымъ ими во всѣхъ частяхъ свѣта. Описывались бы одни и тѣ же событія, но оцѣнивались бы совершенно различно. Ясно, что въ этой оцѣнкѣ *мы имѣемъ дѣло не съ объективнымъ познаніемъ, а съ субъективными чувствами*. Въ концѣ концовъ исторія пишется больше одной стороной—оставшимися въ живыхъ побѣдителями; мертвые - тихіе люди“ [1]). Вліяніе *субъективныхъ мотивовъ* и сужденій на оцѣнку событій историками признаетъ и другой извѣстный представитель философіи *Вундтъ*, указывая на возможность сдѣлаться для исторіи объективной только для періодовъ слишкомъ отдаленныхъ отъ насъ [2]). Чтобы это первое условіе, безъ соблюденія котораго никакая наука не въ правѣ считать себя наукой, было выполняемо и историческими изслѣдованіями новѣйшаго времени, нѣтъ другаго средства, какъ обратиться къ помощи статистики. Чтобы исторія могла сдѣлаться наукой, она должна положить въ основаніе своихъ изслѣдованій статистику, которой чаще всего историки не хотятъ знать. Вся будущность исторіи, какъ науки, зависитъ отъ статистики. Она болѣе всего можетъ дать возможность историкамъ изучать надлежа-

---

[1]) *Паульсенъ*, Введеніе въ философію, рус. пер. Москва, 1899. стр. 181—182.

[2]) См. *Вундтъ*, Система философіи, рус. п. Спб., 1902, стр. 401.

щимъ образомъ общественную жизнь и составлять о ней правильное представленіе. Ничто не предохраняетъ въ бо̀льшей степени отъ заблужденій, какъ опредѣленіе всего числомъ и мѣрой. Къ историкамъ надо, говоритъ Бурдо, обратиться съ тѣми же словами, какими 300 лѣтъ тому назадъ знаменитый *Галилей* обратился къ физикамъ своего времени: „Не надо замѣнять счисленій разсужденіями; въ наукахъ о природѣ не должно быть мѣста пустымъ разлагольствованіямъ! Изучайте дѣйствительную жизнь, измѣряйте, взвѣшивайте, анализируйте!“ Всѣмъ извѣстны великіе результаты, достигнутые физикою примѣненіемъ этого мудраго совѣта. Тотъ же математическій методъ окажетъ не меньшую пользу и историкамъ; онъ одинъ можетъ преобразовать исторію изъ романа, какой она является теперь, въ дѣйствительное знаніе. Вмѣсто того, чтобы опираться на всегда неполныя показанія случайныхъ свидѣтелей, которые говорятъ или замалчиваютъ все, что имъ угодно, исторія будетъ выводить свои заключенія изъ многочисленныхъ статистическихъ данныхъ, подлежащихъ взаимной провѣркѣ. Въ такомъ случаѣ въ исторіи не будетъ мѣста личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ, предвзятымъ мнѣніямъ, произвольнымъ рѣшеніямъ и фантазіи. Языкъ цифръ—самый совершенный. Онъ является смертью для эпитетовъ, метафоръ и фразъ. То, что говорятъ цифры, отличается объективностью, ясностью и никакое риторское краснорѣчіе не сравняется съ убѣдительностью ихъ языка. Исторія должна не развлекать людей, но поучать ихъ и служить имъ. Такимъ образомъ историческимъ знаніямъ предстоитъ настоятельная реформа. Исторіографія чисто литературнаго характера доживаетъ свои послѣдніе дни. Наступаетъ время исторіи научной. Если эта реформа не будетъ произведена самими историками, то совершится противъ ихъ воли [1]).

---

[1]) См. *Bourdeau.* L'histoire et les historiens. Essai critique sur l'histoire considérée comme science positive. Paris, 1888. Значительную степень основательности взглядовъ Бурдо признаютъ и сами историки. Есть много случаевъ, говоритъ одинъ изъ нашихъ профессоровъ всеобщей исторіи, когда историки отдѣлываются общими фразами, между тѣмъ нѣсколько цифръ дало бы вполнѣ ясное пред-

Трудно болѣе краснорѣчиво и убѣдительно доказать необходимость для исторіи принять за свое основаніе данныя, сообщаемыя статистической наукой, какъ это сдѣлалъ Бурдо. На его проникнутую глубокимъ убѣжденіемъ рѣчь нѣкоторые изъ историковъ отвѣчаютъ, что онъ требуетъ отъ исторіи невозможнаго. Статистическими цифрами можно, говорятъ, характеризовать состояніе общества и происходящія въ немъ измѣненія съ ходомъ времени, но немыслимо передавать при посредствѣ ихъ сущность религіознаго, философскаго или умственнаго движенія [1]). Но въ этихъ случаяхъ и не требуетъ Бурдо примѣненія статистики. Онъ желаетъ только, какъ самъ выражается, чтобы статистика вошла въ своего рода компромисъ съ историками, предоставивъ послѣднимъ излагать по прежнему въ изящной, увлекательной формѣ все то, что не поддается выраженію языкомъ цифръ [2]).

Изъ первостепенной важности значенія статистической науки для исторіи, конечно, не вытекаетъ еще правильность взгляда основателя такъ называемой *прагматической* школы статистики начала XIX-го вѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстнаго историка *Шлёцера*, который смотрѣлъ на исторію, какъ на цѣлое, а на статистику только какъ на часть ея. По его словамъ, „исторія есть движущаяся статистика, а статистика—остановившаяся исторія“. Но какъ продолжающаяся статистика не можетъ сдѣлаться исторіей, такъ точно также остановившуюся исторію нельзя принять за статистику. Хотя исторія и статистика имѣютъ своимъ объектомъ общественную жизнь, однако въ самомъ способѣ разработки объекта эти науки представляютъ существенное раз-

---

ставленіе о данномъ историческомъ явленіи. Нерѣдко одни историки свидѣтельствуютъ о благоденствіи страны, а другіе рисуютъ ее въ ту же самую эпоху въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Такая противорѣчащая оцѣнка была бы почти невозможна при статистическомъ изученіи фактовъ. См. проф. *Любовичъ*, Статистическій методъ въ приложеніи къ исторіи. Варшава 1901 г.

[1]) Idem и *Сеньобосъ*, Историческій методъ въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ, стр. 154.

[2]) *Bourdeau*, L'histoire et les historiens, стр. 318—324 и др.

личіе. Исторія представляетъ собою въ своемъ родѣ драму человѣческой жизни во всѣхъ ея перипетіяхъ. Ея содержаніе состоитъ не только въ описаніи эволюціи жизненныхъ формъ и условій развитія человѣчества, но также самаго хода борьбы его за пріобрѣтеніе всѣхъ тѣхъ правъ и благодѣяній, которыми оно пользуется въ настоящее время, трудовъ и заслугъ отдѣльныхъ лицъ, оказавшихъ содѣйствіе ему по завоеванію этихъ благъ. Она останавливается подробно на характеристикѣ этихъ лицъ и событій, описываетъ развитіе государственныхъ и общественныхъ учрежденій, религіи, наукъ и искусствъ, двигавшихъ человѣчество впередъ и прч. Задача исторіи, по мнѣнію *Вундта* — изслѣдовать событія, которыя привели къ данному состоянію общества. Статистика же, напротивъ, не описываетъ, какъ совершались событія, не слѣдитъ за ходомъ борьбы и усиліями, потраченными людьми на замѣну прежнихъ условій жизни новыми. Она ограничивается лишь констатированіемъ того вліянія, какое оказываютъ эти условія на жизнь и благосостояніе населенія.

Еще большее значеніе имѣетъ статистика для *политической экономіи*, вслѣдствіе того же числоваго метода ея. Она оказываетъ политической экономіи двоякую услугу: во 1-хъ излагаетъ факты, составляющіе матеріалъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій этой науки; во 2-хъ она служитъ пробнымъ камнемъ для провѣрки степени правильности общихъ положеній экономической науки, не всегда имѣющихъ подъ собою достаточную фактическую почву. Ад. Смитъ, котораго принято называть отцомъ политической экономіи, писалъ свое „Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства націй“ въ то время, когда статистическая наука только-что зарождалась. Тѣмъ не менѣе, онъ пользовался ея свѣдѣніями въ значительной степени, и тамъ, гдѣ его общія положенія опирались на статистику и исторію,— они отличаются наибольшей вѣрностью. Тамъ же, гдѣ ему не доставало фактическихъ данныхъ, доставляемыхъ этими отраслями знанія, выводы его нерѣдко страдаютъ крайней односторонностью и апріористическимъ характеромъ. Впрочемъ этотъ недостатокъ въ равной степени свойственъ и большинству новѣйшихъ эко-

номистовъ, когда они берутся строить свои теоріи, не справляясь со статистикой, полагаясь на скудный запасъ своихъ личныхъ наблюденій надъ окружающей ихъ жизнью.

Большинство экономистовъ признаетъ всю важность статистики для правильныхъ выводовъ экономической науки и тѣмъ не менѣе нерѣдко, какъ и историки, не считаетъ безусловно необходимымъ дѣлать предварительныя, иногда крайне кропотливыя справки съ цифрами для фактическаго обоснованія своихъ общихъ положеній. Такой способъ разработки политической экономіи приноситъ ей еще больше вреда, чѣмъ исторіи. Исторія описываетъ не одно состояніе общества, но также самый ходъ событій и вліяніе на нихъ отдѣльныхъ личностей, для чего далеко не всегда требуются статистическія данныя. Политическая экономія, напротивъ, занята почти исключительно характеристикой состоянія общества и естественныхъ законовъ, управляющихъ имъ при данныхъ условіяхъ. Поэтому трудно найти въ экономической наукѣ вопросъ, который не имѣлъ бы никакой связи со статистикой. Мало того, почти всѣ эти законы ея, управляющіе колебаніемъ рыночныхъ цѣнъ предметовъ, заработной платы, ренты, процента и прибыли, какъ равно и основной законъ спроса и предложенія, проявляющійся въ нихъ — суть не что иное, какъ законы большихъ чиселъ, слѣдовательно тѣ же, что и въ статистикѣ. Вся разница между статистической и экономической науками заключается только въ томъ, что первая ограничивается констатированіемъ пропорціональныхъ отношеній изучаемыхъ ею явленій въ различныхъ странахъ, выясняя ближайшія условія, вызывающія различія въ нихъ между отдѣльными странами и подводя вліяніе этихъ условій подъ общіе законы. Политическая же экономія идетъ нѣсколько далѣе въ своемъ изслѣдованіи: она стремится подвести эти ближайшія условія подъ болѣе общія причины и законы. Статистика указываетъ напр. что количество производимыхъ продуктовъ быстро возрастаетъ съ развитіемъ раздѣленія труда и введеніемъ машинъ, а равно что цѣна этихъ продуктовъ сильно удешевляется, почему они становятся доступными все большей массѣ населенія. Но констатируя эту ближайшую связь между означенными явле-

ніями, статистическая наука предоставляетъ политической экономіи выяснять дальнѣйшія причины этихъ ближайшихъ причинъ— сущность раздѣленія труда, причины, вслѣдствіе которыхъ примѣненіе его и машинъ дѣлаетъ трудъ болѣе производительнымъ. Отношеніе между статистикой и политической экономіей такъ близки, что не по каждому вопросу есть всегда возможность провести между ними строгую, разграничительную линію. Можно только сказать, что статистика совмѣстно съ исторіей служитъ для политической экономіи пособіемъ для болѣе глубокихъ изысканій и выводовъ, но пособіемъ столь существенной важности, что безъ него большая часть ея выводовъ и общихъ положеній была бы на степени ничѣмъ не доказанныхъ предположеній. Я позволю себѣ повторить здѣсь то, что мною было высказано по этому вопросу въ моей „Политической Экономіи“:

Историческіе и статистическіе факты являются въ политической экономіи главнымъ фундаментомъ для построенія общихъ выводовъ и положеній, по крайней мѣрѣ въ исторической школѣ ея. Сравнительно-историческое сопоставленіе однородныхъ фактовъ и явленій у различныхъ народовъ въ различныя эпохи жизни ихъ даетъ возможность заключать, какія изъ этихъ явленій встрѣчаются вездѣ и всегда и потому могутъ быть признаны типическими для характеристики общественнаго быта вообще и какія замѣчаются только у нѣкоторыхъ изъ нихъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Такимъ путемъ эта школа экономистовъ достигаетъ выясненія естественныхъ законовъ существованія и развитія народнаго хозяйства. Что касается статистики, то содѣйствіе ея политической экономіи является особенно важнымъ въ прикладной ея части, въ ученіи объ экономической политикѣ. Сколько нибудь достовѣрная статистика, характеризующая состояніе народнаго благосостоянія и указывающая на присутствіе или отсутствіе въ современныхъ обществахъ тѣхъ или другихъ существенно важныхъ условій его, даетъ тѣмъ самымъ возможность предвидѣть, на основаніи предшествующаго историческаго опыта, какія мѣры экономической политики могутъ принести пользу для развитія народнаго хозяйства и какія вредъ. Знакомство съ реальными, черезъ всю исторію проходящими, естественными законами и разнообразными условіями, при которыхъ видоизмѣняется сила и вліяніе этихъ законовъ, предоставляемое политическою экономіею, если она разработывается сравнительно-историческимъ методомъ, даетъ возможность государственнымъ дѣятелямъ,

людямъ практики, взвѣшивать настоящимъ образомъ современныя имъ условія жизни и придумывать наиболѣе цѣлесообразныя мѣры экономической политики къ возвышенію народнаго благосостоянія [1]).

Въ политической экономіи статистика играетъ почти такую же роль, какъ опытъ въ химіи и физикѣ. Чѣмъ болѣе новыхъ, неизвѣстныхъ прежде фактовъ сообщаетъ она экономисту, тѣмъ болѣе даетъ ему возможноти приходить къ новымъ научнымъ выводамъ. Она помогаетъ ему выработывать новые научные принципы или видоизмѣнять и исправлять прежніе, основанные на недостаточномъ наблюденіи дѣйствительности или на простыхъ предположеніяхъ.

Вслѣдствіе большой близости статистики и политической экономіи другъ къ другу по своему содержанію, многіе экономисты, особенно германскіе, какъ напр. *Рошеръ* и *Вагнеръ*, даже включаютъ въ экономическую науку одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ статистической науки, именно ученіе о народонаселеніи. Но это происходитъ, повидимому, главнымъ образомъ оттого, что она или совсѣмъ не входитъ въ число предметовъ, преподаваемыхъ въ германскихъ университетахъ, или преподается въ нихъ слишкомъ неудовлетворительно. Послѣднее обстоятельство выяснено профессоромъ *Вагнеромъ* въ статьѣ объ организаціи преподаванія политической экономіи и статистики въ университетахъ [2]).

Не буду останавливаться болѣе подробно на отношеніи статистики къ политической экономіи. Это сдѣлано уже мною въ недавнемъ трудѣ по политической экономіи [3]), гдѣ критически разобраны и опровергнуты мнѣнія проф. вѣнскаго университета *Менгера*, отрицающаго непосредственную зависимость всего будущаго развитія экономической науки отъ статистики и исторіи.

---

[1]) *Симоненко*, Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ, Варшава, 1900, стр. 81—82.

[2]) См. Zeitschrift des k. pr. statistischen Bureau's за 1877 г., стр. 129 и 143, срвн. *Georg Meyer*. Das studium öffentlichen Rechts und der Staatswissenschaften in Deutschland Jena, 1875, стр. 7 и *его же* новѣйшій трудъ, переведенный на русскій языкъ — Статистика и обществовѣдѣніе. Спб., 1899, стр. 193.

[3]) *Симоненко*, Политическая экономія. Глава III-я.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніи статистики къ другимъ общественнымъ наукамъ съ болѣе опредѣленными задачами, чѣмъ соціологія, — къ географіи и общественной гигіенѣ.

Почти во всѣхъ географическихъ сочиненіяхъ встрѣчается большое количество статистическихъ данныхъ о числѣ народонаселенія различныхъ странъ и городовъ ихъ, размѣрахъ добывающей и переработывающей промышленности, торговыхъ сношеніяхъ и прч. Неудивительно, что въ трудахъ первыхъ представителей статистической науки школы Ахенваля статистика почти не отличалась отъ политической географіи [1]). Но статистическія свѣдѣнія, входящія въ географію, не составляютъ ея существеннаго содержанія, а являются только дополненіемъ и поясненіемъ главнаго содержанія ея, заключающагося въ описаніи земли, соотвѣтственно греческому словопроизводству наименованія этой науки. Поэтому, со времени французскаго статистика *Гильяра, географіи* противополагаютъ въ статистикѣ *демографію*, какъ ученіе о населеніи, составляющее главную часть ея.

Въ свою очередь и статистика находится чуть ли не въ еще большей зависимости отъ географіи. Земля, составляя основной предметъ географіи, служитъ обиталищемъ людей, поприщемъ для развитія всей человѣческой и общественной жизни. Поэтому, безъ предварительнаго знанія географіи, невозможно даже и самое изученіе статистики. Все, что говоритъ послѣдняя о распредѣленіи населенія по отдѣльнымъ государствамъ, народностямъ, населеннымъ пунктамъ, относится къ опредѣленнымъ территоріальнымъ единицамъ. Состояніе добывающей, а въ извѣстной степени также переработывающей промышленности, торговли, и даже самое движеніе населенія зависитъ ближайшимъ образомъ отъ естественныхъ качестъ почвы, географическаго положенія страны, высоты ея надъ уровнемъ моря, характера распредѣле-

---

[1] (См. *Lexis*, Die Deutschen Universitäten, I, 600.

нія внутреннихъ и внѣшнихъ водъ и всей топографіи ея, характеризуемыхъ географической наукой.

Еще большое значеніе статистика представляетъ для *общественной гигіены*, какъ науки объ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ народное здравіе. Эта наука почти не можетъ сдѣлать шага безъ помощи статистики. Благодаря ей, она намѣчаетъ неблагопріятныя условія для народнаго здравія, коренящіяся какъ во внѣшней природѣ, такъ и въ организаціи общественной жизни. Къ первымъ она относитъ напр. обиліе болотъ, вліяющихъ на большое распространеніе лихорадокъ, которыя въ умѣренномъ климатѣ разслабляютъ человѣческій организмъ и дѣлаютъ его воспріимчивымъ ко всякимъ инфекціоннымъ болѣзнямъ, а въ жаркомъ климатѣ непосредственно убиваютъ людей, переходя въ тифоидальную малярію. Столь же вредныя почвенныя и климатическія условія она указываетъ со времени *Петтенкофера* въ отношеніи развитія холерныхъ эпидемій, чахотки, тифа, а также различныхъ простудныхъ болѣзней. Съ начала эпохи бактеріологическихъ изслѣдованій *Пастера*, *Коха* и другихъ, непосредственными причинами всякихъ инфекціонныхъ болѣзней признаются различнаго рода стрептококи, стафилококи и другаго рода бактеріи. Хотя вслѣдствіе этого изслѣдованіе внѣшнихъ причинъ, обусловливающихъ развитіе этихъ болѣзней и отодвинулось на задній планъ, тѣмъ не менѣе и теперь никто не отрицаетъ, что почвенныя и климатическія условія содѣйствуютъ развитію этихъ бациллъ и внѣдренію ихъ въ человѣческомъ организмѣ. Одна только простуда дыхательныхъ органовъ не только предрасполагаетъ къ заболѣваніямъ дифтеріей, но и сильно увеличиваетъ смертность отъ такихъ болѣзней, какъ корь, коклюшъ, скарлатина, вызывая осложненія, соединенныя съ страданіями дыхательныхъ путей.

Пользуясь указаніями статистики заболѣваній и смертности въ различныхъ мѣстностяхъ, постарленныхъ въ неблагопріятныя условія, правительство можетъ оздоравливать климатъ осушеніемъ посредствомъ канализаціи почвы, регулированіемъ теченія рѣкъ, содѣйствіемъ разведенію лѣсовъ, защищающихъ отъ холодныхъ

сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ, предрасполагающихъ къ простудѣ [1]).

Во всемъ строѣ общественной и экономической жизни статистика указываетъ не менѣе неблагопріятныя условія, отъ которыхъ зависятъ другаго рода болѣзни, какъ брюшной тифъ, развивающійся отъ засоренія рѣчныхъ и другихъ водъ, употребляемыхъ для питья, пятнистый тифъ отъ дурной организаціи продовольственнаго дѣла, возвратный тифъ, зависящій, по мнѣнію нѣкоторыхъ, отъ слишкомъ большой скученности населенія, оспенныя эпидеміи, распространяющіяся отъ отсутствія правильной организаціи оспопрививательнаго дѣла, глазныя болѣзн и и слѣпота, происходящія отъ отсутствія своевременной медицинской помощи въ сельскомъ населеніи, большія опустошенія производимыя холерными эпидеміями и другими инфекціонными болѣзнями отъ отсутствія въ городахъ канализаціи и хорошаго водоснабженія [2]).

Рѣшеніе большинства вопросовъ общественной гигіены безъ помощи статистики положительно невозможно. Такъ напр. медики долгое время вѣрили въ возможность акклиматизаціи переселенцевъ изъ средней Европы въ непривычномъ для нихъ климатѣ тропическихъ странъ. Вслѣдствіе этого первоначально посылались изъ Англіи войска въ Остъ-Индію на долгоевремя въ предположеніи, что смертность среди ихъ будетъ становиться тѣмъ меньшею, чѣмъ долѣе они будутъ тамъ оставаться. Но статистика совершенно опровергла эту теорію акклиматизаціи и смертность въ англійскихъ войскахъ сильно уменьшилась съ тѣхъ поръ, какъ личный составъ ихъ сталъ мѣняться возможно чаще. У насъ въ Россіи Казанскій военный округъ долгое время отличался максимальной смертностью по сравненію съ другими

---

[1]) См. мою статью „Лѣсоразведеніе и лѣсоохраненіе, какъ средство для предупрежденія дифтерійно-крупозныхъ эпидемій въ 13-мъ выпускѣ Трудовъ Варш. Ст. Комитета, стр. 377—401.

[2]) См. тамъ же мою „Статистику движенія населенія въ десяти губерніяхъ Царства Польскаго за послѣднее 27-лѣтіе съ статистическо-топографическимъ очеркомъ условій санитарнаго состоянія этихъ губерній, стр. 134—249.

округами, вслѣдствіе разслабляющаго дѣйствія на организмъ лихорадочныхъ мѣстностей, которыми онъ такъ обиленъ. Но смертность въ войскахъ этого округа сильно понизилась съ тѣхъ поръ, какъ введеніе всеобщей воинской повинности значительно сократило время службы въ войскахъ, а потому и пребыванія въ подобныхъ мѣстностяхъ одного и того же личнаго состава ихъ.

Въ какой сильной степени медицина и гигіена стали пользоваться свѣдѣніями, сообщаемыми статистической наукой, лучше всего показываетъ возникновеніе особой отрасли ея подъ названіемъ „*медицинской статистики*". Выдающимся руководствомъ по этому предмету въ 1860 годахъ служилъ трудъ проф. *Эстерлена*, а позднѣе прекрасный, хотя совсѣмъ неизвѣстный нашимъ статистикамъ, вслѣдствіе слишкомъ спеціальнаго своего названія [1]) трудъ недавно скончавшагося берлинскаго профессора *Гирша*. Нельзя не пожалѣть вмѣстѣ съ докторомъ *Принцингомъ* [2]) что медицинская статистика и общая статистика населенія, не смотря на большую ихъ взаимную зависимость, стали въ послѣднее время разрабатываться почти независимо другъ отъ друга. Результаты медицинско-статистическихъ изслѣдованій печатаются въ многочисленныхъ спеціальныхъ медицинскихъ періодическихъ изданіяхъ и остаются чаще всего неизвѣстными представителямъ общей статистической науки. Это не можетъ не отражаться вреднымъ образомъ на существенно важномъ отдѣлѣ ученія ея о болѣзняхъ, какъ непосредственныхъ причинахъ смертности населенія. Съ другой стороны, и для большинства медиковъ и гигіенистовъ труды по общей статистикѣ населенія остаются до такой степени малоизвѣстными, что только этимъ можно объяснить тѣ грубыя ошибки, въ которыя они нерѣдко впадаютъ, какъ это было доказано мною выше.

---

[1]) См. *Oesterlen*, Handbuch der medicinische Statistik, 1864 и *Hirsch*, Handbuch der historisch-geographischen Pathologie въ 3-хъ томахъ. Stuttgart, 1883.

[2]) См. статью Dr. *Prinzing*'a. Die manigfachen Beziehungen zwischen Statistik und Medicin, помѣщенную въ Allgemeines Statistisches Archiv, her. von Georg *Mayer*, за 1902 г., стр. 22.

Близкое соприкосновеніе медицинской статистики съ общей статистикой и оказываемое ими другъ другу взаимное содѣйствіе [1]), конечно не дѣлаетъ ихъ основныхъ задачъ тождественными. Задача медицинской статистики, какъ всякаго медицинскаго изслѣдованія, заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы служить человѣчеству практически. Она указываетъ цифровыми данными физическія и соціальныя условія, благопріятствующія развитію болѣзней и большой смертности отъ нихъ. Ея указаніями болѣе всего пользуется общественная гигіена, пріискивающая средства къ устраненію этихъ условій и оздоровленію страны. Общая статистическая наука пользуется свѣдѣніями медицинской статистики по вопросу о смертности населенія и о причинахъ, вліяющихъ на размѣры ея, какъ матеріаломъ для возведенія цѣльнаго научнаго зданія въ систематическомъ ученіи о движеніи населенія. Но отдѣлъ статистической науки, посвященный ученію о смертности, очень обширенъ. Размѣры смертности населенія каждой страны находятся въ близкой зависимости отъ совокупности благопріятныхъ и неблагопріятныхъ, какъ физическихъ, такъ и чисто общественныхъ условій, выясненіе которыхъ лежитъ на статистической наукѣ. Неудивительно поэтому, что въ Англіи эту часть ея стремятся выдѣлить въ особую науку подъ именемъ „медицинской соціологіи“, какъ это можно видѣть изъ вышедшаго недавно труда, *Blackwell'я* Essays in medical Sociology, London, 1902). Въ этомъ случаѣ происходитъ здѣсь почти тоже, что значительно раньше наступило въ области нравственной статистики, посвященной преступленіямъ, которая почти выдѣлилась уже въ особую науку подъ именемъ „криминальной соціологіи“, разработываемой въ настоящее время гораздо болѣе представи-

---

[1]) О попыткѣ объединить труды по медицинской статистикѣ съ общими трудами по статистикѣ населенія, сдѣланной Варшавскимъ Ст. Комитетомъ по иниціативѣ предсѣдателя его, *I. В. Гурко* см. мой докладъ о программѣ санитарно-статистическаго и медико-топографическаго описанія десяти губерній Царства Польскаго въ XIII выпускѣ Трудовъ, стр. 249—307.

уелями науки уголовнаго права, чѣмъ статистиками. Въ такомъ развѣтвленіи одной и той же статистической науки на нѣсколько особыхъ отдѣловъ знанія выражается обычный прогрессъ наукъ, лучше всего характеризующій тотъ живой интересъ, который представляетъ статистика по своему содержанію.

ГЛАВА III.

Соціологія и статистика.

По словамъ *де Роберти*, „соціологія не есть наука, которая преслѣдовала бы опредѣленныя цѣли и опредѣленными же средствами". Идея соціологіи, по словамъ одного изъ позитивистовъ (Гаранъ де Витри), съ мнѣніемъ котораго онъ согласенъ, пока только „носится въ воздухѣ" и можетъ быть къ концу нашего столѣтія ученый міръ признаетъ оффиціально новую науку [1]). Дѣйствительно къ концу XIX-го столѣтія какъ будто наступило это признаніе. Съ каждымъ годомъ увеличивается число сочиненій по соціологіи. Въ 1893 г. въ Парижѣ основанъ особый „Международный Соціологическій Институтъ", который устраиваетъ международные соціологическіе конгрессы. Въ нѣкоторыхъ изъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній, особенно въ Америкѣ и во Франціи, соціологія вошла въ число предметовъ преподаванія [2]). Но сдѣлалось ли отъ этого понятіе о задачахъ соціологіи болѣе яснымъ, сложилась ли она наконецъ въ дѣйствительную науку—на этотъ вопросъ даетъ, къ сожалѣнію, неутѣшительный отвѣтъ выдающійся американскій представитель соціологіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и преподаватель ея въ Колумбійскомъ университетѣ въ Нью-Йоркѣ, *Гиддингсъ*. Онъ откровенно заявляетъ, что соціологія по прежнему остается не болѣе, какъ наукой in spe, а не существующей въ дѣйствительности; „*Приходится сознаться*, говоритъ онъ,

---

[1]) *Евгеній де Роберти*, Соціологія, Спб., 1880, стр. 1 и 167.

[2]) См. *Карѣевъ*. Введеніе въ изученіе соціологіи, Спб., 1897, стр. 364—381.

что соціологія представляется какъ бы совокупностью фактовъ, *которые мы надѣемся получить въ будущемъ*" [1]).

Георгъ Майеръ въ своемъ сочиненіи „Статистика и обществовѣдѣніе" опредѣляетъ *соціологію*, какъ „изученіе соціальныхъ союзовъ всѣхъ временъ и народовъ, ихъ жизнедѣятельности и законовъ развитія". Указывая на крайнее разногласіе соціологовъ относительно предѣловъ ихъ науки, онъ сводитъ ихъ мнѣнія къ четыремъ слѣдующимъ категоріямъ: одни, какъ *Лоренцъ Штейнъ*, понимаютъ подъ обществомъ духовный порядокъ между людьми, въ противоположность чисто матеріальному порядку хозяйственныхъ благъ и чисто политическому порядку государства. Другіе стремятся разсмотрѣть всѣ виды соціальныхъ явленій и поглотить въ соціальной „анатоміи" и „физіологіи" многія науки, давно уже сдѣлавшіяся самостоятельными. Третіи, сознавая безпредѣльность такой программы, стремятся сдѣлать изъ соціологіи эклектическую науку, которая оперировала бы съ выводами исторіи, антропологіи, статистики и психологіи, дѣлая соціологію синтезомъ другихъ общественныхъ наукъ, слѣдовательно философіей общества. Какъ на одного изъ сторонниковъ такого направленія Майеръ указываетъ на берлинскаго проф. *Зиммеля*. Четвертые ставятъ задачей новой науки непосредственное изученіе самыхъ соціальныхъ группъ и союзовъ въ ихъ взаимнодѣйствіи, обращаясь съ особенной любовью къ изученію примитивной человѣческой группы [2]). Майеръ не говоритъ прямо, кого именно онъ зачисляетъ въ соціологи этой четвертой категоріи; но, несомнѣнно, къ нимъ можно отнести *Гумиловича*, *Гиддингса*, отчасти *Греефа*. Первый изъ нихъ въ историческомъ очеркѣ соціологіи, предпосланномъ его „Основаніямъ соціологіи" останавливается на чисто этнологическихъ изслѣдованіяхъ *Бастіана* и жизни первобытныхъ народовъ *Линнерта*, включая ихъ въ область соціологіи [3]). Подобнымъ образомъ

---

[1]) *Гиддингсъ*, Основаніе соціологіи, рус. п. Кіевъ. 1898. стр. 18.

[2]) См. *Георгъ Майеръ*, Статистика и обществовѣдѣніе, рус. п. Спб. 1899, т. I-й, стр. 19—23.

[3]) См. *Гумиловичъ*, Основанія соціологіи, рус. пер. Спб. 1899, стр. 1—81.

американскій соціологъ *Гиддингсъ* въ своемъ курсѣ соціологіи относится съ не меньшимъ вниманіемъ къ трудамъ *Леббока*, *Моргана*, *Вестермарка*, *Тайлора* и другихъ о жизни первобытныхъ народовъ [1]).

Въ дополненіе къ классификаціи, сдѣланной Майеромъ, разнообразныхъ взглядовъ соціологовъ на предметъ ихъ изслѣдованій, нельзя не присоединить и другихъ существенно важныхъ мнѣній представителей ученія о соціологіи. Такъ, нѣкоторые отождествляютъ съ нею философію исторіи, какъ это недавно сдѣлалъ проф. *Бартъ* [2]). Другіе, начиная съ *Кетле*, соединяютъ съ статистикой, подобно ему, понятіе о соціальной физикѣ. Такъ нашъ проф. *Янсонъ* дѣлаетъ предметомъ статистики „общество, его строеніе, складъ и всѣ жизненныя отправленія", слѣдовательно ставитъ ей почти ту же задачу, какую принято указывать соціологіи, со времени О. Конта. Проф. бернскаго университета *Рейхесбергеръ* считаетъ развитіе науки объ обществѣ безъ помощи статистики положительно невозможнымъ и упрекаетъ охарактеризованную имъ школу выдающихся представителей соціологіи, какъ *Герберть Спенсеръ*, *Кэри*, *Шеффле*, *Лиліенфельдъ*, въ томъ, что они вовсе не воспользовались статистикой, которая для громаднаго большинства явленій общественной жизни представляетъ единственный и наиболѣе правильный методъ наблюденія, не смотря на то, что эта школа съ самаго начала стала на несомнѣнно научную почву. Только при помощи статистики Рейхесбергеръ надѣется раскрыть тѣ *естественныя* основанія, которыя общество имѣетъ всюду и всегда съ тѣхъ поръ,

---

[1]) См. *Гиддингсъ*, Основанія соціологіи, Кіевъ 1898. Нѣкоторые изъ крупныхъ промаховъ *Гиддингса*, *Бюхера* и другихъ соціологовъ по вопросу о возникновеніи торговли и другихъ формъ экономической жизни мною намѣчены, основываясь на изслѣдованіяхъ *Оппенгеймера*, *E. Meyer*'а, *Инама Штернега* и другихъ. См. мою „Пол. экономію въ нов. направленіяхъ", стр. 451—472.

[2]) *Бартъ*. Философія исторіи, какъ соціологія, Спб., 1-е изд. въ 1900 г. 2-е въ 1902 г. Срвн. *Паульсенъ*, Введеніе въ философію, стр. 328.

какъ люди стали жить вмѣстѣ [1]). Подобное же значеніе статистикѣ придаетъ англійскій соціологъ *Майо Смитъ* въ своемъ, вышедшемъ недавно въ русскомъ переводѣ трудѣ подъ заглавіемъ „Статистика и соціологія". Тоже можно сказать о *Тардѣ*, *Ферри* и другихъ представителяхъ криминальной соціологіи, труды которыхъ ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ трудовъ *Герри*, *Файе*, *Легуа*, *Майера* и другихъ по уголовной статистикѣ.

Наконецъ особенно важную, по моему мнѣнію, категорію соціологовъ составляютъ тѣ, которые отождествляютъ ее съ политической экономіей, какъ это дѣлаютъ *Кери* въ своихъ „Основаніяхъ общественной науки", итальянскіе экономисты *Бруно* (scienza sociale) и *Біанкини*, изъ французскихъ *Clement* [2]) *Курсель Сенель* [3]), *Coste* [4]), изъ нѣмецкихъ *Uhde* [5]), *Шеффле* [6]). Даже *Рошеръ* называетъ политическую экономію „*физіологіей общества*" [7]).

Чтобы хоть сколько нибудь разобраться въ столь разнородныхъ взглядахъ на соціологію, остается обратиться къ ея первоисточнику—къ труду основателя ея *Огюста Конта*, который развилъ свои взгляды на нее и ея отношеніе къ другимъ наукамъ въ своемъ „Курсѣ позитивной философіи".

Контъ понималъ подъ соціологіей или соціальной физикой науку о естественныхъ законахъ организаціи, существованія

---

[1]) *Рейхеебергеръ*, Статистика и наука объ обществѣ. Спб. 1898, стр. 3—42, 61 и др.

[2]) *Clement*, Essai sur la science sociale въ 2-хъ томахъ.

[3]) См. *Coureelle-Seneuil*, Des principes du droit въ Journal des Économistes за 1866 г. и его же статью L'enseignement de l'économie politique dans les facultés de droit тамъ же за 1877 г. май м.

[4]) *Coste*, Nouvel exposé d'économie politique et de physiologie socialle. Paris, 1889.

[5]) *Uhde*, Die Grundzüge der Nationalökonomie oder socialen Physiologie.

[6]) *Schäffle*, Bau und Leben des socialen Körpers въ 3-хъ томахъ.

[7]) См. *Roscher*, Vorwort z. Nationalökonomisch-civilistische Studien von *Dankwart*.

и развитія обществъ, въ своемъ родѣ общественную анатомію и физіологію, или какъ онъ выражается, статику и динамику общества. Изслѣдованія объ обществѣ онъ приравнивалъ къ изученію живыхъ тѣлъ (corps vivants), въ которыхъ всѣ стороны жизни неразрывно связаны между собою, находятся во взаимной солидарности и могутъ быть достаточно выяснены только ихъ взаимнодѣйствіемъ [1]).

Знакомство съ „исторической картиной прогресса человѣческаго духа", написанной *Кондорсэ*, навела его на мысль, что если существуютъ постоянные законы, управляющіе вселенной, открытые естественными науками, почему не могли бы существовать подобные-же законы, управляющіе развитіемъ умственныхъ и нравственныхъ силъ человѣка. Прежде чѣмъ думать о созданіи какой либо новой науки, изслѣдующей такіе естественные законы общественной жизни, О. Контъ обратился къ существующимъ уже наукамъ, главнымъ образомъ къ политической экономіи, въ надеждѣ найти въ ней скорѣе всего отвѣтъ на свой вопросъ. Къ этому онъ имѣлъ полное основаніе. Въ то время, какъ въ политическихъ наукахъ, начиная съ трудовъ Платона и Аристотеля, государственная жизнь постоянно заслоняла собою самостоятельныя функціи общественной жизни, въ экономической наукѣ эти отправленія впервые были выдвинуты на первый планъ, какъ коренящіяся въ самой природѣ человѣческихъ обществъ, въ ея законахъ, установленныхъ Провидѣніемъ подобно тѣмъ, какіе управляютъ всѣмъ остальнымъ міромъ [2]). Съ другой стороны, О. Конту были не безъизвѣстны тѣ восторженныя похвалы, которыя Ж. Б. Сей и другіе изъ современныхъ ему экономистовъ расточали опытному методу, указанному геніемъ Бэкона для раскрытія законовъ какъ физическаго міра, такъ и міра общественныхъ явленій. Но обратившись къ политической экономіи

---

[1]) См. *Auguste Comte*, Cours de philosophie positive, изд. 3-е, т. IV, стр. 198, 204, 235—256 и др.

[2]) См. въ моемъ трудѣ „Политическая экономія" главу V-ю объ отношеніи ея къ государственнымъ наукамъ. Срвн. тамъ же гл. II-ю о методѣ полит. экономіи.

въ томъ видѣ, какъ она существовала въ его время, О. Контъ разочаровался въ возможности для нея быть истинной наукой объ обществѣ. Она грѣшила въ его время, а отчасти и теперь грѣшитъ въ трудахъ многихъ представителей ея, въ отношеніи позитивнаго метода тѣмъ, что разсматривала одну только сторону общественной жизни — народное богатство, безъ связи его съ развитіемъ всѣхъ нематеріальныхъ видовъ народной дѣятельности, находящихся въ органической связи и взаимнодѣйствіи съ успѣхами перваго. Онъ назвалъ вполнѣ основательно схоластическими нескончаемыя пренія тогдашнихъ экономистовъ по вопросу, надо ли понимать подъ производствомъ и производительнымъ трудомъ [1]) созданіе однѣхъ только вещественныхъ цѣнностей или и содѣйствіе развитію въ обществѣ знаній, нравственности, безопасности. Въ изслѣдованіи обществъ, какъ живыхъ тѣлъ, не могло бы быть и рѣчи о такомъ вопросѣ, ибо въ такихъ тѣлахъ всѣ виды основныхъ отправленій обусловливаютъ собою существованіе цѣлаго. Научный анализъ общества въ экономическомъ отношеніи не можетъ быть производимъ, по его мнѣнію, безъ связи съ анализомъ его въ умственномъ, нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ. Съ другой стороны, политическая экономія возбуждала въ немъ какъ въ натуралистѣ, большое недовѣріе тѣмъ, что разработывалась въ его время почти исключительно юристами и литераторами, незнакомыми съ основными пріемами опытнаго метода [2]). Это побудило его отвернуться отъ экономической науки и искать разрѣшенія задачъ соціальной статики путемъ созданія новой науки соціологіи.

Правильно ли было со стороны О. Конта такое преждевременное разочарованіе въ наукѣ, которая расширивъ рамки своего изслѣдованія и исправивъ многіе пробѣлы въ своемъ послѣдующемъ развитіи, дѣйствительно скорѣе всего могла бы сдѣлаться искомой имъ соціологіей?

---

[1]) *August Comte.* Cours de philosophie positive, томъ IV-й, стр. 198 и 204.

[2]) Idem, стр. 194.

Онъ самъ не считалъ всѣхъ экономистовъ, которые были ему извѣстны, за метафизиковъ и сдѣлалъ, говоря его словами, „блестящее исключеніе“ для творца экономической науки Ад. Смита, который, какъ онъ говорилъ, „лучше другихъ сознавалъ, въ чемъ состоитъ истинно научный методъ“ и съумѣлъ „въ своемъ безсмертномъ трудѣ освѣтить существенно важныя стороны соціальной философіи“ [1]). Мало того, О. Контъ признавалъ вѣрными тѣ главныя основанія, на которыя опирала современная ему экономическая наука свои выводы естественныхъ законовъ, управляющихъ общественной жизнію, но только осуждалъ ее, вмѣстѣ съ позднѣйшими экономистами староисторической школы Рошера, за неумѣніе согласовать съ этими законами необходимость воздѣйствія государственной власти на тѣ общественныя отношенія, въ которыхъ принципъ laissez faire, laissez passer самъ по себѣ не обезпечиваетъ справедливости и общаго благосостоянія [2]). Критика, сдѣланная имъ теоріи безусловной промышленной свободы и печальныхъ практическихъ результатовъ послѣдней, написана О. Контомъ такъ мастерски и вполнѣ вѣрно, что надо только удивляться, какъ до сихъ поръ эти блестящія страницы „Курса позитивной философіи Конта“ неизвѣстны большинству представителей экономической науки.

Возставая, не менѣе основательно, противъ низведенія тогдашними экономистами всей нравственно соціальной системы къ проявленію чувства личнаго интереса или эгоизма, какъ единственнаго побужденія человѣческихъ дѣйствій, Контъ признавалъ со всей позднѣйшей исторической школой экономистовъ, что, на ряду съ этимъ побужденіемъ, каждый человѣкъ въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ руководится также и общимъ интересомъ. Это стремленіе къ общему благу выражается, по его словамъ, въ нашемъ невольномъ участіи въ страданіяхъ и радостяхъ окружающихъ насъ лицъ, доходящемъ иногда до забвенія нашихъ собственныхъ интересовъ. Не смотря на это, О. Контъ указывалъ, что низменныя, эгоистическія побужденія

---

[1]) *August Comte*, Cours de philosophie positive, т. IV-й, стр. 195.
[2]) Idem, стр. 209 – 204.

имѣютъ несомнѣнное преобладаніе надъ нашими возвышенными, благородными стремленіями, что различныя, чисто соціальныя чувства далеко уступаютъ по силѣ и постоянству нашимъ стремленіямъ къ личной выгодѣ. Но въ этомъ онъ не видѣлъ ничего ненормальнаго и вреднаго для общества. Напротивъ, сознаніе общаго интереса не имѣло бы, по его мнѣнію, никакого смысла безъ связи съ личнымъ интересомъ, ибо первый вытекаетъ изъ того, что второй имѣетъ общаго у различныхъ отдѣльныхъ лицъ. Обыкновенно, мы можемъ, говоритъ онъ, желать другимъ только того, чего желаемъ самимъ себѣ. Если бы была возможность подавить въ насъ чувства личнаго интереса, то это не только не улучшило бы нашу нравственную природу, но разрушило бы ее, ибо наши общественныя чувства лишились бы сколько нибудь опредѣленнаго направленія, выродились бы въ туманное милосердіе, лишенное всякаго практическаго значенія. Поэтому, даже при самомъ высокомъ умственномъ и нравственномъ развитіи людей, личный интересъ не перестаетъ быть руководителемъ и мѣрою общаго интереса. Безъ него не было бы возможно никакое правильное предвидѣніе человѣческихъ дѣйствій [1]).

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія О. Конта, неизбѣжное преобладаніе личнаго интереса у людей является первымъ необходимымъ побужденіемъ въ реальной жизни. Правильное сочетаніе личнаго интереса съ общимъ опредѣляетъ у него *основной характеръ* всей *общественной жизни* и является такимъ образомъ фундаментомъ всей его соціальной физики. Такъ какъ личный интересъ далеко не всегда совпадаетъ съ общимъ и въ такихъ случаяхъ, очевидно, бываетъ необходимо вмѣшательство государственной власти для охраненія интересовъ справедливости, то поэтому Контъ горячо возмущался тѣмъ индеферентизмомъ, съ какимъ современная ему экономическая наука относилась къ страданіямъ рабочаго населенія, переживавшаго въ то время промышленный кризисъ, вслѣдствіе слишкомъ быстраго введенія машинъ. Отрицая необходимость всякихъ мѣръ экономической

---

[3]) *Aug. Comte*, Cours de philosophie positive, IV, 392—396.

политики, которыя могли бы устранить общественныя бѣдствія, эта наука тѣмъ самымъ доказывала, говоритъ Контъ, только свое собственное, общественное безсиліе, отсутствіе всякой связи между нею и главными практическими потребностями общества [1]). Онъ основательно упрекалъ тогдашнюю политическую экономію, что со времени Ад. Смита она не сдѣлала почти ничего серіознаго, чтобы дополнить его ученіе, а напротивъ скорѣе исказила его [2]).

Послѣ О. Конта, уже со времени возникновенія староисторической школы экономистовъ, экономическая доктрина сильно измѣнилась. Теперь почти никто уже болѣе не вѣритъ въ благотворныя послѣдствія полной, безусловной свободы промышленности и торговли. Признавая существованіе естественныхъ законовъ въ народномъ хозяйствѣ, раскрытыхъ Ад. Смитомъ, это направленіе отвергло принятый имъ принципъ экономической науки laisez faire. Великая заслуга Рошера, какъ главы историческаго направленія, состоитъ въ правильной оцѣнкѣ громаднаго значенія въ дѣлѣ народнаго благосостоянія тѣхъ условій, при которыхъ проявляютъ свою силу эти законы стихійнаго характера, могущіе сами по себѣ приносить какъ пользу, такъ и вредъ обществамъ, смотря по различію условій ихъ дѣйствія. Староисторическая школа экономистовъ признала возможность государственнаго воздѣйствія на народное благосостояніе путемъ измѣненія условій, при которыхъ проявляютъ свою силу естественные экономическіе законы. Она выяснила, что дѣйствіе ихъ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ дѣйствія законовъ внѣшней природы, зная которыя человѣкъ можетъ господствовать надъ ея силами и давать имъ желательнее для него направленіе. Рядомъ съ чистой или общей частью политической экономіи явилась экономическая политика, которая, опираясь на знаніе общихъ законовъ первой, указываетъ тѣ или другія мѣры къ устраненію столкновенія личныхъ интересовъ съ общимъ благомъ [3]).

---

[1]) *August Comte,* Cours de philosophie positive, IV, стр. 200—201.

[2]) Idem, стр. 197—198.

[3]) Къ сожалѣнію, мнѣ до сихъ поръ не удалось найти ни въ русской, ни въ иностранной литературѣ правильной оцѣнки этой

Послѣ такого существенно важнаго дополненія главнаго содержанія доктрины Ад. Смита, упреки сдѣланные О. Контомъ современнымъ ему экономистамъ, не могли бы имѣть мѣста. Если бы онъ видѣлъ возможность такого серіознаго улучшенія теоріи экономической науки, то едва ли сталъ мечтать о созданіи, помимо ея, еще особой соціологіи. Онъ признавалъ современную ему политическую экономію, защищавшую необходимость безусловной, ничѣмъ неограниченной свободы промышленности, доходившей почти до методическаго устраненія правительства, крайне ошибочной. Главную причину этого онъ видѣлъ въ изученіи ею экономическихъ отношеній внѣ связи со всѣми другими сторонами общественнаго быта, что и привело его, какъ онъ самъ говоритъ, къ слѣдующему заключенію: „Не считать подобной теоріи за уже сложившееся начало будущей соціальной физики, которая по своей сущности могла бы быть должнымъ образомъ обоснована только тогда, когда бы обняла собою съ одной основной, философской точки зрѣнія разумную совокупность всѣхъ различныхъ сторонъ общественной жизни“ [1]).

О. Конта не лишило бы возможности видѣть въ экономической наукѣ будущую соціологію и то обстоятельство, что изъ извѣстныхъ ему экономистовъ разработкѣ этой наукѣ посвящали себя исключительно юристы и литераторы, какъ онъ пишетъ, которые поэтому не могли усвоить позитивнаго метода естественныхъ наукъ, если бы онъ былъ знакомъ съ современной ему нѣмецкой экономической литературой. Къ числу представителей ея принадлежали и нѣкоторые изъ естествовѣдовъ, какъ напр. *Рау* и *Германъ*, преподававшіе одновременно съ политической экономіей прикладныя естественныя науки, первый агрономію, второй технологію. Знакомство съ позитивнымъ методомъ естественныхъ наукъ особенно замѣтно на первыхъ

великой заслуги старо-исторической школы экономистовъ во главѣ съ Рошеромъ. Поэтому я счелъ необходимымъ въ своемъ трудѣ „Пол. экономія“ освѣтить и доказать подробно громадное значеніе этой школы для будущаго развитія экономической науки. См. мою Пол. экономію, стр. 238—285 и 497.

[1]) *Aug. Comte,* Cours de philosophie positive, IV, 203.

трудахъ по политической экономіи *Рау*. Въ своихъ Ansichten der Volkswirthschaft (1821) онъ называетъ народное хозяйство свободнымъ организмомъ, который отличается отъ естественныхъ организмовъ только тѣмъ, что въ немъ необходимость проходитъ чрезъ посредствующій членъ, какимъ является мышленіе. Поэтому онъ гораздо раньше О. Конта доказывалъ невозможность правильнаго научнаго изслѣдованія развитія народнаго богатства внѣ связи съ успѣхами другихъ сторонъ культурной жизни общества [1]). Къ сожалѣнію, онъ не остался послѣдовательнымъ и отступилъ отъ этой вполнѣ правильной точки зрѣнія въ своихъ позднѣйшихъ трактатахъ по политической экономіи. Но и на этихъ трактатахъ отразилось въ извѣстной степени вліяніе знакомства съ позитивнымъ методомъ естественныхъ наукъ. Уже въ первой своей академической лекціи, читанной въ 1812 году, онъ доказывалъ необходимость отдѣльнаго изложенія *чистой* части ученія о народномъ хозяйствѣ отъ *прикладной* или экономической политики, котораго онъ держался все послѣдующее время. „Прикладная часть, какъ политика вообще, должна, говорилъ онъ, сообразоваться съ особыми отношеніями различныхъ странъ и народовъ, между тѣмъ какъ чистая часть стоитъ ближе къ точнымъ наукамъ и во многихъ отношеніяхъ можетъ быть разработываема математическимъ методомъ". Математическому изображенію научныхъ положеній политической экономіи, при помощи алгебры и геометріи, Рау придавалъ большое значеніе съ точки зрѣнія методологической. Вліяніе мѣстности на слагающіяся формы народнаго хозяйства онъ тоже изложилъ по методу естественныхъ наукъ, посвятивъ этому даже особую академическую рѣчь: De vi naturae in rempublicam (1831).

Въ германскихъ университетахъ въ первое время политическая экономія читалась на такъ называемыхъ камеральныхъ факультетахъ людямъ, знакомымъ съ прикладными естественны-

---

[1]) См. выдержки изъ этого труда Рау въ моей книгѣ „Государство, общество и право, съ точки зрѣнія законовъ народнаго хозяйства", томъ I-й, Москва, 1870.

ми науками и потому способъ изложенія ея не могъ такъ сильно расходиться съ методомъ естественныхъ наукъ, какъ во Франціи. Быть можетъ вслѣдствіе этого нѣмецкіе представители ея относились болѣе критически къ доктринѣ Смита, чѣмъ французскіе экономисты и принимали ученіе о промышленной свободѣ съ большими оговорками. Да и позднѣе, даже послѣ перенесенія политической экономіи на философскій факультетъ, соотвѣтствующій нашему историко-филологическому, она постоянно имѣла среди преподавателей естественныхъ прикладныхъ наукъ многихъ представителей, изъ которыхъ можно назвать напр. *Гольтца*, *Фюлинга*, *Бакгауза*, *Глазера*.

Впрочемъ, нѣкоторые даже изъ новѣйшихъ соціологовъ, какъ напр. *Гумпловичъ*, называютъ политико-экономистовъ „піонерами соціологіи", указывая, что ихъ наука первая выяснила закономѣрность развитія общества, переходъ отъ однихъ экономическихъ фазъ къ другимъ [1]). Подобнымъ образомъ профессоръ соціологіи въ брюссельскомъ университетѣ *Греефъ* признаетъ за трудомъ Ад. Смита значеніе „грандіознаго опыта экономической соціологіи", въ которой устанавливается постоянное взаимнодѣйствіе между явленіями экономическими, нравственными, юридическими и политическими [2]).

Если политическая экономія и соціологія въ сущности могли бы слиться въ одну науку и большинство законовъ первой является чуть ли не единственными соціологическими законами, выставляемыми нѣкоторыми изъ соціологовъ [3]), то въ такомъ случаѣ отношеніе статистики къ соціологіи останется тѣмъ самымъ, какое выяснено уже въ отношеніи ея къ экономической наукѣ. Это значеніе признавалъ уже Контъ. „Нельзя не признать *необходимымъ*, писалъ онъ, основать предварительное вос-

---

[1]) *Гумпловичъ*, Основы соціологіи, рус. п. Спб., 1899. стр. 71—72.

[2]) *Греефъ*, Общественный прогрессъ и регрессъ. Спб., 1896, стр. 106. Онъ же придаетъ большое значеніе въ соціологіи одному изъ представителей ученія физіократовъ *Тюрго* въ дѣлѣ установленія правильнаго метода изслѣдованій. См. idem, стр. 109.

[3]) См. напр. *Worms*, Organisme et société. Paris, 1896.

питаніе соціологовъ на *математической* философіи. Только при этомъ условіи, изучая позитивизмъ въ его источникѣ, они будутъ въ состояніи пріобрѣсти чувства научной доказательности, привычку къ раціональной аргументаціи и способность удовлетворять логическимъ требованіямъ всякаго позитивнаго наблюденія" [1]).

Но далеко не всѣ представители политической экономіи смотрятъ съ этой точки зрѣнія на значеніе своей науки для выясненія законовъ всей общественной жизни. Многіе продолжаютъ изучать ее исключительно какъ науку о вещественномъ богатствѣ, разрывая органическую связь между успѣхами народнаго благосостоянія и умственнымъ, нравственнымъ и политическимъ развитіемъ населенія. Съ этой односторонней точки зрѣнія изучаетъ экономическій бытъ народовъ и большинство новѣйшихъ соціалистовъ. Они говорятъ исключительно о томъ, какъ поднять уровень матеріальнаго благосостоянія народныхъ массъ, умалчивая о не меньшей необходимости одновременно съ этимъ поднять ихъ нравственный и умственный уровень развитія [2]). Неудивительно, что при далеко неравномѣрномъ прогрессѣ различныхъ сторонъ общественной жизни, недовольство народныхъ массъ своимъ положеніемъ растетъ въ Западной Европѣ, не смотря на громадный и несомнѣнный прогрессъ матеріальнаго благосостоянія, выразившійся въ значительномъ повышеніи повсюду заработной платы, въ сокращеніи числа рабочихъ часовъ, громадномъ удешевленіи большей части предметовъ потребленія и пр. Это самое указываетъ на настоятельную необходимость для политической экономіи расширить область своихъ изслѣдованій и относиться съ одинаковымъ вниманіемъ къ условіямъ развитія какъ матеріальнаго, такъ нравственнаго и умственнаго преуспѣянія населенія.

Необходимо ли для этого созданіе особой науки, или же достаточно расширить теперешнія рамки ученія о народномъ хо-

---

[1]) См. *Comte*, Cours de phil. pos. II, 116.

[2]) См. подробности по этому вопросу въ сочиненіи *Massaryk*, Философскія и соціологическія основы марксизма. Москва, 1900.

зяйствѣ? Съ точки зрѣнія однихъ экономистовъ, политическая экономія можетъ прямо перейти въ ученіе объ обществѣ или соціологію. Такъ смотрятъ на это всѣ экономисты, видящіе въ ней физіологію общества, изъ которыхъ нѣкоторые и пытались уже разработать ее въ этомъ смыслѣ, какъ уже указано выше. Выдающійся изъ англійскихъ экономистовъ *Ингрэмъ*, трудъ котораго по исторіи политической экономіи переведенъ почти на всѣ европейскіе языки, указываетъ какъ на одинъ изъ главныхъ недостатковъ прежнихъ экономистовъ — изслѣдованіе ими хозяйственныхъ явленій внѣ связи со всѣми другими общественными отношеніями. Главный прогрессъ экономической науки въ послѣднее время, особенно въ Германіи, онъ видитъ въ стремленіи ея перейти въ соціологію. „Чѣмъ далѣе подвигались, пишетъ онъ, изслѣдованія германскихъ экономистовъ, тѣмъ болѣе становилась очевидной необходимость не только реформы политической экономіи, но и *сліянія* ея съ наукой объ обществѣ. Этотъ взглядъ былъ высказанъ еще гораздо ранѣе О. Контомъ и справедливость его съ каждымъ днемъ становится очевиднѣе. Лучшіе германскіе экономисты уже обнаруживаютъ сильное стремленіе къ принятію подобныхъ воззрѣній. Шеффле, находящійся подъ сильнымъ вліяніемъ О. Конта и Спенсера, сдѣлалъ попытку расширить экономическія изслѣдованія до соціальныхъ, какъ это видно изъ его сочиненія „Строеніе и жизнь соціальнаго тѣла“. Онъ желаетъ дать широкую картину анатоміи, физіологіи и психологіи человѣческаго общества. Стремленіе соединить экономическія изслѣдованія съ соціологическими замѣчается также въ „Ученіи объ обществѣ“ Замтера, Лиліенфельда, Шмоллера. Необходимость такой реформы энергично защищаетъ также Шеель“ [1]). Дѣйствительно, Шмоллеръ признаетъ за новѣйшей *общей* частью политической экономіи (въ противоположность *спеціальной*) „философско-соціологическій характеръ“. „Она стремится, пишетъ онъ, изъ несовершенныхъ отрывковъ нашего знанія сдѣлать систематическое и принципіальное

---

[1]) См. *Ингрэмъ*, Исторія политической экономіи, пер. проф. Янжула, Москва, 1891, стр. 275.

изложеніе цѣлаго, возвести спеціальное на степень всеобщихъ истинъ. Желая вывести хозяйственныя явленія изъ конечныхъ общественныхъ причинъ, она приближается къ этическому и историческо-философскому изслѣдованію“ [1]).

Чтобы быть особой, самостоятельной наукой, соціологія должна имѣть сколько-нибудь ясно опредѣленный предметъ для своего изученія и доказать возможность осуществленія своихъ задачъ путемъ раскрытія какихъ-либо постоянныхъ законовъ общественной жизни. Политическая экономія, принимаемая многими экономистами за соціологію, имѣетъ опредѣленное научное содержаніе и со времени еще Ад. Смита успѣла раскрыть такіе законы общественной жизни. Но что сдѣлала, помимо ея, соціологія, какъ отдѣльная отъ нея отрасль знанія? По сознанію одного изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ ея, считающаго возникновеніе ея „величайшимъ фактомъ новѣйшей исторіи, могущимъ перевернуть вверхъ дномъ всѣ этическія и общественныя понятія новѣйшихъ народовъ“, эта наука тѣмъ не менѣе до сихъ поръ сама не знаетъ, что составляетъ предметъ ея изслѣдованій. При необыкновенныхъ притязаніяхъ на великую роль, въ дѣйствительности оказывается, что каждый соціологъ имѣетъ свое особое представленіе о ней, такъ что выходитъ, по русской пословицѣ, сколько головъ, столько умовъ. Простое перечисленіе различныхъ опредѣленій соціологіи и критическая оцѣнка ихъ заполняютъ собою пустоту содержанія массы новыхъ сочиненій, появляющихся постоянно по соціологіи [2]).

Еще менѣе соціологамъ удалось открыть какіе либо законы общественной жизни, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которые они почти цѣликомъ заимствовали изъ политической экономіи.

Свести итоги всего сдѣланнаго соціологіей и доказать ея полную научную несостоятельность взялся недавно одинъ изъ наиболѣе компетентныхъ современныхъ намъ французскихъ соціологовъ *Дюркгеймъ*, посвятившій почти всю свою многолѣтнюю ученую

---

[1]) См. *Schmoller*, Volkswirthschaftslehre въ VII-мъ томѣ Handw d. Staatsw. Jena. 1901, стр 547.

[2]) *De Roberti.* Ethik. Paris, 1900, éd. Alcan.

дѣятельность изученію вопросовъ соціологіи и издающій ежегодно подробные отчеты о всемъ, что выходитъ въ печати новаго въ этой области подъ заглавіемъ „L'année sociologique". Въ майской книгѣ Revue Philosophique за 1903 годъ Дюркгеймъ и Fauconier помѣстили статью о „Соціологіи и соціальныхъ наукахъ", въ которой мастерски нарисовали картину нынѣшняго хаотическаго состоянія соціологіи, придя въ ней къ заключенію, что соціологія не имѣетъ raison d'être дальнѣйшаго существованія и что разработка выдвинутыхъ ею вопросовъ должна быть предоставлена другимъ общественнымъ наукамъ.

Резюмируя все сдѣланное представителями соціологіи, начиная съ основателя ея Огюста Конта, Дюркгеймъ констатируетъ, что хотя заслуга Конта относительно признанія необходимости примѣненія къ общественнымъ наукамъ позитивнаго метода несомнѣнна, какъ равно представляетъ большой интересъ его мысль основать подъ именемъ соціологіи новую науку, которая бы раскрывала естественные законы общественной статики и динамики, тѣмъ не менѣе его соціологія совершенно не удовлетворяетъ тѣмъ основнымъ условіямъ, какія онъ самъ выставилъ для каждой позитивной науки. Изъ двухъ частей соціологіи онъ придавалъ особенную важность *динамикѣ.* Она должна изучать общество въ той преемственности, которая соединяетъ одни поколѣнія съ другими. Прогрессъ общественной жизни выражается главнымъ образомъ въ этомъ воздѣйствіи предшествующихъ поколѣній на послѣдующія. Но даже и въ соціальной динамикѣ Огюстъ Контъ въ сущности сдѣлалъ очень мало для соціологіи. Онъ не пошелъ въ ней дальше своего извѣстнаго всѣмъ закона трехъ состояній человѣчества: періода теологическаго, когда человѣкъ обоготворяетъ силы природы, метафизическаго, когда онъ апріористично старается объяснить явленія природы и, наконецъ, третій періодъ позитивныхъ знаній, когда человѣческая мысль путемъ опыта и наблюденія приходитъ къ раскрытію естественныхъ законовъ, управляющихъ міромъ. Но указавъ на этотъ законъ трехъ состояній, Огюстъ Контъ не выяснилъ никакихъ особыхъ естественныхъ законовъ общественной динамики. Эта динамика оказалась у него въ сущности не болѣе,

какъ философіей исторіи, несомнѣнно глубокой въ своихъ основаніяхъ и новой по своимъ идеямъ, тѣмъ не менѣе построенной по типу прежнихъ философскихъ ученій. Что касается *статики*, то она состоитъ у Конта изъ незначительнаго числа теорій о значеніи семьи, сущности общественнаго единенія и правительства, напоминающихъ собою философскую политику предшествующихъ вѣковъ.

Изъ преемниковъ Огюста Конта самымъ выдающимся является *Спенсеръ*. Но характеръ разработки соціологіи и у Спенсера тотъ же чисто философскій: онъ дополняетъ общія понятія Конта и стремится выяснить сходство эволюціи общественной съ міровой, указывая, что въ фактахъ сознательной коллективной дѣятельности людей въ сущности скрываются стихійныя, тёмныя силы, побуждающія дѣйствовать людей не вслѣдствіе одной только логической необходимости. Во всякомъ случаѣ для Спенсера изученіе фактовъ не было самостоятельной цѣлью; онъ пользовался ими только для того, чтобы подтвердить эволюціонную гипотезу въ соціальной области. Онъ не разработалъ соціологіи путемъ опытнаго метода, какъ позитивную науку. Она осталась у него, какъ и у Конта, абстрактной философіей.

Двинули ли соціологію впередъ новѣйшіе ея представители?

Не смотря на то, что въ послѣдніе два десятка лѣтъ соціологическая литература достигла своего расцвѣта, появилась масса сочиненій по соціологіи, но это нисколько не подвинуло дѣла впередъ. Воспроизводились только основныя положенія Конта, иллюстрируемыя новыми примѣрами, варіировалась одна и та же формула, выставляемая какъ догматъ, безъ дальнѣйшаго движенія соціологіи впередъ. Какъ у Конта и Спенсера вся наука сводилась къ разрѣшенію одной только проблемы, къ отысканію закона господствующаго надъ соціальной эволюціей въ ея цѣломъ, такъ и позднѣйшіе соціологи стремились открыть подобный же законъ. Одни изъ нихъ, говоритъ онъ, считаютъ за такой законъ подражаніе, другіе — приспособленіе или борьбу за жизнь въ особенности расовую, третіе ставятъ все развитіе общества въ зависимость отъ вліянія среды и т. д. Однимъ словомъ, рѣчь идетъ у всѣхъ ихъ объ отысканіи верховнаго

закона, причины, господствующей надъ всѣми причинами или, выражаясь словами *Тэна* и *Тарда*, такого „ключа, который отмыкалъ бы всѣ замки“. Эти изысканія новѣйшихъ соціологовъ напоминаютъ собою поиски философскаго камня средневѣковыхъ алхимиковъ [1]).

Труднѣе въ немногихъ словахъ такъ ярко освѣтить основной недостатокъ соціологовъ-эволюціонистовъ, какъ это сдѣлано въ только-что приведенныхъ словахъ Дюркгейма и Фоконье. Подъ эту мѣткую характеристику можно, впрочемъ, подвести даже и то, надъ чѣмъ трудился самъ Дюркгеймъ въ своихъ предшествующихъ изслѣдованіяхъ. Въ то время какъ О. Контъ сводилъ все къ закону трехъ стадій, *Спенсеръ*—къ закону интеграціи и дезинтеграціи, подводя подъ него развитіе лингвистики, религій, политики, народнаго хозяйства, нравственности, эстетики, *Тардъ*—къ подражанію, *Руайе*, *Аммонъ*, недавно *Ланессанъ* [2]) и другіе—къ борьбѣ за жизнь, особенно расовую, *Зигеле*—къ переходу отъ неопредѣленныхъ человѣческихъ группъ къ опредѣленнымъ, отъ толпы къ сектѣ, классамъ и наконецъ къ государству, самъ *Дюркгеймъ* сводилъ все къ переходу обществъ отъ механической организаціи ихъ къ органической. Общій недостатокъ всѣхъ этихъ теорій соціальной динамики или эволюціи заключается, по справедливому замѣчанію *Паланта*, въ крайней односторонности. Всѣ подробности и частности они объясняютъ искусственно придуманнымъ ими закономъ, побуждающимъ совокупность явленій эвольвировать въ опредѣленномъ направленіи [3]).

Въ виду такого крайняго произвола и односторонности со стороны представителей соціологіи, *Дюркгеймъ* имѣлъ полное основаніе сказать, что эта отрасль знаній не только не пошла впередъ въ послѣднее время, но двинулась назадъ. У Конта она была ученіемъ о всѣхъ общественныхъ фактахъ, почему

---

[1]) См. *Durkheim* et *Fauconier*. La sociologie et les sciences ociales въ Revue Philosophique за 1903 г. май м.

[2]) *Lanessan*, бывшій министръ, La Lutte pour l'Existence et l'évolution des sociétés. Paris. 1903.

[3]) См. *Palante*, Précis de sociologie. Paris. 1903, éd. Alcan.

была открыта дорога къ послѣдующему раздѣленію научнаго труда въ изученіи ихъ. У новѣйшихъ же соціологовъ она сдѣлалась особой наукой, отличной отъ остальныхъ общественныхъ наукъ. Они выставляютъ ее наукой объ общихъ основаніяхъ соціальной жизни и законахъ развитія ея, въ противоположность спеціальнымъ общественнымъ наукамъ, изучающимъ отдѣльныя стороны ея. Спеціальныя общественныя науки, какъ политическія, юридическія, этическія, не изучаютъ общества въ его цѣломъ, причинъ и законовъ, общихъ всѣмъ видамъ общественной дѣятельности, всѣмъ сторонамъ общественной жизни, элементарныхъ основъ всей общественной жизни. Задача соціологіи, по мнѣнію Гиддингса и другихъ, состоитъ въ изученіи самой сущности человѣческой ассоціаціи, условій, опредѣляющихъ ея характеръ, психическихъ моментовъ, вызывающихъ ее, и общихъ законовъ общественнаго прогресса. По мнѣнію Дюркгейма, это было бы возможно только тогда, когда оы всѣ общественныя науки достигли высокаго развитія. Въ такомъ случаѣ возможно было бы взаимно сопоставлять общіе выводы ихъ, чтобы прійти къ самымъ общимъ заключеніямъ объ основахъ общественной жизни. Но сохранитъ ли соціологія въ такомъ случаѣ самостоятельное значеніе? Не будетъ ли она всецѣло зависѣть отъ прогресса другихъ наукъ, двигаясь впередъ только съ успѣхами ихъ. Изучить безконечный міръ разнообразныхъ общественныхъ явленій, чтобы сдѣлать изъ нихъ общія заключенія и опредѣлить ихъ взаимныя отношенія, положительно невозможно для одной науки, не впадая въ верхоглядство. Опредѣленіе взаимныхъ отношеній между различными сторонами общественной жизни возможно только для ближайшихъ, соприкасающихся между собою наукъ, изучающихъ эти явленія.

Гиддингсъ и многіе другіе соціологи не соглашаются съ этимъ мнѣніемъ. Они утверждаютъ, что такая синтетическая наука не только не должна идти на буксирѣ спеціальныхъ общественныхъ наукъ и быть выводомъ изъ нихъ, но, напротивъ, должна служить основаніемъ для всѣхъ ихъ, ибо сложныя формы общественной жизни могутъ быть изучаемы съ успѣхомъ только послѣ предварительнаго изученія элементарныхъ формъ, о кото-

рыхъ и трактуетъ соціологія, почему она должна быть самостоятельной наукой. Другія общественныя науки суть только дифференціація основной изъ нихъ—соціологіи, подобно тому какъ соціологія выдѣлилась изъ психологіи, а психологія изъ біологіи. Но такого рода элементарныя общественныя формы, о которыхъ желаетъ поучать соціологія, по замѣчанію Дюркгейма, нигдѣ не существуютъ въ дѣйствительности, чтобы ихъ можно было наблюдать; ихъ нельзя смѣшивать съ примитивными формами. Ни самъ Гиддингсъ, ни другіе соціологи не ограничивали своихъ изслѣдованій такими формами и не низводили соціологіи до степени сравнительной этнографіи. Подъ элементарными соціальными формами они понимаютъ такія, которыя лежатъ въ основаніи всей общественной жизни какъ первобытныхъ, такъ и культурныхъ народовъ. Для выдѣленія изъ разнообразныхъ формъ общественной жизни всѣхъ временъ и народовъ основныхъ, существенныхъ чертъ коллективной жизни соціологи не имѣютъ никакихъ объективныхъ основаній. Зачисляя одни факты въ *основные*, а другіе относя къ *второстепеннымъ*, эти соціологи руководятся чисто субъективными, произвольными соображеніями. Вслѣдствіе этого предметъ изслѣдованій соціологовъ оказывается неопредѣленнымъ по самой своей сущности и его каждый изъ соціологовъ опредѣляетъ произвольно, соотвѣтственно степени обширности своихъ знаній и своимъ личнымъ вкусамъ. Ему приходится вторгаться въ область спеціальныхъ наукъ, иначе ему не хватило бы матеріала для своихъ изслѣдованій. Поэтому чаще всего вопросы, разработываемые соціологіей, не отличаются отъ вопросовъ, изслѣдуемыхъ спеціальными науками. Но такъ какъ соціологъ не можетъ быть компетентнымъ во всѣхъ отрасляхъ знанія, то ему приходится витать въ области слишкомъ общихъ, неопредѣленныхъ и даже совершенно невѣрныхъ положеній.

Такой безпощадный отзывъ Дюркгейма и Фоконье о современномъ состояніи соціологіи относится главнымъ образомъ къ трудамъ выдающагося изъ представителей ея *Гиддингса* и его послѣдователей. Можно легко себѣ представить, какого долженъ быть мнѣнія Дюркгеймъ о трудахъ остальныхъ представителей соціологіи.

Гораздо труднѣе было бы сказать, замѣчаетъ онъ, въ чемъ заключается для Тарда, Гумпловича, Уарда и др. предметъ соціологіи и въ какое отношеніе онъ поставленъ ими къ другимъ общественнымъ наукамъ. Здѣсь неопредѣленность возведена въ общій принципъ. Очевидно — это не наука. Это даже не та методическая философія, какую стремился установить Контъ, а очень своеобразный видъ размышленій, средній между философіей и исторіей литературы, гдѣ проводятся нѣкоторыя, слишкомъ общія идеи по всевозможнымъ проблемамъ.

Нѣсколько большую опредѣленность въ установленіи задачъ соціологіи Дюркгеймъ находитъ въ трудахъ проф. соціологіи въ берлинскомъ университетѣ *Зиммеля*.

Зиммель хочетъ сдѣлать изъ соціологіи науку о формахъ коллективной жизни, не касаясь сущности ея. Соціологія, по его мнѣнію, должна искать своихъ задачъ не въ содержаніи общественной жизни, а только въ различнаго рода типическихъ формахъ ея. Но можно спросить Зиммеля, почему самое содержаніе внѣшнихъ формъ общественной жизни, — будетъ ли это религія, мораль, право, или народное хозяйство, представляетъ собою менѣе общественный характеръ, чѣмъ внѣшнія формы коллективной жизни, въ которыхъ они проявляются? Развѣ не своимъ правомъ, нравственностью, религіей, политической и экономической жизнью характеризуется лучше всего самое общество, какъ живая, дѣйствующая, коллективная личность? Исключать изъ соціологіи содержаніе общественной жизни и законы, управляющіе имъ, значитъ, дѣлать ее формальной, оторванной отъ дѣйствительности, слишкомъ неопредѣленной. Въ этой неопредѣленности и абстрактности Дюркгеймъ поэтому основательно упрекаетъ Зиммеля. Вопросы, по которымъ пишетъ этотъ нѣмецкій соціологъ не относятся къ какимъ либо опредѣленнымъ категоріямъ актовъ. Каждый этюдъ Зиммеля есть разсмотрѣніе общества съ особой точки зрѣнія. Въ одномъ изъ нихъ онъ изучаетъ общество съ точки зрѣнія дифференціаціи, въ другомъ высказываетъ философскія размышленія на тему о самосохраненіи общества, въ третьемъ—о распредѣленіи населенія на высшихъ и подчиненныхъ лицъ. Соотвѣтственно случайному настроенію

духа въ данное время онъ берется за обсужденіе такихъ вопросовъ, которыми содержаніе соціологіи то расширяется, то суживается. Самые разнообразные, иногда неимѣющіе почти никакой связи между собою факты у него сопоставляются въ его философскихъ размышленіяхъ.

Не смотря на чрезвычайное обиліе соціологической литературы, въ общемъ она производитъ впечатлѣніе топтанія на одномъ и томъ же мѣстѣ. Это не можетъ продолжаться долго, не дискредитируя окончательно научнаго значенія соціологіи. Чуть не каждый соціологъ задается цѣлью создать полную теорію общества; но такого рода соціологическія системы отличаются чисто субъективнымъ характеромъ, завися отъ темперамента каждаго отдѣльнаго соціолога. Мыслитель какъ бы запирается въ своей собственной доктринѣ, почему всякое раздѣленіе научнаго труда, а слѣдовательно и прогрессъ соціологіи становится невозможнымъ [1]).

Трудно обстоятельнѣе и вѣрнѣе охарактеризовать хаотическое состояніе современной соціологіи, чѣмъ какъ это сдѣлано Дюркгеймомъ, слѣдившемъ съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ развитія ея съ момента возникновенія. Можно было бы дополнить приведенную характеристику разборомъ самыхъ послѣднихъ трудовъ по ней Ко та, Паланта, Ланесана, Ришара и другихъ, но это нисколько не измѣнило бы положенія дѣла, а только подтвердило бы вѣрность только что приведеннаго, безнадежнаго состоянія той новой отрасли вѣдѣнія, на которую возлагалось столько надеждъ со времени ея зарожденія.

Общій практическій выводъ, къ которому приходитъ глубокій знатокъ современнаго состоянія соціологіи, заключается въ признаніи возможности успѣшнаго изученія общественныхъ явленій и осуществленія этихъ задачъ не одной какой-либо наукой, а совокупностью всѣхъ существующихъ уже спеціальныхъ отраслей обществовѣдѣнія. Такое заключеніе вполнѣ вѣрно.

---

[1]) См. *Durkheim* et *Fauconier*. La sociologie et sciences sociales въ Revue Philosophique за 1903 г. май мѣсяцъ.

Дюркгеймъ не договариваетъ только, на какой же изъ этихъ наукъ будетъ лежать главнымъ образомъ выполненіе той задачи, которая составляетъ сущность соціологіи: выясненіе послѣднихъ основъ общественной жизни, солидарности между всѣми сторонами ея и естественныхъ законовъ существованія и развитія ея. Хотя всѣ общественныя науки касаются этого вопроса, но однѣ въ большей степени, другія—въ меньшей; однѣ изъ нихъ останавливаютъ свое вниманіе преимущественно на спеціальныхъ сторонахъ общественной жизни, другія на общихъ. Едва ли кто станетъ спорить, что между науками, преподаваемыми у насъ на юридическихъ факультетахъ, гражданское и уголовное право выясняютъ болѣе специфическія проявленія общественной жизни, чѣмъ общее ученіе о государствѣ или философія права, разсматривающіе государственную и правовую дѣятельность въ ихъ общей сущности. Точно также ученіе о государствѣ, какъ правовомъ союзѣ, призванномъ къ обезпеченію справедливости въ общественныхъ отношеніяхъ, будетъ болѣе спеціальной наукой, чѣмъ ученіе политической экономіи, разсматривающее общественную дѣятельность не въ отношеніи одной только идеи права, и притомъ водворяемой путемъ принужденія, но въ отношеніи совокупности всѣхъ задачъ общественной жизни, осуществляемыхъ добровольными усиліями отдѣльныхъ лицъ. Государство, какъ правовый союзъ, есть не болѣе, какъ одно только изъ проявленій общественной жизни. Но общественная жизнь выражается не столько въ коллизіи интересовъ отдѣльныхъ лицъ, предупрежденіе и устраненіе которыхъ лежитъ на государствѣ, сколько въ гармоніи ихъ, обезпечиваемой свободными отношеніями гражданъ. Отдѣльное лицо собственными усиліями не въ состояніи удовлетворять своихъ разнообразныхъ потребностей. Оно входитъ для этого въ соединеніе съ другими лицами и путемъ ассоціаціи достигаетъ осуществленія всѣхъ своихъ жизненныхъ цѣлей. Государственный союзъ застаетъ уже существующими разнообразныя общественныя отношенія, возникнувшія еще раньше его, и даетъ только санкцію и лучшую противъ прежняго охрану ихъ, да и то даже не всегда. Такъ, напримѣръ, при возникновеніи его путемъ завоеванія

и порабощенія одной части населенія другой, легко насильственныя, принудительныя общественныя отношенія могутъ быть возведены въ нормальныя и нарушенъ строй общественной жизни, свободно развивавшійся предъ этимъ.

Политическая экономія изъ всѣхъ соціальныхъ наукъ ближе всего касается сущности всѣхъ этихъ общественныхъ отношеній. Не считая ее единственной наукой объ обществѣ, во всякомъ случаѣ, мы должны признать, что она ближе другихъ касается изслѣдованія тѣхъ принциповъ общественнаго единенія, которые возникаютъ раньше государства и независимо отъ него, а слѣдовательно изъ всѣхъ соціальныхъ наукъ удовлетворяетъ болѣе другихъ потребности въ соціологическихъ знаніяхъ.

Не признавая за нею такого значенія въ трудахъ всѣхъ прежнихъ представителей экономической науки, начиная съ Ад. Смита, глава новоисторической школы ея, Шмоллеръ, мечтаетъ о преобразованіи политической экономіи въ настоящую соціологію, но на совершенно новыхъ основаніяхъ и инымъ методомъ, чѣмъ какимъ разработывалась до сихъ поръ политическая экономія. Всѣ законы, раскрытые ею, онъ не признаетъ за естественные законы общественной жизни. Не ставя на мѣсто ихъ никакихъ новыхъ законовъ, онъ предоставляетъ сдѣлать это будущимъ поколѣніямъ послѣ того, какъ нынѣшнимъ и слѣдующимъ за ними послѣдователямъ его школы удастся собрать возможно болѣе обширный историческій, статистическій, этнографическій, антропологическій и другой матеріалъ для всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ земного шара.

Воззрѣнія Шмоллера и всей новоисторической школы экономистовъ, во главѣ которой онъ стоитъ, такъ своеобразны, что характеристикѣ и критической оцѣнкѣ ихъ мы посвящаемъ особую, ближайшую главу.

ГЛАВА IV.

Критическая оцѣнка воззрѣній новоисторической школы на задачи, методъ и законы экономической науки, какъ соціологіи.

Господствующее въ настоящее время въ Германіи, а отчасти и въ другихъ странахъ, новоисторическое направленіе экономистовъ во главѣ съ Шмоллеромъ столь сильно расходится по своимъ воззрѣніямъ на задачи, методъ и законы экономической науки съ господствовавшими до него основаніями ея, что почти отвергаетъ все сдѣланное въ ней со времени Ад. Смита. Правильно ли такое высокомѣрное отношеніе новоисториковъ къ ихъ предшественникамъ и можно ли видѣть въ новыхъ взглядахъ серіозный прогрессъ политической экономіи? — вотъ вопросы, на которыхъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало останавливается иностранная экономическая литература, а еще менѣе наша русская, привыкшая jurare in verba magistri.

Разрѣшенію этихъ вопросовъ была посвящена моя „Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ“ 1900 г. Но взгляды, высказанные въ ней и самая характеристика принципіальнаго отличія новоисторической школы отъ староисторической, показались моимъ критикамъ столь новыми, что нѣкоторые изъ нихъ не задумались заподозрить самое существованіе этихъ двухъ направленій экономической науки, какъ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ.

Въ концѣ 1897 г. глава новоисторической школы проф. *Шмоллеръ*, въ рѣчи, произнесенной имъ при вступленіи въ должность ректора берлинскаго университета, торжественно заявилъ, что въ эко-

номической наукѣ, при ея современномъ состояніи, не существуетъ никакихъ, сколько нибудь твердо установленныхъ законовъ: все, что считалось за таковые, есть не болѣе, какъ слишкомъ одностороннее обобщеніе существующаго порядка вещей, возведеніе въ незыблемыя истины временныхъ, историческихъ условій экономическаго быта современныхъ народовъ. По его словамъ, экономисты всѣхъ направленій потерпѣли полное теоретическое и практическое банкрутство и сдѣлались неспособными двигать науку впередъ на прежнихъ основаніяхъ. Для того, чтобы политическая экономія могла быть дѣйствительной наукой, необходимо, по его мнѣнію, разрушить все ея нынѣшнее зданіе и на его развалинахъ воздвигнуть новое, опирающееся на детальное изученіе экономическаго быта всѣхъ когда либо существовавшихъ на земномъ шарѣ племенъ и народовъ [1]). Задача нынѣшнихъ представителей экономической науки должна быть ограничена собираніемъ возможно болѣе обширнаго, сырого историческаго и статистическаго матеріала, относящагося къ описанію экономическихъ отношеній всѣхъ временъ и народовъ. Не смотря на всю обширность такого матеріала, собраннаго уже экономистами новоисторическаго направленія, этотъ матеріалъ кажется имъ все еще слишкомъ недостаточнымъ для построенія новой политической экономіи, какъ соціологіи. Эта задача возлагается на ученыхъ будущихъ поколѣній въ надеждѣ, что къ тому времени собираемыя свѣдѣнія успѣютъ охватить собою народы всѣхъ частей свѣта и всѣхъ эпохъ и потому выводы изъ него не будутъ слишкомъ рискованными [2]).

Проектируемая разработка будущей политической экономіи въ этомъ смыслѣ имѣетъ нѣкоторое сходство съ задачами соціологіи, какъ онѣ формулированы редакторомъ Revue internationale de sociologie *René Worms*'омъ въ его сочиненіи Organisme et sociéte [3]), но идетъ значительно далѣе ея.

---

[1]) Рѣчь проф. *Schmoller*'а напечатана въ концѣ его сочиненія Ueber einige Grundfragen, изд. 1898 г. s. 333 и слѣд.

[2]) См. *St. Marc.* Etude sur l'enseignement de l'économie politique dans les universités d'Allemagne et d'Autriche, Paris, 1892.

[3]) *René Worms.* Organisme et société, Paris, 1896, стр. 396.

Вормсъ не отвергаетъ существованія естественныхъ законовъ общественной жизни, раскрытыхъ уже политическою экономіею, даетъ имъ правильную оцѣнку [1]), какъ равно и принципамъ экономической политики, основаннымъ на признаніи ихъ; между тѣмъ какъ представители новоисторической школы отрицаютъ эти законы, признаютъ ихъ слишкомъ эфемерными въ виду многочисленныхъ уклоненій отъ нихъ въ явленіяхъ реальной экономической жизни. Въ своемъ отрицаніи они исходятъ изъ признанія *этическаго* характера за народнымъ хозяйствомъ, при которомъ, по ихъ мнѣнію, не можетъ существовать никакихъ неизмѣнныхъ, естественныхъ законовъ въ политической экономіи. Хотя хозяйственная жизнь имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ чисто естественныя, изъ инстинкта вытекающія потребности и стремится къ удовлетворенію ихъ естественными же средствами, тѣмъ не менѣе никогда человѣкъ не останавливался только на нихъ. Эстетическія потребности и разумъ преобразовывали всѣ этого рода естественныя дѣйствія, создавали порядокъ, стоящій выше силъ природы, выражающійся въ нравахъ и правѣ, которыя были открытіемъ духа въ естественной жизни и создавали въ природѣ новый міръ культуры. Поэтому, съ этой точки зрѣнія, ни о какомъ естественномъ порядкѣ народнаго хозяйства, служащаго проявленіемъ культууы, не можетъ быть и рѣчи [2]). Нравы создаютъ бракъ, семейный бытъ, частную собственность, наслѣдство, мѣну, денежное обращеніе, раздѣленіе труда и государственный бытъ [3]).

Но если такой ходъ развитія цивилизаціи совершается не у одного какого либо народа, а у всѣхъ безъ исключенія, то это лучше всего доказываетъ существованіе естественныхъ экономическихъ законовъ, излагаемыхъ политическою экономіею. Сходство въ нравахъ, правѣ и экономіи у различныхъ народовъ вытекаетъ изъ единства нравственной человѣческой природы и единства законовъ логическаго мышленія. Вслѣдствіе такого сходства

---

[1]) Idem, см. стр. 7, 11, 73, 263, 256, 334, 336, 340—346, 351 и др.
[2]) *Schmoller*, Ueber einige Grundfragen der Socialpolitik, s. 43—47.
[3]) Idem, стр. 49.

политическая экономія получаетъ возможность выяснять какъ и при какихъ условіяхъ возникаетъ частная собственность, образуются рынки, развивается раздѣленіе труда, мѣна, денежное обращеніе и пр. Общія типическія черты этихъ явленій и условій, вызывающихъ ихъ у всѣхъ народовъ, однѣ и тѣ же; на нихъ собственно и останавливается политическая экономія, хотя въ частностяхъ, въ деталяхъ могутъ, конечно, встрѣчаться нѣкоторыя отступленія. Но этимъ собственно отступленіямъ и придаетъ первостепенную важность новоисторическая школа экономистовъ въ своемъ отрицаніи естественныхъ экономическихъ законовъ. Она согласна съ Ад. Смитомъ и всѣми экономистами, что эгоизмъ служитъ однимъ изъ полюсовъ человѣческой жизни, но по мнѣнію Шмоллера, это побужденіе не всегда было одинаково сильно развито. Оставаясь въ каждую эпоху главнымъ двигателемъ хозяйственной жизни, эгоизмъ, тѣмъ не менѣе, всегда нѣсколько видоизмѣнялся въ своихъ проявленіяхъ и потому вызывалъ нѣсколько иной жизненный порядокъ [1]).

Соглашаясь съ вѣрностью этихъ замѣчаній самихъ по себѣ, тѣмъ не менѣе можно указать, что наряду съ „нѣсколько инымъ“ видоизмѣненіемъ эгоизма въ каждую эпоху и съ „нѣсколько инымъ“ хозяйственнымъ порядкомъ, вызываемымъ имъ, можно у всѣхъ народовъ и во всѣ времена найти еще болѣе одинаковыхъ чертъ въ эгоизмѣ, какъ чисто естественномъ побужденіи, а потому и одинаковыхъ проявленій его въ общественной жизни. Въ томъ заключается сущность всякаго научнаго изслѣдованія, чтобы стремиться уловить общее и одинаковое въ жизненныхъ явленіяхъ и отношеніяхъ, вызываемое одними и тѣми же причинами, а не въ томъ, чтобы гоняться за частностями и подробностями, которыя могутъ только заслонять собою главное — силу постоянно дѣйствующихъ причинъ. Такъ напр. *Брентано* въ своей лекціи „о классической политической экономіи“ старается доказать, что большая часть ея положеній расходится съ отдѣльными случаями реальныхъ хозяйственныхъ отношеній. Онъ возражаетъ противъ общаго науч-

---

[1]) *Schmoller*, Ueber einige Grundfragen der Socialpolitik, s. 49—51.

наго положенія, что заработная плата въ разныхъ занятіяхъ стремится приблизиться къ общему уровню, что поземельная рента выражаетъ собою различіе между доходомъ болѣе или менѣе плодородныхъ участковъ, или что арендная плата за землю и покупная цѣна поземельныхъ участковъ сообразуются съ доходомъ этихъ участковъ. Всѣ факты, указываемые проф. Брентано, сами по себѣ вполнѣ вѣрны. Къ нимъ можно присоединить много и другихъ однородныхъ. Но что же они могутъ доказывать? Только то, что экономическіе законы, подобно законамъ статистическимъ, суть *законы большихъ чиселъ*, которые, будучи вѣрными для большинства однородныхъ случаевъ, могутъ представлять исключенія въ отдѣльныхъ случаяхъ. Общій законъ, что во время неурожаевъ цѣны на хлѣбъ поднимаются. Вѣрность этого закона нисколько не ослабляется тѣми несомнѣнно вѣрными фактами, что нѣкоторые продавцы хлѣба, движимые христіанскими чувствами, иногда продаютъ хлѣбъ бѣднымъ людямъ по прежнимъ цѣнамъ, а могутъ раздавать его даже и даромъ. Всюду встрѣчаются рознообразныя обстоятельства, которыя ослабляютъ въ большей или меньшей степени проявленіе общаго экономическаго закона, по которому заработная плата, поземельная рента, прибыль и процентъ съ капиталовъ стремятся приблизиться къ общему уровню для каждаго изъ этихъ видовъ дохода. Но это не опровергаетъ вѣрности основного экономическаго закона, подобно тому, какъ не смотря на постоянное различіе высоты волнъ моря, все таки онѣ стремятся приблизиться къ одному общему уровню.

Частности, составляющія собою отступленія отъ общаго правила, конечно не должны быть игнорируемы наукою. Ея обязанность подводить ихъ тоже подъ общіе законы, но причинъ случайныхъ, раскрывать les lois des causes accidentelles, какъ выразился *Кетле*. Это именно и дѣлаетъ староисторическое направленіе Рошера, поставившее своей задачей, на ряду съ выясненіемъ постоянно дѣйствующихъ естественныхъ законовъ народнаго хозяйства, выяснять также и тѣ разнообразныя условія, которыя видоизмѣняютъ проявленіе ихъ. Если со стороны классическаго направленія экономистовъ было большой ошибкой оста-

навливаться только на первыхъ и совершенно упускать изъ виду вторыя, то новоисторическая школа экономистовъ впадаетъ въ противоположную ошибку—останавливается исключительно на изслѣдованіи разнообразныхъ условій хозяйственнаго быта народовъ и упускаетъ изъ виду необходимость выясненія естественныхъ законовъ его, почти отвергая въ самомъ принципѣ возможность существованія таковыхъ, вслѣдствіе неправильности принятаго ею метода изслѣдованія.

Если при изслѣдованіи законовъ физическихъ или общественныхъ останавливаться не на главномъ, а на частностяхъ, исключительно на однихъ только разнообразныхъ условіяхъ, которыя могутъ ослаблять или видоизмѣнять результаты проявленія этихъ законовъ, то въ такомъ случаѣ придется отказаться отъ признанія существованія какихъ бы то ни было законовъ. Общій естественный законъ отъ самаго соотворенія міра, что за днемъ слѣдуетъ ночь, за ночью день. Но въ глубокихъ подземельяхъ царитъ вѣчная ночь и не смѣняется днемъ. Что можетъ быть повсемѣстнѣе и сильнѣе во всей вселенной закона притяженія. Но и отъ него встрѣчаются нѣкоторыя отступленія—тѣла падаютъ не съ одинаковой быстротой если на своемъ пути встрѣчаютъ препятствія и совсѣмъ не падаютъ на землю, останавливаясь напр. на крышѣ зданій. Новоисторики гоняются за частностями, подробностями, въ которыхъ выражаются отступленія отъ излагаемыхъ политической экономіей законовъ большихъ чиселъ и несходства экономическихъ отношеній. Они ставятъ на первомъ планѣ изученіе этихъ различій не только въ экономической политикѣ, но и въ общей теоріи народнаго хозяйства[1]), стремятся раскрыть не то, что есть общаго въ изслѣдуемыхъ явленіяхъ, а то, что есть особеннаго, отличнаго въ каждой категоріи ихъ. Но при постановкѣ такихъ антинаучныхъ задачъ едва ли можетъ существовать какая либо наука, ибо въ законѣ почти каждаго даже и чисто физическаго явленія, можно подмѣ-

---

[1]) См. *Schönberg*, Die Volkswirthschaft und das Wesen der wirtschaftlichen Gesetze въ его Handbuch der Politischen Oekonomie, Tübingen, 1896, томъ I-й, стр. 20.

тить въ нѣкоторыхъ частностяхъ отступленія отъ общаго правила, вызываемыя исключительными условіями.

Къ задачамъ новоисторической школы можно всецѣло примѣнить тотъ упрекъ, какой недавно сдѣлалъ проф. *Бартъ* взглядамъ *Риккерта* на задачи философіи исторіи: „Историческое изслѣдованіе, отрекающееся отъ общихъ понятій и законовъ, снова должно возвратиться къ безконечному разнообразію предметовъ и явленій, которое именно наука должна преодолѣть; слѣдовательно такое изученіе вообще ненаучно и въ крайнемъ случаѣ является лишь точнымъ описаніемъ; но такъ какъ каждый предметъ имѣетъ безконечное множество признаковъ, то и описаніе его едва ли можетъ обойтись при опредѣленіи ихъ значенія безъ общаго понятія, какъ путеводной нити“ [1]).

Подобный же отзывъ о такомъ способѣ изслѣдованій сдѣлалъ еще ранѣе *Функъ-Брентано* въ своемъ сочиненіи о „Цивилизаціи и ея законахъ“, на которое Шмоллеръ помѣстилъ въ свое время рецензію. Въ этомъ направленіи научныхъ работъ Функъ Брентано видитъ упадокъ наукъ вообще. „Наука если не двигается впередъ, говоритъ онъ, то она *теряется въ деталяхъ*“. Онъ видитъ въ этомъ наступленіе умственной анархіи [2]).

Новоисторическая школа замѣняетъ ученіе о народномъ хозяйствѣ исторіей и статистикой хозяйственнаго быта [3]), ибо съ ея точки зрѣнія познаніе конкретныхъ отношеній имѣетъ самую большую практическую важность. На этомъ основаніи она даетъ предпочтеніе *практической* части политической экономіи или экономической политикѣ, говорящей о различныхъ мѣрахъ, которыми правительство можетъ оказывать содѣйствіе развитію на-

---

[1]) *Бартъ*, Философія исторіи, какъ соціологія, Спб. 1900, стр. 6.

[2]) См. у *Шмоллера* Zur Litteraturgeschichte der Staats- und Socialwissenschaften рецензію на книгу *Funck-Brentano*, La civilisation et ses lois.

[3]) См. *Menger*, Die Irrthümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie, Wien, 1884, стр. VI и *Wagner*, Grundlegung der politischen Oekonomie, Leipzig, 1892, т. I-й, стр. 46—47.

роднаго благосостоянія, предъ *чистой* или *общей* частью той же науки, излагающей естественные экономическіе законы, свойственные въ большей или меньшей степени всѣмъ видамъ производительнаго труда [1]). Но безъ знанія природы народнаго хозяйства и его законовъ мудрено экономической политикѣ давать указанія правильныхъ мѣръ. Въ этомъ прямо сознается одинъ изъ представителей новоисторическаго направленія проф. *Scheel*. „Историческимъ изслѣдованіемъ, какъ таковымъ, само собой понятно, говоритъ онъ, не дается и не достигается такая система политической экономіи, которая создавала бы прочныя основанія этой науки и могла бы сдѣлать ее правильной руководительницей практики“ [2]).

Неудивительно поэтому, что наиболѣе выдающійся изъ современныхъ германскихъ экономистовъ, редакторъ извѣстнаго „Словаря государственныхъ наукъ“ и журнала Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, проф. *Conrad*, не стѣсняясь, поставилъ классическую школу экономистовъ Ад. Смита выше новоисторической: „Старая экономическая школа держалась, пишетъ онъ, только общихъ принциповъ, среднихъ величинъ и не занималась достаточно исключеніями, частностями, а потому нерѣдко высказывала ошибочныя сужденія объ экономической роли государства. Впадая въ сильную реакцію, новая школа ставитъ на первомъ планѣ исключенія, изучаетъ ихъ особо и преимущественно слѣдитъ за ихъ развитіемъ. *Но само собой понятно, что съ такимъ способомъ изученія науки соединена опасность преувеличивать исключенія и уменьшать важность большихъ среднихъ величинъ*“ [3]).

Съ этой точки зрѣнія простое собираніе историческаго и статистическаго матеріала, характеризующаго конкретныя

---

[1]) *Brentano*, Die klassische Nationalökonomie, стр. 28, 29 и 32. прим. 20.

[2]) *Scheel*, Die Politische Oekonomie als Wissenschaft въ Handbuch d. pol. Oekonomie, her. v. *Schönberg*, Tübingen, 1896, т. I, стр. 111,

[3]) Цитирую это мѣсто по сочиненію M. *Block*, Progrès de la science économique depuis Ad. Smith, т. I, стр.272.

отношенія различныхъ народовъ и временъ безъ одновременной надлежащей научной разработки его, которая предоставляется только будущимъ поколѣніямъ, является отступленіемъ и отъ метода, принятаго даже статистическою наукою. Со времени Кетле вся сущность этой науки сводится къ выводу законовъ большихъ чиселъ, опирающихся на среднія величины и пропорціи, безъ которыхъ изучая конкретныя явленія, изъ за деревьевъ нельзя видѣть лѣса.

Само собой понятно, что такимъ путемъ ни новой политической экономіи, ни научной соціологіи экономисты новоисторической школы не въ силахъ будутъ создать даже и въ отдаленномъ будущемъ, ибо всякая наука стремится уловить въ изучаемыхъ явленіяхъ то, что заключается въ нихъ общаго, а не исключительнаго. Никто, конечно, не станетъ отрицать пользы исторіи народнаго хозяйства различныхъ странъ, на разработку которой направлены всѣ труды представителей новоисторическаго направленія политической экономіи. Но она ни въ какомъ случаѣ замѣнять собою теоріи не можетъ, хотя и облегчаетъ для нея возможность восполнять пробѣлы и провѣрять степень вѣрности своихъ положеній.

Чтобы отстоять raison d'être направленія, имѣющаго несомнѣнно многихъ даровитыхъ представителей, обогатившихъ если не теорію, то исторію народнаго хозяйства добросовѣстными изслѣдованіями [1]), одинъ изъ русскихъ послѣдователей этого направ-

---

[1]) Къ числу такихъ изслѣдованій принадлежатъ напр. изслѣдованія *Шмоллера* Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19 Jahrhundert, Halle 1870. Die Strassburgen Tücher und Weberzunft, 1881. Die Entwickelung und die Krisis der deutschen Weberei im 19 Jahrhundert, 1873 и др. Еще болѣе замѣчательны изслѣдованія по исторіи народнаго хозяйства *Брентано*, особенно его Arbeitergilden der Zukunft, 2 Bände, Leipzig, 1871. Но онъ перенесъ въ значительной степени свое историческое изслѣдованіе на почву теоретическую, какъ это можно видѣть изъ его труда Ueber das Verhältniss von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung, Leipzig, 1893 и 1896 и изъ его Meine Polemik mit Karl Marx, zugleich ein Beitrag zur Frage der Fortschrittes der Arbeiterklasse und seiner Ursachen, Ber-

ленія высказалъ недавно предположеніе о возможности оправдать задачи новоисторической школы скорѣе всего съ точки зрѣнія *гносеологіи*. Подъ гносеологіей понимается теорія познанія вообще, которая, по его мнѣнію, должна лечь въ полномъ своемъ объемѣ въ основу экономической теоріи. Гносеологія, несомнѣнно, касается самаго важнаго вопроса теоріи статистики—метода изслѣдованія, которымъ пользуются общественныя науки. Но по моему мнѣнію, неправильное примѣненіе этого метода и составляетъ самую слабую сторону экономистовъ-новоисториковъ.

Большая часть заблужденій, въ которыя впадаетъ новоисторическая школа экономистовъ, объясняется ея стремленіемъ ограничиться въ своихъ изслѣдованіяхъ примѣненіемъ исключительно индуктивнаго метода и не совсѣмъ вѣрнымъ пониманіемъ его. Къ сожалѣнію, въ германской литературѣ указанія на этотъ недостатокъ ея такъ слабы, что на основаніи только ихъ можно, пожалуй, усомниться, существуетъ ли серіозное различіе между этимъ направленіемъ и староисторической школой экономистовъ [1]). Скорѣе всего можно было бы ожидать выясненія принципіальнаго различія между ними со стороны главы староисторическаго направленія *Рошера* въ его „Исторіи политической экономіи.“ Но онъ держался принципа ни о комъ не высказывать рѣзкихъ сужденій, исходя изъ высокогуманнаго принципа, по которому хотя и можно бороться съ противной нашимъ убѣжденіямъ системой раскрытіемъ ея ошибокъ, но побѣждать ее есть возможность только воспринятіемъ въ сферу нашей собственной научной жизни того, что заключается истиннаго въ ней, хотя и дурно освѣщеннаго противниками. Чѣмъ рѣзче и непримирѣе, каза-

---

lin, 1890 или изъ его Agrarpolitik, Ein Lehrbuch, Stuttgart, 1897. По нѣкоторымъ изъ своихъ теоретическихъ положеній онъ очень близокъ къ староисторической школѣ. См. въ моей Политической экономіи главу о Шмоллерѣ и Брентано.

[1]) Неудивительно поэтому, что г. *Святловскій* въ рецензіи на мою „Политическую экономію въ ея новѣйшихъ направленіяхъ“ прямо даже утверждаетъ, что дѣленія исторической школы экономистовъ на *старо* и *ново* историческую „въ *дѣйствительности не существовало и не существуетъ*“.

лось бы, идетъ борьба партій въ области экономическихъ ученій, тѣмъ настоятельнѣе и святѣе обязанность истинной науки въ каждой односторонности противника находить свою хорошую сторону [1]). Впрочемъ, это было высказано Рошеромъ еще въ 1874 году. Четыре года спустя, въ видѣ крайнихъ нападокъ новоисторической школы на дедуктивный методъ, которымъ пользовался въ своихъ сочиненіяхъ Рикардо, Рошеръ въ одной изъ журнальныхъ статей взялъ подъ свою защиту этого экономиста и его методъ. По мнѣнію Рошера, употребленіе дедуктивнаго метода было бы очень полезно для нѣмецкой школы, „ибо, *говоря по совѣсти*, замѣчаетъ Рошеръ, историко-статистическія и политико-практическія тенденціи *внесли только крайнюю путаницу въ теоретическій анализъ и сдѣлали его почти невозможнымъ* [2])“. Подобное же мнѣніе заявляетъ о несходствѣ главныхъ основаній двухъ направленій исторической школы экономистовъ редакторъ извѣстнаго „Словаря государственныхъ наукъ“ и Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“, проф. *Conrad*. Указывая на направленіе, въ которомъ такое видное мѣсто занимаетъ Рошеръ и къ числу послѣдователей котораго онъ относитъ самого себя, онъ говоритъ, что это направленіе по научному методу извѣстно подъ именемъ „*историческаго*“ и нашло *крайнее* свое продолженіе въ „*новой исторической* школѣ“ въ томъ видѣ, какъ она основана *Шмоллеромъ* [3]). По его мнѣнію, „старо-историческая школа (ältere historische Schule) хотя и принимала во вниманіе исторію, насколько она можетъ служить къ объясненію настоящаго положенія дѣлъ, но во всякомъ случаѣ не дѣлала изъ нея главнаго содержанія экономической науки. *Новая* же историческая школа, напротивъ, центръ тяжести политико-экономическихъ изысканій положила въ архивныхъ изслѣ-

---

[1]) *Roscher*, Geschichte der National-Oekonomik in Deutschland, стр. 1046.

[2]) См. статью *Рошера* о Рикардо въ Litterarisches Centralblatt за 1878 г. № 1, стр. 19. Цитирую по сочиненію *Schüller*'а, Les économistes classiques et leur adversaires. Paris, 1896, стр. VII.

[3]) *Conrad*, Grundriss zum Studium der politischen Oekonomie, Jena, 1900, стр. 392.

дованіяхъ. Послѣднія, конечно, имѣютъ значеніе какъ строительные камни для будущаго времени, но они не могутъ быть достаточными для пониманія настоящаго времени. Для политической экономіи исторія остается только вспомогательной наукой, но не можетъ замѣнить ее“ [1]).

Еще болѣе откровенно высказываются о недостаткахъ новоисторической школы экономистовъ представители иностранной экономической литературы, какъ напр. *Косса*, *Ингрэмъ* и въ особенности *Рамбо*. „Шмоллеръ впадаетъ въ *большое заблужденіе*, говоритъ первый изъ нихъ, думая, что нельзя съ пользою примѣнять дедуктивнаго метода къ изслѣдованіямъ экономической науки, которая, по его мнѣнію, не можетъ сложиться до тѣхъ поръ, пока

---

[1]) Idem, стр. 394. Раньше Конрада сдѣлалъ подобное же противопоставленіе älteren historischen Schule во главѣ съ Рошеромъ neueren historischen Schule или Neu-Historismus—проф. *Дитцель* въ своей статьѣ о преподаваніи политической экономіи въ германскихъ университетахъ, но охарактеризовалъ различіе ихъ болѣе поверхностно. См. эту статью въ изданіи проф. *Lexis*'а — Die Deutschen Universitäten, Leipzig, 1893. Подобнымъ образомъ проф. *Вагнеръ* называетъ въ своемъ Grundlegung школу Шмоллера „новой исторической школой“ въ отличіе отъ направленія Рошера и Кинсса. Точно также *Бугле* въ своей „Соціальной наукѣ въ современной Германіи“ (Спб., 1900, стр. 71) говоритъ о полемикѣ между „старой и новой исторической школой“. Да и самъ *Шмоллеръ* противополагаетъ не разъ „*die ältere*“ sogenannte historische Nationalökonomie *новому* направленію ея, посвятивъ одну изъ страницъ своего Volkswirtschaftslehre вопросу о „die ältere und die jüngere deutsche historische Schule“. См. *Schmoller* Volkswirtschaft, Volkswirtschaftslehre und Methode въ VII-мъ томѣ Handw. d. Staatswissenschaften, стр. 562, 577 и др. и его же Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Leipzig, 1900, стр. 119. Такое же разграниченіе между этими школами дѣлаютъ и французскіе экономисты, какъ напр. *Рамбо* въ своей Histoire des doctrines économique, и англійскіе, какъ напр. *Ashley*, признающій въ своемъ Introduction to english economic history and theory *непримиримый* антагонизмъ между этими двумя направленіями. Какъ могло случиться, что нѣкоторые изъ нашихъ русскихъ экономистовъ могли упустить изъ виду такое принципіальное различіе между двумя означенными направленіями, а одинъ изъ рецензентовъ моего труда даже самое существованіе послѣднихъ—трудно понять.

не будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи полнаго историческаго и статистическаго матеріала *объ экономическихъ условіяхъ всѣхъ эпохъ и странъ*“ [1]). Второй изъ этихъ экономистовъ, проф. *Джонъ Ингрэмъ*, считаетъ „*большой ошибкой*“ отрицаніе школою Шмоллера существованія экономическихъ законовъ. Онъ упрекаетъ ее не безъ основанія въ неправильномъ пониманіи значенія „естественныхъ законовъ“, при которыхъ, будто бы, экономическія отношенія должны оставаться неизмѣнными. Подобнаго значенія терминъ „естественный законъ“ не имѣетъ въ наукахъ, изучающихъ органическій міръ, близкихъ къ соціальнымъ. „Если измѣненіе одного изъ общественныхъ явленій предполагаетъ или обусловливаетъ соотвѣтствующую модификацію другого, то трудно понять, говоритъ Ингрэмъ, почему не слѣдуетъ называть „естественными законами“ эти столь постоянныя отношенія послѣдовательности и сосуществованія явленій. Школа Шмоллера хочетъ замѣнить теорію такихъ универсальныхъ законовъ простымъ описаніемъ различныхъ реальныхъ условій, въ которыя поставленъ экономическій бытъ отдѣльныхъ странъ. Но прежде чѣмъ говорить объ условіяхъ, слѣдовало бы изучить основные законы общей человѣческой эволюціи, а затѣмъ уже вносить въ теорію ихъ поправки, соотвѣтственно территоріальнымъ и другимъ условіямъ“. Исходя изъ этихъ соображеній, *Ингрэмъ* вполнѣ основательно высказываетъ опасеніе, чтобы такое направленіе исторической школы „не пріобрѣло характера ненаучнаго. Оно можетъ слишкомъ исключительно сосредоточиться на статистическихъ изслѣдованіяхъ и совершенно позабыть въ деталяхъ наблюденія о необходимости широкой философской идеи и систематической координаціи принциповъ“ [2]).

Но еще болѣе радикальную противоположность между „*старо*“ и „*ново*“ исторической школами отмѣчаетъ проф. *Рамбо* въ своей „Исторіи экономическихъ доктринъ“. „Дѣло не въ томъ, говоритъ онъ, что одни экономисты хотятъ пользоваться дедук-

---

[1]) *Cossa*, Histoire des doctrines économiques, Paris, 1899, стр. 418.

[2]) *Джонъ Ингрэмъ*, Исторія политической экономіи, пер. съ англ. Москва, 1891, стр. 266—267 и 276.

цiей, а другiе индукцiей, но въ настоящемъ противорѣчiи принциповъ и законовъ, отмѣченномъ проф. оксфордскаго университета *Ashley* въ его Introduction to english economic history and theory". Приведя мнѣнiя *Cliffe*, *Leslie*, *Лавеле*, *Роджерса* и другихъ представителей новоисторическаго направленiя, слишкомъ преувеличивающихъ принципъ относительности всѣхъ общественныхъ законовъ и отрицающихъ возможность чего либо неизмѣннаго и прочнаго какъ въ области этики [1]), такъ и соцiологiи, Рамбо приходитъ къ совершенно вѣрному заключенiю, что надо признать мысль о возможности радикальныхъ измѣненiй въ нихъ не только пустой гипотезой, но явнымъ заблужденiемъ. „Какъ мiръ физическiй, окружающiй насъ, остается неизмѣннымъ, говоритъ онъ, такъ точно и мiръ нравственный, къ которому мы принадлежимъ, не измѣняется въ насъ. То, что можетъ подвергаться измѣненiю — это только наши понятiя, болѣе или менѣе вѣрныя о законахъ того и другого мiра. Поэтому до тѣхъ поръ, пока не измѣнится ни физическiй, ни нравственный мiръ, — и въ мiрѣ экономическихъ отношенiй будутъ оставаться естественные, неизмѣнные законы, существующiе независимо отъ людей, изучающихъ ихъ и сообразующихъ съ ними свои дѣйствiя. Отъ того мнѣнiя, какое имѣютъ люди о нихъ, нисколько не зависитъ объективная сущность этихъ законовъ" [2]).

Чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить отрицанiе новоисторической школой естественныхъ законовъ народнаго хозяйства, констатированныхъ не метафизиками, а главными противниками ихъ—представителями экономической науки, начиная съ физiо-

---

[1]) *Рамбо* цитируетъ мнѣнiе бывшаго профессора въ Монпелье, *Vacher de Lapouge*, по которому „понятiя о добрѣ и злѣ въ очень близкомъ будущемъ будутъ совершенно не похожи на теперешнiя и даже сдѣлаются противоположными имъ въ большей части пунктовъ до такой степени, что даже кража и разбои найдутъ въ нихъ свое оправданiе". Дальше такой нелѣпости договориться трудно!

[2]) *Rambaud*, Histoire des doctrines èconomiques Lyon, 1899, стр. 345.

кратовъ? [1]). Это можно объяснить двумя обстоятельствами. Съ одной стороны, недоразумѣніемъ въ опредѣленіи понятія о естественныхъ законахъ, а съ другой—неправильнымъ примѣненіемъ индуктивнаго метода.

Когда экономисты говорятъ о *естественныхъ* законахъ экономическихъ явленій, то само собой понятно, что этимъ выраженіемъ они желаютъ указать совсѣмъ не то, чтобы физическая природа сама собою создавала все необходимое для людей и опредѣляла весь складъ ихъ жизни подобно тому, какъ это дѣлается ею въ отношеніи животныхъ. Изслѣдованіе законовъ, опредѣляющихъ эту зависимость отъ нея всѣхъ живыхъ существъ, не исключая въ извѣстной степени и человѣка, политическая экономія предоставляетъ естественнымъ наукамъ. Употребляя терминъ *естественные* экономическіе законы, она понимаетъ подъ ними тѣ, которые проявляются въ цѣлесообразной дѣятельности людей, направленной къ обезпеченію ихъ нуждъ, хотя и существуютъ независимо отъ человѣка. Человѣкъ, одаренный разумомъ и способностью развивать свои знанія до безконечности, не можетъ, подобно животнымъ, довольствоваться только тѣмъ, что ему даетъ сама природа. Познавая законы ея, онъ научается ставить физическія и органическія силы ея въ такія условія, при которыхъ онѣ начинаютъ работать на него: земля покрывается преимущественно тѣми растеніями и животными, въ которыхъ онъ нуждается; силы вѣтра, воды, пара, электричества замѣняютъ милліоны человѣческихъ рукъ въ производствѣ предметовъ, необходимыхъ для него. Нельзя сказать, чтобы въ этомъ случаѣ „законы природы находились въ извѣстномъ *противорѣчіи* къ экономической дѣятельности“, какъ выразился недавно одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ представителей новѣйшей политической экономіи, *Бернштейнъ* [2]), или что народное хозяйство есть въ

---

[1]) См. объ этой противоположности метода политической экономіи со времени самого возникновенія ея и способовъ изслѣдованія метафизиковъ въ моей „Политической экономіи“ главу объ опытномъ методѣ, стр. 40—75.

[2]) *Бернштейнъ*, „Объ отношеніи естественныхъ наукъ къ обществовѣдѣнію“ въ его „Очеркахъ изъ исторіи и теоріи соціализма“. Спб., 1902, стр. 103.

извѣстной степени *искусственная* организація, какъ замѣтилъ проф. *Вагнеръ* [1]). Противорѣчія въ дѣйствительности никакого нѣтъ, такъ какъ и въ хозяйственной дѣятельности человѣка природа дѣйствуетъ по прежнимъ неизмѣннымъ законамъ, но только въ направленіи желательномъ для человѣка, благодаря его умѣнію видоизмѣнять условія дѣйствія ея силъ. Искусственнымъ продуктомъ нельзя назвать народнаго хозяйства, если организація его разумна и не идетъ въ разрѣзъ съ естественными условіями и требованіями общественной жизни [2]).

Какъ человѣкъ стремится поставить себя въ наиболѣе благопріятныя для него отношенія къ внѣшней природѣ, такъ точно также онъ старается поставить себя въ наиболѣе выгодныя условія и въ отношеніи другихъ людей. Для этого онъ организуетъ производство необходимыхъ для него продуктовъ и услугъ по системѣ раздѣленія занятій, распредѣляя при этомъ вознагражденіе лицъ, участвующихъ въ этомъ производствѣ, путемъ обмѣна цѣнностей, уплаты заработной платы, процента, прибыли, ренты и проч.

Результатомъ такой цѣлесообразной организаціи своихъ отношеній къ внѣшней природѣ и къ себѣ подобнымъ являются всѣ тѣ вещественныя и невещественныя блага, которыми пользуется культурное человѣчество въ сравненіи съ некультурнымъ. И внѣшняя и человѣческая природа неизмѣнны по своей сущности, а потому и экономическіе законы, вытекающіе изъ такой цѣлесообразной дѣятельности людей, остаются неизмѣнными. Недостаточное знакомство съ этими законами дѣлало всегда трудъ человѣческій малопроизводительнымъ и вызывало страданія общества. Отдѣльные народы и все человѣчество постоянно стре-

---

[1]) *Wagner*, Lehr und Handbuch der politischen Oekonomie, изд. 2-е, томъ I, § 116. Въ 3-мъ изданіи 1892 г. этотъ параграфъ выпущенъ, изъ чего можно заключить, что авторъ самъ созналъ свою ошибку, такъ какъ при ней самое существованіе экономической науки едва ли было бы возможно.

[2]) Подробный критическій разборъ этой точки зрѣнія см. въ моей „Политической экономіи“ въ главѣ о Вагнерѣ и Шеффле, стр. 313—331.

мились къ достиженію одной и той-же цѣли общественной жизни— благосостоянія; но въ своемъ историческомъ развитіи они избирали первоначально малоудовлетворительные пути къ достиженію этой основной цѣли. Какъ первые, наименѣе совершенные виды организаціи труда всегда дѣлали его малопроизводительнымъ, такъ позднѣйшіе, болѣе совершенные, всегда сильно поднимали его производительность, увеличивая въ громадной степени количество и качество всякаго рода продуктовъ и услугъ, предоставляемыхъ въ распоряженіе населенія.

Такимъ образомъ, какъ бы ни были разнообразны, говоря словами Бернштейна „*субъективныя* воззрѣнія, которыми руководились народы въ различныя эпохи своего историческаго развитія въ выборѣ средствъ къ обезпеченію своего благосостоянія, но проведеніе ихъ въ жизнь всегда подчинялось вліянію *объективныхъ* силъ.“ Этимъ, очевидно, онъ хочетъ сказать, что люди, хотя и были свободны въ своихъ дѣйствіяхъ, но не были властны въ ихъ послѣдствіяхъ. Эти послѣдствія не зависѣли отъ ихъ воли. Въ этомъ смыслѣ и по мнѣнію Бернштейна „*можно съ полнымъ правомъ говорить о естественныхъ законахъ общественной жизни*“ [1]). Но политическая экономія ни о какихъ другихъ, кромѣ этого рода *естественныхъ* экономическихъ законовъ, никогда и не говорила, указывая, что этихъ законовъ не въ силахъ устранить ни отдѣльныя лица, ни государственная власть, какъ бы она ни была могущественна, что съ этими законами должна считаться всякая администрація и положительное законодательство, такъ какъ въ противномъ случаѣ послѣднее рискуетъ обратиться въ мертвую букву, а мѣры первой могутъ привести къ послѣдствіямъ, противоположнымъ тѣмъ, какихъ отъ нихъ ожидали. Возможности построенія посредствомъ систематическаго анализа и синтеза этихъ естественныхъ законовъ Бернштейнъ не отрицаетъ и вполнѣ основательно, ибо, какъ замѣтилъ еще *Книсъ*, во всей человѣческой культурѣ, не

---

[1]) *Бернштейнъ*, „Принципы природы и вопросы хозяйства. Методологическій этюдъ“ въ тѣхъ же „Очеркахъ“, стр. 121.

смотря на способность ея къ безконечному развитію, есть нѣчто постоянное и неизмѣнное (gleiches). Въ противномъ случаѣ отдѣльный человѣкъ не могъ бы и принадлежать ко всему роду человѣческому [1]). „Главныя черты человѣческой природы, отъ которыхъ зависитъ хозяйственная дѣятельность, по справедливому указанію другого германскаго экономиста, проф. *Вагнера*, прочно коренятся въ физической и духовной организаціи человѣка и также мало измѣняются, какъ и внѣшняя природа". Хотя *Лавеле* и указываетъ на крайнее разнообразіе мотивовъ и формъ хозяйственной дѣятельности у различныхъ народовъ въ различныя эпохи, въ доказательство отсутствія какихъ бы то ни было постоянныхъ законовъ народнаго хозяйства, но если опираться на такого рода доказательства, то пришлось бы отвергнуть возможность существованія даже медицинскихъ наукъ, такъ какъ въ прежнее время иначе понимались причины болѣзней и употреблялись другіе способы лѣченія, чѣмъ теперь. Тоже можно сказать и про другія прикладныя знанія. Но какъ законы человѣческаго организма и законы физической природы, такъ и законы народнаго хозяйства существуютъ независимо отъ того, умѣли ли люди къ нимъ достаточно приспособляться или не умѣли. Рабство, экстенсивныя системы сельскаго хозяйства, крайнее сосредоточеніе поземельной собственности, раздѣленіе труда, мѣна, деньги, кредитъ и другія явленія, изучаемыя экономической наукой, всегда и вездѣ вели при одинаковыхъ условіяхъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ, а слѣдовательно законы объективныхъ силъ, проявляющихся въ этихъ случаяхъ, могутъ и должны быть изучаемы наукой, какъ законы *естественные* [2]). Это въ сущности признаетъ и самъ *Шмоллеръ*, ибо онъ говоритъ: „каждое народное хозяйство управляется двумя категоріями причинъ — естественно-техническими и психическо-нрав-

---

[1]) *Knies*, Die politische Oekonomie vom geschichtlicher Standpunkte, изд. 1883 г., стр. 350 и 400.

[2]) См. въ моей Политической экономіи, главу о *Лавеле* и *Штамлерѣ*, стр. 381 — 408, а также о *Бруно-Гильдебрандѣ* и *Книсѣ*, стр. 409—434.

ственными. *Первая категорія причинъ составляетъ естественное основаніе, фундаментъ народнаго хозяйства.* Причины же второй категоріи возвышаются на этомъ фундаментѣ, какъ сильно измѣняющіяся надстройки. Только на обѣихъ этихъ причинахъ, вмѣстѣ взятыхъ, можетъ возвышаться зданіе народнаго хозяйства" [1]). Но если естественно техническія причины составляютъ естественный фундаментъ экономическаго быта народовъ, а все остальное *детали*, хотя и существенно важныя, то ясно, что столь категорически высказываемыя имъ отрицанія законовъ природы въ народномъ хозяйствѣ не имѣютъ серіозныхъ основаній и только вносятъ туманъ въ пониманіе основныхъ началъ политической экономіи. Точно также и *Брентано* только на словахъ отвергаетъ существованіе *естественныхъ* экономическихъ законовъ, о которыхъ говоритъ классическая школа экономистовъ, въ дѣйствительности же ихъ признаетъ [2]).

Весь споръ между экономистами, доказывающими существованіе такихъ законовъ и отрицающими ихъ, сводится слѣдовательно не болѣе, какъ къ простому недоразумѣнію и непониманію ими другъ друга. Нельзя не признать заслуги *Бернштейна*, что онъ съумѣлъ нѣсколько яснѣе другихъ освѣтить сущность этого недоразумѣнія и тѣмъ самымъ оказалъ содѣйствіе правильному разрѣшенію одного изъ основныхъ вопросовъ экономической науки.

Но устранилось ли это недоразумѣніе навсегда? — это вопросъ, на который едва ли можно дать положительный отвѣтъ. Даже и съ мнѣніемъ Бернштейна о возможности выясненія естественныхъ законовъ общественной жизни въ томъ вполнѣ ясномъ смыслѣ, въ какомъ онъ указываетъ, едва ли можетъ согласиться большинство представителей новоисторической школы экономистовъ, вслѣдствіе чрезмѣрной боязни ихъ впасть въ какія либо апріористическія мнѣнія и допустить вѣрность законовъ, выве-

---

[1]) См. *Schmoller*, Grundfragen der Socialpolitik und Volkswirtschaftslehre. Срвн. *его же* Grundriss der allg. Volkswirtschaftslehre, Leipzig, 1900, стр. 59—60, 127 и 189.

[2]) См. мою Политическую экономію, стр. 308—310.

денныхъ дедуктивнымъ методомъ. Слишкомъ большое увлеченіе индуктивнымъ методомъ, неправильное пониманіе его и приложеніе къ изслѣдованіямъ — вотъ главная причина большей части недоразумѣній, вызванныхъ въ экономической наукѣ новоисторической школой и ея высокомѣрнаго отношенія ко всѣмъ предшествующимъ ей направленіямъ.

Индукцію и дедукцію необходимо, конечно, различать, но отдѣлять ихъ совершенно невозможно, ибо обѣ онѣ не являются, по справедливому замѣчанію *Риля*, противоположными методами, а только противоположными направленіями одного и того же метода — ибо безъ дедукціи было бы невозможно введеніе какой либо гипотезы въ наши изслѣдованія, а безъ научныхъ гипотезъ невозможно было бы никакое сколько нибудь правильное наблюденіе. Для того, чтобы опытъ подтверждалъ требованія нашей мысли, его необходимо напередъ цѣлесообразно устроить, для чего требуется подготовительная дедукція при установкѣ научной гипотезы [1]). Установленіе же послѣдней возможно чаще всего только апріорнымъ путемъ. Не можетъ быть дѣйствительнаго познанія, по замѣчанію другого представителя философіи, проф. *Паульсена*, въ которомъ бы не было одновременно элемен-

---

[1]) См. *Риль*, Теорія, наука и метафизика, съ точки зрѣнія философскаго критицизма, рус. пер. Москва, 1888, стр. 100—141 и др. Подобнымъ образомъ *Джевонсъ* замѣчаетъ, что какъ пассивное наблюденіе, такъ и экспериментированіе должны вообще вестись лицами, которыя знаютъ, что имъ нужно. Только тогда, когда наблюдатель возбуждается и руководится надеждой повѣрить теорію, онъ можетъ замѣнить многіе изъ самыхъ важныхъ пунктовъ. Изслѣдователь, чтобы имѣть успѣхъ, долженъ имѣть ясное понятіе объ ожидаемомъ имъ результатѣ и довѣріе къ истинѣ своихъ теорій, а въ то же время долженъ отличаться уступчивостью, чтобы отказываться отъ своихъ ошибочныхъ взглядовъ. Всякое индуктивное изслѣдованіе состоитъ, по мнѣнію Джевонса, въ соединеніи гипотезъ съ опытомъ. При составленіи гипотезъ мы должны употребить въ дѣло всю массу уже накопленныхъ знаній. Дедуктивное умозаключеніе предшествуетъ экспериментамъ, которые только провѣряютъ его. См. *Стэнли Джевонсъ*, Основы науки. Трактатъ о логикѣ и научномъ методѣ. Спб. 1881, стр. 378 и 472—492.

та какъ апріорнаго, такъ и апостеріорнаго. Научное познаніе исходитъ не изъ чувствъ, а изъ разсудка. Бэконъ—эмпиристъ не въ томъ только смыслѣ, что онъ указалъ на необходимость опыта и наблюденія, но еще болѣе потому, что выяснилъ, какъ на основаніи отдѣльныхъ наблюденій надо образовывать сужденія, имѣющія всеобщее значеніе, т. е. производить науку. Онъ показалъ различіе между плохой индукціей, довольствующейся подсчетомъ нѣсколькихъ случаевъ и дѣлающей изъ нихъ общій законъ—inductio per enumerationem simplicem отъ inductio vera, въ смыслѣ мышленія, выходящаго за предѣлы простого собранія воспріятій. Только такая индукція можетъ творить науку. Чувственное воспріятіе въ наблюденіи или опытѣ сводитъ *Паульсенъ* хотя и къ необходимому, но рѣшительно вторичному моменту. Чѣмъ далѣе развивается наука, тѣмъ, по его мнѣнію, незначительнѣе становится роль воспріятія, что можно особенно видѣть на біологическихъ наукахъ. Физіологія и эволюціонная теорія начали превращать старыя „описательныя науки“, собиравшія воспріятія, въ системы мысли. Тоже самое указываетъ Паульсенъ и на исторіи, которая теперь охвачена стремленіемъ превратиться изъ собранія воспріятій (воспоминаній и показаній) въ систему понимаемыхъ истинъ. Начало такой болѣе научной разработки исторіи этотъ выдающійся представитель современной философіи приписываетъ главнымъ образомъ вліянію тѣхъ самыхъ законовъ экономической жизни, которые отвергаются новоисторической школой экономистовъ. Вліяніе этихъ законовъ на развитіе историческихъ наукъ, по его мнѣнію, все болѣе повышается, хотя, съ его точки зрѣнія, эти законы и открыты дедуктивнымъ путемъ. „При наблюденіи историками фактовъ минувшей жизни играетъ, говоритъ онъ, главную роль умѣніе предъявлять къ ней вопросы. Кто не умѣетъ спрашивать, тому источники не даютъ отвѣта, а только заваливаютъ его путаницей мнѣній и слуховъ. Многознаніе въ этомъ смыслѣ, говоря словами еще старика Гераклита, не родитъ ума“ [1]).

---

[1]) *Паульсенъ.* Введеніе въ философію, пер. съ нѣмецкаго. Москва, 1899, стр. 430—432.

Поэтому, какъ бы ни былъ обширенъ историческій и цифровой матеріалъ, собираемый такъ усердно экономистами новоисторической школы, именно потому, что онъ остается безъ надлежащей научной разработки — не приведетъ къ истинному научному знанію. По справедливому замѣчанію *Іеринга*, историзмъ поддерживаетъ, рядомъ съ эрудиціей, извѣстную душевную лѣнь, не только практическую, но и теоретическую, которая выражается въ стремленіи избѣжать умственнаго усилія, необходимаго для сведенія разнообразія фактовъ къ теоретическому единству. Боясь абстрактныхъ идей, онъ теряется въ хаосѣ фактовъ [1]). Самое большое, что можетъ сдѣлать новоисторическій методъ, это — обратить экономическую науку въ чисто описательную, на что указывается уже многими. Сами соціологи, справедливо замѣчаетъ напр. проф. *Майо Смитъ*, усилили трудности своей науки въ отношеніи какъ собиранія, такъ и объясненія данныхъ. Они собрали громадное количество фактовъ, не отдѣляя какъ слѣдуетъ важные отъ маловажныхъ, типичные и общіе отъ случайныхъ и мѣстныхъ. Они взяли всю исторію, всю археологію, всѣ наблюденія путешественниковъ въ качествѣ матеріала своей науки и отнеслись къ этому матеріалу, какъ къ равноцѣнному. Конечно, всѣ дѣйствія людей имѣютъ какое нибудь отношеніе къ соціологіи, но далеко не одинаковое. Такъ или иначе — мы должны дѣлать выборъ; въ противномъ случаѣ нельзя будетъ справиться съ матеріаломъ [2]).

Быть можетъ методъ, которымъ разработываютъ новоисторики политическую экономію и соціологію не совсѣмъ правильно оцѣненъ представителями гносеологіи и умозрительной философіи, отдающими нерѣдко предпочтеніе дедукціи предъ индукціей? Въ такомъ случаѣ мы обратимся къ объясненію значенія индуктивнаго метода къ главѣ новѣйшаго позитивизма, О. Конту и взглянемъ, какъ онъ понимаетъ этотъ методъ. Проф. *Янсонъ*

---

[1]) См. *Іерингъ*, Geist des römischen Rechts I, 47, по *Бугле*, Соціальная наука въ Германіи, р. п. Кіевъ, 1899, стр. 120—121.

[2]) См. *Майо-Смитъ*, Статистика и соціологія, переводъ съ англійскаго, Москва, 1900, стр. 11.

въ своей „Теоріи статистики“ передаетъ довольно подробно позитивное воззрѣніе *О. Конта* на явленія соціальной жизни [1]). Съ своей стороны, я позволю себѣ дополнить его изложеніе тѣмъ, что касается непосредственно взглядовъ основателя позитивной философіи на способъ примѣненія индуктивнаго метода къ изслѣдованію соціальныхъ явленій.

Какой бы порядокъ явленій мы ни взяли, хотя бы самыхъ простыхъ, никакое правильное наблюденіе невозможно, если только оно не направляется первоначально и не истолковывается окончательно при помощи какой либо теоріи. Съ истинно научной точки зрѣнія всякое отдѣльное наблюденіе чисто эмпирическое по своей сущности не представляетъ научнаго интереса и чаще всего даетъ неопредѣленные выводы. Наука можетъ пользоваться только такими наблюденіями, которыя находятся въ связи съ какимъ нибудь закономъ, хотя бы выставленномъ въ видѣ гипотезы. Эта связь составляетъ главное характеристическое различіе между научными и обыкновенными наблюденіями (de vulgaire), хотя бы таковыя производились надъ одними и тѣми же предметами, ибо они дѣлаются съ различныхъ точекъ зрѣнія. Обыкновенныя наблюденія могутъ имѣть значеніе развѣ только въ качествѣ предварительнаго матеріала, требующаго притомъ всегда надлежащей, послѣдующей провѣрки. Такое требованіе логики должно быть тѣмъ болѣе выполняемо, когда рѣчь идетъ о явленіяхъ болѣе сложныхъ. Въ нихъ, безъ путеводнаго указанія предварительной теоріи, наблюдатель чаще всего самъ не знаетъ, на что ему необходимо обратить особенное вниманіе въ фактѣ, совершающемся предъ его глазами. Чѣмъ вѣрнѣе такого рода теоріи, тѣмъ, конечно, удачнѣе производятся наблюденія. Этимъ путемъ дѣлались наблюденія при изученіи астрономическихъ, физическихъ и химическихъ явленій и особенно при изученіи различныхъ біологическихъ явленій, гдѣ, вслѣдствіе крайней сложности ихъ, хорошія наблюденія такъ трудны и такъ рѣдки. Поэтому очевидно, что наблюденія какихъ либо соціальныхъ явленій, будутъ ли они касаться статики или динамики, отличающихся гораздо большей сложностью отъ

---

[1]) *Янсонъ*, Теорія статистики, стр. 21—26.

естественныхъ явленій, требуютъ еще въ бо́льшей степени, чѣмъ всѣ другія, постояннаго пользованія основными теоріями, имѣющими своей задачей связывать факты, совершающіеся съ фактами уже совершившимися. „Въ противоположность этому, руководясь совершенно нераціональнымъ принципомъ, защищаемымъ доктринёрами съ такой увѣренностью, насъ забрасываютъ, говоритъ Контъ, массой описаній, не имѣющихъ никакого научнаго интереса, такъ какъ составленіе ихъ не представляетъ особыхъ трудностей. Чѣмъ болѣе мы будемъ вдумываться въ этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе придемъ къ убѣжденію, въ какой сильной степени вѣрное установленіе причинной связи между извѣстными уже фактами облегчаетъ возможность правильно оцѣнивать и наблюдать факты еще неизслѣдованные. Несомнѣнно, что эта логическая необходимость должна сильно увеличивать громадную основную трудность установленія началъ позитивной соціологіи, проистекающую уже изъ самой природы изслѣдуемаго предмета. Въ соціологіи приходится въ одно и тоже время производить наблюденія и выяснять законы, въ виду ихъ взаимнаго соотношенія. Это составляетъ въ своемъ родѣ circulus vitiosus, изъ котораго нельзя выдти иначе, какъ пользуясь одновременно и матеріалами, дурно обработанными, и доктринами, недостаточно обоснованными“ [1]).

Новоисторическая школа экономистовъ не хочетъ пользоваться при производствѣ наблюденій доктринами классической, экономической науки, которыя, по ея мнѣніямъ, принадлежатъ къ такимъ слишкомъ малообоснованнымъ теоріямъ, а въ тоже время не имѣетъ въ своемъ распоряженіи никакихъ иныхъ теорій, которыя помогли бы ей правильно пользоваться индуктивнымъ методомъ. Поэтому она сама обрекаетъ себя на безплодіе своихъ работъ въ дѣлѣ созданія новой науки, будетъ ли то политическая экономія въ обновленномъ видѣ, или соціологія. Ограничиваясь одними наблюденіями и притомъ обыкновенными (de vulgaires), а не строго научными, эта школа освобождаетъ себя отъ обязанности

---

[1]) См *Auguste Comte*, Cours de philosopie positive, томъ IV-й, лекція 48.

выполнять вторую, болѣе важную половину научной работы, указываемую Контомъ—раскрывать законы наблюдаемыхъ ею явленій.

Такого общаго заключенія нельзя не сдѣлать, основываясь на большей части того историческо-статистическаго матеріала, на собраніе и обнародованіе котораго затрачивается столько силъ нынѣшними представителями экономической науки, особенно въ Германіи. Уловить неправильности въ пониманіи истинныхъ основъ индуктивнаго метода тѣми же экономистами новоисторической школы въ общей теоретической постановкѣ ими значенія того же метода труднѣе, но не невозможно.

Въ общемъ принципѣ эта школа не отвергаетъ значенія дедукціи въ научныхъ изслѣдованіяхъ. „Какъ мы приходимъ къ признанію отдѣльныхъ причинъ? — спрашиваетъ проф. *Шмоллеръ*. Если въ ходѣ явленій В слѣдуетъ правильно за А, то по ассоціаціи идей, каждый разъ какъ только я вижу нѣчто одинаковое или подобное В, тотчасъ же у меня возникаетъ мысль объ А и я изслѣдую, нѣтъ ли его здѣсь. Если я замѣтилъ цѣлый рядъ такой послѣдовательности, то это ставитъ меня въ необходимость признать существованіе постоянной связи между означенными явленіями и объявить, что А есть причина В. Ассоціація идей является здѣсь выраженіемъ внутренней связи между А и В, какъ членами одного и того же процесса и частями цѣлаго. Это мы называемъ индуктивнымъ способомъ изслѣдованія. Онъ исходитъ изъ наблюденія отдѣльныхъ явленій и пріискиваетъ правила, могущія объяснить значеніе ихъ. Чѣмъ сложнѣе явленіе, тѣмъ труднѣе пріискать правила, тѣмъ чаще мы приходимъ къ гипотезамъ“ [1]).

Такимъ образомъ у проф. Шмоллера гипотезы не предшествуютъ научному изслѣдованію, какъ слѣдовало бы по О. Конту, Джевонсу, Рилю, Паульсену, а только слѣдуютъ за нимъ и индукція основывается на простомъ подсчетѣ числа наблюдавшихся явленій. Дедукція же является не болѣе, какъ только „*дальній-*

---

[1]) *Schmoller*. Die induktive Methode въ его статьѣ Volkswirtschaft, Volkswirtschaftslehre und Methode, напечатанной въ Handw. d. Staatswissenschaften Конрада, т. VII, стр. 571.

шимъ развитіемъ уже добытыхъ индукціей правилъ причинныхъ соотношеній“ [1]), слѣдовательно оказывается той индукціей per enumerationem simplicem, о которой говоритъ Бэконъ.

Правда, далѣе проф. Шмоллеръ указываетъ, что каждое наблюденіе и описаніе и каждая новая индукція основываются на примѣненіи *вѣрнаго* знанія и что въ отношеніи каждаго новаго невыясненнаго наблюденія мы пробуемъ примѣнять „массу высшихъ общихъ положеній (Obersätze), правилъ, истинъ, которыя роятся въ нашей головѣ, не могутъ ли они послужить къ разрѣшенію проблемы“ [2]). Весь споръ, по мнѣнію Шмоллера, сводится къ тому, „въ какой степени ученіе о народномъ хозяйствѣ можетъ довольствоваться дедукціей, какъ далеко подвинулась уже впередъ наша наука, какимъ сокровищемъ истинъ, объясняющихъ причинныя соотношенія, она обладаетъ или можетъ заимствовать ихъ изъ другихъ наукъ, главнымъ образомъ изъ психологіи. Для англійскихъ эпигоновъ Ад. Смита, какъ выражается Шмоллеръ, это сокровище можетъ казаться очень большимъ и въ такомъ случаѣ они могутъ считать эту науку за чисто дедуктивную. Для представителей новоисторической школы это сокровище кажется слишкомъ незначительнымъ. Съ ихъ точки зрѣнія оно является не болѣе, какъ запасомъ бездоказательныхъ предположеній, съ которыми давно пора покончить. Въ виду этой массы ложныхъ или одностороннихъ, сдѣланныхъ на скорую руку обобщеній, эта школа требуетъ болѣе обширнаго примѣненія индукціи, болѣе всеобъемлющихъ и точныхъ наблюденій и описаній, одинаково необходимыхъ для индукціи и дедукціи“ [3]).

Но если всѣ научныя истины, надъ выработкою которыхъ трудилась экономическая наука въ теченіе почти 150 лѣтъ, оказались не болѣе какъ бездоказательными и слишкомъ поспѣшными предположеніями, если эта наука не даетъ никакихъ вѣрныхъ

---

[1]) *Schmoller*. Die induktive Methode въ его статьѣ Volkswirtschaft, Volkswirtschaftslehre und Methode, напечатанный въ Handw. d. Staatswissenschaften Конрада, т. VII, стр. 571.

[2]) Idem, стр. 571—572.

[3]) Idem, 571.

знаній, какъ объ этомъ еще болѣе торжественно заявилъ въ своей рѣчи проф. Шмоллеръ при вступленіи въ должность ректора берлинскаго университета въ 1897 г., то въ такомъ случаѣ возможно ли будетъ для „ново-историковъ“ болѣе обширное примѣненіе индукціи въ производимыхъ ими всеобъемлющихъ наблюденіяхъ и описаніяхъ? На приложеніи какихъ именно „вѣрныхъ знаній, высшихъ общихъ принциповъ, правилъ и истинъ“ будутъ основывать они свою индукцію для разрѣшенія научныхъ проблемъ? Такихъ знаній, принциповъ и истинъ, съ ихъ точки зрѣнія, не существуетъ. Между тѣмъ безъ этихъ истинъ, безъ руководящей нити въ своихъ изслѣдованіяхъ, новоисторической школѣ экономистовъ приходится осуждать себя на воздвиженіе лѣсовъ для постройки научнаго зданія, безъ надежды когда либо приступить къ постройкѣ его. Одинъ только методъ наблюденія или чисто историческій въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ школа Шмоллера, представляетъ, по замѣчанію профессора университета въ Бордо *Эспинаса*, громадное неудобство въ томъ отношеніи, что онъ не даетъ руководящихъ принциповъ для сужденія о собираемыхъ фактахъ. Обстоятельства были такія то и такія двадцать или сто лѣтъ тому назадъ; съ тѣхъ поръ они измѣнились и въ настоящее время они таковы и таковы — учитъ новоисторическая школа во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ. Но что же можно извлечь изъ этого для практическаго примѣненія къ настоящей жизни въ видахъ улучшенія ея? Изъ этого ничего нельзя почерпнуть, чѣмъ бы можно было оріентироваться среди дѣйствительности. Соображеній для постройки плана нашихъ дѣйствій, руководящихъ принциповъ—одно только историческое знаніе не даетъ и не дастъ никогда [1]).

На этой же точкѣ зрѣнія въ оцѣнкѣ значенія новоисторической школы стоитъ авторъ сочиненія о „Соціальной наукѣ въ современной Германіи“ *Бугле*. „Историческое знаніе интересуется, говоритъ онъ, только конкретными, частными фактами,

---

[1]) *Эспинасъ*, Исторія политико-экономическихъ доктринъ, стр. 211—212. Срвн. *Ashley*, An introduction to english economic history and theory. London, 1892, стр. X—XIII, *Бугле* Соц. наука, 17, 33—34 и *Eisenhart*, Geschichte der Nationalökonomik, Jena, 1901, 241.

какъ индивидуальнаго, такъ и коллективнаго характера; оно даетъ пониманіе частнаго явленія, изучая въ отдѣльности конкретныя условія, среди которыхъ явленіе возникаетъ. Наоборотъ, теоретическое знаніе интересуется типами и типическими отношеніями; въ частномъ фактѣ оно видитъ лишь проявленіе общаго закона. Удаляя отъ себя всякаго рода абстракціи, политическая экономія превращается у „новоисториковъ" все болѣе и болѣе во всеобщую исторію цивилизаціи: идея нравственно должнаго растворяется у нихъ въ идеѣ развитія. Несомнѣнно, что въ политической экономіи, какъ и во всякой другой наукѣ, практика предшествовала теоріи. Но наука должна разрушить эту зависимость теоріи отъ практики, такъ какъ это препятствуетъ дальнѣйшему развитію знаній. Между тѣмъ въ новоисторической школѣ понятія о теоріи, исторіи и практикѣ приведены въ полное смѣшеніе, причемъ исторіи отведено господствующее мѣсто и она вытѣсняетъ собою какъ абстрактныя идеи, такъ и практическія задачи [1]). Въ виду этихъ недостатковъ означенной школы проф. *Вагнеръ* упрекаетъ „новоисториковъ" въ нѣкоторомъ индиферентизмѣ къ практическимъ вопросамъ, или, какъ онъ выражается, въ „квіетизмѣ" [2]) — недостатокъ общій имъ съ послѣдователями Маркса [3]). „Новоисторики въ своихъ стремленіяхъ къ реформамъ довольствуются, по его словамъ, погоней за симптомами и не признаютъ различія между конкретной исторіей народнаго хозяйства и экономической политикой, какъ особой, притомъ главной частью политической экономіи".

Замѣчательно, что этого рода упреки дѣлаетъ новому историческому направленію не одинъ Вагнеръ, но и нѣкоторые другіе, принадлежащіе, подобно ему, къ выдающимся представителямъ того же направленія. Такъ проф. *Бюхеръ* [4]) характеризуетъ

---

[1]) *Бугле*, Соціальная наука въ современной Германіи, пер. съ нѣмецкаго, Кіевъ, 1900, стр. 88—89.

[2]) *Wagner*, Grundlegung изд. 1892 г. I, стр. 46 и слѣд. Такой же упрекъ этому направленію „въ косности" дѣлаетъ *Eisenhart* въ Geschichte der Nationalökonomie, Jena, 1901, стр. 234 и слѣд.

[3]) См. *Malapert*, Morale sociale, Paris, 1899, p. 296.

[4]) *Bücher*, Entstehung d. Volkswirtschaft, стр. 5.

экономическую политику этой школы, какъ чисто пассивную. Отношеніе государства къ хозяйственной жизни составляетъ для нея не болѣе, какъ предметъ наблюденія. Подобнымъ образомъ проф. *Шеель* говоритъ, что эта школа разбросалась большею частью по изслѣдованіямъ отдѣльныхъ вопросовъ и идетъ вслѣдъ за практикой, рекомендуя тѣ или другія средства, не всегда находящіяся въ принципіальной связи между собою. Ей недостаетъ „такого фундамента для экономической политики, который опирался бы на принципы, выясненные систематическимъ путемъ, ясно сознанные и разграниченные между собою". Не смотря на значительную уступчивость нѣкоторымъ изъ основныхъ положеній новѣйшаго соціализма профессоровъ политической экономіи, придерживающихся новоисторическаго направленія, почему ихъ принято называть каѳедръ-соціалистами, за ними нельзя признать примирительной роли, такъ какъ по отзыву того же Шееля въ сочиненіи о „Нашихъ соціально-политическихъ партіяхъ" вліяніе новоисторической школы на радикаловъ равняется нулю" [1]). Экономическую политику, рекомендуемую этой школою, проф. *Зомбартъ* называетъ политикой минуты (Augenblickspolitik) безъ всякаго опредѣленнаго плана [2]).

Такъ характеризуютъ другъ друга ученые, принадлежащіе въ большей или меньшей степени къ одному и тому же направленію. Если такъ относятся къ школѣ Шмоллера послѣдователи одного и того же направленія, то понятно, что противники, въ лицѣ приверженцевъ такъ называемой вѣнской школы *Менгера*, еще менѣе щадятъ ее. Ученикъ Менгера *Шюллеръ* въ сочиненіи о „Хозяйственной политикѣ исторической школы" прямо упрекаетъ новоисториковъ въ реакціонномъ направленіи, напоминающемъ собою то, какого держался Haller, Ad. Müller и другіе въ первой половинѣ XIX-го вѣка въ отношеніи либеральной политики прусскихъ министровъ Штейна и Гарденберга. Онъ ука-

---

[1]) *Scheel*, Unsere socialpolitischen Partein. Leipzig, 1878, стр. 172 и слѣд.

[2]) *Sombart*, Ideale der Socialpolitik въ Archiv für sociale Gesetzgebung за 1897, т. x, стр. 33—34.

зываетъ, что въ вопросѣ объ обязательномъ страхованіи рабочихъ на случай увѣчій, болѣзни и старости германское правительство, во главѣ котораго тогда стоялъ Бисмаркъ, далеко опередило этими реформами экономистовъ новоисторическаго направленія. Послѣдніе допускали эти мѣры только въ видѣ опыта въ отношеніи нѣкоторыхъ категорій рабочихъ, совѣтуя предварительно организовать профессіональные союзы рабочихъ, по примѣру существующихъ въ Англіи. Большинство этихъ экономистовъ оказалось „безъ твердыхъ принциповъ", какъ въ этомъ убѣдилъ Бисмарка его наиболѣе вліятельный совѣтникъ Вагенеръ, послѣ совѣщанія съ ними проф. *Гельда*. Ту же самую нерѣшительность этихъ экономистовъ констатируетъ *Шюллеръ* и въ отношеніи законодательства, необходимаго для обезпеченія интересовъ сельскохозяйственныхъ и ремесленныхъ рабочихъ, не смотря на то, что положеніе послѣднихъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, нуждается даже въ большей охранѣ, чѣмъ фабричныхъ [1]).

Что же доказываютъ всѣ эти факты, приводимые какъ противниками новоисторическаго направленія, такъ и нѣкоторыми изъ болѣе умѣренныхъ послѣдователей его? Можно ли изъ нихъ заключить о полной несостоятельности всего того, что сдѣлано въ наукѣ этой школою? Такое заключеніе было бы слишкомъ поверхностнымъ. Эта школа сдѣлала такъ много по собранію историческаго и статистическаго матеріала для характеристики хозяйственнаго быта различныхъ европейскихъ странъ какъ за прежнія эпохи, такъ и для настоящаго времени, что одного этого уже было бы достаточно для признанія за нею большихъ заслугъ. Не опровергая значенія экономическихъ законовъ, впервые раскрытыхъ классической школой экономистовъ, этотъ матеріалъ далъ возможность выяснить съ бо̀льшей противъ прежняго обстоятельностью тѣ разнообразныя условія, при которыхъ дѣйствуютъ эти законы стихійнаго характера, приводя нерѣдко къ совершенно противоположнымъ результатамъ въ дѣлѣ народ-

---

[1]) *Schüller*, Die Wirtschaftspolitik der Historischen Schule, Berlin, 1899, стр. 98—104.

наго благосостоянія. Близкое знаніе этихъ условій открываетъ обширное поле для цѣлесообразнаго воздѣйствія правительства въ области экономической политики на народное хозяйство въ видахъ справедливаго обезпеченія всѣмъ классамъ населенія возможно большей степени благосостоянія. Недостатокъ новоисторической школы заключается только въ томъ, что она не дѣлаетъ надлежащихъ выводовъ изъ собраннаго ею матеріала, оставляя его въ сыромъ видѣ для разработки будущими поколѣніями ученыхъ, или ограничивается слишкомъ поверхностными выводами изъ него, не думая о раскрытіи законовъ наблюдаемыхъ ею явленій. Она освобождаетъ себя такимъ образомъ, какъ мы замѣтили уже выше, отъ самой важной и трудной части научной работы. Вслѣдствіе этого, обогащая своими трудами исторію народнаго хозяйства, она сама не только мало двигаетъ впередъ теорію его, но, напротивъ, вноситъ въ науку слишкомъ поверхностный способъ изслѣдованія, не идущій далѣе открытія временныхъ, постоянно измѣняющихся условій жизни. Останавливая все свое вниманіе на изученіи только этихъ условій, она впадаетъ въ крайность, противоположную классической экономіи— преувеличиваетъ значеніе временныхъ, измѣняющихся элементовъ народнаго хозяйства, и забываетъ или отвергаетъ въ самомъ принципѣ существованіе тѣхъ неизмѣнныхъ, коренящихся въ сущности человѣческой и внѣшней природы законовъ, на изслѣдованіи которыхъ, наоборотъ, почти исключительно останавливались прежніе экономисты. Несомнѣнно, классическая экономія слишкомъ преувеличивала значеніе неизмѣннаго, постоянно дѣйствующаго элемента народнаго хозяйства. Она возводила на степень такого элемента не только раскрытые ею законы, но и тѣ временныя формы экономическаго быта, до которыхъ дошло развитіе человѣчества въ послѣднее время. Она признавала эти формы наиболѣе совершенными, служащими выраженіемъ естественнаго, неизмѣннаго порядка вещей, дальше котораго не можетъ идти человѣчество, а потому ничего другого не требовала отъ экономической политики, кромѣ примѣненія принципа laissez faire. Такой взглядъ эта школа удержала до настоящаго времени, какъ это можно видѣть напр. изъ сочиненія *Молинари* объ экономи-

ческихъ законахъ [1]). Историческая школа вполнѣ основательно указала, что современныя формы народнаго хозяйства культурныхъ народовъ являются результатомъ всего вѣковаго, предшествующаго развитія человѣчества и вслѣдствіе этого не могутъ остановиться на точкѣ замерзанія, но подлежатъ дальнѣйшей исторической эволюціи, дальнѣйшимъ улучшеніямъ. Она выяснила относительное значеніе каждой изъ пережитой и переживаемой человѣческой формы экономическаго быта, но, къ сожалѣнію, новоисторическая школа не ограничилась этимъ. Она пошла далѣе и признала подобный же относительный характеръ и за самыми экономическими законами. Хотя послѣдніе зависятъ въ своихъ результатахъ отъ измѣняющихся условій времени и мѣста, тѣмъ не менѣе остаются неизмѣнными по своей сущности, подобно законамъ физической природы. Между тѣмъ новоисторики, очищая основныя положенія классической экономіи отъ того, что было въ ней неправильнаго, въ то же время посягнули и на то, что было въ ней вѣрнаго — отвергли самое существованіе всякихъ естественныхъ законовъ экономическаго быта. Вмѣстѣ съ грязной водой они, говоря нѣмецкой пословицей, выбросили изъ ванны и ребенка.

Безъ опредѣленныхъ, руководящихъ принциповъ, которыми могли бы служить законы, уже выясненные экономическою наукою, даже въ томъ случаѣ, если ихъ принимать за гипотетическіе, новоисторической школѣ приходится разбрасываться по мелочамъ и деталямъ, которыя заслоняютъ у нея главное. Найдя хотя бы малѣйшее отступленіе отъ этихъ законовъ вслѣдствіе различія условій, въ которыя поставлено проявленіе ихъ, что неизбѣжно даже и въ законахъ физической природы, новоисторики объявляютъ ихъ несуществующими [2]). Но они забываютъ, что и законы политической экономіи и законы статистики, по причинѣ крайней сложности общественныхъ явленій, часто могутъ быть только законами большихъ чиселъ, т. е. такими, которые,

---

[1]) См. *Molinari*, Les lois économiques.

[2]) См. мою Политическую экономію, главу о *Шмоллерѣ* и *Брентано*.

будучи вѣрны для большинства случаевъ, неизбѣжно представляютъ исключенія въ отдѣльныхъ случаяхъ, вслѣдствіе вліянія на общественныя явленія, на ряду съ постоянно дѣйствующими причинами, также причинъ временныхъ и случайныхъ, вызывающихъ эти уклоненія отъ общаго правила. Въ томъ и задача науки, чтобы даже дѣйствіе этихъ случайныхъ причинъ и обстоятельствъ подвести подъ особые законы и поставить ихъ въ правильное отношеніе къ главнымъ законамъ.

При такой путаницѣ понятій, какую, по справедливому замѣчанію *Рошера*, внесло въ теоретическій анализъ экономической и соціальной науки новоисторическое направленіе политической экономіи, нельзя не признать, что оно хотя и двинуло впередъ исторію народнаго хозяйства, но принесло больше вреда, чѣмъ пользы дальнѣйшему развитію теоріи его. Вслѣдствіе массы недоразумѣній, возбужденныхъ имъ, сколько приходится теперь тратить времени на одно только разрѣшеніе ихъ въ виду того, что они нерѣдко высказываются выдающимися свѣтилами современной экономической науки. При необходимости считаться съ этими недоразумѣніями на всякомъ шагу—объ архитектоническомъ искусствѣ при постройкѣ научнаго зданія[1]) —не можетъ быть и рѣчи. Надо прежде всего расчистить дорогу, проложить вѣрный путь къ раскрытію научныхъ истинъ, загроможденный развалинами какъ отъ прежнихъ научныхъ построекъ, разрушенныхъ безъ всякихъ серіозныхъ основаній „новоисториками", такъ еще болѣе отъ остатковъ новыхъ построекъ, начатыхъ, но недоведенныхъ до конца этими строителями, вслѣдствіе полной практической невыполнимости и научной несостоятельности пла-

---

[1]) См. рецензію В. В. *Святловскаго* на мою „Политическую Экономію въ новѣйшихъ направленіяхъ" въ журналѣ „Народное Хозяйство" за 1900 г.

на ихъ Эта расчистка пути лежитъ на статистической наукѣ еще болѣе, чѣмъ на экономической, ибо обязанность первой состоитъ главнымъ образомъ въ выясненіи правильныхъ методовъ изслѣдованія общественной жизни.

ГЛАВА V.

Критическая оцѣнка взглядовъ на законы соціальной эволюціи.

Основнымъ закономъ статистики, служащимъ какъ бы итогомъ всего ученія о движеніи населенія, является законъ Мальтуса о болѣе быстромъ естественномъ приростѣ населенія, чѣмъ средствъ существованія его. Подробно онъ будетъ разсмотрѣнъ мною въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ, спеціально посвященныхъ статистикѣ населенія. Здѣсь я позволю себѣ остановиться на той сторонѣ этого закона, которая представляетъ собою наибольшій интересъ по своему близкому отношенію ко всей сущности соціологической науки, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, и ученія политической экономіи. Въ этихъ наукахъ онъ является ученіемъ о такъ называемой эволюціи экономическаго и всего общественнаго быта. Какъ *Дарвинъ*, такъ и *Уоллесъ* приняли за основаніе своего ученія объ эволюціи законъ Мальтуса, который собственно и навелъ ихъ на идею эволюціи.

Въ то время, когда оканчивалось печатаніе этого труда, появилась въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ довольно обширная рецензія на мое изслѣдованіе о „Политической экономіи въ ея новѣйшихъ направленіяхъ“, поставившая главной своей задачей выясненіе вопроса о законахъ эволюціи народнаго хозяйства, какъ главнаго содержанія всей экономической науки. Написанная въ вполнѣ объективномъ, строго научномъ духѣ, она возбуждаетъ этотъ первостепенной важности вопросъ о законахъ экономическаго развитія, какъ совершенно отдѣльныхъ отъ раскрытыхъ этой наукой со времени *Ад. Сми-*

та [1]). Такая точка зрѣнія, выдвинутая на первый планъ еще *Родбертусомъ*, *Марксомъ* и *Энгельсомъ*, стала пріобрѣтать себѣ все большее число сторонниковъ и среди экономистовъ, особенно со времени появленія сочиненія *Бюхера* о „Происхожденіи народнаго хозяйства", благодаря необыкновенно живому и популярному развитію ея этимъ ученымъ. Взгляды Бюхера были критически разобраны и опровергнуты въ моей „Политической экономіи". Тѣмъ не менѣе, они продолжаютъ находить себѣ послѣдователей, судя по рецензіямъ на нее въ Журналѣ Министерства Н. П., Историческомъ Вѣстникѣ и Народномъ Хозяйствѣ. Считаю долгомъ остановиться здѣсь подробнѣе на вопросѣ о законахъ экономической эволюціи, чѣмъ это было сдѣлано въ моемъ предшествующемъ трудѣ, такъ какъ въ основаніи этого вопроса лежитъ чисто статистическій законъ Мальтуса.

Нѣкоторые изъ нынѣшнихъ представителей новоисторической школы, какъ напр. *Бюхеръ*, *Зомбартъ*, *Жидъ*, *Коуэсъ*, *Люд. Штейнъ*, не идутъ такъ далеко, какъ Шмоллеръ, Брентано и Шенбергъ въ отрицаніи существованія какихъ бы то ни было законовъ народнаго хозяйства. Не признавая естественныхъ экономическихъ законовъ, они все таки считаютъ ихъ за историческіе законы, характеризующіе современный экономическій бытъ. Въ этомъ отношеніи экономисты-эволюціонисты сходятся во взглядахъ съ *Марксомъ*, который „конечной цѣлью своего сочиненія о Капиталѣ ставитъ открытіе экономическаго закона движенія современнаго общества". Указывая нѣсколько стадій эволюціи, Марксъ утверждаетъ, что „какъ только данный періодъ развитія пережитъ, какъ только жизнь перешла изъ данной стадіи въ другую, ею начинаютъ управлять и другіе законы." Этотъ взглядъ всецѣло усвоилъ Зомбартъ въ своемъ обширномъ трудѣ о „Новѣйшемъ капитализмѣ" и въ этомъ отношеніи называетъ себя послѣдователемъ Маркса [2]). Къ числу

---

[1]) См. въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" за декабрь м. 1902 г. статью І. М. *Кулишера* въ отдѣлѣ Критика и библіографія.

[2]) См. *Sombart*, Der moderne Kapitalismus. Leipzig, 1902, т. I-й, его Geleitwort, стр. XXI, XXIX. 61 и др.

еще болѣе близкихъ „послѣдователей хода идей Маркса“ относитъ Шмоллеръ *Бюхера* [1]). Другіе изъ поименованныхъ экономистовъ, не соглашаясь съ большинствомъ положеній Маркса, сходятся съ нимъ только въ признаніи эволюціоннаго характера экономическихъ явленій. Уже съ точки зрѣнія первыхъ основателей новоисторическаго метода *Книса* и *Гильдебранда*, главная задача политической экономіи полагалась въ изслѣдованіи историческаго хода развитія народнаго хозяйства какъ отдѣльныхъ народовъ, такъ и всего міроваго хозяйства, перехода ихъ съ одной ступени на другую. Только этимъ путемъ, по ихъ мнѣнію, можно скорѣе всего оказать содѣйствіе выясненію экономическаго быта современныхъ поколѣній. Нѣкоторое подтвержденіе такой точки зрѣнія можно найти даже въ не совсѣмъ точномъ опредѣленіи экономической науки Рошера, какъ „ученія о законахъ развитія хозяйственной жизни народовъ“ [2]).

Но всѣ эти основатели историческаго направленія политической экономіи не отрицали единства основныхъ хозяйственныхъ принциповъ, проходящихъ чрезъ всѣ стадіи экономическаго развитія народовъ. По ихъ мнѣнію, мѣнялись съ ходомъ времени только формы производства и обмѣна, но не сущность ихъ. „Не подлежитъ сомнѣнію, что для нихъ основныя явленія хозяйственной жизни во всѣ времена были, говоритъ *Бюхеръ*, по существу однородны. Имъ важно только показать, что въ настоящее время, при *иныхъ условіяхъ* ея необходимы и иныя мѣры экономической политики, чѣмъ тѣ, какія находили себѣ оправданіе въ прежнее время, при другихъ способахъ производства и обмѣна“ [3]).

---

[1]) Jahrbuch für Gesetzgebung und Verwaltung VII, s. 1263.

[2]) См. *Hildebrand*, Die gegenwärtige Aufgabe der Wissenschaft der Nationalökonomie. *Knies*, Die pol. Oekonomie, *Roscher*, System I, § 16 и *Walcker*, Handbuch d. Nationalökonomie I § 12. Критическую оцѣнку этихъ взглядовъ см. въ моей Пол. Экономіи, въ главѣ о Бруно Гильдебрандѣ и Книсѣ.

[3]) *Бюхеръ*, Происхожденіе народнаго хозяйства. Спб., 1897, стр 6—7.

Съ другой стороны, даже и представители классической экономіи, излагая *естественные* законы народнаго хозяйства, стремились указать значеніе ихъ не только для характеристики современнаго имъ экономическаго быта, но и для развитія народно-хозяйственныхъ отношеній вообще. Это особенно можно видѣть на изслѣдованіи самого *Ад. Смита*, а позднѣе на обширномъ сочиненіи *Дюнуайе* о „Свободѣ труда".

Несомнѣнно, такую эволюціонную задачу политическая экономія преслѣдовала всегда въ большей или меньшей степени. Излагаемые ею законы являются законами не только статики, но и динамики экономическаго быта. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ крайнихъ представителей эволюціонизма не довольствуются этими законами. Они хотятъ раскрыть еще особые законы эволюціи, которые установили бы не только существованіе различныхъ періодовъ экономической жизни народовъ, но и смѣняемость ихъ одного за другимъ въ неизмѣнномъ, послѣдовательномъ порядкѣ. Эволюціонное направленіе, неправильно отождествляемое Бюхеромъ со всѣмъ историческимъ направленіемъ политической экономіи, преслѣдуетъ, говоря словами этого экономиста, совершенно иныя научныя цѣли, чѣмъ смитовская школа. Онъ хочетъ превратить политическую экономію въ ученіе о законахъ экономическаго развитія народовъ, между тѣмъ, какъ смитовская школа ставитъ на первомъ планѣ выясненіе законовъ современнаго народнаго хозяйства. Такимъ образомъ здѣсь все сводится къ различію въ *объектахъ* изслѣдованія, хотя методы изслѣдованія могутъ оставаться одни и тѣже. Но съ соціологической точки зрѣнія, установленіе такихъ законовъ, которые совмѣщали бы въ себѣ все разнообразіе причинъ, вызывающихъ эволюцію экономическаго быта культурнаго человѣчества, едва ли можно признать осуществимой задачей. Это достаточно было выяснено въ трудахъ *Вагнера*, *Лазаруса*, *Бугле*, *Рамбо*, *Лакомба*, *Шмоллера*, *Дильтея*, *Зиммеля* и другихъ. Идея эволюціи въ области соціологіи является, съ ихъ точки зрѣнія, произвольнымъ перенесеніемъ біологической гипотезы въ область явленій экономическихъ. Сближать систематично соціологію съ біологіей значило бы, по мнѣнію *Дильтея*, объяснять obscu-

rum per obscurius [1]). Выраженіе „эволюціонный законъ“, по замѣчанію проф. *Вагнера*, заключаетъ въ себѣ нѣкоторую двусмысленность. Законъ эволюціи лишь собираетъ подъ однимъ названіемъ извѣстное число сложныхъ явленій, произведенныхъ самыми различными причинами. Законы эволюціи чаще всего лишь удаляютъ насъ отъ дѣйствительно научнаго метода, который состоитъ въ сведеніи сложныхъ явленій къ ихъ составнымъ элементамъ, и который, слѣдовательно, долженъ начинать съ изолирующей абстракціи [2]). Теоріи Дарвина, Гексли и Спенсера, по мнѣнію *Джевонса* и *Друммонда*, гораздо болѣе поставили вопросовъ, чѣмъ разрѣшили ихъ. По остроумному замѣчанію одного изъ нихъ, мы живемъ въ эпоху эволюціи самого ученія объ эволюціи. Всѣ теоріи и обобщенія эволюціонистовъ находятся еще въ развитіи. Указывая общіе принципы, управляющіе измѣненіемъ живыхъ существъ, доктрина эволюціи только представляетъ намъ безконечную сложность причинъ и обстоятельствъ, которыя привели къ настоящему положенію вещей [3]). Научная задача заключается въ изслѣдованіи самыхъ причинъ эволюціи. Между тѣмъ какъ простое сравненіе конкретныхъ историческихъ явленій во всей ихъ сложности и констатированіе порядка ихъ развитія для вывода законовъ эволюціи приводитъ, по справедливому замѣчанію *Лазаруса* и *Вагнера*, лишь къ описаніямъ, а не къ законамъ, ибо не даетъ объясненія явленій. Только спускаясь до элементарныхъ силъ эволюціоннаго процесса, мы можемъ найти въ глубинѣ его дѣйствіе однихъ и тѣхъ же всеобщихъ законовъ, вызывающихъ, при одинаковыхъ условіяхъ, одни и тѣ же историческія послѣдствія [4]). Ненаучность значенія законовъ

---

[1]) *Dilthey*, Einleitung in die Geisterwissenschaft.

[2]) *Wagner*, Grundlegung I, 140 и 337, *Simmel* Die Probleme der Geschichte.

[3]) *Джевонсъ*, Основы науки. Трактатъ о логикѣ и научномъ методѣ, стр. 710 и *Генри Друммондъ*, Эволюція и прогрессъ человѣка. Москва, 1897, стр. 8. Срвн. *Бернштейнъ*, Историческій матеріализмъ. Спб., 1901, стр. 11, 15—17 и *Вольтманъ*, Теорія Дарвина и соціализмъ, Спб., 1900, стр. 179.

[4]) *Lazarus*, Zeitschrift für Völkerpsychologie, III, 443, 416 по *Бугле*.

эволюціи, безъ раскрытія причинъ ея, Лазарусъ выясняетъ нагляднымъ сравненіемъ развитія общественной жизни съ ростомъ дерева. Законъ роста послѣдняго, говоритъ онъ, не представляетъ причины всѣхъ скрытыхъ въ немъ элементарныхъ процессовъ, но лишь ихъ слѣдствіе. Причинами же его являются всѣ тѣ физическія, химическія и физіологическія явленія, которыя совершаются въ немъ. Поэтому вмѣсто того, чтобы искать законовъ эволюціи экономическаго быта, надо стремиться къ раскрытію причинъ этой эволюціи.

Но такія причины, вызывающія эволюцію народнаго хозяйства и выясняетъ большая часть естественныхъ законовъ, раскрытыхъ экономической наукой со времени А. Смита и эмпирическихъ законовъ большихъ чиселъ статистики движенія населенія. Первые изъ этихъ законовъ не только не исключаютъ идеи развитія, но предполагаютъ ее. Такъ естественный основной законъ экономической науки, съ раскрытія котораго начинаетъ свое изслѣдованіе Ад. Смитъ — раздѣленіе труда, несомнѣнно есть вмѣстѣ съ тѣмъ и основной законъ экономическаго прогресса, ибо послѣдній соразмѣряется главнымъ образомъ со степенью развитія раздѣленія занятій во всемъ обществѣ; чѣмъ болѣе диференцируются различныя отправленія общественной жизни, тѣмъ бо̀льшіе успѣхи она дѣлаетъ. Но почему именно развитіе раздѣленія занятій приноситъ пользу людямъ и двигаетъ впередъ весь общественный и экономическій прогрессъ? Развѣ это не зависитъ отъ такихъ чисто объективныхъ отношеній въ процессѣ производства, которыя даютъ возможность всегда и на всѣхъ ступеняхъ развитія съ бо̀льшимъ успѣхомъ создавать экономическія цѣнности при раздѣленіи труда, чѣмъ безъ него. Возможность при раздѣленіи занятій обходиться съ меньшимъ количествомъ орудій труда, сберегать время, совершенствовать способности трудящихся, всегда обусловливаетъ возможность для послѣднихъ производить въ теченіе одного и того же времени бо̀льшее количество цѣнностей лучшаго качества и съ меньшими издержками. Развѣ эти причины не чисто объективныя, естественныя, имѣющія силу всюду и всегда? Слѣдовательно это есть есте-

ственный экономическій законъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и законъ эволюціи. Самая возможность примѣнять цѣлесообразно раздѣленіе занятій только соразмѣрно степени обширности сбыта продуктовъ, соотвѣтственно естественному качеству производимыхъ работъ и при извѣстномъ соотвѣтствіи между частями, на которыя распадается трудъ — есть точно также законъ естественный, дѣйствующій всюду и всегда. Но онъ одновременно является и историческимъ закономъ экономическаго развитія, ибо размѣры сбыта возрастаютъ съ увеличеніемъ населенія и развитіемъ сношеній между людьми.

Возьмемъ другой общій экономическій законъ, по которому производство никакихъ экономическихъ цѣнностей не можетъ совершаться безъ одновременнаго участія трехъ факторовъ его— природы, труда и капитала. Это есть чисто естественный законъ, проявляющій свою силу и у первобытныхъ дикарей и у самыхъ высоко цивилизованныхъ народовъ. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ является и историческимъ закономъ экономическаго развитія, когда мы обратимъ вниманіе на то, какой изъ трехъ факторовъ играетъ наибольшую роль въ различныя эпохи этого развитія народовъ.

Возьмемъ третій экономическій законъ, по которому при интенсивныхъ системахъ сельскаго хозяйства есть возможность съ одного и того же пространства получать бо̀льшее количество продуктовъ, чѣмъ при экстенсивныхъ. Это законъ чисто естественный, физическій. Но замѣна экстенсивныхъ способовъ обработки земли болѣе интенсивными является вмѣстѣ съ тѣмъ и закономъ экономическаго развитія, ибо она становится возможною только по мѣрѣ возрастанія густоты населенія, расширенія сбыта предметовъ земледѣлія, успѣховъ промышленности, перерабатывающей сырые продукты, вообще зависитъ отъ повышенія спроса на эти произведенія и вызываемаго имъ поднятія цѣнъ.

Такъ какъ обмѣнъ продуктовъ на продукты путемъ натуральной мѣны всегда бываетъ гораздо менѣе удобнымъ для людей, чѣмъ при посредствѣ денегъ, что точно также зависитъ отъ чисто объективныхъ причинъ, то поэтому натуральная мѣна обыкновенно замѣняется денежной, слѣдовательно эта замѣна

есть тоже чисто естественный экономическій законъ; но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ является и закономъ экономическаго развитія, ибо переходъ отъ первой ко второй ведетъ къ высшей степени культуры и ею обусловливается.

Деньги изъ благородныхъ металловъ, несомнѣнно, представляютъ болѣе совершенное орудіе обращенія цѣнностей и содѣйствуютъ гораздо большей быстротѣ послѣдняго, чѣмъ скотъ, звѣриныя шкуры и т. под. самые ранніе посредники мѣновыхъ сдѣлокъ. Это естественный законъ—онъ вытекаетъ изъ технической сущности торговыхъ сдѣлокъ. Но это вмѣстѣ съ тѣмъ законъ экономическаго развитія, ибо такой переходъ отъ послѣднихъ къ первымъ составляетъ высшую степень этого развитія. Примѣры можно увеличить до безконечности. Поэтому есть ли основаніе дѣлать рѣзкое разграниченіе между естественными экономическими законами и законами экономическаго развитія, отвергая первые и признавая существованіе только вторыхъ, какъ поступаютъ эволюціонисты? Такого разграниченія не дѣлалъ *Рошеръ*. Опредѣляя политическую экономію какъ науку о законахъ *развитія* народнаго хозяйства, онъ въ бо̀льшинствѣ случаевъ понималъ подъ ними тѣ же самые *естественные* экономическіе законы, о которыхъ учила классическая школа экономистовъ. Мало того, даже *О. Контъ*, стремившійся всѣ абсолютныя понятія сдѣлать относительными, не отдѣлялъ динамическаго порядка отъ статическаго, считая ихъ тождественными [1]). То же самое можно сказать также о такихъ представителяхъ новоисторической школы, какъ *Вагнеръ, Жидъ, Коуэсъ, Шеффле*, съ той только разницей отъ Рошера, что экономическіе законы они не считаютъ за естественные, неизмѣнные, но только историческіе, имѣющіе силу главнымъ образомъ для настоящаго времени. Этого нельзя сказать напр. о *Бюхерѣ* или *Зомбартѣ*, которые хотятъ сдѣлать изъ политической экономіи исключительно — *теорію* экономической *эволюціи* народовъ въ противоположность классической школѣ экономистовъ, ставящей на пер-

---

[1]) См. *A. Comte*, Cours de philosophie positive, VI, 47 и 489.

вомъ планѣ выясненіе законовъ современнаго экономическаго быта народовъ.

Во всякомъ случаѣ выясненіе законовъ эволюціи народнаго хозяйства не составляетъ заслуги одной только исторической школы экономистовъ. Отдѣляя отъ законовъ, выясненныхъ классическою школою экономистовъ, особые законы эволюціи, *Бюхеръ* и другіе эволюціонисты, очевидно, имѣютъ въ виду такіе законы, которые могли бы уловить правильную, постепенную смѣну однихъ ступеней экономическаго развитія другими въ неизмѣнномъ, опредѣленномъ порядкѣ. Но можно ли съ какой нибудь точностью уловить эти законы? Глава этой школы, проф. *Шмоллеръ*, прямо признаетъ формулировку такихъ законовъ невозможною. „Гербертъ Спенсеръ и эволюціонные теоретики, Милль и О. Контъ, пытались, говоритъ Шмоллеръ, формулировать „законы развитія"; тоже дѣлали соціалисты и манчестерцы. Эти опыты стоятъ однако далеко отъ того, что называютъ законами естествоиспытатели; ихъ едвали можно назвать даже эмпирическими законами. То, что преждевременно называли законами исторіи,—были или подобными же обобщеніями, часто очень сомнительными, или элементарными психологическими истинами, при посредствѣ которыхъ думали объяснить ходъ историческаго развитія. *Представляется поэтому вполнѣ основательнымъ сомнѣніе* по поводу того, можно ли и должно ли уже теперь говорить о законахъ исторіи" [1]). Посвятивъ въ своемъ Grundriss der allg. Volkswirtschaftslehre довольно обширную главу о „развитіи техники и ея значеніи въ народномъ хозяйствѣ", Шмоллеръ заканчиваетъ ее словами: „Мы не беремся на основаніи нашего матеріала строить здѣсь новую историческо-техническую схему развитія, ограничиваясь нашимъ историческимъ повѣствованіемъ. Конечно, отдѣльные элементы техники даннаго времени оказываютъ взаимнодѣйствіе, но оно очень различно, завися отъ степени сношеній и интеллигенціи населенія, отъ народнаго характера и классоваго порядка. Техника питанія,

---

[1]) *Шмоллеръ*, Правильная послѣдовательность явленій и законы въ „Библіотекѣ Экономистовъ", выпускъ XI. М. 1902, стр. 112.

постройки жилищъ, изготовленія орудій вездѣ зависитъ отъ климата и почвы. Различныя ступени земледѣлія, кочеваго быта и промышленной жизни, часто, но далеко не всегда, имѣли вліяніе на способъ веденія войны. Техника денежнаго обращенія часто тоже имѣетъ опредѣленныя послѣдствія для всего народнаго хозяйства. Но взаимнодѣйствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ представляетъ собою *слишкомъ сложный характеръ*, въ своихъ послѣдствіяхъ во многихъ отношеніяхъ ограниченное, почему выставленіе схематическихъ ступеней развитія соединено съ большими трудностями" [1]).

Мнѣніе Шмоллера имѣетъ особенную важность, такъ какъ прежде онъ самъ пытался построить теорію эволюціи экономическаго бы танародовъ. Если, не смотря на такую попытку, этотъ глава новоисторической школы откровенно выражаетъ сомнѣніе въ возможности говорить о законахъ исторической эволюціи народнаго хозяйства, то нѣтъ основаній ему не вѣрить. Теорія Шмоллера имѣетъ большое сходство съ теоріями Родбертуса, Маркса, Энгельса и Бюхера. Но всѣ эти эволюціонисты опираютъ свои теоріи смѣны различныхъ ступеней народнаго хозяйства на основной экономическій законъ, выясненный еще Ад. Смитомъ — законъ раздѣленія занятій и вытекающій изъ него принципъ обмѣна. Это лучше всего показываетъ, что сами эволюціонисты, смотрящіе свысока на естественные законы народнаго хозяйства, раскрытые классической школой экономистовъ, оказываются не въ силахъ отдѣлять отъ нихъ придумываемыхъ ими законовъ эволюціи. Самое установленіе этихъ законовъ является для нихъ дѣломъ слишкомъ труднымъ, и почти невозможнымъ. Это лучше всего видно изъ той путаницы ученій о различныхъ ступеняхъ экономическаго развитія народовъ, которую еще недавно охарактеризовалъ проф. *Зомбартъ*, не смотря на то, что самъ принадлежитъ къ новоисторической школѣ эволюціонистовъ.

Раньше другихъ выставилъ теорію различныхъ ступеней хозяйства основатель староисторическаго направленія политиче-

---

[1]) *Schmoller*, Grundriss der Allg. Volkswirtschaftslehre, Leipzig, 1900, стр. 228.

ской экономіи *Фрид. Листъ* и его теорія до сихъ поръ признается вѣрной нѣкоторыми изъ экономистовъ, какъ напр. Шенбергомъ. По его ученію, человѣчество въ своемъ хозяйственномъ развитіи проходило послѣдовательно—*охотничью*, *пастушескую*, *земледѣльческую и промышленную* стадіи. Эту теорію проф. *Зомбартъ* называетъ ошибочной въ самыхъ существенныхъ пунктахъ и слишкомъ поверхностной. Ее находятъ несогласной съ дѣйствительностью также Шмоллеръ, Рошеръ, Ганъ и другіе, указывающіе, что пастушеской стадіи нерѣдко, а по мнѣнію нѣкоторыхъ даже чаще всего, предшествовало земледѣліе, такъ какъ прирученіе животныхъ соединено съ гораздо бо̀льшими трудностями, чѣмъ разведеніе полезныхъ для человѣка растеній. Тутъ не можетъ быть установлено никакихъ общихъ правилъ, ибо все зависитъ отъ климата, почвы и характера населенія [1]). Не менѣе распространенною теоріею экономической эволюціи было ученіе *Гильдебранда*, по которому каждое народное хозяйство проходитъ чрезъ три ступени развитія—*натуральное*, *денежное и кредитное хозяйства*. Но эта теорія давно уже отвергнута Рошеромъ, Книсомъ, Кономъ, Вагнеромъ, указавшими, что въ каждой кредитной операціи рѣчь идетъ о выполненіи обязательствъ натурой или деньгами [2]). Параллель, проведенная *Рошеромъ* между эпохами жизни отдѣльнаго лица и цѣлыхъ народовъ, въ свою очередь, была признана *Шмоллеромъ* слишкомъ натянутой и искуственной [3]). *Шенберга*, *Вагнера*, *Шеффле* и другихъ нѣмецкихъ ученыхъ, пытавшихся придумать новыя теоріи экономической эволюціи, проф. *Зомбартъ* упрекаетъ въ еще болѣе серіозныхъ недостаткахъ. Говоря о нихъ, онъ пишетъ: „Въ нашей литературѣ сдѣлалось довольно обычнымъ, что одинъ и тотъ же авторъ въ ученіи о развитіи ступеней хозяйства не довольствуется одной теоріей, а держитъ про запасъ двѣ или нѣсколько,

---

[1]) См. *Schmoller*, Grundriss der Allg. Volkswirtschaftslehre, I 195—196 и *Hahn*, Die Haustiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaft des Menschen. Leipzig, 1896, стр. 385.

[2]) См. *Roscher*, Geschichte der Nationalökonomie.

[3]) *Schmoller*, Grundriss der allg. Volkwirtschaftslehre I, 118.

беря изъ нихъ ту или другую, по мѣрѣ надобности, не особенно заботясь о томъ, не находятся ли онѣ въ противорѣчіи между собою". Сопоставляя далѣе теоріи экономической эволюціи, встрѣчающіяся у *Энгельса* и *Маркса*, онъ видитъ въ нихъ, къ крайнему негодованію слѣпыхъ поклонниковъ послѣдняго, „безпорядочную кучу самыхъ разнородныхъ мыслей" [1]). Наиболѣе же распространенную теорію эволюціи *Бюхера* Зомбартъ признаетъ по ея формулировкѣ „*совершенно ложной, насилующей факты.* За что ни возмись въ этой теоріи, говоритъ онъ, она не выдерживаетъ критики" [2]). Въ новѣйшемъ же своемъ трудѣ Der moderne Kapitalismus Зомбартъ еще разъ подвергаетъ ее строгой критикѣ, такъ какъ эта теорія, благодаря популярному изложенію ея, „произвела, по его словамъ, большія опустошенія въ головахъ читателей, недостаточно ознакомленныхъ съ политической экономіей" [3]).

Это впрочемъ было доказано еще раньше *Э. Мейеромъ*, *Опенгеймеромъ* и другими учеными, указавшими, что исторически пройденныя ступени развитія народнаго хозяйства были всегда *смѣшанныя* формы. Утверждать, что періодъ самодовлѣющаго домашняго хозяйства, незнающаго мѣны, продолжался отъ начала цивилизаціи до половины среднихъ вѣковъ, какъ дѣлаетъ Бюхеръ, значитъ поддерживать не только мнѣнія невѣрныя, но прямо препятствующія правильному пониманію древняго быта и историческаго развитія вообще, по мнѣнію *Э. Мейера*. О ступеняхъ развитія *чистаго* мѣноваго хозяйства намъ не даетъ свѣдѣній никакая исторія и потому сколько разъ ни дѣлались попытки найти въ ней такія ступени, всѣ онѣ всегда не удавались и рушились [4]). По мнѣнію *Ратцеля*, вообще предположе-

---

[1]) *Зомбартъ*, Организація труда и трудящихся. Спб., 1901, стр. 211 и 221.

[2]) Idem, стр. 232 и 234.

[3]) *Sombart*, Der moderne Kapitalismus. Leipzig, 1902, I, 52.

[4]) См. *Oppenheimer*, Grossgrundeigenthum und sociale Frage. Versuch einer neuen Grundlegung der Gesellschaftswissenschaft. Berlin, 1899, стр. 44. *E. Meyer*, Die wirtschaftliche Entwickelung des Altertums, Jena, 1895, и рус. пер. Спб., 1898. *Inama-Sterneg*, Deutsche

ніе, что будто у всѣхъ народовъ развитіе культуры совершалось въ одинаковой послѣдовательности, не имѣетъ будущности [1]).

Идея эволюціи, возводимая въ общій для всего человѣчества законъ послѣдовательной смѣны въ неизмѣнномъ порядкѣ однихъ фазисовъ развитія другими, не представляетъ собою чего либо новаго. Такіе фазисы пытался намѣтить еще *О. Контъ* для развитія человѣческаго духа, соединяя съ каждымъ изъ нихъ особую соціальную организацію. Всю исторію человѣчества онъ хотѣлъ вмѣстить въ три ступени развитія — теологическую, метафизическую и позитивную, подраздѣляя каждую изъ нихъ еще на нѣсколько стадій. Такъ въ теологическомъ фазисѣ за политеизмомъ у него слѣдуетъ монотеизмъ. Этотъ переходъ съ нисшихъ ступеней развитія на высшія Контъ возводилъ въ неизмѣнный естественный законъ, соотвѣтствующій будто бы въ точности дѣйствительности. Но уже въ своей „Позитивной политикѣ", написанной нѣсколько позже „Курса позитивной философіи" онъ самъ указываетъ на отсутствіе строгой послѣдовательности въ этомъ отношеніи, говоря о возможности перехода отъ политеизма прямо къ позитивизму [2]). По замѣчанію проф. *Барта* и *Вундта*, переходъ отъ одной ступени къ другой совсѣмъ не составляетъ закона, ибо всякій законъ открываетъ перспективы и можетъ быть примѣняемъ къ будущимъ явленіямъ. Между тѣмъ у Конта исторія не идетъ далѣе позитивизма, послѣ наступленія котораго ей пришлось бы остановиться [3]). Еще

Wirtschaftsgeschichte, Leipzig, 1891. *Кейнсъ*, Предметъ и методъ политической экономіи, М. 1899, стр. 225—227, 201—207 и цитируемыя имъ мѣста изъ *Кеннингэма, Мэна* и *Роджерса*, а также проф. берл. университета *Breysig*, Kulturgeschichte der Neuzeit. Berlin, 1900—1901, т. 1-й и 2-й.

[1]) *Ratzel*, Antropogeographie, II, стр. 704 по *Барту*, Философія исторіи какъ соціологія, стр. 227.

[2]) См. *Лаппо-Данилевскій*, Основные принципы соціологической доктрины О. Конта, въ изданіи Московскаго Психологическаго Общества подъ заглавіемъ „Проблемы идеализма". Москва, 1903, стр. 474 прим.

[3]) *Бартъ*, Философія исторіи, какъ соціологія. Спб., 1900, с. 56.

болѣе основательное возраженіе противъ теоріи О. Конта дѣлаетъ одинъ изъ русскихъ ученыхъ. Мнимый законъ О. Конта трехъ состояній, согласно которому человѣчество переходитъ въ своемъ развитіи отъ теологическаго пониманія міра къ метафизическому, а отъ метафизическаго къ позитивному или научному, представляетъ собою, по справедливому замѣчанію С. Н. *Булгакова,* грубое заблужденіе. И религія, и метафизическое мышленіе и положительное знаніе отвѣчаютъ, говоритъ онъ, основнымъ духовнымъ потребностямъ человѣка. Ихъ развитіе можетъ вести только къ ихъ взаимному проясненію, отнюдь не къ уничтоженію. Потребности эти являются всеобщими для всѣхъ людей и во всѣ времена ихъ существованія. Онѣ составляютъ духовное начало въ человѣкѣ, въ противоположность животному. Измѣнчивы только способы удовлетворенія ихъ, но не самыя потребности" [1]). Контъ своимъ собственнымъ духовнымъ развитіемъ блестящимъ образомъ опровергнулъ свою теорію трехъ стадій. По остроумному замѣчанію *Влад. Соловьева*, Контъ хотя и подчинился закону трехъ стадій, но только въ обратномъ порядкѣ: онъ началъ съ позитивно научнаго міровоззрѣнія и чрезъ посредство метафизическаго принципа человѣчества пришелъ

---

[1]) *С. Н. Булгаковъ*, Основныя проблемы теоріи прогресса—въ томъ же изданіи Московскаго Психологическаго Общества. Впрочемъ, недостатка въ защитникахъ Контовскаго закона трехъ состояній и среди современныхъ нашихъ ученыхъ нѣтъ. Такъ къ признанію этого закона повидимому склоняется г. *Арнольди* въ только что вышедшемъ его сочиненіи о „Задачахъ пониманія исторіи. Проектъ введенія въ изученіе эволюціи человѣческой мысли". Спб., 1903. Даже метафизику онъ считаетъ „за вредное переживаніе отсталыхъ пріемовъ мысли съ тѣхъ поръ, какъ философская мысль выработала научное міросозерцаніе". Эти переживанія находятся у него „въ полномъ противорѣчіи съ теоретическими и практическими задачами настоящаго и будущаго". См. стр. 16, 22, 68—69, 75, 77, 123, 188 и др. Такую точку зрѣнія дѣйствительно защищали О. Контъ и продолжаютъ защищать Фулье, Boutroux и другіе. Но такого рода взгляды не есть ли, сами по себѣ, говоря словами самого Арнольди, переживаніе устарѣвшихъ взглядовъ, идущихъ въ разрѣзъ съ главными условіями нравственнаго прогресса.

къ религіозной и прямо теологической стадіи [1]). По мнѣнію же проф. *Челпанова*, превращеніе позитивной философіи въ позитивную религію является необходимымъ результатомъ даже самого устройства человѣческаго духа. Примѣръ О. Конта, который, задавшись цѣлью освободить человѣчество отъ гнёта теологическаго метода, самъ приходитъ къ необходимости превращенія философіи въ религію, показываетъ, что у человѣка кромѣ разума есть еще *чувства*, почему глубоко чувствующій человѣкъ не можетъ ограничиться однимъ только объективнымъ изученіемъ дѣйствительности, отрѣшившись отъ религіознаго отношенія къ ней [2]).

Идея эволюціонизма сдѣлалась столь общераспространенною, что стала находить себѣ мѣсто, къ сожалѣнію, даже въ ученіи о нравственности столь солидныхъ мыслителей, какъ *Вундтъ*, и *Паульсенъ* [3]). Нельзя не привѣтствовать трудовъ нашихъ русскихъ ученыхъ, изданныхъ въ началѣ этого года Московскимъ Психологическимъ Обществомъ подъ общимъ заглавіемъ „Проблемы идеализма", въ которыхъ доказывается несостоятельность такого преувеличенія идеи эволюціи. „Изъ эволюціонизма можно сдѣлать, справедливо замѣчаетъ Н. А. *Бердяевъ*, только одинъ вѣрный выводъ: этическія нормы должнаго лишь постепенно осуществляются въ жизни человѣчества путемъ соціальнаго развитія. Сами же этическія нормы такъ мало могутъ эволюціонировать, какъ и логическіе законы; нравственность неизмѣнна, измѣняется только степень приближенія къ ней. Абсолютная нравственная норма всегда есть только призывъ впередъ, все впередъ и впередъ – это маякъ, который намъ свѣтитъ изъ безконечности. Нравственный законъ — есть непосредственное от-

---

[1]) См. Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія, въ изданіи Моск. Психологическаго Общества, стр. 83.

[2]) *Челпановъ*, О современныхъ философскихъ направленіяхъ. Кіевъ, 1902, стр. 30—33.

[3]) См. *Вундтъ*, Этика. Изслѣдованіе фактовъ и законовъ нравственной жизни. Спб., 1887, и Система философіи. Спб.. 1902, *Paulsen*, System der Ethik. Berlin, 1900 и Введеніе въ философію. Москва, 1899.

кровеніе абсолютнаго,—это голосъ Божій внутри человѣка, онъ данъ для „міра сего“, но не отъ „міра сего [1])“.

Упрекая школу Ад. Смита въ установленіи законовъ большихъ чиселъ, расходящихся съ отдѣльными случаями конкретныхъ хозяйственныхъ отношеній [2]), эволюціонисты устанавливаютъ подобные же законы экономическаго развитія народовъ, не замѣчая, что отъ нихъ встрѣчаются еще большія отступленія. Они сознательно закрываютъ глаза на эти отступленія и дѣлаютъ гораздо болѣе смѣлыя обобщенія, чѣмъ осмѣиваемая ими классическая школа экономистовъ.

Идею развитія общественной жизни въ связи съ эволюціей во всемъ мірѣ выясняетъ довольно послѣдовательно *Уордъ* въ своихъ „Очеркахъ соціологіи“. Общераспространенное мнѣніе о соціальной эволюціи онъ характеризуетъ тѣмъ, что на человѣка до сихъ поръ смотрѣли, какъ на продуктъ природы, развившійся подобно другимъ ея продуктамъ, а общество считали результатомъ эволюціи, видя въ послѣдней лишь дѣйствіе естественныхъ силъ, подчиненное опредѣленнымъ законамъ, управляющимъ вселенной. Подъ соціальной эволюціей понимали обыкновенно генетическій прогрессъ, слѣпую, безсознательную работу соціальныхъ силъ, ведущую къ совершенствованію людей въ ихъ коллективной жизни [3]).

Такъ смотрятъ на общественную эволюцію и Марксъ съ Энгельсомъ. Они выставляютъ ее какъ естественно историческій процессъ, которымъ управляютъ неизмѣнные законы, независящіе отъ воли, сознанія и намѣренія людей. Правда, эти главы новѣйшаго соціализма противополагаютъ эволюцію въ природѣ соціальной эволюціи. Первая является у нихъ проявленіемъ слѣпыхъ, безсознательныхъ силъ, а во второй люди сознательно пре-

---

[1]) Н. А. *Бердяевъ*, Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма, въ томъ же изданіи Психологическаго Общества, с. 104.

[2]) См. мою Полит. Экономію, главу VI, стр. 214—226. Срвн. *Bücher*, Die Entstehung der Volkswirtschaft, Tübingen, 1898, стр. 83.

[3]) Русскій переводъ „Очерковъ соціологіи“ *Уорда*, изданъ въ Москвѣ въ 1901 г.

слѣдуютъ опредѣленныя цѣли. Но ведя борьбу за противоположные другъ другу интересы, различные классы общества, по мнѣнію этихъ соціалистовъ, взаимно нейтрализируютъ свои дѣйствія. Вслѣдствіе этого на первый планъ выступаетъ сила случайныхъ обстоятельствъ, подчиненная внутреннимъ, скрытымъ законамъ, которые и управляютъ всѣмъ развитіемъ обществъ.

Такой взглядъ на общественные законы необходимости, совершенно независящіе отъ сознательной дѣятельности людей, находится въ ближайшей связи съ ученіемъ главы новѣйшей математической школы статистики *Кетле* о свободѣ воли и отношеніи ея къ статистическимъ законамъ, характеризующимъ общественную динамику. По его мнѣнію, раздѣляемому проф. *Вагнеромъ*, историкомъ *Боклемъ* и многими изъ современныхъ итальянскихъ статистиковъ, хотя люди и руководятся въ своихъ нравственно общественныхъ отношеніяхъ свободой воли, но эта воля не отражается на статистическихъ законахъ, такъ какъ отдѣльныя лица дѣйствуютъ въ различныхъ, противоположныхъ направленіяхъ, почему вліяніе ея на эти законы становится незамѣтнымъ, а послѣдніе служатъ исключительно выраженіемъ вліянія внѣшнихъ условій жизни. Уже со времени *Этингена* достаточно выяснилось, что, напротивъ, большинство статистическихъ законовъ служитъ прямымъ выраженіемъ свободы воли людей, ибо вслѣдствіе однихъ и тѣхъ же для всѣхъ ихъ законовъ логическаго мышленія, большинство людей, при одинаковыхъ условіяхъ жизни и поступаетъ одинаково. Вліяніе неурожаевъ, колебаній заработной платы, коммерческихъ кризисовъ и т. под. обстоятельствъ на ежегодную пропорцію браковъ, или степени матеріальной нужды населенія на цифру ежегодно совершаемыхъ преступленій противъ собственности, временъ года на цифру самоубійствъ и т. под. внѣшнихъ условій на человѣческія дѣйствія, никогда не бываетъ непосредственнымъ, завися отъ той оцѣнки, какую даетъ большинство населенія значенію этихъ обстоятельствъ. Изъ цифръ, приводимыхъ самимъ Вагнеромъ, видно, что наибольшая пропорція браковъ заключается не въ тѣ годы, когда стоятъ самыя низкія цѣны на хлѣбъ, а въ тѣ, когда населеніе пріобрѣтаетъ нѣкоторую увѣренность, что бывшіе предъ этимъ

частые неурожаи не станутъ повторяться въ ближайшемъ будущемъ.

Тоже самое можно сказать и про значеніе сознательной дѣятельности людей въ общественной эволюціи. Какъ ни разнообразны интересы отдѣльныхъ лицъ и классовъ, входящихъ въ составъ общества, но у нихъ есть еще болѣе общихъ интересовъ, вслѣдствіе которыхъ они, вмѣсто того, чтобы вести bellum omnium contra omnes, т. е. чисто животную борьбу за существованіе, предпочитаютъ входить между собою во взаимныя сношенія, основанныя на общей пользѣ и примиреніи противоположныхъ интересовъ. Иначе была бы невозможна сколько нибудь сносная общественная жизнь и самое понятіе объ обществѣ было бы отрицаніемъ его сущности; выраженію „общество“ пришлось бы въ такомъ случаѣ давать такое же словопроизводство, какое дается латинскому слову *lucus*—отъ non lucendo, т. е: выводить понятіе объ обществѣ не изъ признанія *общности* интересовъ лицъ, входящихъ въ его составъ, а изъ отрицанія этой общности, какъ это и дѣлалъ совершенно ошибочно *Гегель* въ своемъ ученіи о „гражданскомъ обществѣ“. Усвоивъ его неправильный, діалектическій методъ изслѣдованія, Марксъ и Энгельсъ, очевидно, усвоили и его не менѣе ошибочный взглядъ на гражданское общество. Между тѣмъ въ обществѣ происходитъ не одна только борьба личныхъ и классовыхъ интересовъ, но также—и даже еще въ большей степени—проявляется единеніе ихъ, выражающееся въ раздѣленіи занятій и мѣновомъ оборотѣ. Оба эти экономическія начала связываютъ большинство членовъ общества въ одну великую кооперацію, благодаря которой каждый получаетъ возможность легче обезпечивать себя во всемъ ему необходимомъ, чѣмъ путемъ своихъ слабыхъ, единичныхъ усилій. Такимъ образомъ сущность всей общественной жизни и весь прогрессъ ея служатъ выраженіемъ не животной, экстерминаціонной борьбы, въ которой сильные существуютъ на счетъ слабыхъ, а напротивъ такой обширной ассоціаціи, въ которой каждый трудится для всѣхъ и всѣ для него. Эта общественная ассоціація возникаетъ и развивается постепенно, путемъ эволюціи, но эволюціи сознательной, основанной на признаніи взаим-

ныхъ выгодъ всѣхъ и каждаго въ большей или меньшей степени.

Несомнѣнно, что во всемірной исторіи къ этой мирной, сознательной эволюціи, примѣшивается не мало грубыхъ, животныхъ стремленій человѣческой натуры. Даже и теперь многіе, вмѣсто того, чтобы стремиться къ достиженію личнаго благосостоянія путемъ возможно большаго служенія общему благу, не брезгаютъ достигать своихъ выгодъ посредствомъ посягательства на чужое благо. Законы конкуренціи, управляющіе теперешнимъ экономическимъ бытомъ, хотя и обезпечиваютъ главнымъ образомъ прогрессъ народнаго хозяйства, но они во многихъ случаяхъ даютъ также возможность людямъ, не стѣсняющимся въ выборѣ средствъ для своей наживы, эксплоатировать и потребителей ихъ произведеній и рабочихъ, участвующихъ въ производствѣ послѣднихъ. Но такая эксплоатація ближнихъ дѣлалась въ прежнее время еще болѣе безцеремонно. Путемъ завоеваній покоренные народы обращались прямо въ рабство и раздѣленіе труда вводилось насильственно, безъ обезпеченія выгодъ трудящимся. Это была дѣйствительно слѣпая, животная борьба за существованіе. Но самая возможность ея во всемірной исторіи показываетъ, что общественная эволюція далеко не тождественна съ прогрессомъ. Напротивъ, она всегда была регрессомъ общества въ тѣхъ случаяхъ, когда на мѣсто разумнаго преслѣдованія людьми своихъ цѣлей, выступали на первый планъ разнузданныя силы животной природы человѣка. Только по мѣрѣ своихъ умственныхъ и нравственныхъ успѣховъ люди научались удовлетворять свои нужды не прибѣгая къ насилію, путемъ все большаго приспособленія силъ внѣшней природы къ удовлетворенію этихъ нуждъ, а также путемъ все большаго развитія между собою принципа солидарности, на который опирается вся общественная жизнь. Чѣмъ высшей ступени умственнаго и нравственнаго развитія достигаетъ общество, тѣмъ болѣе оно начинаетъ сознавать несправедливость и невыгоды общественной организаціи, основанной на борьбѣ и стремится замѣнить ее нравственно общественнымъ единеніемъ для общаго блага. Рабство всюду исчезло въ новѣйшей Европѣ не путемъ классовой

борьбы и возстаній порабощенныхъ, а путемъ смягченія нравовъ и улучшенія законодательства. Если въ этомъ случаѣ, какъ и при устраненіи всякой общественной несправедливости, борьба происходитъ, то скорѣе борьба идейная, благодаря которой господствующіе классы добровольно отказываются отъ своихъ несправедливыхъ привиллегій. Всѣ главныя современныя намъ улучшенія въ положеніи рабзчаго населенія, начиная съ фабричнаго законодательства, принявшаго подъ свою защиту дѣтскій и женскій трудъ и кончая германскимъ обязательнымъ страхованіемъ рабочихъ противъ увѣчій, болѣзней и на случай старости, есть результатъ такой безкровной, идейной борьбы, приведшей къ тому, что этимъ законодательствомъ устранена одна изъ главныхъ причинъ озлобленія рабочаго пролетаріата противъ существующаго экономическаго строя и дана ему возможность думать о дальнѣйшемъ улучшеніи своего положенія мирнымъ путемъ. Въ Англіи Royal Commission on Labour, окончившая свои изслѣдованія въ первой половинѣ 1890-хъ годовъ, констатируетъ не только большое улучшеніе въ положеніи рабочаго населенія въ послѣднее 50-лѣтіе, но также развитіе все болѣе сердечныхъ отношеній между предпринимателями и рабочими, какъ равно все сильнѣе возвышающійся голосъ общественнаго мнѣнія, требующій мирнаго разрѣшенія столкновеній между ними. По заявленію этой „Королевской Коммиссіи Труда“ повсюду замѣчается стремленіе къ промышленному миру. Заключенія Коммиссіи подписаны наиболѣе уважаемыми представителями англійскихъ рабочихъ [1]).

Такимъ образомъ своимъ соціальнымъ прогрессомъ культурныя страны обязаны не эволюціи подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ и какой то скрытой, безсознательной работѣ соціальныхъ силъ, какъ увѣряютъ Марксъ и Энгельсъ, а напротивъ, своимъ вполнѣ сознательнымъ усиліямъ.

---

[1]) См. *Геркнеръ*, Рабочій трудъ въ Западной Европѣ, стр. 270. Срвн. *Шульце-Геверницъ*, Крупное производство въ Англіи, его значеніе для экономическаго и соціальнаго прогресса. Спб., 1897.

Чисто фаталистическая вѣра эволюціонистовъ, что жизнь всегда развивается сама собою отъ низшихъ формъ къ высшимъ, отъ худшаго состоянія къ лучшему, не подтверждается въ достаточной степени фактическими данными и въ физической, внѣшней природѣ органической и неорганической. Противники отождествленія эволюціи съ возрастающимъ всегда совершенствованіемъ жизни указываютъ, что и въ мірѣ растительнаго и животнаго царства нерѣдко низшіе организмы, именно благодаря меньшей сложности своей структуры, легче приспособляются къ данной средѣ и потому переживаютъ высшіе организмы, вслѣдствіе чего происходитъ естественный подборъ не лучшихъ, не болѣе сильныхъ, но наоборотъ менѣе совершенныхъ по своей организаціи и болѣе слабыхъ существъ. Самъ Дарвинъ указываетъ на возможность подобныхъ случаевъ. Въ своемъ трактатѣ о происхожденіи видовъ онъ разсказываетъ, что на островѣ Мадейрѣ жуки утратили свои крылья, слѣдовательно сдѣлались менѣе совершенными, благодаря тому, что „наименѣе пользовавшіеся своими крыльями—вслѣдствіе ли того, что они были у нихъ меньше развиты чѣмъ у другихъ, или потому, что они принадлежали къ самымъ лѣнивымъ—пережили способныхъ къ летанію, такъ какъ ихъ не сдувало вѣтромъ въ море, между тѣмъ какъ наиболѣе летавшіе первые падали въ море и погибали.“ Еще болѣе очевидные примѣры, что большая сила не обезпечиваетъ возможности переживать болѣе слабыхъ особей въ животномъ и растительномъ царствѣ указываютъ на то, что всѣ виды гигантскихъ растеній и животныхъ до историческихъ временъ исчезли и замѣнились видами болѣе скромныхъ размѣровъ. Большіе древовидные папортники временъ каменноугольнаго періода замѣнились теперешними низкими растеніями, скрывающимися въ тѣни деревьевъ. Въ животномъ царствѣ исчезли такимъ же образомъ мастодонты, мамонты и динозавры, а уцѣлѣли мелкія породы слоновъ и ящерицъ. Такимъ образомъ даже и физическая эволюція далеко не всегда ведетъ къ усовершенствованію. Такое ухудшеніе климата странъ прилегающихъ къ сѣверному полюсу, какъ въ нашей Сибири, въ которой могли существовать когда-то этого рода чудовищныя животныя и растенія, или

обращеніе въ пустыни когда-то цвѣтущихъ мѣстностей древней Ассиріи, Египта, Финикіи и древней Греціи, развѣ не доказываютъ возможность движенія силъ физической природы назадъ, а не впередъ подъ вліяніемъ эволюціи. Да и самая неизбѣжность въ концѣ концовъ гибели всей нашей планеты со всѣмъ живущимъ на ней, о которой говорятъ сами эволюціонисты, лучше всего показываетъ полную неосновательность вѣры въ безпредѣльный прогрессъ всего существующаго подъ вліяніемъ эволюціи.

Поэтому нѣтъ основаній примѣнять къ человѣчеству біологическій законъ, недостаточно провѣренный даже въ мірѣ растительномъ и животномъ. Въ мірѣ физическомъ, какъ и въ мірѣ человѣческомъ все существующее приспособляется къ даннымъ условіямъ. Но существенная разница между тѣмъ и другимъ заключается въ томъ, что въ первомъ это приспособленіе происходитъ чисто пассивно, а во второмъ также и активно. Человѣкъ не только сообразуетъ свою жизнь съ условіями окружающей его природы, но стремится самую природу приспособить къ своимъ потребностямъ: измѣняетъ окружающее его растительное и животное царство, естественный отборъ въ немъ замѣняетъ своимъ собственнымъ отборомъ, соотвѣтствующимъ его цѣлямъ и нуждамъ. Онъ располагаетъ не только органическимъ, но и неорганическимъ міромъ, даетъ желательное для него направленіе силамъ воды, вѣтра, пара, электричества, заставляя ихъ работать для него. Вмѣсто того, чтобы быть всецѣло рабомъ физической природы, какъ это бываетъ въ мірѣ животномъ и растительномъ, онъ становится въ значительной степени ея властелиномъ. Можно ли въ такомъ случаѣ говорить о какихъ то слѣпыхъ силахъ, управляющихъ судьбой человѣческихъ обществъ помимо ихъ воли и совершенно независимо отъ нихъ, приравнивая физическую эволюцію къ соціальной или нравственной! Въ первой природа дѣйствуетъ безсознательно, во второй сознательно. Человѣкъ призванъ къ тому, чтобы быть въ извѣстной степени творцомъ собственной судьбы и окружающихъ его живыхъ существъ. „Соціальный прогрессъ, говоря словами одного изъ англійскихъ соціологовъ, есть не эволюція, а *инво-*

люція разума, любви, откровенія безконечнаго духа, вѣчной жизни, возвращающейся къ самой себѣ".

Но если весь соціальный прогрессъ совершается цѣлесообразными усиліями людей, то можно ли говорить въ такомъ случаѣ о естественныхъ законахъ состоянія и развитія обществъ? Можно, именно потому, что весь техническій прогрессъ человѣческихъ обществъ, зависящій отъ все большаго приспособленія человѣкомъ физическихъ силъ и матеріи къ своимъ нуждамъ, опирается на знаніе естественныхъ законовъ этихъ силъ и матеріи, существующихъ независимо отъ человѣка. Съ другой стороны, экономическіе законы обращенія и распредѣленія цѣнностей въ обществахъ, опираются на личный интересъ, тождественный съ естественнымъ чувствомъ самосохраненія, присущимъ человѣку наравнѣ со всѣми живыми существами. Какъ чисто стихійное начало, оно проявляется въ такихъ экономическихъ законахъ стихійнаго характера, какъ основной законъ спроса и предложенія и вытекающіе изъ него законы колебанія цѣнъ, заработной платы, процента, прибыли съ капитала и ренты. Эти законы сами по себѣ далеко не всегда обезпечиваютъ общее благо, точно также, какъ и всякій другой чисто естественный законъ, управляющій силами внѣшней природы. При однихъ условіяхъ они обезпечиваютъ благосостояніе большинства населенія, при другихъ разрушаютъ его. Такъ законъ, управляющій высотой цѣнъ на землю и арендной платы, достаточно гарантируетъ большинство земледѣлческаго населенія противъ бѣдствій сельскаго пролетаріата въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ господствуетъ мелкое землевладѣніе и гдѣ не наступило еще перенаселеніе. Но тотъ же законъ обусловливаетъ большое развитіе сельскаго пролетаріата и крайнюю эксплоатацію земледѣльческаго населенія тамъ, гдѣ, какъ въ Ирландіи, земля сосредоточена въ рукахъ небольшого числа крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. При большой конкуренціи между предъявляющими спросъ на землю и отсутствіи ея между предлагающими ее, послѣдніе имѣютъ возможность получать монопольныя цѣны. Будучи не въ силахъ отмѣнить законъ спроса и предложенія, государственная власть, тѣмъ не менѣе, можетъ измѣнить условія

его дѣйствія, повліявъ на измѣненіе преобладающей формы землевладѣнія [1]).

Такимъ образомъ экономическое развитіе народовъ зависитъ главнымъ образомъ отъ цѣлесообразнаго законодательства, обезпечивающаго мирный прогрессъ, а не отъ слѣпой борьбы во имя исключительныхъ, классовыхъ интересовъ, какъ учатъ марксисты. Такая борьба, ненаходящая себѣ мирнаго, разумнаго выхода къ общему благу, можетъ вести только къ общественному разложенію и гибели цивилизаціи, а не къ прогрессу.

Каждая стадія этнической культуры, отъ дикаго состоянія до просвѣщенія, выставляется эволюціонистами продуктомъ генетической, безсознательной соціальной эволюціи. Большинство писателей по соціологіи только и признаетъ этотъ видъ соціальнаго прогресса. Но, по справедливому замѣчанію *Уорда* „индукція ихъ такъ узка, такъ много важныхъ посылокъ остается неизвѣстными имъ, или упускается ими изъ виду, что вся ихъ философія не имѣетъ никакой цѣны“. Если такая характеристика можетъ быть примѣнена въ извѣстной степени къ классической школѣ экономистовъ, то еще болѣе она примѣнима къ ученію современныхъ намъ соціологовъ эволюціонистовъ.

Къ числу мыслителей сильно преувеличивающихъ значеніе соціальной эволюціи несомнѣнно принадлежитъ и проф. *Людвигъ Штейнъ*, авторъ книги „Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія“. Онъ вѣритъ въ непрерывность соціальнаго прогресса, не смотря на такіе катаклизмы въ исторіи культурныхъ народовъ, какъ паденіе цивилизаціи древнихъ египтянъ, финикіянъ, ассирійцевъ, грековъ, какъ наконецъ мрачная эпоха среднихъ вѣковъ, прекратившая на долго развитіе римской цивилизаціи, — факты, доказывающіе несомнѣнно, что историческое развитіе человѣчества идетъ зигзагами, но никакъ не въ прямолинейномъ направленіи. Точно также нельзя признать правильнымъ мнѣніе Люд. Штейна, что съ ходомъ времени все разви-

---

[1]) См. подробно объ отношеніи экономической политики къ естественнымъ законамъ народнаго хозяйства въ моей „Политической Экономіи“, стр. 241—250, 266—274, 380—401, 415—434 и 438—483.

вается—и притомъ вверхъ, т. е. по лѣстницѣ все восходящей цѣлесообразности, что развивается и наша мускульная система и наша центральная нервная система, т. е. мозгъ. Онъ ставитъ умственныя способности современныхъ цивилизованныхъ народовъ гораздо выше способностей древнихъ грековъ или евреевъ [1]). Но физическія силы культурнаго человѣка съ ходомъ цивилизаціи не могутъ также сильно развиваться, какъ у дикарей; въ этомъ легко убѣдиться, принявъ во вниманіе, что культурному человѣку приходится работать больше нервами, чѣмъ мускулами и слѣдовательно меньше развивать послѣднія, благодаря все большимъ успѣхамъ промышленной техники, при которыхъ человѣческій трудъ все болѣе замѣняется работой машинной. Что по своимъ умственнымъ способностямъ наиболѣе культурные изъ современныхъ народовъ стоятъ гораздо ниже древнихъ грековъ это прямо заявляютъ нѣкоторые изъ выдающихся антропологовъ, цитируемыхъ въ извѣстномъ трудѣ *Бенжамена Кидда* о „Соціальной эволюціи", повидимому, неизвѣстномъ Штейну. Указывая на высокій духъ изобрѣтательности, современныхъ намъ народовъ, котораго не могли даже предчувствовать древніе греки, онъ забываетъ, что всѣ успѣхи нынѣшней техники есть всецѣло результатъ раздѣленія труда во времени, преемственности знаній, а никакъ не усовершенствованія естественныхъ способностей людей новѣйшихъ поколѣній. Не смотря на этого рода преувеличенія соціальной эволюціи, *Людвигъ Штейнъ*, тѣмъ не менѣе, вполнѣ основательно замѣчаетъ, что „не слѣдуетъ, однако, увлекаться шумными успѣхами принципа развитія до того, чтобы видѣть въ немъ ключь ко всѣмъ міровымъ загадкамъ. Это значило бы обходнымъ путемъ естественно научныхъ мнѣній возвратиться къ пережитому, повидимому, метафизическому мышленію. Разсмотрѣніе явленій съ точки зрѣнія ихъ развитія есть методъ очень пригодный, но онъ есть не что иное, какъ только методъ" [2]).

---

[1]) *Людвигъ Штейнъ*, Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія, Москва, 1899, стр. 39.

[2]) Idem, стр. 35.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, тотъ же ученый вполнѣ основательно упрекаетъ главу соціалистическихъ эволюціонистовъ, *Маркса*, въ соціологическомъ фатализмѣ, который легко переходитъ въ общественный квіетизмъ и въ политическое laissez faire. Къ чему въ такомъ случаѣ, спрашиваетъ критикъ Маркса, дѣятельное участіе въ разрѣшеніи общественныхъ задачъ нашего вѣка, если все и безъ нашего содѣйствія развивается по имманетнымъ законамъ объективнаго хода вещей, какъ учитъ Марксъ[1]). Съ подобнымъ же упрекомъ обращается къ эволюціонистамъ школы Дарвина другой соціологъ, *Генри Друммондъ*. По его мнѣнію дарвинизмъ внесъ больше мрака, чѣмъ свѣта въ ученіе объ обществѣ. Односторонняя индукція дарвинистовъ завела, по его словамъ, современную соціологію въ пустыню эмпиризма, сдѣлала ее неспособной идти на встрѣчу практическимъ задачамъ нашего времени. Онъ ссылается на Лесли Стефена, который объявилъ науку въ такомъ видѣ „грудой безпорядочнаго эмпирическаго наблюденія слишкомъ неосновательнаго, чтобы быть полезнымъ“ [2]).

Впрочемъ въ своей безпринципности и неспособности идти на встрѣчу практическимъ задачамъ времени сознаются сами нѣкоторые изъ экономистовъ эволюціоннаго направленія. Такъ пользующійся наибольшей популярностью изъ нихъ *Бюхеръ* пишетъ: „Собственно говоря, по природѣ своей историческое направленіе относится къ экономической политикѣ *безразлично*. Для него отношеніе государства къ хозяйственной жизни *есть только предметъ наблюденія*. Самое большое—оно выработываетъ, на основаніи предшествующаго хода развитія, отправныя точки для познанія будущаго въ связи со всѣмъ общественнымъ развитіемъ“. Вся экономическая политика этого направленія сводится, слѣдовательно, къ тому же принципу laissez faire, который выставила на своемъ знамени классическая школа

---

[1]) *Людвигъ Штейнъ*, Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія, Москва. 1899, стр. 375.

[2]) *Генри Друммондъ*, Эволюція и прогрессъ человѣка. Москва, 1897, стр. 52—53.

экономистовъ, съ той только разницей, что послѣдняя проводила этотъ принципъ послѣдовательно. Экономисты же эволюціонисты прямо заявляютъ, что у нихъ „нѣтъ какой либо опредѣленной программы экономической политики. Программа создается *каждымъ человѣкомъ въ отдѣльности, сообразно тому культурному идеалу, который онъ себѣ выработалъ*“ [1]). Но такого рода заявленіемъ наиболѣе популярнаго изъ представителей эволюціонизма развязываются руки людямъ, раздѣляющимъ идеалы *Ницше* и *Ренана*, доказывать необходимость возстановленія въ настоящее время рабства, идеализированнаго этими мыслителями [2]).

Если Ад. Смитъ слишкомъ обобщилъ условія и потребности экономическаго быта современной ему Англіи, возведя ихъ въ общія для всѣхъ культурныхъ государствъ, то еще въ большей степени обобщилъ условія этого быта Марксъ, какъ одинъ изъ главныхъ представителей эволюціонистовъ, увѣряя что стадіи развитія, которыя перешла Англія, непремѣнно должны пройти въ томъ же порядкѣ и всѣ цивилизованныя государства. На этомъ основаніи наши послѣдователи Маркса увѣряли желательность ускоренія хода экономической эволюціи въ Россіи, по примѣру Англіи, путемъ обезземеленія крестьянъ, руководясь соображеніемъ — что „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“ [3]). Этого не утверждалъ прямо даже Марксъ, почему имѣлъ основаніе замѣтить: ils sont plus marxistes que moi même.

Къ числу новѣйшихъ представителей марксизма принадлежитъ отчасти Зомбартъ. Онъ поэтому является вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1]) *Бюхеръ*, Происхожденіе народнаго хозяйства, стр. 3.

[2]) Взгляды *Ренана* на этотъ вопросъ были мною критически разобраны въ сочиненіи „Объ отношеніи новѣйшихъ теорій полицейскаго государства къ закону раздѣленія труда, какъ основанію общественнаго организма“, стр. 245—250. Характеристику *Ницше* см. ниже.

[3]) См. *Слонимскій*, Экономическое ученіе Карла Маркса. Спб., 1898, стр. 203—211 и *Н. Катаевъ*, Къ вопросу о теоріи соціальнаго развитія. Въ виду недавняго увлеченія утопическимъ фатализмомъ. Москва, 1903, стр. 33.

и эволюціонистомъ. Въ заключеніе своего очерка разнообразныхъ теорій эволюціи, сдѣланнаго въ книгѣ объ „Организаціи труда и трудящихся“ *Зомбартъ* пытается построить собственную теорію эволюціи по степени производительныхъ силъ, дѣйствующихъ въ каждую эпоху, но самъ сознается въ ея несостоятельности, указывая, что въ основаніе ея положенъ не экономическій принципъ [1]). Поэтому рядомъ съ нею онъ выставляетъ еще вторую теорію по степени общественнаго характера хозяйства, но къ которой однако можно легко примѣнить тѣ самыя возраженія, которыя дѣлаютъ противъ теоріи *Гильдебранда* и *Бюхера*. Въ недавнемъ своемъ трудѣ о „Новѣйшемъ капитализмѣ“ Зомбартъ снова пытается изложить ученіе о формахъ организаціи хозяйственнаго труда на различныхъ ступеняхъ развитія, но въ концѣ концовъ заявляетъ, что онъ самъ не придаетъ этому ученію большаго значенія въ отношеніи сколько нибудь глубокаго научнаго познанія. Единственной цѣлью систематики въ этомъ случаѣ можетъ быть—дать возможность читателю быстро оріентироваться *„поверхностнымъ образомъ; о внутренней же сущности явленій эта систематика говоритъ мало“* [2]). Но сдѣлать такое заявленіе не значетъ ли сознаться въ несостоятельности основной задачи, поставленной экономистами эволюціоннаго направленія,—раскрыть законы развитія, отдѣльные отъ законовъ, выясненныхъ уже политической экономіей. Путемъ установленія ступеней развитія и характеристики ихъ извѣстными терминами эволюціонисты надѣялись „выразить въ нихъ весь ходъ историческаго развитія хозяйственнаго быта или, *скажемъ прямо*, замѣчаетъ *Бюхеръ*,—*найти законы развитія*“ [3]). Въ такомъ случаѣ заявленіе *Зомбарта* не равносильно ли признанію, что „гора родила мышь“. Если бы онъ зналъ впередъ, что къ такимъ, болѣе чѣмъ скромнымъ результатамъ, какъ *„поверхностная оріентировка“* читателя въ ступеняхъ развитія безъ выясненія *„внутренней сущности явленій“* приведетъ его обширное из-

---

[1]) *Зомбартъ*, Организація труда и трудящихся, Спб. 1901, с. 238.
[2]) *Sombart*, Der moderne Kapitalismus, Leipzig, 1902, т. I, с. 70.
[3]) *Бюхеръ*, Происхожденіе народнаго хозяйства, стр. 6.

слѣдованіе въ громадныхъ двухъ томахъ почти въ 1500 страницъ, то навѣрное не предпринялъ бы его, чтобы не воскликнуть вмѣстѣ съ Гораціемъ: Oleum et otium perdidi!

Въ виду того, что до сихъ поръ не открыто никакихъ общепризнаваемыхъ законовъ эволюціи народнаго хозяйства, совершенно отдѣльныхъ отъ тѣхъ, которые были раскрыты классической школой экономистовъ подъ названіемъ *естественныхъ* экономическихъ законовъ, новоисторикамъ-эволюціонистамъ приходится, вмѣсто изложенія какихъ бы то ни было законовъ, замѣнять теорію политической экономіи исторіей народнаго хозяйства, обращая слѣдовательно экономическую науку въ чисто описательную отрасль знанія; а это значитъ двигать политическую экономію не впередъ, а назадъ въ ея развитіи. Теорія эволюціи является далеко еще не сложившейся во многомъ; масса деталей ея кипитъ еще въ горнилѣ критицизма. Поэтому слѣдовало бы эволюціонистамъ, по справедливому замѣчанію *Друммонда*, быть болѣе другихъ смиренными, чуждыми догматичности [1]), не претендовать на коренную передѣлку соціально-этическихъ наукъ, которыя, вслѣдствіе чрезмѣрной сложности изучаемыхъ ими явленій, не подходятъ подъ слишкомъ прямолинейные выводы, переносимые цѣликомъ изъ области естественныхъ наукъ. Еще съ большей подробностью останавливается на этой „крайней претенціозности“ соціологовъ-эволюціонистовъ въ ихъ объясненіи основъ права и общества нашъ русскій ученый П. И. *Новгородцевъ*. „Вмѣсто того, чтобы остаться въ соотвѣтствующихъ своему существу скромныхъ границахъ, соціологизмъ занимаетъ здѣсь, говоритъ г. Новгородцевъ, нѣкоторую универсальную позицію, исключающую всякія другія точки зрѣнія. Считая свое объясненіе окончательнымъ, онъ не допускаетъ никакихъ другихъ. Въ этомъ видѣ соціологическая метода должна вызвать противъ себя возраженія и подвергнуться необходимымъ ограниченіямъ“ [2]). Изъ того, что какъ

---

[1]) *Генри Друммондъ*, Эволюція и прогрессъ человѣка, стр. 8—9.

[2]) *Новгородцевъ*, Нравственный идеализмъ въ философіи права въ изданіи „Проблемы идеализма“, стр. 261—274.

право и мораль, такъ и обусловливаемое ими въ сильной степени народное хозяйство [1]), могутъ быть разсматриваемы въ ихъ историческомъ развитіи, нисколько еще не вытекаетъ, что вся сущность ихъ можетъ заключаться въ этомъ историческомъ процессѣ. По основательному замѣчанію только что приведеннаго ученаго, соціологическое разсмотрѣніе въ смыслѣ эволюціоннаго въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросахъ не только не имѣетъ за собою преимущества бо̀льшей глубины, но останавливается на порогѣ проблемы, къ разрѣшенію которой не можетъ приступить, не оставляя своей почвы. На вопросъ о томъ, чѣмъ должно быть, знаніе того, что было и что есть, оно не можетъ дать отвѣта. Когда рѣчь заходитъ о новыхъ формахъ, наша мысль никогда не откажется отъ убѣжденія, что въ числѣ этихъ причинъ имѣетъ значеніе и наша воля [2]). Въ германской литературѣ эта же точка зрѣнія была прекрасно развита *Виндельбандомъ*. Исходить въ своихъ сужденіяхъ о совершенствованіи человѣчества изъ одного только генетическаго объясненія, видѣть въ событіяхъ всемірной исторіи критеріумъ нормальнаго развитія людей, это значило бы, по мнѣнію Виндельбанда, преклоняться предъ грубымъ фактомъ. Чтобы судить о прогрессѣ, необходимо имѣть ясное представленіе о томъ, что именно надо считать за улучшеніе, за явленіе нормальное и разумное. Разсматривая все совершившееся въ исторіи безъ отношенія къ такому идеалу, пришлось бы считать все, что произошло позже, eo ipso за лучшее. Но измѣненіе само по себѣ не есть еще прогрессъ. Въ развитіи человѣческой культуры все новое далеко не всегда было лучшимъ. Происшедшее измѣненіе слѣдуетъ ли отнести къ прогрессу—этого не можетъ рѣшить одно только генетическое изслѣдованіе. Для этого необходимо еще представленіе цѣли, по отношенію къ которой оно должно быть разсмотрѣно. Чисто натуралистическое изслѣдованіе знаетъ только необходимыя измѣненія, но ничего не говоритъ о качествѣ ихъ [3]).

---

[1]) *Stammler*, Wirtschaft und Recht. Leipzig, 1896.

[2]) *Новгородцевъ*, 255, 258 и *Чичеринъ*, Фил. права, М. 1900, с. 170, 81.

[3]) *Windelband*, Präludien. Zur Einleitung in die Philosophie, главу Kritische oder genetische Methode? стр. 266—269.

Не смотря на неудачу всѣхъ попытокъ сколько нибудь ясно разграничить ступени экономическаго развитія, эволюціонисты хотятъ, повидимому, подраздѣлить всю политическую экономію на столько наукъ, сколько существуетъ ступеней экономическаго развитія, пережитыхъ культурнымъ человѣчествомъ. По крайней мѣрѣ Зомбартъ въ своемъ неудачномъ трудѣ „О новѣйшемъ капитализмѣ“ прямо заявляетъ, что онъ ставитъ главной задачей его „формулировать различныя теоріи для каждаго опредѣленнаго, исторически разграниченнаго періода“ [1]). Оправданіе такой точки зрѣнія можно найти еще въ трудахъ основателя такъ называемаго научнаго соціализма *Родбертуса*, который утверждалъ, что „до тѣхъ поръ, пока мы не вступимъ на путь сравнительной физіологіи слѣдующихъ другъ за другомъ ступеней развитія общественной и экономической жизни, мы не проникнемъ глубже въ природу этой жизни“ [2]). Несомнѣнно, что для выясненія значенія современныхъ формъ экономическаго быта въ высшей степени полезно такого рода сравнительное сопоставленіе пережитыхъ культурнымъ человѣчествомъ различныхъ формъ и условій народнаго хозяйства. Но эти различія не исключаютъ возможности существованія между всѣми ими, какъ равно и современнымъ экономическимъ бытомъ—главныхъ общихъ основаній, на которыя опирается каждое народное хозяйство. Если сравнивать вмѣстѣ съ Родбертусомъ экономическіе законы съ физіологическими, то какъ между функціями питанія, кровообращенія и нервной системы нѣтъ существенныхъ различій у дѣтей, отроковъ, людей возмужалыхъ и стариковъ, точно также не можетъ быть коренныхъ различій и въ экономическихъ отправленіяхъ у народовъ стоящихъ на различныхъ ступеняхъ развитія. Допущеніе отсутствія всякаго единенія между явленіями, развивавшимися послѣдовательно одни изъ другихъ, противорѣчило бы даже самой идеѣ эволюціи, по которой каждая послѣдующая стадія развитія органически вытекаетъ изъ предыду-

---

[1]) *Sombart*, Der moderne Kapitalismus, I, Geleitwort, стр. XXI.

[2]) *Родбертусъ*, Изслѣдованіе въ области національной экономіи классической древности, IV, 43.

щей, сохраняя эту связь и единеніе съ нею во все послѣдующее время.

Всѣ естественные экономическіе законы распадаются на двѣ категоріи: одни — естественные въ полномъ смыслѣ слова, какъ напр. законъ трехъ факторовъ производства, законъ зависимости производительности труда отъ раздѣленія занятій, отъ смѣны экстенсивныхъ способовъ сельскаго хозяйства болѣе интенсивными, зависимость быстроты обращенія цѣнностей отъ болѣе усовершенствованныхъ орудій обмѣна. Эти законы сохраняютъ свою неизмѣнную силу на всѣхъ ступеняхъ экономическаго развитія, ибо коренятся въ условіяхъ техники производства и обращенія цѣнностей. Другіе экономическіе законы являются не болѣе, какъ эмпирическими законами большихъ чиселъ, опирающимися на психологическія свойства человѣческой природы, на чувство личнаго интереса, тождественное съ чувствомъ самосохраненія. Къ такимъ законамъ принадлежатъ зависимость производительности труда отъ свободы его и степени выгодности для трудящихся, отъ степени развитія потребностей въ населеніи. Къ этой же второй категоріи законовъ принадлежатъ, со времени возникновенія народнаго хозяйства, основаннаго на раздѣленіи занятій, всѣ законы спроса и предложенія, управляющіе обращеніемъ и распредѣленіемъ цѣнностей. Но можно ли назвать даже эти законы большихъ чиселъ законами народнаго хозяйства только извѣстныхъ націй и эпохъ? Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ свободный трудъ былъ болѣе производительнымъ, чѣмъ рабскій, трудъ крестьянъ землевладѣльцевъ былъ болѣе интенсивнымъ, чѣмъ наемныхъ безземельныхъ рабочихъ. Со времени возникновенія народнаго хозяйства точно также у всѣхъ народовъ и во всѣ времена, чѣмъ сильнѣе былъ спросъ и слабѣе предложеніе, тѣмъ выше были цѣны на предметы мѣноваго обращенія, на рабочія руки, на капиталы, на земли и проч. Поэтому, какъ не можетъ быть особенной психологія для англичанъ, французовъ или иной народности, какъ равно для европейцевъ среднихъ вѣковъ и современныхъ намъ, а существуетъ только психологія человѣка вообще, такъ не можетъ быть, по справедливому замѣчанію проф. *Сакса*, особыхъ

теорій хозяйства того или другаго народа для того или другого времени [1]).

Почти полное отдѣленіе процесса развитія отъ процесса самой жизни, доходящее у эволюціонистовъ чуть не до игнорированія законовъ послѣдней, не выдерживаетъ критики даже съ точки зрѣнія эволюціонизма. Глава современныхъ эволюціонистовъ *Спенсеръ* понимаетъ подъ жизнью опредѣленное сочетаніе разнородныхъ измѣненій внутреннихъ отношеній не только послѣдовательныхъ, но и *одновременныхъ* съ цѣлью приспособленія къ внѣшнимъ условіямъ [2]). Перераспредѣленіе матеріи и движенія, какъ сущность міроваго процесса [3]), совершается не въ одномъ только развитіи всякаго организма, но и въ самомъ поддержаніи жизни его, періодъ которой обыкновенно бываетъ гораздо болѣе продолжительнымъ, чѣмъ время развитія его. Такъ періодъ физическаго развитія человѣка оканчивается обыкновенно къ 25-лѣтнему возрасту, слѣдовательно бываетъ въ два, въ три и болѣе разъ кратковременнѣе самого процесса существованія. Поэтому физіологическіе процессы самой жизни должны бы останавливать на себѣ бо̀льшее вниманіе соціологовъ, чѣмъ процессы развитія организма. Тоже самое можно сказать и о законахъ статики общественной жизни въ сравненіи съ явленіями исторической измѣнчивости ея. Между тѣмъ дѣлая основной задачей политической экономіи изслѣдованіе законовъ развитія экономическаго быта, эволюціонисты отодвигаютъ тѣмъ самымъ на задній планъ главное содержаніе экономичеокой науки. Эту статику жизни чаще всего игнорируютъ эволюціонисты, изслѣдуя одну только динамику ея, какъ это мы видимъ у большинства представителей новоисторической школы, начиная съ Шмоллера и Брентано и особенно у эволюціонистовъ, какъ Бюхеръ и Зомбартъ. Изъ новѣйшихъ экономистовъ новоисторическаго направленія съ большимъ оттѣнкомъ марксизма, проф. вѣнскаго университета *Фи-*

---

[1]) *Sax*, Die neuste Fortschritte der nationalökonomischen Theorie.

[2]) См. *Отто Гауппъ*, Гербертъ Спенсеръ въ 1-мъ выпускѣ „Библіотеки философовъ“. Спб., 1898, стр. 111.

[3]) Idem, стр. 95—98.

липповичъ, придаетъ довольно большое значеніе экономической эволюціи и потому включаетъ въ число основныхъ задачъ науки народнаго хозяйства изученіе послѣдовательнаго историческаго развитія экономическихъ явленій. Во всякомъ случаѣ онъ не ставитъ исторіи народнаго хозяйства на мѣсто теоріи его, какъ это дѣлаютъ только-что указанные экономисты-эволюціонисты. Изъ изученія исторіи возникновенія и развитія конкретныхъ экономическихъ явленій онъ дѣлаетъ предметъ только „*экономической исторіи*", которая составляетъ у него не болѣе, какъ „первую, подготовительную ступень къ пониманію *теоріи* и *политики* народнаго хозяйства... *Но основная задача политической экономіи заключается, конечно, въ теоріи и политикѣ*", справедливо замѣчаетъ Филипповичъ [1]). Такую точку зрѣнія можно признать наиболѣе правильной, примиряющей два противоположныхъ крайнихъ направленій, изъ которыхъ классическое слишкомъ мало останавливалось на исторіи народнаго хозяйства, а новоисторики почти совсѣмъ отрицали возможность теоріи его при теперешнемъ недостаточномъ, по ихъ мнѣнію, запасѣ историческо-статистическаго матеріала. Но точку зрѣнія, примиряющую обѣ эти крайности, гораздо раньше установила староисторическая школа экономистовъ во главѣ съ Фрид. Листомъ и Рошеромъ, къ которой проф. Филипповичъ слѣдовательно и возвращается въ этомъ отношеніи.

Замѣна синтетическаго ученія экономической науки теоріей для различныхъ періодовъ развитія народнаго хозяйства похожа на замѣну догмы права одной только исторіей его, или теоріи изящной словесности однимъ только историческимъ обзоромъ развитія ея. Это впрочемъ и дѣлается теперь многими, почему общіе принципы эстетики, дающіе возможность правильной оцѣнки художественныхъ произведеній, изгоняются изъ теоріи словесности [2]). Основнымъ положеніямъ Бѣлинскаго, высказаннымъ при

---

[1]) См. *Филипповичъ*, Основанія политической экономіи. Спб., 1901, стр. 31—32.

[2]) См. *Карѣевъ*, Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. Спб., 1896.

оцѣнкѣ художественныхъ произведеній, не должно быть мѣста въ теоріи словесности, съ точки зрѣнія новѣйшихъ взглядовъ на задачи ея.

Главный недостатокъ русскихъ ученыхъ, особенно молодыхъ — способность увлекаться безгранично всякой новизной, отсутствіе строго критическаго отношенія къ разнымъ апріористическимъ положеніямъ. Давно ли еще увлеченіе у насъ Марксомъ было столь общераспространеннымъ и сильнымъ, что осмѣливаться несоглашаться съ его взглядами считалось обскурантизмомъ. Многіе изъ нашихъ марксистовъ были болѣе марксистами, чѣмъ самъ Марксъ. Если послѣдній утверждаетъ, что заработная плата не бываетъ выше средствъ существованія рабочихъ, наши марксисты шли далѣе этого, доказывая, что она всегда стоитъ далеко ниже этихъ средствъ. Если Марксъ утверждалъ, что въ западноевропейскихъ государствахъ развитіе капитализма ведетъ къ обобществленію капиталовъ чрезъ стадію всеобщей пролетаризаціи населенія, то наши марксисты доказывали необходимость возможно скорѣйшаго обезземеленія и нашихъ крестьянъ, чтобы этимъ путемъ Россія могла достигнуть желаннаго для нихъ обобществленія капиталовъ, чего не думалъ утверждать самъ Марксъ. Въ настоящее время марксизмъ въ его чистомъ видѣ уже сданъ въ архивъ; но на смѣну увлеченія марксизмомъ въ этомъ видѣ теперь наступило увлеченіе однимъ изъ пережитковъ его — идеей эволюціи въ приложеніи не только къ экономической жизни, но даже и къ нравственой.

Чѣмъ объяснить эту способность нашихъ теоретиковъ увлекаться всякими крайними возрѣніями? Не происходитъ ли это отъ большаго разъединенія у насъ между государственной и общественной жизнью? Общество, неучаствующее непосредственно въ государственныхъ функціяхъ, считаетъ себя какъ бы освобожденнымъ отъ необходимости сообразовать свои взгляды съ практической примѣнимостью ихъ, полагая, что практическая государственная жизнь одно, а міръ теорій—другое, почему въ этомъ послѣднемъ можно увлекаться всласть для своего личнаго удовольствія какими угодно утопіями безъ вреда для общаго хода жизни, не за-

висящаго отъ увлеченія теоретиковъ. Въ Западной Европѣ, гдѣ воздѣйствію общества на государство открыты широко двери, утопистамъ приходятся волей неволей считаться съ требованіями реальной жизни, чтобы не быть осмѣянными. Нельзя не вспомнить блестящей рѣчи князя Бисмарка, произнесенной въ одномъ изъ законодательныхъ собраній по поводу соціалистическихъ увлеченій партіи Бебеля. „Мы, правительство, искренне, горячо желаемъ того же самого, что и г-да соціалисты— обезпеченія возможно большаго блага рабочему населенію и будемъ очень благодарны имъ, если они укажутъ намъ вѣрныя средства къ этому. Но я увѣренъ, что такихъ средствъ они намъ не укажутъ, потому что ихъ сами не знаютъ. Того же, что они знаютъ, они не рѣшатся высказать, чтобы не возбудить гомерическаго смѣха со стороны всѣхъ присутствующихъ.“

Нельзя сказать, чтобы западно-европейскія общества были совершенно чужды увлеченій крайними теоріями. Но тамъ эти теоріи встрѣчаютъ болѣе серіозное противодѣйствіе, чѣмъ у насъ. Такъ теорія эволюціи въ примѣненіи къ общественной жизни, нашедшая въ Германіи значительное количество приверженцевъ себѣ, тамъ же нашла и серіозныхъ противниковъ, съ возраженіями которыхъ читатель имѣлъ достаточно возможности ознакомиться изъ предшествующаго содержанія этой главы. Во Франціи ученіе о соціальной эволюціи встрѣтило еще болѣе безпощадную критику въ трудахъ Фулье, Бутру, Паланта, Ришара и другихъ. *Фулье* въ своемъ сочиненіи объ „Идеяхъ какъ силахъ“ вполнѣ основательно признаетъ общественный прогрессъ цѣломъ главнымъ образомъ идейной борьбы людей, а не физической и потому видитъ въ идеяхъ величайшую изъ силъ, двигающую впередъ человѣчество. Онъ горячо возстаетъ противъ пелѣности разсмотрѣнія нравственно общественныхъ явленій какъ съ точки зрѣнія *позитивныхъ* наукъ, (понимая подъ ними математическія, физическія и естественныя), такъ и съ точки зрѣнія *біологической*, какъ это дѣлали многіе со второй половины 19-го столѣтія, оцѣнивая значеніе общества и нравственности путемъ примѣненія къ нимъ дарвинизма, подбора, поли-

тики силы, расовой борьбы, апоѳеоза войны и проч. [1]). Подобнымъ образомъ проф. *Бутру* оспариваетъ мнѣніе О. Конта и другихъ позитивистовъ, отождествляющихъ соціальные законы съ законами физической необходимости. По мнѣнію Бутру, законы соціальные имѣютъ значеніе не въ смыслѣ неизбѣжныхъ, абсолютныхъ законовъ міра физическаго, противъ которыхъ человѣкъ ничего не подѣлаетъ (законъ смерти, законы питанія, кровообращенія и т. под.), но такихъ, которымъ люди подчиняются добровольно, сознательно, для обезпеченія своихъ взаимныхъ интересовъ и избѣжанія животной борьбы за существованіе. Къ числу такихъ законовъ Бутру относитъ экономическій законъ раздѣленія занятій. Руководясь низменными побужденіями борьбы за жизнь, люди могли бы, вмѣсто этой формы труда, прибѣгать къ силѣ и насилію для обезпеченія своихъ интересовъ, какъ напр. къ рабской формѣ, какъ это и бываетъ обыкновенно при низкомъ уровнѣ нравственнаго и соціальнаго развитія. Человѣкъ не пассивный зритель всего совершающагося вокругъ него, но активный, налагающій свою руку на физическую природу и внѣшнія отношенія, соотвѣтственно разумно поставляемымъ имъ цѣлямъ и нравственнымъ идеаламъ. Въ идеѣ Бога у человѣка есть идеалъ безконечнаго совершенства, къ которому онъ стремится приблизиться, располагая свободой дѣлать выборъ между добромъ и зломъ [2]).

Къ сожалѣнію, Бутру въ своихъ взглядахъ недостаточно послѣдователенъ и не выяснилъ правильнымъ образомъ отношенія свободы человѣческой воли къ статистическимъ законамъ соціальныхъ явленій. Подобно Кетле, онъ впадаетъ въ грубую ошибку, полагая, что эти законы констатируютъ исключительно явленія, чуждыя свободѣ воли, дѣйствія людей, обратившіяся уже въ привычку. Но привычка развѣ есть всегда что-либо нера-

---

[1]) *Fouillé*. L'Evolutionisme des Idées-forces. Alcan editeur. *Его же*, La France au point de vue morale. Paris 1900.

[2]) См. *E. Boutroux*. De la contingence des lois de la nature, вышедшее въ 1902 г. 4-мъ изданіемъ и *его же* De l'idée de la loi naturelle dans la science et la philosophie. Paris. 1895.

зумное, совершенно независимое отъ насъ? Напротивъ, она возникаетъ, развивается и исчезаетъ подъ вліяніемъ нашей же свободной воли. Это сила медленная, но вѣрная, могущая преобразовать даже дѣйствіе темперамента, какъ это было выяснено представителемъ французской же философіи *Левекомъ* [1]) и недавно профессоромъ естествовѣдомъ *Сабатье* въ его прекрасно, очень живо написанномъ трудѣ „Философія Усилія", открывающемъ совершенно новые горизонты на отношеніе естественныхъ законовъ міра видимаго къ невидимому, составляющему предметъ религіозныхъ вѣрованій [2]).

Сочиненія французскихъ соціологовъ *Паланта* и *Ришара* появились въ свѣтъ уже послѣ отпечатанія большей части этой главы моего труда; но тѣмъ пріятнѣе мнѣ было найти въ нихъ подтвержденіе и дальнѣйшее развитіе основныхъ положеній, высказанныхъ мною. *Паланть* довольно вѣрно установилъ различіе между *законами эволюціи и законами причинности* (lois de causation). Эти два вида законовъ соотвѣтствуютъ, говоритъ онъ, двоякой точкѣ зрѣнія на соціальныя явленія—*исторической и аналитической*, или другими словами, — *динамической и статической*. Историка болѣе всего поражаютъ измѣненія, происходящія въ общественной жизни и онъ стремится открыть законъ этихъ измѣненій. Ученаго, занимающагося анализомъ общественной жизни, болѣе всего интересуетъ то, что существуетъ неизмѣннаго въ соціальныхъ явленіяхъ. Онъ стремится выяснить основы общественной жизни и ея неизмѣнные законы, тѣ факторы, которые дѣйствуютъ всегда одинаковымъ образомъ въ этой жизни. Познаніе, даваемое законами эволюціи, отличается чисто описательнымъ характеромъ. Законы же причинности имѣютъ характеръ объяснительный. Какъ бы ни были разнообразны измѣненія, происходящія въ ходѣ эволюціи, они совершаются подъ вліяніемъ неизмѣнныхъ факторовъ, освѣ-

---

[1]) См. *Leveque.* La science d'invisible. Напечатано въ изданіяхъ извѣстнаго Алькана.

[2]) *Sabatier.* Philosophie de l'Effort. Essais philosophiques d'un naturaliste. Paris. 1903. Alcan éditeur.

щаемыхъ законами причинности. Въ то время какъ законы эволюціи, возводимые въ законы необходимости, вводятъ въ соціологію фатализмъ, идея причинности даетъ бо́льшое мѣсто свободно-разумнымъ дѣйствіямъ.

Палантъ дѣлитъ всѣхъ соціологовъ на двѣ категоріи, изъ которыхъ одни все сводятъ къ законамъ эволюціи, другіе же ставятъ на первомъ планѣ законы причинности, ибо послѣдніе представляютъ большую важность и интересъ. Къ первымъ онъ относитъ Вико, Гегеля, Огюста-Конта, Спенсера, Дюркгейма и въ особенности *Маркса*. Осмѣивая Прудона, который все объясняетъ дѣйствіемъ Провидѣнія, марксистско-гегеліановская философія прибѣгаетъ къ еще болѣе поверхностному способу объясненія всего въ общественной жизни идеей эволюціи. Крайній произволъ въ установленіи законовъ, противорѣчащихъ другъ другу, стремленіе выводить всѣ частности изъ одного какого либо искусственно придуманнаго принципа эволюціи, составляетъ главный недостатокъ ученія эволюціонистовъ. Такой способъ изслѣдованія Палантъ основательно называетъ чисто *метафизическимъ*, нестѣсняющимся фактами реальной жизни [1]).

Впрочемъ, такой взглядъ на теорію эволюціи, особенно Спенсеровскую, былъ высказанъ еще раньше американскимъ ученымъ *Джемсомъ*. „Соціологическій методъ Спенсера по своей научной цѣнности немногимъ выше, говоритъ Джемсъ, обычая, господствующаго у восточныхъ народовъ, отвѣчать на всякіе вопросы не подлежащимъ спору труизмомъ: великъ Богъ! Азіатское вѣрованіе во все предрѣшающую судьбу не можетъ похвалиться научнымъ характеромъ. Когда эволюціонный взглядъ на исторію отрицаетъ важное значеніе индивидуальной иниціативы, онъ становится въ высшей степени смутнымъ и ненаучнымъ представленіемъ, шагомъ назадъ къ восточному фатализму. Философія эволюціи здѣсь не что иное, какъ метафизическая вѣра въ фаталистическій пантеизмъ. Научныя открытія не способствовали порожденію такого пантеизма. Критика въ правѣ воз-

---

[1]) См. *Palante*, Précis de sociologie. Paris, 1903, p. 102—105.

высить свой голосъ, протестуя противъ того, чтобы такая метафизическая вѣра рядилась въ научныя перья“ [1]).

Во всѣхъ этихъ трудахъ вопросъ о значеніи эволюціонизма въ ученіи объ обществѣ разсматривается далеко не такимъ исчерпывающимъ и всестороннимъ образомъ, какъ въ обширномъ, увѣнчанномъ парижской академіей наукъ изслѣдованіи профессора соціологіи одного изъ французскихъ университетовъ, *Ришаромъ*, подъ заглавіемъ: „Идея эволюціи въ природѣ и въ исторіи“. Въ своемъ отзывѣ о теоріи эволюціи въ примѣненіи къ изслѣдованію соціальнаго прогресса этотъ соціологъ утверждаетъ, что идея ея въ ученіи объ обществѣ скорѣе препятствуетъ успѣхамъ соціальныхъ наукъ, чѣмъ содѣйствуетъ имъ. Перенесеніе понятія объ эволюціи изъ міра физическихъ явленій въ міръ соціальный принесло, по его мнѣнію, главнымъ образомъ тотъ вредъ, что смѣшало нравственный прогрессъ общества съ прогрессомъ чисто физическимъ. „Прогрессъ, по Конту, есть развитіе порядка“. Но порядокъ физическаго міра имѣетъ мало общаго съ порядкомъ нравственнымъ, на которомъ зиждется общественная жизнь, ибо онъ чуждъ понятію о свободѣ и конечныхъ цѣляхъ, составляющихъ душу нравственнаго порядка. Поэтому выводъ законовъ соціальной жизни изъ законовъ эволюціи физическаго міра будетъ посягательствомъ на самую сущность общественнаго быта. Нравственный порядокъ выше порядка космическаго, подлежащаго законамъ физической необходимости, гдѣ о свободѣ не можетъ быть и рѣчи. Эволюціонисты выводятъ мораль изъ законовъ совершенствованія животнаго міра, изъ борьбы за существованіе, какъ перваго условія этого улучшенія породъ животныхъ путемъ подбора болѣе сильныхъ, одерживающихъ верхъ надъ болѣе слабыми. Но не-

---

[1]) См. *Уильямъ Джемсъ*. Зависимость вѣры отъ воли и другіе опыты популярной философіи. Спб. 1894, стр 268, 272, 281, 291 и др. Недавно противъ ненаучности эволюціонизма въ ученіи объ обществѣ высказался и нашъ русскій философскій журналъ. См. статью *Лурье* „Принципы эволюціонизма и предѣлы ихъ примѣненія“ и *Булгакова* „О реалистическомъ міровоззрѣніи“ въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“ за 1904 г.

ренесеніе такой идеи эволюціонизма въ человѣческія общества находится въ прямомъ противорѣчіи съ сущностью морали и права, которыя стремятся устранить насильственный характеръ отношеній въ общественной жизни и сдѣлать ненужными воинственныя формы ея. Поэтому понятіе эволюціонистовъ о прогрессѣ является неизбѣжно аморальнымъ, безнравственнымъ. Тѣ изъ эволюціонистовъ, которые желаютъ избѣгнуть этого и стремятся установить законы нравственнаго общежитія, поступаютъ непослѣдовательно. Они подчиняютъ общественную динамику общественной статикѣ, т. е. нравственнымъ принципамъ, лежащимъ въ основаніи нынѣ существующаго соціальнаго порядка вещей.

Понятіе объ эволюціи объясняетъ внутреннее содержаніе сознательной жизни внѣшнимъ приспособленіемъ къ средѣ; но это является чисто механическимъ объясненіемъ, облеченнымъ въ quasi научную форму. Общественная жизнь развивается совершено инымъ образомъ — путемъ внутренняго, сознательнаго процесса, а не безсознательнаго. Нравственные законы, вѣрованія, чувства и желанія управляютъ исторіей культурныхъ народовъ, а не слѣпыя, стихійныя силы. Вмѣсто того, чтобы быть продолженіемъ физическаго или біологическаго процесса, эта исторія является великой картиной самостоятельнаго творчества человѣческой жизни. Она учитъ насъ необходимости проявленія активной воли, а не пассивнаго подчиненія слѣпому року.

Съ точки зрѣнія Ришара идея эволюціи есть простая гипотеза, апріорное понятіе, апріорный синтезъ познанія. Этотъ синтезъ есть устарѣлая математическая философія, соединяющая эволюціонизмъ съ механизмомъ [1]).

Съ такими доводами Ришара нельзя не согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли примѣненіе принциповъ натуральной исторіи къ существованію человѣческихъ обществъ содѣйствовать выясненію законовъ общественнаго развитія, когда оно упуска-

---

[1]) *Richard.* L'idée d'Evolution dans la nature et l'histoire, Paris, 1903.

етъ изъ виду самый могущественный факторъ цивилизаціи— разумъ, сознательное и свободное отношеніе ко всему совершающемуся. Какъ бы инстинктъ животныхъ и насѣкомыхъ въ дѣлѣ цѣлесообразнаго приспособленія къ условіямъ внѣшней природы не напоминалъ до нѣкоторой степени разумнаго приспособленія человѣка къ тѣмъ же условіямъ, но есть рѣзкая грань между творческими способностями людей, какъ нравственно-разумныхъ существъ, и инстинктивными стремленіями животныхъ и насѣкомыхъ. Оно выражается въ томъ, что послѣдніе хотя способны воспринимать опыты предшествующихъ поколѣній и согласно имъ приспособляться въ своей жизни къ внѣшнимъ условіямъ въ дѣлѣ удовлетворенія своихъ потребностей, но никто, кромѣ человѣка, не въ силахъ развивать результаты воспринятаго опыта далѣе. Какъ тысячи лѣтъ тому назадъ бобры, пчелы, муравьи, строили свои жилища, соты, муравейники, такъ продолжаютъ строить и теперь. Прогрессъ въ ихъ жизни съ ходомъ времени невозможенъ. Однимъ людямъ дана способность не только воспринимать знаніе отъ своихъ предковъ, но развивать эти знанія далѣе и передавать ихъ слѣдующимъ поколѣніямъ пріумноженными. Поэтому только въ одномъ мірѣ человѣческомъ возможно не простое повтореніе пережитаго, но и безконечный прогрессъ, само собой разумѣется, въ предѣлахъ неизмѣнныхъ законовъ внѣшней природы и внутренней, психической природы человѣка. Всѣми успѣхами своей матеріальной и духовной культуры человѣкъ обязанъ всецѣло своему разуму и нравственному чувству, умѣнію сознательно выбирать наиболѣе цѣлесообразные пути къ удовлетворенію своихъ нуждъ.

Поэтому примѣнять законы безсознательной эволюціи, совершающейся въ мірѣ органическомъ и неорганическомъ, къ выясненію законовъ прогресса человѣческихъ обществъ — значило бы игнорировать основную и притомъ суперорганическую силу, руководящую этимъ прогрессомъ, которой лишенъ весь остальной видимый міръ. Благодаря этой высшей силѣ, присущей однимъ только людямъ, можетъ до нѣкоторой степени одухотворяться весь остальной міръ, населенный ими. Силы электричества становятся способными передавать человѣческія

мысли, стихійныя силы пара, воды, вѣтра, почвы, начинаютъ дѣйствовать цѣлесообразно, выполняя задачи, поставляемыя имъ разумомъ человѣка, воплощающимъ въ себѣ высшую силу, которая дѣлаетъ его до нѣкоторой степени царемъ природы.

Относительно аморальности понятія эволюціонистовъ объ общественномъ прогрессѣ въ томъ случаѣ, когда они вполнѣ послѣдовательно развиваютъ свое ученіе, едва-ли кто станетъ сомнѣваться. Стоитъ вспомнить хотя-бы *Спенсера*, который пришелъ къ заключенію о необходимости устраненія общественной благотворительности, сдѣлавъ изъ нея чисто частное дѣло и то только во имя врожденнаго людямъ чувства состраданія, относимаго имъ къ области требованій міра „непознаваемаго". Не всѣ эволюціонисты останавливаются на этомъ предѣлѣ. Многіе изъ нихъ идутъ дальше Спенсера и прямо требуютъ во имя соціальнаго прогресса неоказанія помощи ни общественной, ни частной, людямъ, не могущимъ собственными силами снискивать себѣ средствъ существованія. Въ противномъ случаѣ содержаніе ихъ, говорятъ, ложится тяжелымъ бременемъ на здоровую и трудолюбивую часть населенія, почему искусственнымъ образомъ поддерживается размноженіе наименѣе способныхъ лицъ, что ведетъ къ вырожденію населенія.

Тѣ-же изъ эволюціонистовъ, которые желаютъ примирить свое понятіе о прогрессѣ съ требованіями нравственности, достигаютъ этого только при помощи метафизической контрабанды, цѣною непослѣдовательности и самообмана, опираясь въ сущности на религіозно-метафизическія посылки, какъ это основательно замѣтилъ одинъ изъ нашихъ русскихъ экономистовъ [1]).

Въ этой непослѣдовательности сознаются, впрочемъ, нѣкоторые изъ самихъ представителей эволюціонизма. Такъ *Эрнестъ Ренанъ*, будучи горячимъ противникомъ христіанства, какъ религіи откровенія, тѣмъ не менѣе сознается, что „за разрушеніемъ вѣрованій въ сверхъестественное послѣдуетъ, по всей вѣроятности,

---

[1]) *Булгаковъ*. Отъ марксизма къ идеализму. Спб. 1901, стр. 15 — 16.

разрушеніе идеалистическихъ вѣрованій. Добродѣтель эпохи скептицизма есть пережитокъ эпохи религіозныхъ вѣрованій. Я самъ въ своей жизни всегда руководился утраченой вѣрой“ [1]).

Другіе изъ наиболѣе убѣжденныхъ приверженцевъ эволюціонизма, признавая невозможнымъ для современной Франціи возвращеніе къ эпохѣ прежняго господства глубокихъ религіозныхъ вѣрованій, поставлены въ необходимость сознаться, что результатомъ ослабленія послѣднихъ является ужасающее возрастаніе деморализаціи во французскомъ обществѣ и потеря всякихъ нравственныхъ устоевъ даже среди наиболѣе интеллигентныхъ представителей его въ этой странѣ [2]).

---

[1]) См. *Bourdeau.* Les maitres de la pensée contemporaine. Paris, Alcan ed. 1904, стр. 67—68. Срвн. стр. 61 и 122.

[2]) См. ниже главу VII-ю.

ГЛАВА VI.

Ученіе эволюціонистовъ въ области нравственной и Нитцше, какъ наиболѣе популярный изъ представителей его.

Съ перваго возникновенія христіанской религіи нравственное совершенствованіе человѣка не отождествлялось съ соціальнымъ прогрессомъ. Рѣзкая грань между ними была проведена еще евангельскимъ изрѣченіемъ: „Воздадите кесарево кесареви, а божіе Богови". Тѣмъ не менѣе, весь ходъ міровой исторіи европейскихъ народовъ показалъ громадное вліяніе нравственныхъ идеаловъ, носимыхъ въ душѣ отдѣльными лицами, на весь ходъ соціальнаго прогресса. Подъ вліяніемъ христіанской этики постепенно въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ измѣнялись и продолжаютъ измѣняться основныя гражданскія и государственныя отношенія — все болѣе обезпечиваются права женщины, дѣтей, отмѣняется прежняя неограниченная власть главы семьи, доходившая до jus vitae ac necі, смягчается и въ концѣ концовъ совсѣмъ устраняется институтъ рабства, обезпечиваются все болѣе права нисшихъ класовъ населенія. Основной нравственной задачей государственной власти поставляется, вмѣсто прежняго господства и тираніи, служеніе общему благу (кто хочетъ быть первымъ,—да будетъ послѣднимъ, да будетъ всѣмъ слуга); пытки, тѣлесныя наказанія и другіе виды глумленія надъ человѣческой личностью исчезаютъ изъ уголовнаго законодательства, и народы начинаютъ мечтать даже о возможности разрѣшенія своихъ несогласій третейскими, международными судами, вмѣсто прежнихъ войнъ, какъ единственнаго способа доказательства своей правоты. Этимъ нравственнымъ перерожденіемъ всего прежняго

уклада общественной жизни культурное человѣчество обязано главнымъ образомъ, хотя и медленному, но неизмѣнному вліянію непереживаемыхъ идеаловъ христіанской нравственности.

Поэтому общественныя науки не въ правѣ относиться равнодушно къ планамъ новѣйшихъ соціальныхъ реформаторовъ устранить дальнѣйшее вліяніе христіанской этики на ходъ развитія человѣческихъ обществъ. Между тѣмъ къ такому устраненію несомнѣнно стремятся многіе изъ этихъ реформаторовъ, открыто выставляющіе на своемъ знамени полный разрывъ съ основными принципами этой этики. Такъ, *Марксъ* прямо заявляетъ, что принципъ христіанской любви и стремленіе къ общему примиренію есть не болѣе, какъ „сентиментальная пѣсня", что изъ общественной жизни надо вычеркнуть всякую этику, основанную на альтруистическихъ побужденіяхъ. Въ Германіи анти-этическое направленіе марксизма было, впрочемъ, одной изъ причинъ паденія его, какъ видно изъ трудовъ *Бернштейна*, *Массарика*, *Вейзенгрюна*, *Мориса Мюрэ* и другихъ [1])

Въ противоположность мнѣніямъ только что цитированныхъ писателей, одинъ изъ преподавателей парижской L'Ecole des hautes études sociales, *Ландри*, въ лекціи, прочитанной недавно о Карлѣ Марксѣ, стремится доказать, что и Марксу не было чуждо поставленіе нравственныхъ идеаловъ, къ которымъ должно стремиться общество. Но своей лекціей онъ только доказалъ слишкомъ слабое знакомство свое какъ съ Марксомъ, такъ и съ Огюстомъ Контомъ, взгляды которыхъ онъ сопоставляетъ въ концѣ своей лекціи. Послѣдняго онъ ставитъ гораздо ниже перваго по знакомству съ человѣческой природой за то, что Контъ проповѣдуетъ будто бы альтруизмъ и игнорируетъ реальнаго человѣка, руководящагося въ своихъ дѣйствіяхъ эгоистическими побужденіями. Утверждая это, Ландри обнаруживаетъ полное не-

---

[1]) *Массарикъ*. Философскія и соціологическія основы Марксизма. Москва, 1900, стр. 442, 445, 451 и др. Weisengrün. Das Ende des Marksismus. Leipzig, 1899, стр. 53, 67 и 78. Русскій переводъ изданъ въ Спб-гѣ въ 1900 г. Переводъ труда *Мюрэ* изданъ тамъ же въ 1902 г. См. стр. 188 — 193.

знаніе „Курса позитивной философіи“ Огюста Конта, такъ какъ въ этомъ курсѣ глава новѣйшихъ позитивистовъ выводитъ самый альтруизмъ изъ личнаго интереса, благодаря которому первый становится болѣе яснымъ, почему онъ основательно признаетъ за личнымъ интересомъ нравственное значеніе [1]).

Марксъ пошелъ въ этомъ отношеніи гораздо дальше О. Конта. Онъ возводитъ безпощадную, классовую, эгоистическую борьбу въ основную задачу человѣческихъ обществъ. Въ этомъ чисто-животномъ стремленіи человѣка, въ этой нравственной разнузданности эгоизма, корыстолюбія и жажды къ господству, которые самъ лекторъ называетъ „*дурными*“ побужденіями, онъ видитъ, страннымъ образомъ, „реальнаго человѣка“. Признаніе Марксомъ этихъ звѣрскихъ инстинктовъ за основные принципы соціальной этики преподаватель Ecole des hautes études sociales считаетъ за усовершенствованіе этики, вмѣняя это въ заслугу Маркса предъ человѣчествомъ и признавая его болѣе достойнымъ имени позитивиста, чѣмъ самъ О. Контъ [2]).

Бо̀льшей путаницы въ понятіяхъ о соціальной этикѣ трудно себѣ представить. Но самое стремленіе Ландри нравственно реабилитировать Карла Маркса показываетъ почти невозможность даже для самыхъ поверхностныхъ изслѣдователей соціальныхъ наукъ обойтись безъ нравственныхъ идеаловъ, освѣщающихъ пути развитія человѣческихъ обществъ. Человѣчество не можетъ жить безъ идеаловъ вѣчной справедливости, красоты и нравственности. Безъ нихъ жизнь становится безцѣльной. Вслѣдствіе потери этихъ идеаловъ или возведенія въ нихъ слишкомъ низменныхъ цѣлей человѣка-звѣря, котораго профессоръ лекціи о Марксѣ едва ли вѣрно называетъ „реальнымъ человѣкомъ“, замѣчаются столь значительные успѣхи въ настоящее время пессимистической философіи. Отсюда развитіе въ интеллигентныхъ классахъ общества taedium vitae, возрастаніе нервныхъ разстройствъ, сумашествій, самоубійствъ и нравственнаго разложенія,

---

[1]) См. выше *A. Comte*, Cours de phil. pos. IV, 392—396, стр. 80.

[2]) См. Etudes sur la philosophie au XIX siècle. Leçons professés au collège libre des sciences sociales. Paris, 1904, p. 168.

идеализированнаго декадентской философіей Нитцше, которая является дальнѣйшимъ развитіемъ эволюціонизма.

Для большей успѣшности борьбы за власть и господство Нитцше освобождаетъ лицъ, выдающихся своими способностями, отъ всякихъ требованій нравственности. Онъ взялся произвести полную переоцѣнку существующихъ понятій о нравственности и въ этой переоцѣнкѣ пришелъ къ заключеніямъ, радикально противоположнымъ господствующей морали. Общее благо, съ его точки зрѣнія,—фикція, жертвовать въ пользу которой собственнымъ *я* — безнравственно. Состраданіе не есть добродѣтель, а скорѣе слабость, рабомъ которой не долженъ быть человѣкъ. Доброта, кротость, миролюбіе — чуть не преступленія, ибо они несовмѣстимы съ борьбой, требующей неумолимой твердости. Всѣ худшіе инстинкты животной природы человѣка, какъ ненависть, гнѣвъ, жестокость, жажда мести, находятъ себѣ оправданіе въ этикѣ Нитцше. Примирить такія низменныя, зоологическія качества людей съ стремленіемъ къ „дальнему", не прибѣгая къ софистикѣ,—мудрено. Да при томъ какъ бы поклонники Нитцше ни идеализировали стремленіе его къ „*дальнему*", вмѣсто христіанской любви къ ближнему, цѣль не можетъ оправдывать безнравственныя средства.

Нельзя сказать, чтобы Нитцше въ образѣ своего сверхчеловѣка идеализировалъ понятіе классической древности о свободномъ гражданинѣ, по самому своему рожденію призванномъ повелѣвать тѣми, которые отъ природы способны быть только рабами. И свободный гражданинъ въ древнемъ мірѣ не считалъ своей личности выше salus Respublicae. Напротивъ, личность тогда черезъ чуръ приносилась въ жертву государства, которое посягало даже на свободу совѣсти. Идея сверхчеловѣка Нитцше есть скорѣе возвращеніе къ первобытному состоянію человѣчества, къ культу героевъ, ставившихъ свою волю выше всякихъ нравственныхъ и общественныхъ законовъ. „Нѣтъ ничего истиннаго. Все позволено", поучаетъ Заратустра. Властвовать надъ всѣми окружающими, надъ ихъ чувствами, понятіями и волей — такова была мечта Нитцше по справедливому замѣчанію *Fierens Gevaert*'а, автора La tristesse contemporaine.

У Нитцше, говоря словами *Паульсена*, „естественный имморалитетъ соединяется съ индивидуалистическо-аристократической тенденціей. Въ отрицаніе нравственности *Нитцше* пошелъ гораздо дальше Маркса, который признаетъ хотя классовый общій интересъ. Нитцше ставитъ выше всего интересъ отдѣльной личности. Къ нравственности онъ относится не индифирентно, какъ Марксъ, но прямо „*ненавидитъ ее*“, какъ замѣчаетъ проф. *Паульсенъ*. Всякая мораль стремится подавить животные инстинкты человѣка, подчинить ихъ разуму. По мнѣнію же Нитцше, это дѣлаетъ человѣка больнымъ и слабымъ, чтобы легче его поработить, почему такую „*рабскую*“, по его выраженію, мораль онъ хочетъ замѣнить аристократической моралью, моралью людей сильныхъ, грозныхъ, жестокихъ, обратить обыкновенныхъ людей въ „сверхчеловѣковъ“. Но всѣ герои и великіе люди вели своихъ братьевъ къ свѣту и жизни. „Поставляетъ ли Нитцше задачей своихъ сверхчеловѣковъ что либо подобное? — спрашиваетъ проф. Паульсенъ. — Нѣтъ! Нитцше ставитъ себя слишкомъ высоко надъ массой, чтобы интересоваться судьбой этихъ ничтожныхъ тварей, существующихъ только для того, чтобы сдѣлать возможнымъ его собственное существованіе. Онъ относится съ презрѣніемъ къ людямъ, возводитъ себя на недосягаемую высоту въ сравненіи съ ними, обожествляетъ самого себя“ [1]).

Но Нитцше есть только знаменіе времени, послѣдній выводъ *естественной* эволюціи человѣческихъ обществъ. Другіе эволюціонисты, хотя и не отвергаютъ также страстно весь существующій нравственный строй жизни культурныхъ обществъ, тѣмъ не менѣе приходятъ въ сущности почти къ тѣмъ же натуралистическимъ выводамъ.

Увлеченіе ученіемъ Дарвина о борьбѣ за существованіе въ мірѣ животныхъ и перенесеніе его всецѣло въ область соціальныхъ отношеній привело нѣкоторыхъ эволюціонистовъ къ заключенію о вредѣ всякаго законодательства и учрежденій, направленныхъ къ защитѣ слабѣйшихъ членовъ общества и о необходимости изгнанія изъ человѣческихъ обществъ чувства состраданія,

---

[1]) *Paulsen*, System der Ethik, Berlin, 1900, т. I, стр. 145—147.

побуждающаго поддерживать безпомощныя существа. „Безспорно, пишетъ *Дюркгеймъ*, что мы содержимъ въ нашихъ больницахъ цѣлую націю кретиновъ, идіотовъ, сумашедшихъ и всякаго рода неизлѣчимыхъ больныхъ, совершенно безполезныхъ; ихъ существованіе поддерживается на счетъ тѣхъ лишеній, которыя возлагаются на здоровыхъ и нормальныхъ рабочихъ. Никакія діалектическія тонкости не могутъ опровергнуть этихъ очевидныхъ фактовъ. Говорятъ, что такіе неизлѣчимые люди составляютъ исключеніе изъ общаго правила; но сколько просто слабыхъ натуръ влачитъ свое существованіе, благодаря той же филантропіи и все это на счетъ здоровья и благосостоянія большинства населенія“. Подобнымъ образомъ другой эволюціонистъ *Спенсеръ* утверждаетъ, что всякая благотворительность, покровительствующая людямъ неспособнымъ, взятымъ въ общей массѣ, задерживаетъ тотъ естественный подборъ, которымъ общество само собою очищается постоянно отъ людей ему ненужныхъ.

Спенсеръ и близкіе къ нему по одностороннимъ взглядамъ на соціологію біологическаго направленія Лиліенфельдъ, Шеффле, Вормсъ допускаютъ существованіе хотя какихъ либо элементовъ, которые смягчаютъ борьбу за существованіе. У Спенсера такимъ началомъ является развивающійся съ ходомъ времени альтруизмъ, у Шеффле и Лиліенфельда—сознательное, руководимое разумомъ приспособленіе отдѣльныхъ лицъ и всего общества къ задачамъ соціальной жизни, у Вормса,—стремленіе государства къ устраненію нарушеній всеобщей солидарности. Но послѣдовательнѣе всѣхъ ихъ проводящій свои взгляды на борьбу за существованіе и естественный подборъ, какъ условіе общественнаго прогресса, эволюціонистъ *Аммонъ* совсѣмъ не принимаетъ во вниманіе никакихъ нравственныхъ соображеній. Онъ прямо заявляетъ, что „слабые физически и менѣе способные люди хотя гибнутъ въ этой борьбѣ, за то люди сильные, даровитые и обладающіе матеріальными средствами выходятъ побѣдителями изъ нея. Этимъ путемъ улучшается человѣческій родъ. Эгоизмъ является въ этомъ случаѣ первымъ условіемъ прогресса. Помня объ этомъ, мы не должны увлекаться чувствами человѣколюбія и не улучшать путемъ общественныхъ реформъ поло-

женія пролетаріевъ, такъ какъ тѣмъ самымъ мы облегчаемъ только размноженіе ихъ, увеличеніе числа всякой посредственности, сѣрой массы и исчезновеніе избранной части общества". Въ своей книгѣ объ „Общественномъ порядкѣ и его естественныхъ основаніяхъ", Аммонъ восторженно отзывается о главѣ аристократическаго индивидуализма философѣ Нитцше [1]).

По ученію же *Клемансъ Руайе* [2]), этого enfant terrible дарвинизма, всякая поддержка людей слабыхъ, больныхъ, а тѣмъ болѣе преступныхъ ведетъ общество къ распространенію ихъ недостатковъ и пороковъ во всемъ обществѣ, къ вырожденію населенія. Французскій же антропологъ *Lapouge* идетъ еще далѣе Аммона и Руайе. Въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Revue international de sociologie, онъ требуетъ истребленія всѣхъ нисшихъ расъ и оставленія одной только самой способной арійской расы, считая такую мѣру главнымъ средствомъ къ улучшенію рода человѣческаго. Въ такого рода ученіяхъ, очевидно, дарвинизмъ подаетъ руку нитщеанизму, который устами своего главы заявляетъ: „О, мои братья, развѣ я жестокъ? Но я говорю вамъ: *что падаетъ, то нужно еще и толкать!*

„Все нынѣшнее—все это падаетъ и погибаетъ; кто хотѣлъ бы удержать его? Но я—*я хочу еще толкать его!*

„Знаете ли вы наслажденіе скатывать камни съ крутыхъ обрывовъ въ глубины? — Это нынѣшніе люди... Смотрите же какъ они катяся въ мои глубины!... Поступайте же по моему примѣру! И *кого* вы не научите летать, того научите—*поскорѣе упасть*". Такимъ образомъ Нитцше признаетъ за сильными не только право, но даже обязанность угнетать и попирать слабыхъ, какъ замѣтилъ одинъ изъ его критиковъ.

Правда, одинъ изъ нашихъ молодыхъ писателей, г. *Франкъ*, цитируя недавно это мѣсто изъ „Заратустра", увѣряетъ, что Нитцше въ приведенныхъ словахъ говоритъ о необходимости ускоренія гибели не людей, а эпохъ и нравственныхъ укладовъ

---

[1]) *Ammon*, Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen, Jena, 1895.

[2]) *Clemence Royer*, Origine de l'homme et des sociétés.

жизни [1]), такъ какъ въ текстѣ употреблено слово *что* падаетъ, а не *кто*. Но тамъ встрѣчается и то и другое слово и прямо говорится о нынѣшнихъ *людяхъ*. Есть ли надобность въ такого рода натянутыхъ оправданіяхъ Нитцше, когда истинный смыслъ его словъ слишкомъ ясенъ и логически вытекаетъ изъ всего его ученія о „*любви къ дальнему*". Онъ является въ томъ случаѣ не болѣе, какъ строго послѣдовательнымъ эволюціонистическимъ взглядамъ, развитымъ болѣе ясно Аммономъ, Клемансъ Руайе и другими.

Стремленіе нашихъ молодыхъ представителей идеализма придать чисто дарвинистическому ученію Нитцше идеальный характеръ пробивается и въ другихъ статьяхъ того же изданія о „Проблемахъ идеализма", въ которомъ помѣщена статья г. Франка. Это стремленіе является рѣзкимъ диссонансомъ въ хорѣ свѣжихъ, чистыхъ голосовъ, желающихъ оторвать своихъ слушателей отъ будничной дѣйствительности и увлечь въ высь идеаловъ вѣчной правды, нравственности и красоты. Такой диссонансъ не могъ не обратить на себя вниманія даже самыхъ апологетовъ Нитцше. Такъ г. *Бердяевъ* хотя и заявляетъ, что „въ его взглядахъ оказывается много точекъ соприкосновенія съ Нитцше", въ сущности сводитъ все это соприкосновеніе къ очень немногимъ пунктамъ. Первымъ изъ нихъ служитъ восторженный, страстный призывъ одряхлѣвшаго поколѣнія къ освободительной борьбѣ за „естественное право" безконечнаго развитія, требованіе, чтобы человѣкъ не угашалъ своего духа, не уступалъ своего права на образъ и подобіе Божества ни за какія блага міра: „Абсолютное должное, о которомъ говоритъ спиритуалистъ, есть призывъ, выражаясь словами г. Бердяева, къ вѣчной борьбѣ съ существующимъ во имя все высшихъ и высшихъ формъ жизни, не позволяющій ни на чемъ успокоиться" [2]).

Несомнѣнно, призыву къ энергической борьбѣ людей и обществъ со всякимъ нравственнымъ зломъ нельзя не сочувство-

---

[1]) *Франкъ*, Нитцше и этика „любви къ дальнему", въ „Проблемахъ идеализма", стр. 158.

[2]) *Бердяевъ*, Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма, стр. 122, 135, 136 и 119.

вать. Но можно ли его отождествлять съ призывомъ Нитцше, ищущимъ идеаловъ нравственнаго и соціальнаго совершенства не въ настоящихъ или будущихъ условіяхъ жизни, открывающихъ все бо́льшей массѣ населенія возможность этого совершенствованія, а въ слишкомъ отдаленномъ прошломъ, когда, говоря словами *Ренана*, „весь прогрессъ человѣчества осуществлялся аристократіей, имѣвшей подъ собою всеобщее униженіе народныхъ массъ". Къ такому прогрессу призываютъ современныя общества Нитцше и Ренанъ. „Назначеніе человѣка, пишетъ послѣдній, не заключается въ томъ, чтобы быть счастливымъ; оно не заключается даже и въ томъ, чтобы быть просто честнымъ; но состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть благородства и превзойти обыденность (vulgarité), въ которой влачитъ свое существованіе большая часть людей. При томъ порядкѣ вещей (демократическомъ), который возводятъ въ идеалъ писатели, подобные извѣстному аболиціонисту *Чаннингу* [1]), геніальность была бы невозможна, возвышенное искусство безполезно... Что значитъ вся Америка сравнительно съ однимъ лучомъ той безконечной славы, ореоломъ которой окруженъ въ Италіи второстепенный и даже третьестепенный городъ, какъ Флоренція, Пиза, Сіенна, Перуджія!... Успѣхи цивилизаціи происходятъ обыкновенно въ обратномъ отношеніи къ числу лицъ, участвующихъ въ ней" [2]). Подобнымъ образомъ и Фридрихъ Нитцше нашелъ, что въ мірѣ стало меньше истинной добродѣтели, меньше героическаго величія и меньше красоты съ тѣхъ поръ, какъ распространилось матеріальное благосостояніе и съ тѣхъ поръ, какъ души сдѣлались болѣе мягкими [3]). Такимъ образомъ не подле-

---

[1]) Подробную характеристику взглядовъ *Чаннинга* см. въ моемъ сочиненіи „Аболиціонизмъ и аболиціонисты" Спб., 1861, въ главѣ IV-й.

[2]) См. статью *Эрнеста Ренана* въ Revue des Deux Mondes за 1854 г., томъ IX, стр. 1102 и 1104. Критическая оцѣнка этой статьи и опроверженіе основныхъ положеній ея сдѣланы мною въ книгѣ о „Новѣйшихъ теоріяхъ полицейскаго государства". Варшава, 1871, стр. 245—250.

[3]) См. цитированный уже трудъ *Мориса Мюрэ*, Спб., 1902, с. 197.

житъ сомнѣнію, что главы философіи аристократическаго индивидуализма, какими являются Ренанъ и Нитцше, которымъ расточается столько похвалъ въ „Проблемахъ идеализма“, зовутъ современное человѣчество не впередъ, *а все назадъ и назадъ* къ тому пережитому уже человѣчествомъ общественному состоянію, въ которомъ высокій уровень развитія наукъ и искусствъ окупался слишкомъ дорогой цѣной униженія и эксплоатаціи народныхъ массъ. По справедливому замѣчанію проф. *Люд. Штейна*, Нитцше хотя и мечтаетъ о свободѣ, какъ цѣли культурнаго развитія, но не всѣхъ людей, а только о ничѣмъ не стѣсняемой свободѣ своего сверхчеловѣка, объ анархическомъ произволѣ отдѣльной личности. Нитцше сожалѣетъ, что изъ европейскихъ рабочихъ нельзя выработать китайскаго типа. „Если хотятъ рабовъ, заявляетъ онъ въ своемъ Gotzendämmerung, то нужно быть дуракомъ, чтобы воспитывать ихъ господами. О соціалистахъ же Нитцше въ своемъ сочиненіи Jenseits von Gut und Böse отзывается почти съ презрѣніемъ, какъ о „мечтателяхъ братства и свободнаго общества“. На сколько ихъ доктрина льститъ демократическимъ инстинктамъ, на столько нитцщеанство имъ противорѣчитъ, по замѣчанію Мюрэ. Эти демократическія тенденціи находятся въ слишкомъ рѣзкомъ контрастѣ съ его аристократическо-анархистскимъ индивидуализмомъ, какъ указываетъ и Люд. *Штейнъ* [1]). Философія Нитцше является послѣднимъ словомъ ученія натуралистической эволюціи въ примѣненіи къ жизни человѣческихъ обществъ. Далѣе этой философіи трудно уже идти въ выводахъ изъ идеи эволюціи. На мѣсто кантовской „автономіи разума“ Нитцше поставилъ „автономію произвола“, какъ справедливо замѣтилъ проф. *Виндельбандъ*.

---

[1]) См. *Людвигъ Штейнъ*, Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія. Москва, 1899, стр. 466. Этому же профессору бернскаго университета принадлежитъ спеціальное изслѣдованіе о Нитцше подъ заглавіемъ: Nitzsche's Weltanschaung und ihren Gefahren. О немъ же писали *Тённіесъ*, Nitzsche-Cultus, *Дюбокъ* Anti-Nitzsche, *Gallwitz*, въ Männer der Zeit. Bd. IV за 1898 г. и въ Preus. Jahrb. за 1896 г.

Въ виду всего этого приглашать кого либо идти подъ знаменемъ Нитцше есть одно изъ величайшихъ недоразумѣній, по моему мнѣнію.

Тѣмъ не менѣе, восторженный призывъ нашихъ молодыхъ философовъ-идеалистовъ къ нравственному возрожденію общества остается самъ по себѣ въ высшей степени отраднымъ и симпатичнымъ. Но его слѣдовало бы соединить съ именемъ болѣе высокимъи болѣе чистымъ. Есть имя чище снѣга заоблачныхъ высотъ и свѣтлѣе небесной лазури. Есть другой боевой кличь къ борьбѣ со всякимъ нравственнымъ и общественнымъ зломъ за неприкосновенность правъ человѣческой личности. Онъ раздался 2000 лѣтъ тому назадъ, но до сихъ поръ звучитъ въ сердцахъ людей и зоветъ ихъ къ безконечному, какъ личному нравственному совершенствованію, такъ и соціальному прогрессу. Онъ требуетъ отъ всѣхъ и каждаго борьбы со зломъ, открытой, смѣлой и беззавѣтной, для которой въ случаѣ необходимости должно покинуть все, что дорого человѣку на землѣ, чтобы идти вслѣдъ Того, кто произнесъ этотъ боевой кличь. Развѣ въ немъ не выражается таже любовь къ дальнему, дѣлающая изъ всей этой жизни какъ бы предверіе и подготовку къ будущей! Вождемъ этой безпощадной борьбы со зломъ ясно намѣчены цѣли, къ которымъ должно стремиться какъ каждое отдѣльное лицо, такъ и все человѣчество въ своемъ развитіи, цѣли на столько возвышенныя, что къ нимъ можно сколько нибудь приблизиться, но достигнуть которыхъ невозможно, такъ какъ это идеалы, выражаясь прекрасными словами г. Бердяева, „хотя и для міра сего, но не отъ міра сего“.

Пріятно видѣть, что при всемъ своемъ желаніи найти какія либо точки соприкосновенія съ этими идеалами въ ученіи Нитцше, г. Бердяевъ поставленъ въ необходимость сознаться въ безплодности своихъ усилій. „Нитцше сбивается, пишетъ онъ, на біологическое пониманіе сверхчеловѣка и къ его возвышенному (?!) идеалу *прилипаетъ земная грязь*, грязь эксплоатаціи человѣка человѣкомъ... Звѣрское отношеніе сверхчеловѣка къ человѣку, основанное на дарвиновской борьбѣ за существованіе и подборѣ, было бы только рабскимъ слѣдованіемъ естественной необходимости

и свело бы насъ съ верховъ этики въ низы зоологіи. То *я*, за которое Нитцше предпринялъ титаническую борьбу, можетъ оказаться самымъ обыкновеннымъ, эмпирическимъ фактомъ со всѣмъ своимъ безобразіемъ. Этого *я* нѣтъ въ узкихъ предѣлахъ позитивно-біологическаго пониманія жизни. Въ нѣкоторыхъ своихъ положительныхъ построеніяхъ, *на которыхъ лежитъ печать иммoрализаціи и жестокости*, Нитцше сбивается на натуралистическій эволюціонизмъ и даже гедонизмъ. Если признать только чувственную природу человѣка, то объ этическомъ индивидуализмѣ не можетъ быть и рѣчи". Г. Бердяевъ вполнѣ основательно противополагаетъ морали Нитцше—мораль христіанскую, центральной идеей которой служитъ идея абсолютной цѣнности человѣка, какъ образа и подобія Божія [1]).

Другой изъ защитниковъ Нитцше, г. *Жуковскій*, помѣстившій въ тѣхъ же „Проблемахъ идеализма" свою статью „О моральномъ творчествѣ", ищетъ точно также безъ особой надобности у Нитцше поддержки своихъ вполнѣ правильныхъ указаній несостоятельности ученія Э. Канта о нравственномъ долгѣ [2]), по которому идеаломъ нравственнаго совершенства является человѣкъ, ненавидящій своихъ ближнихъ и тѣмъ не менѣе протягивающій имъ руку помощи во имя категорическаго императива нравственности. Несостоятельность такого ученія Канта была давно уже доказана простымъ противопоставленіемъ его христіанскому ученію о нравственности, по которому можно обладать чуть не сверхъестественной мудростью и самоотверженіемъ, доходящимъ не только до пожертвованія всего своего имущества въ пользу страждущей братіи, но даже до отдачи своего тѣла на растерзаніе для блага ближнихъ, и тѣмъ не менѣе, безъ любви къ нимъ, остаться „мѣдью звенящей и кимваломъ бряцающимъ" (Ап. Павелъ) безъ вмѣненія этихъ актовъ самопожертвованія въ нравственную заслугу. Съ этой точки зрѣнія несостоятельность ученія Канта о нравственномъ долгѣ давно уже

---

[1]) *Бердяевъ*, Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма, стр 122—126.

[2]) *Жуковскій*, О моральномъ творчествѣ, стр. 509.

была выяснена *Ротомъ* въ его „Этикѣ“ [1]). Мною были намѣчены неправильныя основанія метафизическаго ученія о нравственности Канта съ точки зрѣнія психической природы человѣка и идеи цѣлесообразности еще въ трудѣ „Государство, общество и право“ и позднѣе въ „Политической Экономіи въ новѣйшихъ направленіяхъ“ [2]).

Какъ на третій, самый важный пунктъ своего соприкосновенія съ философіей Нитцше наши идеалисты указываютъ на вопросъ о моральномъ творчествѣ. Но что надо подъ нимъ понимать? Если примѣненіе къ конкретнымъ условіямъ жизни общихъ принциповъ морали, сознательно усвоенныхъ, то въ этомъ смыслѣ каждый человѣкъ несомнѣнно является творцомъ своей нравственности. По отношенію къ каждому данному жизненному случаю, онъ долженъ рѣшать вполнѣ самостоятельно, какъ ему надо поступать, такъ какъ никакой нравственный кодексъ не въ состояніи предусмотрѣть всего разнообразія жизненныхъ отношеній, въ которыя бываетъ поставлено каждое отдѣльное лицо. Но дальше этого подведенія своихъ поступковъ подъ данный нравственный кодексъ должно ли идти индивидуальное моральное творчество? Самымъ прочнымъ, незыблимымъ основаніемъ морали служитъ религія. Она даетъ намъ понятіе о должномъ, выводимое не изъ одного только отвлеченнаго мышленія, но изъ всей сущности человѣческой природы и ея отношеній къ вѣчному нравственному закону, начертанному въ сердцахъ человѣческихъ. „Только религія, по справедливому замѣчанію *Булгакова*, установляетъ связь между умомъ и сердцемъ человѣка, между его мнѣніями и его поступками. Человѣкъ, который жилъ бы безъ всякой религіи за личный страхъ и счетъ своего маленькаго *я*, былъ бы отвратительнымъ уродомъ. Основныя положенія религіи являются вмѣстѣ съ тѣмъ и конеч-

---

[1]) *Roth*, Theologische Ethik въ 4-хъ томахъ. Wittenberg, 1870.

[2]) Первое сочиненіе издано еще въ 1870 году въ Москвѣ, второе въ 1900 году въ Варшавѣ. См. Предисловіе къ 1-му труду и стр. 42—44 моей „Политической Экономіи“, а также отчасти мою брошюру о „Возрожденіи нашихъ университетовъ“. Варшава, 1901, стр. 9—10.

нымъ выводомъ метафизики, получившими слѣдовательно свое оправданіе предъ разумомъ“ [1]). Но можно ли въ такого рода взглядахъ на значеніе религіи видѣть пунктъ соприкосновенія съ чисто индивидуалистической философіей Нитцше, требующей отъ своихъ сверхчеловѣковъ отреченія отъ всякихъ сложившихся уже понятій нравственности и созданія ихъ каждымъ отдѣльнымъ лицомъ самостоятельно? Трудно найти въ этомъ случаѣ какое либо соприкосновеніе.

Да даже и Нитцше, возводящій въ рабы, достойные презрѣнія, всѣхъ, кто не идетъ къ совершенствованію по пути, рекомендуемому имъ, самъ блестящимъ образомъ опровергаетъ себя, указывая „что огромная масса людей, къ которой принадлежатъ *самые даровитые мужчины и благороднѣйшія женщины*, не находитъ презрѣннымъ вѣрить тому или другому и жить согласно этому, не давая себѣ труда добыть такія основанія хотя заднимъ числомъ“.

Исходя изъ идеи борьбы за существованіе, Нитцше естественно защищаетъ необходимость субъективнаго моральнаго творчества для своихъ сверхчеловѣковъ. Онъ требуетъ отъ нихъ полной переоцѣнки всѣхъ общепринятыхъ нравственныхъ понятій, давая тѣмъ самымъ возможность не стѣсняться въ борьбѣ никакими требованіями нравственнаго долга, не брезгать никакими средствами для достиженія побѣды. Поэтому онъ ополчается противъ всего, что суживаетъ, ограничиваетъ или смягчаетъ эту борьбу.

Но такое понятіе о сверхчеловѣкѣ не есть ли возвращеніе къ первобытному состоянію людей, которыхъ сама природа поставила въ необходимость добывать всѣ знанія и нравственныя понятія самостоятельно, исключительно личными усиліями? Что ставитъ неизмѣримо высоко культурныхъ людей надъ дикарями, что рѣзко выдѣляетъ человѣка вообще изъ міра всѣхъ животныхъ, какъ не та пріемственность знаній и нравственныхъ понятій отъ поколѣнія къ поколѣнію съ дальнѣйшимъ развитіемъ ихъ, какую принято въ политической экономіи называть

---

[1]) *Булгаковъ*, Основныя проблемы теоріи прогресса, стр. 51.

раздѣленіемъ труда во времени! Этотъ видъ раздѣленія занятій соединяетъ настоящія поколѣнія съ прошедшими и будущими въ живой организмъ, въ которомъ люди, отдѣленные другъ отъ друга цѣлыми вѣками и тысячелѣтіями, не смотря на то, чувствуютъ живую солидарность между собою во всѣхъ своихъ какъ экономическихъ, такъ умственныхъ и нравственныхъ успѣхахъ [1]). Поэтому никому въ голову не приходитъ требовать, чтобы человѣкъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія знаній вмѣсто того, чтобы воспользоваться богатымъ наслѣдіемъ, завѣщаннымъ ему всѣмъ предшествующимъ развитіемъ человѣчества, начиналъ выработывать эти знанія собственными, личными усиліями ab ovo и считалъ бы несогласнымъ съ своимъ достоинствомъ брать готовыя уже знанія отъ другихъ. Между тѣмъ, когда заходитъ рѣчь объ усвоеніи нравственныхъ понятій, нѣкоторые, вмѣстѣ съ Нитцше, вмѣняютъ каждому человѣку въ обязанность добывать все содержаніе своихъ идей должнаго вполнѣ самостоятельно, путемъ индивидуальнаго моральнаго творчества. Если бы дѣйствительно пріобрѣтеніе понятій о нравственномъ долгѣ такимъ путемъ было безусловно необходимо для каждаго, желающаго именоваться свободнымъ нравственно, то въ такомъ случаѣ необходимо требовать такого же пріобрѣтенія и знаній путемъ единичныхъ усилій отъ каждаго, желающаго не быть рабомъ въ умственномъ отношеніи.

Нравственныя и научныя понятія очень близки между собою, составляютъ двѣ стороны одного и того же духовнаго міра въ человѣкѣ. Въ смыслѣ формулъ нравственнаго закона и научной истины онѣ развиваются вѣками, оказывая взаимное вліяніе другъ на друга. Для успѣховъ нравственности необходимо умственное развитіе, безъ котораго даже самыя элементарныя понятія о должномъ будутъ недоступны людямъ. Точно также для успѣховъ человѣческихъ знаній въ области соціальныхъ отношеній, необходимо нравственное развитіе, ибо эти отношенія ос-

---

[1]) См. мое изслѣдованіе „Объ отношеніи новѣйшихъ теорій полицейскаго государства къ закону раздѣленія труда, какъ основанія общественнаго организма“. Варшава, 1872, главу 1-ю.

нованы главнымъ образомъ на принципахъ морали. Поэтому, какъ отказъ отъ воспринятія готовыхъ знаній у предшествующихъ поколѣній равносиленъ возвращенію людей къ ихъ первобытному, некультурному состоянію, такъ и отказъ отъ воспринятія сокровищъ нравственнаго наслѣдія, передаваемыхъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, есть такое же возвращеніе къ первобытному состоянію дикарей, но никакъ не пріобрѣтеніе нравственной свободы, какъ увѣряютъ индивидуалисты и эволюціонисты. Отказъ отъ усвоенія готовыхъ научныхъ знаній, которыя завоевывало человѣчество путемъ столькихъ усилій, дѣлаетъ человѣка рабомъ внѣшней природы. Отказъ отъ готовыхъ этическихъ понятій, которыми жило человѣчество въ теченіе столькихъ вѣковъ, совершенствуясь въ нравственномъ отношеніи, дѣлаетъ его рабомъ своей собственной животной натуры, своихъ страстей и звѣрскихъ инстинктовъ, возвращаетъ его къ полуживотному состоянію, достойному только презрѣнія въ глазахъ людей культурныхъ.

Изъ этого близкаго соотношенія между умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ людей вытекаетъ необходимость для нихъ не творческаго „*созиданія*“ личными усиліями научныхъ знаній и принциповъ морали, а только сознательнаго *усвоенія* первыхъ собственнымъ умомъ каждаго, а вторыхъ, кромѣ того, „всѣмъ сердцемъ, всей душою и всею мыслею своею“. Усвоенныя знанія человѣкъ можетъ развивать далѣе и сообщать другимъ. Воспринятый же имъ законъ нравственный, какъ абсолютный, хотя самъ по себѣ не подлежитъ эволюціи, но можетъ развиваться до безконечности въ душѣ каждаго человѣка, дѣлая его храмомъ Бога Живаго (Отъ Іоанна, глава XIV, 23). Онъ можетъ не только свѣтить въ немъ немерцающимъ свѣтомъ, но и зажигать пламень вѣры въ другихъ. Ни о какомъ индивидуальномъ моральномъ творчествѣ въ смыслѣ созиданія нравственнаго закона каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ не можетъ быть рѣчи, а можно говорить только о воспріятіи того великаго завѣта любви и милосердія, который данъ былъ столько вѣковъ тому назадъ словами: „Идите, проповѣдуйте всему міру. Кто будетъ вѣровать—спасенъ будетъ, а кто не будетъ вѣровать—осужденъ

будетъ“, ибо безъ воспріятія этого завѣта человѣкъ недостоенъ носить названіе человѣка.

Благодаря развитію закона любви и милосердія въ людяхъ, христіанская религія была всегда великой созидательной общественной силой, нравственно объединяющей людей, устраняющей между ними рознь, вражду, ненависть, зависть, дѣлающей изъ нихъ одну великую семью, незнающую „ни эллиновъ, ни іудеевъ, ни рабовъ, ни свободныхъ, ни мужчинъ, ни женщинъ“. Благодаря ей, люди сдѣлались способными чувствовать себя членами этой семьи, жертвовать другъ для друга своими исключительными интересами, относиться снисходительно къ взаимнымъ недостаткамъ, поддерживать своихъ слабыхъ и безпомощныхъ членовъ. Это представляетъ рѣзкій контрастъ дарвиновской и гегелевской идеѣ общества, какъ аггрегата отдѣльныхъ лицъ, находящихся въ вѣчной борьбѣ между собою, добивающихся собственнаго счастія на счетъ несчастія другъ друга.

Не только христіанская, но и всякая религія служитъ къ нравственному объединенію людей въ большей или меньшей степени. „Что бы ни говорили индивидуалисты о возможности и необходимости созданія нравственно-религіознаго идеала каждымъ отдѣльнымъ лицомъ, въ дѣйствительности во всей всемірной исторіи мы не знаемъ, справедливо замѣчаетъ Брюнетьеръ, ни одной религіи, которая не побуждала бы людей къ объединенію. Всѣ религіи собираютъ, группируютъ, соединяютъ ихъ въ общемъ понятіи о Божествѣ. Никто не знаетъ религіознаго культа отдѣльнаго лица. Индивидуальной религіи не существуетъ. Можно говорить о ней только извращая смыслъ самого слова религія. Всякое религіозное вѣроисповѣданіе есть единеніе, общеніе, церковь. Главный характеръ религіи выражается въ коллективности вѣрованія“. То же доказываетъ О. Контъ, по мнѣнію котораго всѣ религіи сходны между собою въ томъ, что онѣ являются ученіемъ объ общеніи, въ своемъ родѣ соціологіями.

Индивидуалисты, вмѣняющіе каждому въ обязанность выводить нравственный законъ изъ своей собственной души, а не брать его готовымъ у кого бы то ни было, впадаютъ въ прямое противорѣчіе съ самими собою, когда стремятся свои инди-

видуальныя воззрѣнія на нравственность и религію распространять urbi et orbi. Вмѣсто того, чтобы держать ихъ только для собственнаго, личнаго обихода, они стремятся навязать свои мнѣнія всѣмъ и каждому, колеблютъ наивно дѣтскую, глубокую, чистую вѣру простыхъ людей. Это тѣмъ страннѣе, что люди, производящіе переоцѣнку всѣхъ нравственно-религіозныхъ цѣнностей не имѣютъ основаній утверждать, чтобы такая вѣра препятствовала общественному прогрессу. Напротивъ, она болѣе всего содѣйствуетъ ему, ибо развиваетъ въ людяхъ такія нравственныя качества, отъ которыхъ зависитъ этотъ прогрессъ. Но и при самомъ высокомъ уровнѣ общественнаго развитія, жизнь сама по себѣ, по мнѣнію тѣхъ же таксаторовъ благъ ея, остается больше бременемъ, чѣмъ наслажденіемъ и получаетъ смыслъ только при освѣщеніи ея идеалами міра трансцендентальнаго, которые стоятъ внѣ области позитивныхъ знаній. Нѣкоторые изъ переоцѣнщиковъ жизненныхъ благъ, стремящіеся однимъ отвлеченнымъ мышленіемъ разгадать загадку жизни, мятутся въ мучительномъ безсиліи и проклинаютъ, говоря словами Ренана, тотъ день, въ который они родились для мысли. Но при такомъ сознаніи своего безсилія отдернуть занавѣсъ, отдѣляющій этотъ міръ отъ міра невидимаго, они не имѣютъ никакого права блужданія по дебрямъ своей мятущейся въ недоумѣніяхъ души навязывать другимъ въ качествѣ результата своихъ безуспѣшныхъ поисковъ абсолютнаго и отнимать у людей драгоцѣннѣйшее благо жизни. Развѣ въ этомъ не выражается неуваженіе къ человѣческой личности, пренебреженіе къ счастію другихъ, посягательство на чужую совѣсть, что находится въ открытомъ противорѣчіи съ культомъ личности. Отнимать у людей вѣчно живой путь къ жизни, какимъ является вѣра въ Божественнаго Основателя христіанской церкви, лучь свѣта надежды на лучшій міръ и сдѣлать изъ нихъ гражданъ только этого міра, руководящихся наукой, безсильной въ разрѣшеніи самыхъ мучительныхъ вопросовъ человѣческаго существованія, можно ли признать дѣломъ гуманнымъ?

Нетерпимость къ чужимъ вѣрованіямъ доходитъ у нѣкоторыхъ индивидуалистовъ даже до требованія воспрещенія всякаго

миссіонерства и проповѣди, всякаго управленія чужой мыслью и совѣстью, но съ предоставленіемъ имъ самимъ „сѣять жизнь вокругъ себя, распространять свои идеи на всѣ четыре стороны свѣта“, какъ этого требуетъ напр. *Guyau* и его послѣдователи, понимая подъ жизнью такую, какая не можетъ удовлетворить нравственнаго чувства большинства людей.

Такая непослѣдовательность индивидуалистовъ доказываетъ только, что въ сущности индивидуальныхъ религій не существуетъ, или что онѣ являются не болѣе, какъ аномаліей, идущей въ разрѣзъ съ элементарными естественными законами общественной жизни. Человѣкъ, какъ существо общежительное (ξῶον πολιτικον), не можетъ мыслить и чувствовать въ одиночку. Это противорѣчитъ его природѣ и природѣ человѣческаго общества, которому онъ обязанъ возможностью достигать всесторонняго развитія своихъ силъ и способностей, слѣдовательно осуществленіемъ своего назначенія. Какъ научная, такъ и нравственная истина не знаетъ не только индивидуальныхъ, но никакихъ ограниченій. Она, говоря образными словами одного изъ французскихъ историковъ, „перелетаетъ моря и заставляетъ вездѣ себя принять и признать“. Не безъ основанія непризнаніе истины считается христіанской религіей величайшимъ изъ преступленій, неразрѣшимымъ ни въ этой, ни въ будущей жизни—преступленіемъ противъ Духа Святого. Если все это вѣрно, то моральное творчество, возводимое на степень перваго долга каждаго человѣка, есть фикція, но фикція влекущая крайне печальныя послѣдствія для всей общественной жизни.

„Индивидуальный разумъ“, развивавшійся послѣдовательно протестантизмомъ, деизмомъ и скептицизмомъ „дехристіанизировалъ“, говоря словами академика Брюнетьера, религіозную мысль хотя и медленно, но постоянно въ теченіе послѣднихъ 300—400 лѣтъ. Въ исторіи протестантской церкви отъ Лютера до Сосена индивидуальный разумъ противополагалъ „Символамъ вѣры“ и „Исповѣданіямъ“ свою независимость и врожденную автономію. Деизмъ, какъ дальнѣйшее развитіе протестантизма, сдѣлалъ отчаянную попытку объединить вѣрующихъ, хотя въ минимальныхъ требованіяхъ вѣры, считая ихъ необходимыми для общественной

жизни. Онъ предоставилъ людямъ полную свободу, лишь бы они вѣрили въ „Бога вознаграждающаго и карающаго“, чтобы, какъ выразился Вольтеръ, „не перерѣзала насъ наша прислуга, если она еще будетъ у насъ“. „Деизмъ это не религія, говоритъ Брюнетьеръ, а скорѣе одно изъ средствъ общественной безопасности; онъ былъ временнымъ ограниченіемъ правъ „индивидуальнаго разума“. Наконецъ скептицизмъ, чувствуя свое безсиліе обезпечить людямъ даже и этотъ minimum вѣрованій, окончательно освободилъ „индивидуальный разумъ“ даже отъ малѣйшихъ упрековъ совѣсти въ признаніи за собою верховной власти. Всѣ и каждый въ отдѣльности сдѣлались съ этихъ поръ мѣрой всѣхъ вещей, стали сами создавать себѣ всякую истину, въ которую вѣрятъ, какъ и красоту, которую любятъ. Ни за кѣмъ не стало признаваться болѣе права выставлять ни свою истину, какъ общую для всѣхъ, ни какой бы то ни было нравственный принципъ, какъ общее правило для поведенія всѣхъ. Наступило торжество субъективизма. Но общество не можетъ не чувствовать, что ему самому грозитъ такое же распаденіе, какое постигло тѣ общія доктрины, которыя служили ему основаніемъ и поддержкой. Еще О. Контъ выставлялъ постепенное развитіе протестантизма, деизма и скептицизма, какъ болѣзнь западнаго человѣчества, состоящую въ постоянномъ возстаніи индивидуальнаго разума противъ всей предшествующей жизни человѣчества. Въ Америкѣ тотъ же взглядъ былъ высказанъ *Юеромъ*, у насъ *И. Кирѣевскимъ*.

Указывая, что изъ всѣхъ культовъ, когда либо существовавшихъ, христіанская религія имѣетъ наиболѣе соціальный характеръ, Брюнетьеръ удивляется, что О. Контъ „не обратился къ ней, не усвоилъ ея, не приспособился къ ней, не проникнулся ею всецѣло“ [1]). Но Брюнетьеръ не выясняетъ достаточно такой непослѣдовательности главы новѣйшаго позитивизма. Такой причиной, несомнѣнно, является совершенно неправильное перенесеніе О. Контомъ изъ міра физической природы въ міръ нравственный идеи эволюціи. Контъ вполнѣ правильно оцѣнилъ

---

[1]) *Brunetière*, La religion comme sociologie въ Revue des Deux Mondes отъ 15 февраля 1903 г., стр. 867.

великое значеніе христіанства въ первые вѣка его въ дѣлѣ нравственно-соціальнаго прогресса человѣчества [1]), но, примѣнивъ къ нему узкую мѣрку законовъ развитія физическаго міра, не могъ понять его сущности и великой нравственной, созидательной силы. По мнѣнію Конта, все въ мірѣ подлежитъ постоянному измѣненію, которое является эволюціоннымъ закономъ всего существующаго. А такъ какъ, въ противоположность этому, догмы христіанской религіи неизмѣнны, постоянны, то поэтому ученіе христіанства становится въ его глазахъ въ разрѣзъ съ законами прогресса. Но примѣнять къ оцѣнкѣ абсолютнаго закона нравственно разумныхъ и потому свободныхъ явленій мѣрку явленій физической необходимости—значитъ отождествлять предметы совершенно различной сущности. Нравственный законъ, будучи абсолютнымъ, конечно, неизмѣненъ. Тѣмъ не менѣе онъ остается путеводной звѣздой для безконечнаго развитія человѣчества, непереживаемымъ идеаломъ, къ которому оно можетъ приближаться, но не въ силахъ никогда достигнуть. Возможность большаго или меньшаго приближенія къ этому идеалу обусловливается не механической или органической эволюціей слѣпыхъ силъ, дѣйствующихъ въ исторіи человѣчества, а степенью воплощенія нравственнаго закона въ совѣсти отдѣльныхъ лицъ и всего общества. У народовъ, воспринявшихъ христіанское ученіе, человѣческая совѣсть служитъ не отраженіемъ этихъ нравовъ, законовъ и учрежденій, какъ увѣряютъ эволюціонисты, не исключая и проф. Паульсена, но, наоборотъ, эти нравы, законы и учрежденія являются отраженіемъ принциповъ христіанской морали. Нравственный законъ, передаваемый христіанской религіей, не эволируетъ, но инволируетъ во всей общественной жизни, двигаетъ ее впередъ по пути безконечнаго нравственнаго совершенствованія. Для успѣховъ этой инволюціи необходимо умственное развитіе общества, дающее ему возможность почерпать изъ непереживаемыхъ идеаловъ христіанской нравственности живую воду къ своему возрожденію и обновленію. Христіанская религія требуетъ, чтобы люди не были „несмысленными серд-

---

[1]) См. *Aug. Comte*, Cours de philosophie positive, IV, 170.

цемъ", но „вѣдали, что творятъ". Знаніе необходимо для цѣлесообразнаго примѣненія принциповъ христіанской нравственности, почему отъ „сыновъ свѣта" требуется практическая „мудрость сыновъ міра сего". Самое пониманіе христіанскаго ученія не легко дается людямъ, стоящимъ слишкомъ низко по своему умственнному развитію. Неудивительно поэтому, что варвары, разрушившіе Западную римскую имперію, восприняли христіанскую религію чисто внѣшнимъ образомъ, что въ эпоху средневѣковаго мрака могла возникнуть инквизиція, попиравшая основные принципы гуманнѣйшей изъ религій, думая служить имъ.

Въ заключеніе этой главы нельзя не выразить удивленія, что въ своихъ увлеченіяхъ модной философіей Нитцше у насъ могли сойтись писатели двухъ радикально противоположныхъ направленій—идеалисты и матеріалисты. Составляетъ ли это особенность представителей русской мысли, или тоже можно встрѣтить и у нѣкоторыхъ изъ западноевропейскихъ мыслителей? Въ видѣ примѣра можно указать на извѣстнаго представителя германской философіи *Риля* и французскаго соціолога *Паланта*. Перваго изъ нихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя отнести къ числу приверженцевъ эволюціи въ нравственно-соціальномъ мірѣ, какъ ее понимаютъ матеріалисты. Прогрессъ человѣческихъ обществъ онъ ставитъ въ зависимость главнымъ образомъ отъ идеальныхъ задачъ, преслѣдуемыхъ ими. Безъ этихъ нравственныхъ цѣнностей весь нашъ жизненный путь былъ бы лишенъ компаса, говоритъ Риль, и даже звѣзды не освѣщали бы его. Позитивизмъ, путь опыта, вполнѣ на своемъ мѣстѣ въ научномъ изслѣдованіи; но тамъ, гдѣ мудрость жизни, которая есть не наука, а искусство, открываетъ волѣ новыя цѣли, весь накопленный до сихъ поръ опытъ не имѣетъ рѣшающаго значенія. Умножать знанія, не развивая воли, не возвышая характера, можетъ оказаться даже вреднымъ, унижающимъ культуру Риль поэтому не можетъ не сочувствовать Нитцше, который болѣе всего говоритъ о необходимости развитія въ наше слабое волей время того, что дѣлаетъ человѣка сильнѣе, что накопляетъ энергію въ осуществленіи нравственныхъ принциповъ, что дѣлаетъ людей властными и могущественными. Но этимъ, повидимому,

и ограничиваются симпатіи Риля къ Нитцше. Въ противоположность нравственному нигилизму послѣдняго, Риль вѣритъ въ существованіе неизмѣнныхъ, общеобязательныхъ понятій въ области нравственной, съ которыми должна сообразоваться наша воля. Эти понятія не составляютъ предмета личнаго творчества аристократіи ума и образованія, какъ утверждаютъ Нитцше и наши послѣдователи его изъ лагеря идеалистовъ, но есть результатъ творчества великихъ духовныхъ руководителей прошлаго. Риль вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ *Гёте,* что „всѣ, не исключая высшихъ людей, должны заимствовать, учиться, какъ у тѣхъ, которые были до насъ, такъ и у тѣхъ, которые съ нами". Риль вполнѣ основательно отказывается видѣть, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ молодыхъ поклонниковъ Нитцше, духовнаго руководителя въ немъ и отмѣчаетъ въ его взглядахъ и чувствахъ отсутствіе всякой устойчивости и послѣдовательности. На всякомъ шагу Нитцше разрушаетъ то, что онъ недавно самъ строилъ и богохульствуетъ тамъ, гдѣ еще недавно молился [1]) На этихъ сплошныхъ противорѣчіяхъ у Нитцше останавливается и представитель современной французской философіи и соціологіи *Фулье* въ своемъ сочиненіи, спеціально посвященномъ германскому философу аморализма. Нельзя не удивляться, какъ этихъ противорѣчій могли не замѣтить одни только наши поклонники Нитцше, стремящіеся путемъ всевозможныхъ натяжекъ и софизмовъ отыскать въ его идеяхъ не только послѣдовательность, но и высшій нравственный смыслъ, которымъ они будто бы превосходятъ общія христіанскія понятія [3]). Самая афористическая форма творчества Нитцше, отрывочность, молніеносность его мыслей, обусловленная его болѣзненностью, является по отношенію къ массѣ горячихъ поклонниковъ его какъ бы символомъ нашего времени, его неустойчивости, его бѣдности единымъ, законченнымъ воззрѣніемъ на жизнь, какъ

---

[1]) *Риль.* Введеніе въ современную философію. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва 1903, стр. 184—186 и др.

[2]) *Fouillée.* Nitzsché et l'immoralisme. Paris, 1902.

[3]) См. Сборникъ „Проблемы идеализма".

основательно замѣтилъ Риль. Увлеченіе образно выраженными и глубоко прочувствованными взглядами полусумашедшаго страдальца лишило ихъ возможности замѣтить открытую противоположность воззрѣній его съ основными принципами всего хода современной цивилизаціи. Къ такимъ взглядамъ его принадлежитъ идеализія древнеклассическаго рабства и эксплоатаціи меньшинствомъ свободныхъ гражданъ большинства. При такихъ идеалахъ Нитцше, становиться подъ его знамя не равносильно ли призыву общества къ движенію назадъ, къ разрушенію основныхъ устоевъ его, создававшихся вѣками, что и констатируется Рилемъ [1]) и даже самимъ Нитцше. Такъ проф. *Лихтенбержс,* основываясь на подробномъ изученіи трудовъ Нитцше, приходитъ къ заключенію, что послѣдній признавалъ въ принципѣ необходимость двухъ этикъ, радикально противоположныхъ другъ другу: одной для обыкновенныхъ людей, какой является христіанская мораль, и другой — господской морали, служащей воспроизведеніемъ древнеклассическихъ идей о неравенствѣ людей по самой природѣ, изъ которыхъ одни призваны только къ тому, чтобы быть пьедесталомъ для возвышенія другихъ. Но Нитцше только первую этику признавалъ гарантирующею прогрессъ человѣческихъ обществъ, а во второй видѣлъ не болѣе, какъ условіе для развитія отдѣльныхъ, выдающихся личностей, претендующихъ на роль какихъ то экспериментаторовъ въ живомъ организмѣ человѣческихъ обществъ. Распространеніе аристократической этики на всѣхъ людей было бы бѣдствіемъ и привело бы къ анархіи, по сознанію самого Нитцше [2]).

Гораздо ниже въ своихъ взглядахъ на увлеченія теоріями Нитцше стоитъ французскій соціологъ *Паланте.* Онъ вполнѣ сочувствуетъ протесту его противъ торжества стаднаго начала въ общественной жизни, слѣдовательно противъ фаталистическаго характера общественной эволюціи, независящей отъ

---

[1]) *Риль,* Введеніе въ современную философію, стр. 163.

[2]) *Lichtenberger.* Frédéric Nietsché въ Etudes sur la philosophie morale au XIX siecle. Leçons professées à l'Ecole des hautes études sociales. Paris, 1904, стр 265.

воли отдѣльныхъ лицъ. Это сочувствіе простирается и на „господскую мораль“, поскольку она характеризуется независимостью ума и сердца, героическимъ положеніемъ отдѣльной личности, пренебрегающей какъ собственными, такъ и чужими страданіями для осуществленія своихъ цѣлей. Вмѣстѣ съ Нитцше онъ упрекаетъ этотъ стадный духъ въ низости и коллективной жестокости, порабощеніи отдѣльнаго лица стадной волѣ, слѣды чего все болѣе исчезаютъ въ эпоху „свободнаго изслѣдованія“.

Въ противоположность нѣкоторымъ изъ нашихъ идеалистовъ, Палантъ однако не забываетъ, что современная личность есть результатъ предшествующаго соціальнаго прогресса. „Воспитаніе, которое она получаетъ, экономическое благосостояніе, которымъ она пользуется, научная и художественная культура, въ которой участвуетъ: всѣмъ этимъ она обязана, говоритъ Палантъ, тому, что совершилось до нея и безъ нея, какъ это обстоятельно выяснилъ *Izoulet* въ сочиненіи La cité moderne. Но точно также не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, прибавляетъ Палантъ, что весь этотъ прогрессъ былъ въ своемъ окончательномъ результатѣ дѣломъ иниціативы отдѣльныхъ лицъ, великихъ изобрѣтателей во всѣхъ отрасляхъ человѣческой культуры, а не одного только симбіоза, не одной только преемственности знаній отъ однихъ поколѣній другими. Не надо забывать, что въ современномъ намъ обществѣ встрѣчаются самыя различныя и часто противорѣчащія стремленія, какъ прогрессивныя, такъ и регрессивныя, какъ поставляющія своей задачей свободу, такъ и тиранію. Развѣ не отъ отдѣльнаго лица зависитъ дѣлать выборъ между ними, оцѣнивать ихъ, изслѣдовать, осуждать ихъ и становиться выше ихъ?“ [1]).

Къ сожалѣнію, въ своемъ дальнѣйшемъ изслѣдованіи Палантъ слишкомъ преувеличиваетъ значеніе отдѣльной личности и черезъ чуръ отодвигаетъ на задній планъ важность раздѣленія труда во времени, приписывая ему почему-то однѣ только темныя стороны общественной жизни и забывая про хорошія. Онъ возводитъ въ общее правило, что отдѣльная личность подъ

---

[1]) *Palante.* Précis de la sociologie. Paris, 1903, p. 43.

вліяніемъ стадныхъ началъ отличается эгоизмомъ и узкой исключительностью первобытныхъ обществъ. Въ наше время постоянно говорятъ, замѣчаетъ онъ, о солидарности, въ ней видятъ панацею отъ всѣхъ золъ, но забываютъ, что солидарность въ сущности есть эгоизмъ большинства, а коллективный эгоизмъ, подобно личному, является часто корыстолюбивымъ, жестокимъ, завистливымъ и лживымъ. Мало того, такой эгоизмъ возводитъ чуть не въ добродѣтель тѣ стремленія, которыя для отдѣльнаго лица признаются безнравственными и антисоціальными, но которыя для всего общества выставляются нравственными и достойными уваженія, какъ будто эгоистическія стремленія отдѣльныхъ лицъ, вмѣстѣ взятыя, могутъ вслѣдствіе этого пріобрѣсти святость. Между тѣмъ, всѣмъ извѣстно, въ какой степени чувства товарищества, корпоративнаго духа, котеріи, секты и проч. уменьшаютъ чувства личной отвѣтственности и усиливаютъ чувства коллективной безнаказанности и жестокости.

Все это само по себѣ нельзя не признать вполнѣ вѣрнымъ. Но когда рѣчь идетъ о принципахъ справедливости и нравственности не при рѣшеніи вопросовъ слишкомъ близко затрогивающихъ исключительные интересы корпорацій, котерій, отдѣльныхъ сектъ, но съ точки зрѣнія общечеловѣческой, то эта односторонность, казалось, должна была бы исчезнуть. Разрѣшеніе вопросовъ общечеловѣческой этики должно опираться на весь предшествующій опытъ человѣчества. Такъ обыкновенно и бываетъ, когда рѣшаются чисто научные вопросы въ позитивныхъ наукахъ. Ни одинъ солидный математикъ-астрономъ, физикъ, химикъ или физіологъ не рѣшается высказать своего мнѣнія, не провѣривъ его предварительно всѣмъ, что сдѣлано уже до него въ этихъ областяхъ знанія. Но когда разрѣшаются нравственно-соціальные вопросы, то почему то многіе изъ идеалистовъ признаютъ вмѣстѣ съ Нитцше за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ, претендующимъ на роль сверхчеловѣка, не только право, но и обязанность быть творцомъ собственной этики, не справляясь съ этическими принципами, развивавшимися въ человѣчествѣ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Признавая необходимость преем-

ственности человѣческихъ знаній, отрицается въ то же время необходимость такой же преемственности и нравственныхъ понятій, въ противность мнѣнію еще классической древности, что нѣтъ ничего труднѣе знанія самого себя, на которое должны опираться наши нравственныя представленія. Здѣсь нѣкоторые изъ нашихъ идеалистовъ предоставляютъ, какъ видно изъ начала этой главы, каждому отдѣльному лицу создавать свой собственный міръ нравственныхъ представленій, единственно обязательный для него. Но если этическіе принципы отдѣльныхъ корпорацій, котерій и сектъ бываютъ слишкомъ узки, эгоистичны, корыстолюбивы, жестоки, лживы, то во сколько разъ еще большей узкостью, эгоизмомъ, поблажкой своимъ личнымъ слабостямъ должна отличаться мораль, создаваемая каждымъ отдѣльнымъ лицомъ! При вмѣненіи каждому въ обязанность быть творцомъ собственной морали, какая должна возникнуть страшная анархія и чистый произволъ въ нравственныхъ представленіяхъ, несчитающихся съ вѣковыми нравственными устоями человѣчества! Это привело бы только къ снятію всякой нравственной узды съ людей и къ полуживотному состоянію. У Паланта не только отодвигается на задній планъ значеніе преемственности вѣковыхъ представленій человѣчества о добрѣ и злѣ, нравственномъ и безнравственномъ, справедливомъ и несправедливомъ, но даже отвергается въ самомъ принципѣ необходимость вліянія общества на нравственныя понятія отдѣльныхъ лицъ. Вмѣстѣ съ Нитцше онъ патетически восклицаетъ: „Не надо догматовъ— боги и религіи умерли!“ Нравственно-общественныя условныя понятія уже на пути къ смерти. Отдѣльное лицо должно разсчитывать только на самого себя!“ [1]).

Но при развитіи такого крайняго индивидуализма возможно ли будетъ какое либо нравственное единеніе между людьми, а безъ послѣдняго будетъ ли возможна и самая общественная жизнь?

Хотя французскій соціологъ и посвящаетъ послѣднюю главу своего сочиненія вопросу о причинахъ паденія и смерти об-

---

[1]) Idem, стр. 185.

ществъ,—но при перечисленіи этихъ причинъ только слишкомъ поверхностно касается вопроса о психологическихъ причинахъ разложенія обществъ. Признавая, что, для своего самосохраненія, общества должны вѣрить въ самихъ себя и потому опираться на нравственный и соціальный догматизмъ, Палантъ не идетъ далѣе этого въ разрѣшеніи поставленнаго имъ вопроса. Въ противномъ случаѣ, онъ не рѣшился бы примкнуть къ Нитцше, въ своемъ заявленіи, о смерти всѣхъ религій и объ отсутствіи болѣе надобности въ какихъ либо естественныхъ или общественныхъ догматахъ.

ГЛАВА VII.

Возможно ли нравственное единеніе общества безъ религіи.

На этотъ вопросъ даетъ грустный отвѣтъ рядъ лекцій, прочитанныхъ въ 1899 году въ Парижѣ, въ Collège libre des sciences sociales, которыя почти всѣ посвящены разрѣшенію его. Эти лекціи представляютъ собою въ высшей степени поучительное зрѣлище поисковъ нравственнаго единенія людей, помимо этики, опирающейся на религію. Всѣ лектора принадлежатъ къ числу убѣжденныхъ эволюціонистовъ и индивидуалистовъ, признающихъ необходимость моральнаго творчества за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ. Но тѣмъ поразительнѣе тѣ мрачныя заключенія, къ которымъ они приходятъ сами относительно соціологическихъ результатовъ такого индивидуализма въ нравственной области. Послѣ того, какъ религіозныя вѣрованія перестали быть во Франціи главнымъ нравственнымъ цементомъ, связывающимъ общество, для этой страны вопросомъ жизни и смерти сдѣлалось разрѣшеніе проблемы, можно ли въ чемъ либо другомъ найти такую же прочную нравственную связь, которая бы замѣнила прежнюю? Всецѣло на этомъ вопросѣ ос-

танавливается проф. философіи *Бернэ* въ лекціи о „Нравственномъ единеніи“. Констатируя крайнее, непримиримое разнообразіе теорій и системъ въ понятіяхъ о нравственности во Франціи, глубокую анархію въ нравственной области, онъ видитъ главную причину ея въ той односторонности, въ которую впадаетъ „индивидуальный разумъ“ въ оцѣнкѣ нравственныхъ явленій. Замѣтивъ какую либо частицу истины, онъ придаетъ такое большое значеніе этому обрывку знанія, что считаетъ его за полное знаніе, не желая слышать ни о какихъ другихъ истинахъ. Отдѣльное лицо, выработавъ опредѣленное понятіе о нравственности, чаще всего недостаточно обдуманное, скороспѣлое и крайнее, начинаетъ затѣмъ мѣрить всѣхъ людей и вещи на свой аршинъ. А такъ какъ у различныхъ лицъ крайне разнообразны такого рода односторонніе, индивидуальные взгляды, то такимъ образомъ возникаетъ масса противоположныхъ другъ другу теорій, указывающихъ совершенно различные пути къ спасенію. Взгляды на нравственность натуралиста, сводящаго все къ инстинкту и къ борьбѣ за существованіе, сталкиваются со взглядами спиритуалиста, указывающаго зоологическій характеръ принциповъ перваго. Натуралистъ въ свою очередь старается доказать безпочвенность и утопичность идей втораго. Въ индивидуальныхъ нравственныхъ идеалахъ находится такое безконечное разнообразіе мнѣній, чувствъ, личныхъ взглядовъ, что при столкновеніи ихъ наступаетъ еще болѣе глубокая нравственная анархія. При обмѣнѣ индивидуальныхъ понятій о нравственныхъ идеалахъ, вмѣсто выработки общихъ всѣмъ принциповъ, дѣло оканчивается еще болѣе рѣзкимъ, непримиримымъ разъединеніемъ и возрастаніемъ нравственной анархіи.

Съ 1899 года, когда читалъ свои лекціи Бернэ, прошло болѣе четырехъ лѣтъ. Быть можетъ съ тѣхъ поръ индивидуалисты и эволюціонисты болѣе успѣли столковаться между собою и придти хотя къ какимъ нибудь общимъ заключеніемъ? Но цитированная уже мною прекрасная статья академика Брюнетьера не подаетъ на это ни малѣйшей надежды. Онъ съ полной увѣренностью заявляетъ, что нравственнаго и общественнаго единенія они не достигнутъ ни въ оцѣнкѣ естественныхъ по-

слѣдствій человѣческихъ дѣйствій, ни въ томъ чрезмѣрномъ уваженіи къ собственной личности, которое является не болѣе, какъ суевѣрнымъ идолопоклонствомъ предъ своимъ *я*, философіей Марка Аврелія или объявленіемъ правъ „сверхчеловѣка", ни въ той солидарности, которая служитъ выраженіемъ чистой необходимости, если на нее не дается согласія во имя принципа, стоящаго выше ея.

Но проблема морали есть задача практической жизни по преимуществу, задача управленія дѣятельностью людей, раскрытія правилъ, которыми необходимо руководиться въ жизни. Сумбуръ въ нравственныхъ понятіяхъ дѣлаетъ эти понятія оторванными отъ жизни, неспособными воздѣйствовать на нее.

Быть можетъ, нравственное чувство, этотъ естественный законъ, написанный, по словамъ Ап. Павла даже въ сердцахъ язычниковъ, въ состояніи послужить принципомъ нравственнаго объединенія людей? Разъединеніе умовъ не можетъ ли быть замѣнено единеніемъ сердецъ, какъ объ этомъ мечтали Кембль въ Англіи, Шлейермахеръ въ Германіи и Ренанъ во Франціи. Но проф. Бернэ указываетъ, что нравственное чувство не представляетъ собою вполнѣ сложившагося нравственнаго единства, настолько ясно формулированнаго, чтобы съ нимъ могли согласиться всѣ. И въ понятіяхъ о нравственномъ чувствѣ встрѣчается крайне большое разнообразіе. Въ то время, какъ послѣдователи *Канта* чувствуютъ внутри себя требованіе категорическаго императива, утилитаристы, подобно *Миллю*, признаютъ въ этомъ не болѣе, какъ развитіе чувства личнаго интереса. Исходя изъ такихъ противоположныхъ точекъ зрѣнія на нравственность, люди объясняются между собою на различныхъ языкахъ, непонятныхъ другъ другу. Противопоставлять разуму чувство — значитъ строить нравственный миръ на чемъ-то неопредѣленномъ, постоянно колеблющемся.

Если такъ трудно людямъ даже интеллигентнымъ сойтись между собой въ нравственныхъ идеалахъ и чувствахъ, то возможно ли передача ихъ путемъ народнаго образованія? Само собой понятно, что объ этомъ и думать нечего. Въ умахъ какъ

учащихся, такъ и простыхъ людей, они останутся сухой номенклатурой абстрактныхъ и одностороннихъ формулъ.

Но если ни путемъ объединенія отвлеченныхъ теорій нравственности, ни путемъ объединенія нравственныхъ чувствъ, нельзя достигнуть обезпеченія нравственнаго единенія людей и соціальнаго мира, то какимъ же путемъ возможно достигнуть его? Отвѣтъ на этотъ вопросъ проф. Бернэ даетъ совсѣмъ не философскій.

„Чтобы избѣгнуть трудности, намъ надо, говоритъ онъ, прямо приступить къ дѣйствію. Нравственность состоитъ не въ нашихъ чувствахъ или мышленіи, ни въ томъ, что опредѣляется формулами, а въ томъ, что мы дѣлаемъ, въ томъ, что относится посредственно и непосредственно къ дѣйствію, къ усилію; дѣйствовать — это значитъ оставаться въ природѣ и одновременно возвышаться надъ нею къ идеалу; это значитъ чувствовать болѣе глубоко и сознавать возможно болѣе ясно... Мы слишкомъ свыклись съ жизнью чувства, созерцанія, размышленія, анализа. Чтобы разобраться во всемъ этомъ и охватить однимъ взглядомъ сущность дѣла, мы должны *идти просто, наивно, прямо.* Этимъ путемъ мы достигнемъ синтеза, который есть дѣло самой жизни, актъ всякаго момента“ [1]).

Но такой способъ дѣйствія есть отказъ отъ всякихъ идеаловъ, отъ всякихъ нравственныхъ принциповъ и даже отъ простаго размышленія. Люди должны дѣйствовать въ такомъ случаѣ наобумъ, идти наослѣпъ, жить какъ живется, т. е отказаться отъ всего того, что составляетъ главное отличіе человѣка отъ животнаго. Это есть то состояніе, которое самъ проф. Бернэ охарактеризовалъ предъ этимъ, какъ господствующее во Франціи, хотя по его же словамъ совсѣмъ не желательное.

„Предоставленная себѣ самой жизнь дѣлается ареной борьбы личныхъ, низмѣнныхъ интересовъ и инстинктовъ, несдержива-

---

[1]) *Bernès*, L'unité morale въ изданіи Morale sociale. Leçons professées au collège libre des sciences sociales. Paris, 1899, стр. 56—61. Рус. переводъ изданъ въ 1901 г.

емыхъ никакими идеальными стремленіями. Она становится свободной отъ всякихъ нравственныхъ нормъ, а нормы, оторванныя отъ жизни, остаются на степени простыхъ чувствъ или мыслей безъ связи съ дѣйствительной жизнью. Нравственность перестаетъ быть проблемой практической жизни, управляющей ею, созидающей правила жизни".

Въ заключеніе своей лекціи проф. Бернэ договаривается до еще большаго возвышенія такого грустнаго, существующаго теперь во Франціи, порядка вещей надъ всякими идеалами. Онъ низводитъ послѣдніе съ высокой роли руководящихъ людьми задачъ и стремленій до степени простыхъ орудій обыденной, будничной, безпросвѣтной жизни. „Чувство, размышленіе, должны прежде всего, говоритъ онъ, *сдѣлаться средствами, орудіями дѣйствія.* Но если они являются неизбѣжными пособниками того, кто своими дѣйствіями даетъ содержаніе и предметъ постоянно двигающейся и совершенствующейся жизни, то сами по себѣ чувства и размышленіе не могутъ замѣнить собою человѣческихъ дѣйствій. Что необходимо прежде всего и болѣе всего—это духъ дѣйствія (l'esprit d'action). Если у насъ будетъ его въ достаточномъ количествѣ, то мы пріобрѣтемъ сверхъ того и нравственный миръ" [1]).

Всѣ привыкли думать, что человѣческія дѣйствія есть не болѣе, какъ орудія или средства предварительнаго чувствованія и размышленія; что послѣднія руководятъ человѣческими дѣйствіями, направляя ихъ къ разумнымъ и нравственнымъ цѣлямъ. У французскаго же философа выходитъ наоборотъ. Онъ, какъ и всѣ эволюціонисты, слѣпо вѣритъ, что жизнь само собою постоянно идетъ впередъ и совершенствуется. Человѣку остается только жить, какъ живется, не задаваясь никакими идеалами, не руководясь въ жизни даже никакими нравственными чувствами и пользуясь ими только какъ средствами для того, чтобы дѣйствовать и дѣйствовать. Но какъ дѣйствовать, куда идти? „все прямо, наивно, просто", отвѣчаетъ Бернэ, „безъ размышленій, безъ горькихъ думъ и жертвы роковой", какъ

---

[2]) Idem, стр. 64.

выражается нашъ поэтъ, плыть по теченію, поворачиваясь то въ одну, то въ другую сторону, куда будетъ насъ гнать вѣтеръ, т. е. сдѣлаться флюгеромъ и рабомъ обстоятельствъ, а не властелиномъ ихъ, какъ бы слѣдовало быть человѣку въ качествѣ нравственно разумнаго существа. Это естественный результатъ той *свободной* морали, какою господа эволюціонисты, во главѣ съ Нитцше, хотятъ замѣнить мораль, опирающуюся на вѣковыя преданія и религіозныя вѣрованія, называемую ими *рабскою* моралью. Болѣе злой, безжалостной, можно сказать, демонической, шутки эволюціонизмъ и индивидуализмъ не могли сыграть надъ человѣчествомъ! Обѣщая научить его летать въ поднебесныхъ высотахъ, они вмѣсто этого низвергнули его въ бездну безсознательнаго существованія, управляемаго всецѣло независящими отъ человѣка внѣшними, слѣпыми силами природы. Тысячу разъ *Паскаль* былъ правъ, сказавъ: Qui veut faire l'ange, fait la bête!

Но что же будетъ объединять людей, чтобы человѣческія общества не разсыпались въ атомы и чтобы послѣдніе не разлетѣлись во всѣ стороны? Бернэ этого не договариваетъ. Очевидно ими станутъ управлять тѣ же самыя слѣпыя силы, которыя, по теоріи эволюціонистовъ, управляютъ всей вселенной. Не человѣкъ будетъ повелѣвать силами внѣшней природы, приспособляя ихъ къ своимъ нуждамъ, но, наоборотъ, внѣшняя природа будетъ всецѣло управлять человѣкомъ, какъ это она дѣлаетъ со всѣмъ растительнымъ и животнымъ царствомъ. Этого Бернэ прямо не говоритъ, но за него высказываетъ это вполнѣ откровенно пасторъ *Вагнеръ*, прочитавшій вслѣдъ за нимъ въ Свободной Коллегіи соціальныхъ наукъ лекцію о „Нравственномъ оріентированіи въ настоящее время“.

Подобно Бернэ онъ начинаетъ свою лекцію съ констатированія несомнѣннаго факта отсутствія у большинства людей современной Франціи руководящихъ принциповъ жизни, крайней шаткости убѣжденій, проявляющейся и въ мысляхъ и въ дѣйствіяхъ. Самымъ тревожнымъ признакомъ служитъ то, что этимъ страдаютъ не одни только обыкновенные люди, но и тѣ, которые по своему общественному положенію призваны руково-

дить другими. „Это похоже на то, говоритъ онъ, какъ если бы войско нечаянно попало въ невѣдомую для него страну. Съ недоумѣніемъ оно смотритъ на своихъ полководцевъ, а тѣ бросаютъ вопросительные взгляды другъ на друга, не попали ли они на ложный путь и не лучше ли имъ вернуться назадъ. Въ чемъ же мы найдемъ, спрашиваетъ не безъ отчаянія лекторъ, ту неподвижную путеводную звѣзду или компасъ, руководясь которыми, мы могли бы выдти изъ окружающаго насъ мрака?“ Онъ ссылается на мнѣніе многихъ, что для оріентированія необходима неподвижная точка. Но можетъ ли служить ею для общества „индивидуальный разумъ“, мнѣнія котораго не представляютъ собою ничего прочнаго, сколько-нибудь устойчиваго, мѣняя постоянно свое направленіе, подобно флюгеру. Тоже самое говорятъ про совѣсть, называя ее капризнымъ, пристрастнымъ совѣтникомъ и судьей при оцѣнкѣ нашихъ дѣйствій. Это нашъ соучастникъ, всегда оправдывающій насъ. Пасторъ *Вагнеръ* не соглашается съ такимъ общераспространеннымъ мнѣніемъ. Но то, что онъ возражаетъ противъ него, скорѣе подтверждаетъ, чѣмъ опровергаетъ это мнѣніе:

„Толкованія, которыя даютъ люди задачамъ человѣческаго существованія, говоритъ онъ, различны. Нравственныя системы составляютъ безконечно разнообразную флору. Смотря только извнѣ на всѣ эти цвѣты, можно думать, что между ними нѣтъ никакой связи. Но какъ совершенно несходныя между собою растенія становятся родственными другъ другу, почерпая своими корнями соки изъ одной и той же почвы и подвергаясь дѣйствію лучей одного и того же солнца и климата, такъ общія черты выступаютъ и въ совершенно разнородныхъ системахъ нравственности. Теорія насъ раздѣляетъ; но практическая необходимость насъ возвращаетъ къ нѣкоторымъ существенно важнымъ, общимъ пунктамъ... Общность условій нашей дѣятельности и цѣлей нашего труда, сходство среды и жизни возстановляютъ извѣстное единство“ [1]).

Такое сравненіе нельзя признать особенно удачнымъ. Растенія, находящіяся въ слишкомъ близкомъ сосѣдствѣ между со-

---

[1]) *Wagner*, De l'orientation morale du temps présent въ изданіи Morale sociale, стр. 83.

бою оспариваютъ другъ у друга питательные соки общей для всѣхъ ихъ почвы и солнечные лучи, необходимые для ихъ произрастанія. Это ведетъ растительный міръ не къ родственному единенію, а къ борьбѣ за существованіе, слѣдовательно къ разъединенію. То же самое можно сказать и про несходные между собою принципы нравственности. Въ каждомъ принципѣ есть въ своемъ родѣ живая сила, которая стремится устранить противоположный принципъ [1]). Но если бы даже сравненіе Вагнера передавало правильно ту мысль, которую онъ желалъ выразить имъ, то сама по себѣ эта мысль является сознаніемъ, что лекторъ отчаялся найти въ нравственно разумныхъ качествахъ людей что либо объединяющее ихъ. Всю надежду на возможность нѣкотораго объединенія онъ возлагаетъ не на эти качества, но почти всецѣло на вліяніе внѣшней природы и одинаковой среды. Несомнѣнно, физическая природа всегда оказывала извѣстное вліяніе на сближеніе людей. Она побуждала ихъ соединяться въ общихъ усиліяхъ для противодѣйствія ея разрушительному дѣйствію на нихъ. И разрушительное и благотворное вліяніе ея давало себя чувствовать тѣмъ сильнѣе, чѣмъ на болѣе низкой ступени умственнаго и нравственнаго развитія стояло человѣчество. Тогда не столько люди приспособляли окружающую ихъ природу къ своимъ потребностямъ, сколько эта природа побуждала ихъ приспособляться къ своимъ условіямъ. Но возлагать всѣ надежды на безсознательную природу, что она и теперь возьметъ въ свои руки судьбы человѣчества, развѣ это не доказываетъ, что люди начинаютъ возвращаться къ тому первобытному состоянію, какое предшествовало раздѣленію занятій, какъ основанію общественнаго быта. Обществу, отказывающемуся отъ воспріятія нравственно-религіознаго наслѣдія отъ предшествующихъ поколѣній и предоставляющему каждому отдѣльному лицу личными усиліями создавать весь свой нравственный кодексъ, приходится возвращаться къ первобытному состоянію людей даже и при пользованіи всѣми умственными сокровищами, полученными въ на-

---

[1]) *Darlu*, Classification des idées morales du temps présent, въ томъ же изданіи, стр. 30.

слѣдіе отъ столькихъ вѣковъ. Это нисколько не удивительно. Общество есть въ своемъ родѣ организмъ, въ которомъ всѣ отправленія находятся въ тѣсной связи между собою и взаимодѣйствіи; только взятыя вмѣстѣ, они обезпечиваютъ жизнь цѣлаго. Если чрезмѣрно большой упадокъ умственнаго развитія можетъ вліять на пониженіе нравственнаго уровня населенія, какъ это видно на эпохѣ среднихъ вѣковъ и инквизиціи, думавшей путемъ насилія и звѣрства спасать души человѣческія, такъ точно и чрезмѣрный упадокъ народной нравственности дѣлаетъ тщетнымъ обладаніе всѣми сокровищами умственной и матеріальной культуры, двигая человѣчество назадъ, къ эпохамъ первобытнаго варварства. Если ученіе марксистовъ, дарвинистовъ и эволюціонистовъ во главѣ съ Нитцше сдѣлается символомъ вѣры большинства населенія и идея животной борьбы за существованіе признана будетъ безусловно необходимой для развитія „сверхчеловѣковъ", незнающихъ состраданія и проповѣдующихъ гибель всего слабаго и безпомощнаго для обезпеченія подбора такихъ „сверхчеловѣковъ", то возвращеніе къ эпохамъ варварства, когда царила грубая физическая сила и насиліе, станетъ неизбѣжнымъ. Не смотря на всѣ успѣхи наукъ и матеріальной культуры, человѣкъ обратится въ первобытнаго bête humaine, для котораго не миръ и общее братство, но безпощадная борьба сдѣлается задачей всей жизни. Цивилизація, которой мы такъ гордимся, что подобной ей не можемъ указать ни въ одинъ изъ предшествующихъ періодовъ всемірной исторіи, должна будетъ пасть подъ ударами новыхъ варваровъ, которые явятся, быть можетъ, и не изъ степей Азіи, какъ это было предъ наступленіемъ среднихъ вѣковъ, но изъ самыхъ центровъ теперешняго просвѣщенія, искусствъ и промышленности, какъ это предсказываютъ Спенсеръ, Прудонъ, Лавеле, Джорджъ и друіе [1]).

Но съ точки зрѣнія эволюціонистовъ, чтобы ни произошло въ мірѣ, непрерывный прогрессъ человѣчества обезпеченъ неиз-

---

[1]) См. *Sombart*, Socialismus und sociale Bewegung im 19 Jahrhundert, стр. 77—80; *Джорджъ*. Прогрессъ бѣдности; *Ле Бонъ*, Психологія соціализма и мои статьи „Наши анархисты" въ газетѣ „Русь" *И. С. Аксакова* за 1882 г.

мѣнными законами эволюціи, которые, помимо человѣческой воли, двигаютъ человѣчество непрерывно впередъ съ низшихъ ступеней развитія на высшія путемъ естественнаго подбора наиболѣе жизнеспособныхъ существъ. Вѣрно ли это? а если и вѣрно, то можно ли еще считать наиболѣе жизнеспособные въ физическомъ отношеніи элементы человѣческихъ обществъ за лучшіе, наиболѣе обезпечивающіе будущій прогрессъ человѣчества?

Вопросъ этотъ — чисто статистическій, взятый соціологами изъ ученія Мальтуса о народонаселеніи. Поэтому статистика правильнѣе всего можетъ разрѣшить его.

По мнѣнію Мальтуса, всѣ живыя существа стремятся размножаться быстрѣе, чѣмъ это допускается находящимся въ ихъ распоряженіи количествомъ пищи. Воспроизводительная способность ихъ безгранична и сдерживается только тѣмъ, что они, размножаясь, отнимаютъ пищу другъ у друга. Природа щедрой рукой разсыпала зародыши жизни во всемъ растительномъ и животномъ царствѣ, но черезчуръ въ обрѣзъ предоставила имъ пространство для существованія и питательныя средства. Растенія и животныя, подъ вліяніемъ непреодолимаго инстинкта, стремятся къ безпредѣльному размноженію, не заботясь о тяжелой судьбѣ, какая постигаетъ ихъ потомство при недостаткѣ пищи и мѣста для ихъ жизни.

Человѣкъ, какъ физическое существо, управляется тѣмъ же могущественнымъ инстинктомъ; но, будучи въ тоже время нравственно-разумнымъ существомъ, не можетъ не сознавать вредныхъ послѣдствій перенаселенія. Если тѣмъ не менѣе, онъ не захочетъ подчиниться требованіямъ своего разума и не станетъ управлять своими животными побужденіями, то въ такомъ случаѣ внѣшняя природа дастъ ему почувствовать свою разрушительную силу при наступленіи недостатка въ средствахъ пропитанія и противъ его воли задержитъ его размноженіе.

Гдѣ не встрѣчается недостатка въ средствахъ существованія, населеніе вступаетъ въ бракъ въ раннихъ возрастахъ и размножается очень быстро, удваиваясь чрезъ каждые 25 лѣтъ, а въ сёлахъ даже чрезъ пятнадцать лѣтъ. Но вслѣдствіе ограниченнаго пространства территоріи каждой страны, нѣтъ воз-

можности добывать съ нея всего количества питательныхъ средствъ, соотвѣтствующаго возрастающему числу жителей. Путемъ повышенія степени интенсивности въ обработкѣ почвы можно, конечно, получать съ одного и того же пространства бо̀льшее противъ прежняго количество этихъ средствъ. Но и увеличеніе плодородія почвы этимъ путемъ не безпредѣльно. Поэтому наступающій недостатокъ въ пропитаніи задерживаетъ чрезмѣрную размножаемость населенія. Препятствія къ такому слишкомъ быстрому увеличенію числа жителей сводятся Мальтусомъ къ двоякимъ: 1) *предупредительнымъ* и 2) *разрушительнымъ*. Первыя вытекаютъ изъ того качества, которымъ человѣкъ отличается отъ животныхъ—изъ его способности предвидѣть отдаленныя послѣдствія и взвѣшивать ихъ. Люди благоразумные или совсѣмъ не вступаютъ въ бракъ, если не увѣрены въ возможности дать своему потомству надлежащее воспитаніе, предохранить его отъ нищеты и отъ сопровождающаго ее презрѣнія, или отлагаютъ бракъ до болѣе поздняго возраста, когда имъ удастся скопить средства для основанія семьи. Что касается разрушительныхъ препятствій, то они выражаются въ большихъ лишеніяхъ въ самомъ необходимомъ, расшатывающихъ организмъ, вызывающихъ болѣзни и эпидеміи, къ которымъ присоединяется иногда война. Такого рода разрушительныя препятствія являются для растеній и животныхъ, лишенныхъ разума, единственными причинами, задерживающими размноженіе ихъ.

Не смотря на эти двоякія препятствія, сдерживающія слишкомъ большой приростъ населенія, едва ли найдется страна, въ которой оно не стремилось бы къ возрастанію свыше имѣющихся для его содержанія средствъ. Въ то время какъ послѣднія увеличиваются въ ариѳметической прогрессіи, число жителей возрастаетъ въ геометрической прогрессіи. Это осуждаетъ низшіе классы общества на нищету и дѣлаетъ почти невозможнымъ сколько нибудь продолжительное улучшеніе ихъ состоянія.

Такова сущность ученія Мальтуса [1]).

---

[1]) Опытъ о законѣ народонаселенія *Мальтуса* переведенъ на русскій языкъ Бибиковымъ и изданъ въ Спб.-гѣ еще въ 1868 г.

Изъ того, что быстрота прироста населенія находится въ прямой зависимости отъ обилія или недостатка средствъ существованія можно сдѣлать заключеніе, что быстрѣе всего должно бы размножаться потомство наиболѣе зажиточныхъ классовъ общества, нечувствующихъ недостатка въ этихъ средствахъ. Зажиточность же достигается людьми благодаря высшимъ умственнымъ и нравственнымъ способностямъ, особой предпріимчивости, знаніямъ, предусмотрительности, бережливости и проч. Поэтому казалось бы, что естественные законы прироста населенія, выясненные Мальтусомъ, обезпечиваютъ подборъ людей зажиточныхъ, умныхъ, даровитыхъ, способныхъ, нравственныхъ. Такъ думалъ Мальтусъ, увѣряя, что только эти люди призваны на пиръ жизни, на которомъ нѣтъ мѣста людямъ бѣднымъ. Онъ говорилъ: „человѣкъ, пришедшій въ занятый уже міръ, если родители не въ силахъ прокормить его, или общество не можетъ воспользоваться его трудомъ, — лишній на землѣ. На великомъ жизненномъ пиру нѣтъ для него мѣста. Природа повелѣваетъ ему удалиться и не замедлитъ сама привести въ исполненіе свой приговоръ“. Люди бѣдные быстро вымираютъ естественнымъ путемъ вслѣдствіе слишкомъ непосильной для нихъ борьбы за существованіе. Наоборотъ, населеніе быстро размножается всюду, гдѣ нѣтъ недостатка въ средствахъ для его содержанія.

Если законъ Мальтуса вѣренъ, то въ такомъ случаѣ можно было бы согласиться съ эволюціонистами, что какими бы недостатками ни страдала общественная жизнь, будущіе культурные успѣхи человѣчества достаточно обезпечены этимъ совершающимся постоянно естественнымъ подборомъ людей наиболѣе зажиточныхъ, здоровыхъ, способныхъ, умныхъ, нравственныхъ, стоящихъ во главѣ культурнаго развитія, что общество въ своей дальнѣйшей жизни постоянно будетъ подниматься съ низшихъ ступеней развитія на высшія, ибо наименѣе способные къ культурному развитію элементы будутъ вымирать естественнымъ путемъ или уменьшаться путемъ самовоздержанія отъ размноженія, какъ непризванные на пиръ жизни.

Не буду касаться здѣсь гипотетическихъ положеній Мальтуса о возрастаніи населенія въ прогрессіи геометрической,

а средствъ пропитанія въ ариѳметической, какъ равно выставлясмыхъ имъ слишкомъ короткихъ періодовъ удвоенія населенія. И то и другое не подтверждается новѣйшими, болѣе достовѣрными статистическими данными. Это будетъ разсмотрѣно въ главахъ статистики, посвященныхъ вопросу о быстротѣ прироста населенія. Остановлюсь здѣсь исключительно на вопросѣ, вѣрно ли, что путемъ борьбы за существованіе совершается естественный подборъ наиболѣе жизнеспособныхъ элементовъ человѣческихъ обществъ, а если и вѣрно, то можно ли еще считать элементы наиболѣе жизнеспособные въ физическомъ отношеніи за лучшіе, наиболѣе обезпечивающіе будущій прогрессъ человѣчества?

Что переживаютъ другихъ всѣ тѣ, кто болѣе въ состояніи приспособиться къ существующимъ условіямъ жизни или приспособить ихъ къ своему существованію—это не подлежитъ сомнѣнію. Безсознательная природа не дѣлаетъ оцѣнки людей и не знаетъ состраданія, сметая съ дороги жизни всѣхъ, кто осмѣлится не сообразоваться съ ея требованіями. Но приспособляться къ окружающей природѣ можно двоякимъ образомъ: или ограничивая свои потребности до минимальныхъ, какъ это бываетъ въ первобытныхъ обществахъ, или наоборотъ, развивая свои потребности и одновременно съ ними средства къ удовлетворенію ихъ путемъ цѣлесообразнаго воздѣйствія человѣческаго разума на внѣшнюю природу, какъ это бываетъ въ культурныхъ обществахъ.

Благодѣянія культуры, всѣ выгоды отъ массы разнообразныхъ техническихъ изобрѣтеній въ настоящее время сдѣлались доступными въ извѣстной степени всѣмъ классамъ общества. Кто не пользуется въ настоящее время всѣми удобствами желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ сообщеній при передвиженіи на большихъ разстояніяхъ, кто не пользуется вызываемымъ ими удешевленіемъ предметовъ потребленія вообще и хлѣба въ особенности, вслѣдствіе все болѣе широкихъ торговыхъ связей, охватывающихъ собою весь міръ! Благодаря успѣхамъ общественной гигіены, современные намъ цивилизованные народы не знаютъ точно также тѣхъ страшныхъ эпидемій такъ называемой

черной смерти, голоднаго тифа, оспы и другихъ, которыя прежде дѣлали пустырями чуть не цѣлыя страны. Начавшая было производить большія опустошенія холерная эпидемія, занесенная въ Европу около начала 1830-хъ годовъ изъ Остъ-Индіи, въ настоящее время стала появляться у насъ все рѣже и быстро локализироваться, благодаря своевременно принимаемымъ мѣрамъ ассенизаціи мѣстностей, избираемыхъ ею за главные центры, а также обширнымъ работамъ, предпринятымъ почти вездѣ по оздоровленію городовъ, этихъ главныхъ очаговъ ея, и наконецъ благодаря мѣрамъ международной коммиссіи, слѣдящей за тѣмъ, чтобы не заносилась къ намъ изъ Остъ-Индіи холера чрезъ Суэзскій каналъ.

Самыя бѣдствія войнъ сдѣлались гораздо меньшими, вслѣдствіе международныхъ конвенцій и дѣятельности учрежденій Краснаго Креста, а успѣхи военной техники имѣютъ хотя ту хорошую сторону, что войны сдѣлались менѣе продолжительными. Современное человѣчество не знаетъ болѣе ни тридцатилѣтнихъ, ни даже семилѣтнихъ войнъ. Всѣми этими благодѣяніями новѣйшей культуры почти въ одинаковой степени пользуются и богатые и бѣдные классы общества. Введеніе почти повсюду всеобщей воинской повинности уравняло положеніе различныхъ классовъ общества даже и въ отношеніи несенія тягостей войны, которая теперь беретъ свои кровавыя жертвы одинаково изъ среды какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ классовъ общества, какъ образованныхъ, такъ и необразованныхъ, между тѣмъ какъ прежде она дѣлала пушечнымъ мясомъ почти исключительно простой народъ. Такимъ образомъ, низшіе, бѣднѣйшіе классы населенія въ настоящее время освобождены почти въ одинаковой степени съ высшими отъ того, что называетъ Мальтусъ *разрушительными* препятствіями къ размноженію населенія. Ни голодъ, ни эпидеміи, ни войны не дѣлаютъ бѣдняковъ своей почти единственной, непосредственной жертвой, какъ это было во время Мальтуса. Остаются слѣдовательно одни только *предупредительныя* препятствія къ размноженію населенія, заключающіяся въ добровольномъ воздержаніи людей отъ слишкомъ быстраго размноженія.

Если мы спросимъ себя, населеніе какихъ классовъ общества преимущественно удерживается этими предупредительными причинами отъ быстраго размноженія, то едва-ли кто нибудь станетъ возражать намъ, что эти причины задерживаютъ болѣе всего увеличеніе численности наиболѣе культурныхъ классовъ общества и менѣе всего некультурныхъ. Для кого потребности въ разнообразныхъ жизненныхъ удобствахъ, подходящихъ подъ понятіе конфорта, а также потребности въ научныхъ знаніяхъ и въ предметахъ изящныхъ искусствъ сдѣлались второй натурой, тому при основаніи новой семьи приходится сильно считаться съ своими матеріальными средствами, отказываясь отъ вступленія въ бракъ, или отлагая его до болѣе поздняго возраста, когда удастся ему скопить такія средства. Но поздніе браки и самимъ Мальтусомъ признаются вполнѣ основательно главной причиной слабой размножаемости населенія.

Наоборотъ, для тѣхъ классовъ населенія, которые въ предъявляемыхъ ими требованіяхъ къ жизни не идутъ, подобно первобытнымъ людямъ, дальше удовлетворенія минимальныхъ потребностей простого физическаго существованія, граничащаго съ нищетой, — бѣдность не страшна. Они смѣло вступаютъ въ бракъ, не заботясь особенно о будущности своего потомства, подобно всѣмъ безсознательнымъ существамъ растительнаго и животнаго царства. Браки заключаются ими въ очень раннихъ возрастахъ, почему потомство ихъ размножается съ такой быстротой, о какой не имѣютъ понятія люди образованные. Новѣйшія свѣдѣнія о среднемъ возрастѣ вступающихъ въ бракъ въ Англіи, Пруссіи и въ другихъ странахъ показываютъ, что въ то время, какъ въ Западной Европѣ большинство рабочихъ женится въ возрастѣ около 24 лѣтъ, большая часть лицъ изъ интеллигентной среды, посвящающихъ себя такъ называемымъ „свободнымъ профессіямъ“, и такъ называемые рантье, женятся въ возрастѣ старше 31 года. У насъ же въ Россіи, при крайне низкомъ уровнѣ потребностей простого народа, а отчасти и подъ вліяніемъ патріархальнаго семейнаго быта сельскаго населенія, $^1/_3$ часть всѣхъ мужчинъ, вступающихъ въ бракъ, женится еще до наступленія гражданскаго совершеннолѣтія. Преждевремен-

бныераки до 21 года составляютъ у насъ такой громадный процентъ всего числа ежегодно заключаемыхъ браковъ, что онъ превышаетъ въ десять и болѣе разъ процентъ этихъ крайне рѣдкихъ для мужчинъ браковъ за границей.

Большимъ количествомъ раннихъ браковъ отличаются также прусскія провинціи Познань и Западная Пруссія, а въ Австріи Галиція и Венгрія. Поэтому во всѣхъ этихъ странахъ, какъ и въ Россіи, рождаемость достигаетъ самыхъ большихъ размѣровъ. Но всѣ эти провинціи принадлежатъ къ числу бѣднѣйшихъ частей австрійской и прусской монархій.

То же самое представляетъ Франція. Уже давно статистика констатировала фактъ, приводящій въ ужасъ всѣхъ французскихъ патріотовъ, что въ самыхъ богатыхъ департаментахъ Франціи въ теченіе болѣе полустолѣтія рождаемость такъ слаба, что ежегодно умираетъ людей больше, чѣмъ рождается, и населеніе всей Франціи не уменьшается только потому, что въ бѣднѣйшихъ провинціяхъ ея или служащихъ центрами промышленнаго пролетаріата населеніе продолжаетъ еще восполнять черезчуръ слабую рождаемость въ богатыхъ частяхъ страны.

Тотъ же фактъ наибольшей рождаемости въ бѣднѣйшихъ частяхъ страны и самой малой съ болѣе зажиточнымъ населеніемъ повторяется въ губерніяхъ Царства Польскаго. Крестьяне губерній Кѣлецкой, Петроковской и Радомской получили самые малые надѣлы—отъ $4^1/_4$ до $5^1/_2$ десятины на дворъ. Эти губерніи отличаются вмѣстѣ съ тѣмъ и максимальной рождаемостью: около 42 рожденій на 1000 жителей. Наоборотъ, въ губерніяхъ, гдѣ крестьяне получили самые большіе земельные надѣлы, по $7^1/_2$ и даже $11^1/_2$ десятины на дворъ, какъ въ Сѣдлецкой и Сувалкской, рождаемость оказывается минимальной для всего края: 38—34 на 1000 жителей [1]).

---

[1]) См. „О движеніи населенія въ десяти губерніяхъ Царства Польскаго за послѣднее 27-лѣтіе“ въ связи съ статистическо-топографическимъ очеркомъ условій санитарнаго состоянія этихъ губерній въ XIII выпускѣ „Трудовъ“ Варшавскаго Статистическаго Комитета, стр. 194—206. О величинѣ надѣловъ см. XVII-й выпускъ тѣхъ же „Трудовъ“, стр XXII.

Правда, гдѣ велика рождаемость, тамъ велика и смертность; но, не смотря на это, все-таки страны съ максимальной рождаемостью отличаются и самымъ большимъ естественнымъ приростомъ населенія. Такъ, въ тѣхъ же бѣднѣйшихъ прусскихъ провинціяхъ (въ Западной Пруссіи и въ Познани) ежегодный естественный приростъ населенія за періодъ отъ 1841 по 1901 годъ достигалъ почти $1^1/_2$% ($1,_{44}$), а во всей Пруссіи ограничивался $1,_2$.

Точно также и въ Привислинскомъ краѣ губерніи съ наибольшей рождаемостью отличаются естественнымъ приростомъ населенія свыше средняго для края ($1,_{45}$); изъ нихъ губерніи Петроковская и Радомская даже максимальнымъ: $1,_{68}$—$1,_{66}$; губернія же Сувалкская съ минимальной рождаемостью отличается вмѣстѣ съ тѣмъ и минимальнымъ приростомъ: $1,_{10}$.

Изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ видно, что наибольшая рождаемость свойственна не зажиточному населенію, неимѣющему недостатка въ средствахъ пропитанія, какъ бы слѣдовало по теоріи Мальтуса, а напротивъ—болѣе бѣдному, негоняющемуся за жизненными удобствами, довольствующемуся возможностью простого физическаго существованія, именно тому населенію, которое, по словамъ Мальтуса, не призвано на пиръ жизни. Являясь на него незваннымъ и потому довольствуясь первоначально крохами, падающими съ роскошнаго стола пирующихъ. оно въ концѣ концовъ становится главнымъ гостемъ на этомъ пиру, такъ какъ приглашенные добровольно уступаютъ ему свое мѣсто, сходя преждевременно со сцены жизни. Они находятъ запасы для этого пира недостаточно обильными, чтобы можно было рисковать, вступая въ преждевременные браки, чрезмѣрно увеличивать число пирующихъ. Такимъ образомъ природѣ не приходится приводить въ исполненіе тотъ суровый приговоръ противъ незванныхъ гостей, о которомъ говоритъ Мальтусъ. Эти гости довольствуются тѣмъ малымъ, что уцѣлѣло отъ заготовленныхъ яствъ для небольшого числа званныхъ гостей. Если бы классы общества, ближе всего стоящіе къ первобытному состоянію людей, были знакомы съ философіей Нитцше, то они легко могли бы вооружиться его доводами для своего оправданія и чуть

не возвести себя въ сверхчеловѣковъ: Нужно сказать жизни „да“, любить судьбу даже самую жестокую. Всякія жалобы свидѣтельствуютъ о рабской слабости и изнеможеніи; героическія, господскія натуры не жалуются; онѣ борятся, улыбаясь, и даже гибнутъ съ улыбкой. Борьба приноситъ съ собой безчисленныя, горькія страданія, но здоровая воля принимаетъ эти страданія, ибо обладаетъ мужественной вѣрой въ жизнь или точнѣе—энергической волей жизни. Эти классы общества считаютъ жизнь въ самомъ ея корнѣ радостью, не смотря на всѣ страданія, муки и ужасы и потому говорятъ жизни: радуйся [1]). Нитцшевскій девизъ — жить во что бы то ни стало, служитъ для нихъ единственной задачей и цѣлью всѣхъ стремленій.

На сторонѣ этихъ народныхъ массъ, живущихъ, по словамъ Нитцше, продолженіемъ животной жизни, есть тѣмъ не менѣе одно великое нравственное преимущество предъ сверхчеловѣками. Оно главнымъ образомъ обезпечиваетъ имъ въ концѣ концовъ возможность побѣды надъ послѣдними въ борьбѣ за существованіе. Вмѣсто шатанія по дебрямъ сомнѣній въ основныхъ нравственныхъ истинахъ, которыми жило культурное человѣчество въ теченіе почти 2000 лѣтъ, вмѣсто „хаоса *неустроившагося* духа, въ которомъ борятся истина и ложь, свѣтъ и мракъ, сѣмена добра и зла“ [2]), безъ надежды понять смыслъ жизни, являющейся для сверхчеловѣковъ злой, безжалостной шуткой, простые люди, не смотря на тяжелый трудъ, въ которомъ проходитъ вся ихъ жизнь, довольны ею. Они живутъ и страдаютъ, но страдаютъ со спокойствіемъ и приближаются къ смерти безъ страха, чаще всего даже съ радостью, какъ замѣчаетъ вполнѣ вѣрно нашъ знаменитый поэтъ-философъ, напоминающій собою во многомъ Нитцше не только по художественности своего стиля, но, къ сожалѣнію, и по массѣ противорѣчій въ основныхъ своихъ положеніяхъ. „Такихъ людей, говоритъ онъ, лишенныхъ всѣхъ земныхъ благъ, какими мы пользуемся,

---

[1]) См. *Файгингеръ*, Нитцше, какъ философъ. Москва, 1902, стр. 44—52.

[2]) *Герасимовъ*, Нитцшеанство, Москва 1901, стр. 18.

и, не смотря на это, испытывающихъ величайшее счастіе—многое множество. Я оглянулся шире вокругъ себя въ прошлое и настоящее. И я видѣлъ понявшихъ смыслъ жизни, умѣющихъ жить и умирать, не двухъ, трехъ, десять, а сотни, тысячи, милліоны. Всѣ они знали смыслъ жизни и смерти, покойно трудились, переносили страданія, жили и умирали, видя въ этомъ не суету, а добро. Я началъ понимать, что въ отвѣтахъ, даваемыхъ вѣрою, хранится глубочайшая мудрость человѣка, и что я не имѣю права отрицать ихъ на основаніи разума, опирающагося въ своихъ заключеніяхъ на знаніе одного только земного, конечнаго".

Вслѣдствіе того, что самыми жизнеспособными оказываются такимъ образомъ не зажиточные и интеллигентные классы населенія, а напротивъ тѣ, которые примиряются съ наименѣе благопріятными условіями жизни, дальнѣйшая общественная эволюція можетъ выражаться въ подборѣ людей не первыхъ, но вторыхъ. Быть можетъ зато будетъ совершаться подборъ людей наиболѣе нравственныхъ? Это вѣрно только отчасти. Предусмотрительность, любовь къ своему потомству, желаніе предохранить его отъ всякаго рода лишеній, обезпечитъ ему возможно лучшую будущность какъ хорошимъ воспитаніемъ, такъ и сбереженіемъ для него матеріальныхъ средствъ — всѣ эти стремленія, несомнѣнно, принадлежатъ къ числу высокихъ нравственныхъ задачъ и обязанностей людей. Но о выполненіи ихъ менѣе всего думаютъ бѣднѣйшіе классы общества, и это главнымъ образомъ обусловливаетъ большую размножаемость ихъ по сравненію съ интеллигентными классами населенія.

По мнѣнію же проф. *Виндельбанда*, даже въ самой борьбѣ за существованіе высокія нравственныя качества людей не только не обезпечиваютъ имъ преимуществъ въ этой борьбѣ, но, наоборотъ, ослабляютъ ихъ силы. Нравственный человѣкъ не станетъ пускать въ ходъ для достиженія своихъ выгодъ такихъ средствъ, предъ какими не остановится человѣкъ, неразборчивый въ этомъ отношеніи. Когда у перваго истощены въ борьбѣ уже всѣ ресурсы, у второго они еще найдутся, хотя бы и воспрещались его совѣстью. Поэтому, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ,

безнравственный человѣкъ имѣетъ больше шансовъ на побѣду. Неудивительно, что чѣмъ старѣе общество, тѣмъ болѣе оно дичаетъ въ нравственномъ отношеніи, по мнѣнію *Виндельбанда.* „Историческое человѣчество, говоритъ онъ, совсѣмъ потеряло бы нравственное сознаніе, если бы время отъ времени оно не возрождалось подъ вліяніемъ свѣжихъ, еще неиспорченныхъ въ нравственность отношеніи народовъ. Только въ эпоху великихъ международныхъ столкновеній проявляется во всей силѣ громадное значеніе нравстенныхъ качествъ. Такія качества, какъ сознаніе общаго блага и нравственныхъ обязанностей, способность къ самопожертвованію, самообладаніе, способность къ подчиненію и повиновенію обезпечиваютъ несомнѣнныя выгоды“ [1]):

Виндельбандъ, впрочемъ, упускаетъ изъ виду значеніе народной нравственности, воплощающейся въ законахъ, а также въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, которые не только имѣютъ громадное воспитательное значеніе для отдѣльныхъ лицъ и всего населенія, но и обусловливаютъ крѣпость всего общественнаго и государственнаго организма, его историческую долговѣчность, какъ это прекрасно выяснено *Бенжаменомъ Кидомъ* въ его сочиненіи о „Соціальной эволюціи“ [2]).

Тѣ народы, которые дѣлаютъ изъ этой жизни съ ея благами предметъ всѣхъ своихъ воздыханій, привязываются къ ней „всею мыслею своею, всѣмъ сердцемъ, всей душою своею“, казалось бы съ перваго взгляда, должны умѣть устроивать ее лучше другихъ и отстаивать энергичнѣе ея блага. Между тѣмъ въ дѣйствительности эта именно безграничная привязанность къ ней дѣлаетъ ихъ нравственно дряблыми и неспособными къ тому, чтобы энергически, до послѣдней капли крови, отстаивать свою самостоятельность и достоинство въ минуты тяжелыхъ, народныхъ испытаній. Для того, чтобы быть способными на подвиги

---

[1]) См. *Windelband*, Präludien zu Einleitung in die Philosophie, главу Normen und Naturgesetze.

[2]) Этотъ вопросъ подробно освѣщенъ также мною въ послѣдней главѣ моей „Сравнительной статистики Царства Польскаго и другихъ европейскихъ странъ“.

самоотверженія, необходима вѣра, что человѣкъ „если и умрётъ, то оживётъ“. При отсутствіи вѣры въ Jenseits, а равно и увѣренности, что безъ допущенія высшей, невидимой силы „даже и волосъ не падетъ съ головы человѣческой“, самоотверженія не можетъ существовать и войска станутъ предпочитать позоръ плѣна чувству гражданской доблести, заставляющему ложиться костьми за родную землю — animam pudori praeferre, говоря словами *Ювенала*. Такъ какъ для нихъ нѣтъ иной жизни кромѣ этой, то потому какова бы она ни была, хотя бы и позорною, все-таки остается жизнью, говорящею имъ, какъ выразился Нитцше, о „*смыслѣ земли*“, съ которой они не хотятъ разстаться и потому становятся способными на всякую сдѣлку съ совѣстью и съ чувствомъ собственнаго достоинства [1]). Съ точки зрѣнія этого „*смысла земли*“, самоотверженіе является порывомъ возвышенной глупости, героизмъ — неблагоразумнымъ рискомъ жизнью, смерть — полной несостоятельностью человѣка, нравственный долгъ признается неоплачивающимъ тѣхъ жертвъ, какія ему приносятся [2]). Можно ли такого рода „жажду жизни“ отождествлять съ *энергіей жизни*, съ „живой активностью“? какъ выражается одинъ изъ нашихъ позитивистовъ. Конечно, нѣтъ. Это есть смерть для всего лучшаго, великаго, благороднаго въ жизни, для всего, что дѣлаетъ ее достойной человѣка, какъ нравственно разумнаго существа. Это не жизнь, а жалкая тѣнь ея, которой могутъ довольствоваться только живые мертвецы. „*Мысль безбожія,* по справедливому замѣчанію одного изъ критиковъ Нитцше, *не дала положительно ничего высокаго и свѣтлаго, никакой новой идеи, поглощающей всю душу человѣка*“. А въ такомъ случаѣ можетъ ли она служить

---

[1]) Радикально противоположную этому мысль высказываетъ г *Луначарскій* въ журналѣ „Образованіе“ въ критической статьѣ, посвященной „Проблемамъ идеализма“ изданія Московскаго Психологическаго Общества. Онъ утверждаетъ, что вѣра въ Jenseits убиваетъ жажду жизни, ослабляетъ „живую активность“, но ничѣмъ не доказываетъ вѣрности этого положенія. См. ж. „Образованіе“ за февраль 1903 г. стр. 130.

[2]) См. *Frary*, Le péril national. Paris. 1881.

тѣмъ боевымъ ключемъ, вдохновляющимъ человѣчество въ борьбѣ противъ всякаго зла, стоящаго на пути къ личному совершенствованію людей и къ общественному прогрессу, какимъ въ теченіе столькихъ вѣковъ было христіанство, когда оно усвоивалось не внѣшнимъ только образомъ, но внутреннимъ, преобразующимъ всю нравственную природу человѣка. Ученіе о нравственности, порвавшее съ нимъ связь, напрасно силится теперь найти что либо другое, на что можно было бы опереться человѣчеству въ его жизненной борьбѣ, какъ это мною показано выше на критической оцѣнкѣ лекцій, читанныхъ въ 1899 году въ „Свободной Коллегіи соціальныхъ наукъ" въ Парижѣ. Ему остается только тьма и тьма, все—вопросы, одни только безконечные, нерадостные вопросы [1]), безъ разрѣшенія которыхъ у человѣка мыслящаго опускаются руки и онъ становится неспособнымъ ни на какую полезную дѣятельность, ни для другихъ, ни для себя, ни на какія усилія въ борьбѣ за жизнь даже свою собственную, какъ это прекрасно охарактеризовано описаніемъ психическаго состоянія, пережитаго нашимъ извѣстнымъ всему образованному міру художникомъ, философомъ.

ГЛАВА VIII.

Можетъ ли наука замѣнить религію.

Признавая, что въ новѣйшихъ культурныхъ обществахъ по мѣрѣ ослабленія религіозныхъ вѣрованій все болѣе развивается нравственное разъединеніе между людьми, нѣкоторые возлагаютъ большія надежды на возможность поставить въ дѣлѣ этого объединенія на мѣсто религіи науку. Въ научныхъ позитивныхъ знаніяхъ нѣтъ разъединенія, говорятъ они. Всѣ признаютъ законы математики, физики, химіи, механики. Существенной разницы во взглядахъ здѣсь не можетъ быть.

Но это единеніе умовъ въ признаніи однихъ и тѣхъ же научныхъ истинъ можно ли считать тождественнымъ въ нравственнымъ единеніемъ душъ и сердецъ человѣческихъ? Область

---

[1]) *Герасимовъ.* Нитцшеанство, стр. 136.

научныхъ позитивныхъ знаній стоитъ почти особнякомъ отъ области нравственныхъ понятій, вліяющихъ главнымъ образомъ на волю человѣческую. Истины, выясняемыя наукой, не тождественны съ мотивами нашихъ дѣйствій въ области нравственной, почему научное единеніе не можетъ послужить центромъ для объединенія человѣческой воли людей, расходящихся между собою во взглядахъ на основныя задачи человѣческаго существованія. Въ нравственной жизни какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ только общіе идеалы объединяютъ людей въ преслѣдованіи общихъ цѣлей [1]). А эти общіе, нравственные идеалы, какъ выразился одинъ изъ нашихъ философовъ, хотя и для міра сего, но не отъ міра сего, познаваемаго позитивной наукой. Безъ религіи недоступно человѣку понятіе о конечныхъ причинахъ и цѣляхъ всего существующаго, ибо въ отношеніи ихъ безсиленъ всякій научный анализъ. Безъ вѣры въ непереживаемые принципы вѣчной правды, любви и милосердія, завѣщанные человѣчеству христіанской религіей, невозможенъ общественный прогрессъ.

Позитивныя науки не даютъ намъ отвѣтовъ на самые жгучіе, мучительные вопросы жизни, надъ которыми въ теченіе столькихъ вѣковъ ломали свои головы лучшіе представители человѣческой мысли, начиная съ Сократа, Платона, Аристотеля. Наука не говоритъ намъ ничего о конечныхъ цѣляхъ жизни. Она объясняетъ намъ, *какъ* совершаются вещи, но не *для чего* онѣ совершаются. Она молчитъ о назначеніи жизни, не даетъ отвѣта на основные вопросы жизни и смерти. Сводитъ ли человѣкъ всѣ свои счеты съ жизнью физической смертью и за гробовой доской его ничего не ожидаетъ болѣе, или же физическая смерть есть только предверіе къ новой, высшей, духовной жизни, какъ вѣрило и продолжаетъ вѣрить человѣчество съ эпохи доисторической и до настоящаго времени;—ни положительнаго, ни отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ не могутъ дать позитивныя науки. Это выходитъ изъ ихъ компетенціи. Здѣсь предѣлъ человѣческихъ знаній, за которымъ начинается область религіи. Вопросы ея разрѣшаются не наукой, а нравственнымъ

---

[1]) См. *Liard.* La science positive et la métaphysique. 4-me édition. Paris, 1898.

чувствомъ и божественнымъ Откровеніемъ. Нравственная природа человѣка въ разрѣшеніи самыхъ мучительныхъ вопросовъ для него не можетъ успокоиваться на отвѣтѣ позитивныхъ наукъ о незнаніи того, что происходитъ послѣ физической смерти. Тамъ, гдѣ нѣтъ положительныхъ знаній, гдѣ наука безсильна отдернуть завѣсу отдѣляющую міръ видимый отъ невидимаго, остается человѣческому уму и сердцу искать отвѣта въ области религіозныхъ вѣрованій. Ими жило человѣчество въ теченіе столькихъ вѣковъ, въ нихъ почерпало оно свои нравственныясилы. Они служили ему свѣтомъ на пути безконечнаго нравственнаго и соціальнаго прогресса.

Правда, поверхностные представители естествознанія въ родѣ Бюхнера не задумываются выходить изъ предѣловъ компетенціи естественныхъ наукъ и законы міра матеріальнаго смѣло переносятъ на міръ духовный. Съ ихъ точки зрѣнія, съ прекращеніемъ физическаго существованія для человѣка оканчивается все и навсегда; но они не въ силахъ намъ объяснить, зачѣмъ въ такомъ случаѣ для человѣка мыслящаго эта чисто животная жизнь, стоитъ ли для тѣхъ ничтожныхъ чисто физическихъ удовольствій, какія предоставлены ему въ извѣстной мѣрѣ со всѣми животными, обрекать себя съ перваго появленія на свѣтъ и до конца жизни на массу физическихъ и нравственныхъ страданій и тяжелыхъ огорченій? Не надо быть пессимистомъ, чтобы сознательно отвернуться отъ такой жизни. Человѣкъ, какъ разумное существо, не можетъ примириться съ такой жизнью, могущей удовлетворять только безсознательныхъ животныхъ или людей близкихъ къ скотскому состоянію.

Никто не станетъ спорить, что съ ходомъ цивилизаціи все болѣе возрастаетъ количество различныхъ матеріальныхъ удобствъ жизни, смягчающихъ тягость ея, придающихъ ей нѣкоторую привлекательность. Благодаря паровымъ и другимъ двигателямъ, различнымъ машинамъ, создается такое громадное количество механическихъ рабочихъ, что его не въ состояніи былъ бы замѣнить мускульный трудъ всего взрослаго населенія земного шара. Всевозможные продукты для удовлетворенія человѣческихъ нуждъ перевозятся изъ тѣхъ странъ, въ которыхъ они находятся въ изобиліи, въ тѣ, которыя нуждаются въ нихъ. Безчисленные

пароходы и паровозы, бороздящіе поверхность земного шара, сдѣлали изъ него какъ бы одну общую великую мастерскую для удовлетворенія потребностей населенія всѣхъ частей свѣта. Благодаря массѣ агрономическихъ открытій и изобрѣтеній, съ одного и того же пространства земли собирается теперь въ культурныхъ странахъ въ нѣсколько разъ большее, противъ прежняго, количество хлѣба и другихъ сырыхъ продуктовъ земледѣлія; благодаря все болѣе космополитическому характеру, принимаемому капиталами, они заатрачиваются на эксплоатацію производительныхъ силъ природы всюду, гдѣ на нихъ предъявляется спросъ; растетъ ли довольство ихъ своимъ положеніемъ? Не смотря на несомнѣнное и быстрое улучшеніе благосостоянія рабочихъ во всѣхъ европейскихъ странахъ со второй половины XIX-го столѣтія, сокращеніе числа рабочихъ часовъ, улучшеніе гигигіеническихъ условій фабричнаго труда, сильное повышеніе заработной платы—все-таки степень крайняго недовольства рабочихъ своимъ положеніемъ растетъ больше прежняго. Это отнѣдра земли всѣхъ странъ и частей свѣта раскрылись для извлеченія естественныхъ богатсвъ изъ нихъ на пользу всего міра; благодаря телеграфамъ и телефонамъ люди отдаленныхъ частей свѣта почти съ быстротой молніи обмѣниваются своими мыслями; кругосвѣтное путешествіе, совершавшееся прежде чуть не годами, теперь выполняется въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Пользованіе всѣми этими благами становится доступнымъ чуть не всѣмъ и каждому, а не немногимъ счастливцамъ, какъ было прежде. Не находя у себя дома выгодныхъ заработковъ, сотни тысячъ европейскихъ рабочихъ отправляются ежегодно за океанъ, въ Америку, для полученія лучшаго вознагражденія или для переселеній навсегда. Заработная плата повсюду поднимается, цѣны на большую часть продуктовъ понижаются. Если такъ дальше будетъ идти экономическій прогрессъ, то можно думать, что скоро нашъ земной шаръ обратится чуть не въ эльдорадо, въ которомъ остается только блаженство людямъ. Такъ, по крайней мѣрѣ утверждаютъ нѣкоторые изъ оптимистовъ. Въ виду достигнутыхъ рабочимъ населеніемъ успѣховъ благосостоянія и тѣхъ, которыя будутъ достигаться имъ далѣе, одинъ изъ наиболѣе популярныхъ француз-

скихъ атеистовъ *Анатоль Франсъ* предлагаетъ французскимъ рабочимъ отложить всякую печаль, постоянно веселиться и танцовать.

Но картина современнаго экономическаго состоянія культурнаго человѣчества совершенно измѣнится, если мы не станемъ отождествлять понятія народнаго благосостоянія съ понятіемъ о народномъ счастіи, или довольствѣ своимъ положеніемъ, и обратимся къ нравственной статистикѣ съ вопросомъ: увеличивается ли счастіе людей съ ходомъ времени, соотвѣтственно возрастанію народнаго богатства, вызываемаго необычайно быстрыми успѣхами промышленной техники, части можно видѣть изъ тѣхъ быстрыхъ успѣховъ, какіе имѣютъ среди рабочихъ классовъ распространеніе соціалистическихъ утопій и анархическихъ идей въ новѣйшее время. Вездѣ, не менѣе возрастаетъ недовольство и всего населенія. Это легко доказывается быстрымъ увеличеніемъ числа самоубійствъ, служащихъ термометромъ степени недовольства людей своимъ положеніемъ. Въ 1830 г. приходилось во Франціи не болѣе 5 самоубійствъ на 100,000 жителей; въ 1892 г. эта пропорція повысилась до 24, съ 1881 по 1894 число самоубійствъ возрасло до 153 на 100.000 жит [1]). Съ возрастаніемъ самоубійствъ увеличивается во Франціи и число сумашествій, находящихся въ связи съ нимъ, а равно и измѣняется и самый характеръ французскаго народа. Французы сто лѣтъ тому назадъ считались однимъ изъ самыхъ веселыхъ народовъ міра, а въ настоящее время — наиболѣе распространеннымъ видомъ сумашествій между ними является меланхолія [2]) (lypmagnaque). Въ прежнее патріархальное время, когда большинство населенія было глубоко религіозно, случаи самоубійствъ встрѣчались крайне рѣдко. Теперь можно принять за общее правило, что чѣмъ выше уровень умственнаго развитія людей, чѣмъ слабѣе религіозныя вѣрованія, тѣмъ чаще совершаются самоубійства. Въ странахъ католическихъ пропорція ихъ значительно слабѣе, чѣмъ въ странахъ протестантскаго раціонализма, еще

---

[1]) См. *Fierens-Gevaert*, La tristesse contemporaine. Essais sur les grands courants moraux et intellectuels. Paris, 1900, Alcan, editeur, p. 179.

[2]) La France au point de vue moral· Paris, 1900, p. 123, Alf. Fouillée.

слабѣе у насъ въ Россіи. Въ большихъ городахъ съ болѣе развитымъ въ умственномъ отношеніи населеніемъ, но и наиболѣе деморализованнымъ, она гораздо выше, чѣмъ въ селахъ. Знанія позитивныхъ наукъ, вторгаясь въ неподлежащую ихъ вѣдѣнію область нравственную, подкапываютъ такимъ образомъ въ самомъ корнѣ наше не только нравственное, но и физическое существованіе. Научный идеалъ жизни ведетъ насъ прямо къ пессимизму, подрывающему всѣ живыя творческія силы, дѣлаетъ нашу цивилизацію болѣзненной. По даннымъ, сообщаемымъ въ „Сравнительной статистикѣ“ Haushofer'a, сознаніе несчастій, переносимыхъ человѣческимъ сердцемъ, возрастаетъ въ новѣйшее время все болѣе и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше человѣчество изыскиваетъ путей и средствъ къ ограниченію несчастій. Неудивительно поэтому, что самоубійство возводится не только представителями пессимистической философіи, Леопарди и Шопенгауэромъ, но и Нитцше въ сознательный, разумный актъ [1]).

Число преступленій противъ нравственности увеличивается по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи, редицивизмъ становится все болѣе частымъ, растетъ также процентъ дѣтоубійствъ. Наклонность женщинъ къ пороку усиливается. Проституція вездѣ принимаетъ ужасающіе размѣры. Семья, эта естественная контрмина противъ общественной дезорганизаціи, все менѣе доставляетъ людямъ счастія. Это доказывается все возрастающею цыфрою разводовъ, которые гораздо чаще встрѣчаются между образованными людьми, чѣмъ необразованными. Высшее развитіе умственныхъ способностей не только непредохраняетъ отъ пренебреженія супружеской вѣрностью, но, какъ будто, даетъ carte blanche на нарушеніе ея. Упадокъ семейнаго быта ведетъ къ увеличенію числа незаконнорожденныхъ дѣтей, доставляющихъ потомъ главный контингентъ для тюремъ. Даже высшее образованіе не спасаетъ отъ участія въ преступленіяхъ. Въ цифрахъ, сообщаемыхъ Гаусгоферомъ, Майеромъ и другими, число преступниковъ съ этимъ образованіемъ чуть не удвоивается въ послѣдніе періоды. По наблюденіямъ Фулье, съ успѣхами образо-

---

[1]) См. *Dumont*, Dépopulation et civilisation. Etude démographique, Paris, 1900, p. 461.

ванія измѣняются только виды преступленій, но не количество ихъ. Въ низшихъ же классахъ населенія съ успѣхами грамотности, безъ одновременнаго укрѣпленія въ народныхъ массахъ религіозно-нравственныхъ понятій, увеличиваетъ только изобрѣтательность въ совершеніи преступленій и сокрытіи слѣдовъ ихъ.

Немаловажнымъ аргументомъ уменьшенія довольства своимъ положеніемъ и возрастающей деморализаціи населенія по мѣрѣ ослабленія религіозныхъ вѣрованій, является все большее развитіе нервныхъ болѣзней. „Блѣднымъ, малокровнымъ, переутомленнымъ умственнымъ трудомъ, съ исжитой душой, нравственно убитымъ, раздражительнымъ, непостояннымъ, представляется человѣкъ нынѣшней цивилизаціи, особенно, живущій въ центрахъ ея—въ большихъ городахъ“, пишетъ знаменитый спеціалистъ по нервнымъ болѣзнямъ *Kraft-Ebing* въ своемъ извѣстномъ трудѣ: „Нашъ нервный вѣкъ“. Червемъ цивилизаціи, подтачивающимъ нашу жизненную энергію, лишающимъ возможности какого нибудь примиренія съ своей земной судьбой, является нервозность. Здѣсь источникъ міровой скорби (Weltschmerz) и крайняго пессимизма, проникающихъ интеллигентные слои нашего общества. Пессимистическая философія Шопенгауэра, Гартмана и другихъ, доказывающая, что жизнь даже самыхъ счастливыхъ людей не стоитъ сломанной булавки, есть дщерь того столѣтія, въ которомъ преобладаютъ страданіе и горе. Сплинъ, меланхолія, неврастенія, нервныя болѣзни, доходящія до сумашествія— мы проходимъ, пишетъ *Fierens Gevaert* всю гамму нервныхъ страданій, чтобы переполнять собою спеціально устроенныя для этого больницы. Если бы знаменитые неврастеники романтизма, Байронъ, Мюссе и Гейне вернулись на этотъ свѣтъ, говоритъ онъ, ихъ изумило бы наше глубокое духовное паденіе. Въ нашемъ цивилизованномъ обществѣ количество самоубійствъ возрастаетъ въ ужасающей пропорціи, но посягательства на свою жизнь совершаются не подъ вліяніемъ чувства, какъ у Вертера, но ума. Молодой поэтъ Рене Леклеркъ, описывая самоубійство четырехъ молодыхъ людей и сообщая общія соображенія, какими они оправдываютъ посягательства на собственную жизнь, спрашиваетъ, что могло бы отвратить этихъ несчастныхъ отъ того поступка,

что могло бы заставить ихъ отказаться отъ этой жизни, полной самыхъ лестныхъ обѣщаній? Но что могла бы дать имъ эта жизнь, если бы они сохранили ее? Самое большое непосредственное удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей, да и то подъ условіемъ, чтобы эти потребности были скромны. Никакого нравственнаго утѣшенія не можетъ предложить имъ современная цивилизація. Людямъ не достаетъ энергіи переносить жизнь при массѣ постигающихъ ихъ испытаній и страданій. Это нравственное безсиліе, по справедливому замѣчанію Геверта, есть результатъ религіознаго и соціальнаго пессимизма Вѣра въ нравственные идеалы, почерпаемые изъ міра сверхестественнаго, почти потухла. Люди, потерявшіе вѣру, чувствуютъ себя одинокими, безъ всякой поддержки въ борьбѣ съ превратностями жизни, между тѣмъ какъ религія давала увѣренность каждому, что онъ не брошенъ въ безпомощномъ состояніи, что Промысль божественный непрестанно бдитъ надъ нимъ, что стоны его, тоскующаго и страдующаго сердца доходятъ до слуха Того, въ волѣ Котораго, измѣнить самыя тяжелыя условія жизни въ благопріятныя. Даже великіе скептики: Шопенгауэръ, Ренанъ, Гюйо испытывали эту тоску по Богѣ, безъ котораго жизнь теряетъ свой смыслъ. Въ низшихъ рабочихъ классахъ, несмотря на несомнѣнное всебольшее повышеніе съ ходомъ времени уровня матеріальнаго благосостоянія, развивается крайнее недовольство своимъ положеніемъ и такіе отвратительные инстинкты, какъ зависть, ненависть, жажда мести, подсовывающая въ руки анархистовъ динамитъ. Въ низверженіи всего слагавшагося вѣками порядка вещей низшіе классы ищутъ средствъ къ улучшенію своей участи на землѣ.

Никто не станетъ спорить, что съ какой быстротой ни двигался бы техническій грогрессъ, все таки въ этой жизни остается такая масса бѣдствій, страданій, болѣзней собственныхъ и людей, близкихъ нашему сердцу, наконецъ смерть, неустранимая никакимъ прогрессомъ медицинскихъ знаній, что говорить о счастіи на землѣ было бы просто безуміемъ.

Знанія, даваемыя наукою, нисколько не не разрѣшаютъ основныхъ жизненныхъ вопросовъ о причинахъ зла и страданій на землѣ Несомнѣнно, на науку возлагалось много надеждъ.

Но разрѣшила ли она хотя одинъ изъ этихъ насущныхъ, мучительныхъ вопросовъ, примирила ли она насъ съ этой жизнью? Нѣтъ! Она явилась, говоритъ проф. *Сабатье*, съ чашею въ рукахъ для утоленія жажды страждущаго и недовольнаго своимъ положеніемъ человѣчества; но чаша эта оказалась пустою и человѣчество осталось съ своими муками отъ неутоленной жажды [1]).

Въ этомъ смыслѣ имѣлъ основаніе и французскій академикъ *Брюнетьеръ* говорить о банкрутствѣ науки въ ея притязаніяхъ замѣнить религію, придя къ заключенію, что каждая изъ нихъ имѣетъ свою особую область вѣдѣнія и самостоятельность [2]). Къ этому мнѣнію примыкаетъ и проф. *Гарнакъ*. Въ своихъ извѣстныхъ лекціяхъ „О сущности христіанства" онъ указываетъ на ошибочность мнѣнія, чтобы научныя знанія могли охватывать собою и удовлетворять всѣ потребности сердца и души. Онъ основательно признаетъ безсиліе ихъ въ этомъ отношеніи [3]).

Но даже крайніе приверженцы натурализма, видящіе „цѣлостность міровоззрѣнія" и жизненную правду въ исключительномъ господствѣ науки *рѣшительно надо всѣмъ*", увѣряющіе, что „*одна наука* обладаетъ нравственною силою", изгоняющіе такимъ образомъ изъ міра общественныхъ отношеній нравственное чувство и всякія религіозныя вѣрованія, сознаются, что „постоянное расширеніе сферы вліянія строго научной мысли вызываетъ извѣстное *чувство утомленія и недовольства*" въ обществѣ. Это констатируется ими въ отношеніи не только той части общества, которая поверхностно слѣдитъ за успѣхами научныхъ знаній, но и той, которая искренне увлекается завоеваніями современной научной мысли [4]). Позитивистамъ кажется непонятной тоска людей по тѣмъ абсолютнымъ идеаламъ, кото-

---

[1]) *Арманъ Сабатье*, Лекціи, читанныя въ женевскомъ университетѣ въ 1894 и въ Сорбонѣ въ 1895 г. на тему; „О безсмертіи, съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Рус. переводъ изданъ въ С. Петербургѣ въ 1897 г.

[2]) *Brunetière*, Discours de Combat, Paris 1903.

[3]) Idem.

[4]) *Бертло*, Наука и нравственность, Извлеченіе изъ Science de Morale съ предисловіемъ К. Тимирязьева. Москва, 1898, стр. 5.

рыхъ наука не можетъ дать, раскрывая во всякаго рода знаніяхъ только относительное и при томъ уловимое внѣшнимъ опытомъ. Но сами же они заявляютъ, что „научные выводы клонятся къ отрицанію духовъ, душъ, а слѣдовательно и безсмертной жизни“, что *„вѣрить въ науку значитъ вѣрить въ смерть“* [1]), не въ ту, конечно, которую признаетъ и религія, но въ исчезновеніе изъ міра живыхъ существъ навсегда, безвозвратно. Это не можетъ не доводить до отчаянія самихъ позитивистовъ даже тѣхъ, которые болѣе другихъ увлекаются современными успѣхами ваучныхъ знаній. „Что касается лично меня, пишетъ одинъ изъ наиболѣе популярныхъ французскихъ мыслителей, говоря о безомертіи, — я не требую „награды“, не хочу милостыни, не хочу ничего, кромѣ жизни; хочу соединиться съ тѣми, кого я любилъ; хочу вѣчности любви, дружбы, безкорыстія. Я помню свое отчаяніе въ тотъ день, когда у меня впервые мелькнула мысль, что кладбище съ его каменными плитами и четырьмя стѣнами можетъ быть истиной, что завтра существа, составляющія мою моральную жизнь, могутъ быть у меня отняты и что, быть можетъ, ничто никогда не вернетъ насъ другъ другу. Есть извѣстныя жестокости, въ которыя не вѣришь потому, что они слишкомъ превышаютъ человѣческія понятія. Что за отчаяніе чувствовать, говоря словами Паскаля, что все, чѣмъ владѣешь, уходитъ отъ тебя. Это не личное отчаяніе: все человѣчество близко къ нему [2]). Ясно, что постоянное расширеніе чисто научной мысли въ той области, въ которой она въ сущности безсильна сказать что-либо вѣрное и потому должна со смиреніемъ преклониться предъ голосомъ, раскрывающимъ тайны вѣчнаго бытія, должно оказывать на людей хотя бы и вполнѣ научно образованныхъ, обезкураживающее дѣйствіе, отнимающее всякую жизненную энергію, вызывать тѣ чувства *утомленія* и *недовольства*, которыя констатируютъ даже самые ярые позитивисты. Это утомленіе и недовольство не могутъ исчезнуть у людей даже въ томъ случаѣ, если бы химіи и другимъ естественнымъ наукамъ дѣйстви-

---

[1]) *Гюйо*, Очеркъ морали. Спб., 1899, стр. 200.

[2]) Idem, стр. 197—203.

тельно удалось наградить человѣчество всѣми тѣми благодѣяніями, при которыхъ людямъ не надо было бы ни сѣять, ни жать, ни собирать въ житницы, а запастись только основными химическими элементами, углеродомъ, водородомъ, кислородомъ и азотомъ, имѣющимися повсюду въ неограниченномъ количествѣ, чтобы приготовлять изъ нихъ извѣстнымъ соединеніемъ какія угодно пищевыя вещества, какъ предсказываетъ извѣстный французскій химикъ *Бертло*. Чѣмъ легче и лучше была бы жизнь на землѣ, тѣмъ тяжелѣе будетъ людямъ разставаться съ нею навсегда, безповоротно, а слѣдовательно тѣмъ болѣе недовольными и разслабленными нравственно стали бы чувствовать себя люди. Это утомленіе и недовольство, вызываемое вторженіемъ естествовѣдѣнія въ область, неподлежащую его вѣдѣнію, идетъ прямо въ разрѣзъ съ основнымъ принципомъ морали, придуманной самими позитивистами. Оно заключается въ увеличеніи интенсивности жизни, т. е. *активнаго* проявленія ея во всѣхъ ея формахъ. Идеалъ позитивной нравственности — наибольшая активность во всѣхъ разнообразныхъ сторонахъ жизни. Величайшіе изъ пороковъ, съ точки зрѣнія этой морали, — лѣность, косность. Дѣйствовать — значитъ жить; дѣйствовать усиленнѣе — значитъ увеличивать очагъ внутренней жизни [1]). Какъ же съ такимъ позитивнымъ идеаломъ нравственной жизни совмѣстить чувства *утомленія* и *недовольства*, какъ результатъ „расширенія сферы вліянія строго научной мысли“, констатируемый самыми позитивистами уже теперь? Эти чувства будутъ съ ходомъ времени естественно возрастать по мѣрѣ того, какъ станетъ укрѣпляться въ сознаніи массъ мысль о смерти, послѣ которой должны быть покинуты всѣ надежды: Lasciate ogni speranza voi qu'intrate, выражаясь словами Данта. Что нибудь одно изъ двухъ: или позитивная мораль никуда не годится, или, если она вѣрна въ смыслѣ ученія о *гигіенѣ* жизни, какъ нѣкоторые изъ позитивистовъ и называютъ ее, то въ такомъ случаѣ чрезмѣрное и „постоянное

---

[1]) См. *Гюйо*, Очерки морали, стр. 246 и 248 и *Богдановъ*, „Новое средневѣковье“, по поводу сборника „Проблемы идеализма“, въ журналѣ „Образованіе“ за мартъ м. 1903 г., стр. 22.

расширеніе сферы вліянія строго научной мысли“ на такія области жизни, которыя не входятъ въ область позитивной науки, кромѣ вреда ничего не можетъ приносить. Хотя бывшій французскій министръ народнаго просвѣщенія, знаменитый химикъ *Бертло*, и увѣряетъ, что позитивисты не выступаютъ съ притязаніями дать окончательную разгадку вселенной, что изъ безграничнаго числа явленій имъ удалось изучить только ничтожную часть ихъ, что они сознаютъ всю глубину своего незнанія и потому отличаются скромностью [1]), но съ этой скромностью совсѣмъ не согласуется его черезчуръ аподиктическое заявленіе, что „*не существуетъ двухъ источниковъ истины* — одного, идущаго изъ глубины непознаваемаго, и другаго, берущаго начало изъ наблюденія и опыта, внѣшняго и внутренняго, что въ угоду мистицизму (т. е. религіи) позитивисты совсѣмъ не желаютъ парализовать своихъ дальнѣйшихъ усилій въ области изслѣдованія непознаваемаго, что нравственность *не имѣетъ другихъ основъ*, кромѣ тѣхъ, какія доставлены ей наукою“. Не менѣе знаменитый англійскій естествовѣдъ *Спенсеръ* въ этомъ случаѣ гораздо скромнѣе, такъ какъ онъ признаетъ для нравственности иныя основы, кромѣ доставляемыхъ наукой, и *два источника* истины, изъ которыхъ одинъ идетъ изъ глубины непознаваемаго“ [2]). Признаніе этого источника истины при другомъ, берущемъ начало изъ наблюденія и опыта, не вызывало бы той нравственной и физической развинченности людей, которая не согласуется съ моралью даже самихъ позитивистовъ. Жизнь народовъ слагается изъ жизни отдѣльныхъ лицъ. При дряблости и нравственномъ разслабленіи даже лучшихъ людей, какъ результата потери ими вѣры, чего же можно ожидать отъ народныхъ массъ въ случаѣ распространенія безвѣрія между ними?

Такой глубокій знатокъ народной психологіи, какъ *Токвиль*, еще за 30 лѣтъ до неслыханнаго разгрома Франціи въ 1870/71 г. предсказалъ неизбѣжность его, выставляя одной изъ причинъ ос-

---

[1]) *Бертло*, наука и нравственность, стр. 29.

[2]) См. *Спенсеръ*, Наука о нравственности. Спб., 1880.

лабленіе религіозныхъ вѣрованій въ народныхъ массахъ [1]). Если нравственно-религіозные идеалы перестаютъ быть путеводной звѣздой для обществъ, то не только матеріальное благосостояніе, но и самая политическая независимость ихъ ставится на карту.

Мнѣ случилось путешествовать по Франціи нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ окончанія войны съ Германіей. Видѣлъ я въ Парижѣ площадь Свободы, всѣ дома которой стояли безъ крышъ съ почернѣвшими отъ пожара отверстіями вмѣсто оконъ; видѣлъ въ Страсбургѣ цѣлыя улицы, обращенныя въ груды развалинъ и мусора. Но ничто не произвело на меня столь удручающаго впечатлѣнія, какъ видъ французскихъ плѣнныхъ, возвращавшихся изъ Германіи. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мнѣ случалось вступать въ разговоръ. Ни въ выраженіи чертъ лица ихъ, ни въ словахъ, не было и слѣда сознанія того приниженія и стыда, который, казалось бы, они должны были чувствовать, возвращаясь на родину. Это были въ своемъ родѣ живые мертвецы въ нравственномъ отношеніи, тяжелое, неизгладимое воспоминаніе о которыхъ заставляетъ сжиматься отъ нравственной боли сердце гораздо сильнѣе, чѣмъ воспоминаніе о тѣхъ ужасахъ войны, слѣды которыхъ носила на себѣ тогда вся Франція. Поэтому въ своей книгѣ, написанной въ 1871 году подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего только что видѣннаго мною тогда, я имѣлъ право сказать, что это были войска „не побѣжденные, но нравственно падшіе“ [2]). Въ ихъ „жаждѣ жизни“ не было и слѣда „живой активности“, о которой говорятъ господа позитивисты. Безъ нравственныхъ силъ, почерпаемыхъ изъ вѣчнаго источника, люди являются живыми мертвецами, способными только на то, чтобы „погребать мертвецовъ“, а не жить полною жизнью, достойною человѣка.

---

[1]) См. *Tocqueville*, De la démocratie en Amérique, I, 112—113 Срвн. *Raudot*, De la décadance de la France и рѣчи въ Національномъ Собраніи *Леонсъ де Лаверня*, *Cottin*'а, *Raudot*, *Limayrac*'а и *Préssensé* отъ 20 и 28 іюня 1871, цитируемыя въ моемъ сочиненіи о „Современномъ упадкѣ Франціи“. Варшава, 1872, с. 171—189.

[2]) См. предисловіе къ моей книгѣ о Причинахъ разгрома Франціи. Варшава, 1872, стр. XIII.

Страны, въ которыхъ *позитивной* морали удастся вытѣснить религіозную, неизбѣжно будутъ обречены на потерю жизненной энергіи и легко могутъ стать жертвой другихъ народовъ, именно потому, что дѣлаютъ эту жизнь единственнымъ предметомъ всѣхъ своихъ вожделѣній.

Этого рода взгляды начинаютъ проникать во французское общество, хотя очень слабо, не находя достаточной поддержки въ правящихъ классахъ его. Вопросъ о дезорганизаціи консервативныхъ силъ страны ни для кого не тайна во Франціи. И вѣрующіе и невѣрющіе ея интеллигентные люди признаютъ, что причиной этого является все большее ослабленіе религіозныхъ вѣрованій и невозможность замѣнить ихъ столь же прочными и столь же могущественно дѣйствующими на совѣсть человѣческую принципами морали, какою была нравственность, опиравшаяся на религію. Религія служила источникомъ нравственнаго одушевленія; вѣра въ Бога была солнцемъ для душъ вѣрющихъ. Еще остающаяся между нами доблесть, говорятъ нѣкоторые изъ французкихъ патріотовъ, есть неболѣе, какъ плодъ традицій, все болѣе исчезающихъ и теряющихъ свои корни въ нашемъ обществѣ. Она является замирающимъ эхомъ отдаленнаго голоса. Оторванные отъ надеждъ на будущую жизнь, освобожденные отъ страха Божія, мы уже вслѣдствіе этого нуждаемся въ болѣе строгой противъ прежняго дисциплинѣ, которая побуждала бы людей къ добру и удерживала отъ зла. Между тѣмъ теперь, болѣе чѣмъ когда либо, мы предоставлены собственнымъ инстинктамъ, такъ какъ новѣйшая философія, находя солидные доводы въ пользу эгоизма, не придумываетъ ничего, кромѣ общихъ фразъ, въ пользу филантропіи. Духъ разсчета, проникающій въ понятіе о нравственности, является смертью для нравственнаго чувства. Съ вышинъ философіи и науки эта обезкураживающая людей философія мало по малу становится общимъ убѣжденіемъ, ослабляя всѣ благородные чувства, парализуя общественное возпитаніе, подавляя высшія проявленія человѣческой жизни. Въ то время, когда мы нуждаемся болѣе всего въ самоотверженіи и безкорыстіи, мы теряемъ силы для этого, подавляя мотивы, вдохновляющіе на все великое. Если

вѣра была иллюзіей, какъ утверждаютъ нѣкоторые, то міръ будетъ принадлежать или тѣмъ, которые болѣе другихъ сохранятъ ее, или тѣмъ, которые, закаленные суровымъ климатомъ и отличаясь энергическимъ темпераментомъ своей расы, будутъ имѣть мужество презирать не только смерть, но самую справедливость и человѣчество[1]).

Во Франціи возлагаютъ большую надежду на воспитаніе. „Воспитаніе укрѣпляетъ тѣ чувства, говоритъ авторъ сочиненія „Le péril national", господство которыхъ полезно для общества. Отъ насъ зависитъ усовершенствовать наши методы воспитанія. Отъ насъ зависитъ быть добрыми и имѣть лучшихъ сыновей. Если этого мы достигнемъ — мы выиграемъ битву жизни"[2]) Но можетъ ли воспитаніе быть хорошимъ, если оно не имѣемъ религіозно-нравственной подкладки? *Лессингъ*, слѣдуя Августину и другимъ Отцамъ церкви, вполнѣ вѣрно назвалъ религію „*воспитательницей рода человѣческаго*". Воздѣйствіе никакихъ другихъ общественныхъ силъ на человѣка не можетъ быть столь могущественнымъ, какъ религіи. Это происходитъ не только отъ того, что она грозитъ карой и за видимыя преступленія и за болѣе частыя, скрытыя безнравственныя дѣйствія, но еще болѣе отъ того, что она внѣдряетъ въ души живой идеалъ нравственности и непрерывную связь съ нимъ. Такимъ идеаломъ является Богочеловѣкъ, обращающійся ко всѣмъ вѣрующимъ со словами „Возьмите иго Мое но себя и *научитесь* отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ и найдете миръ душамъ нашимъ".

Трудно понять мотивы, вслѣдствіе которыхъ изъ общественнаго образованія во Франціи изгнаны въ настоящее время религіозныя основы нравственности. Крайній скептицизмъ государственныхъ людей, обсуждавшихъ въ свое время нынѣшнюю систему народнаго образованія, былъ, повидимому, главной причиной этого. Въ своихъ постановленіяхъ они колебались между двумя противоположными взглядами, не рѣшаясь ни удалить, ни

---

[1]) См. *Raoul Frary*, Le péril national. Paris, 1881.

[2]) Idem, стр. 281. Сравн. *Desjardins*, Le devoir présent. Paris. 1892.

провозгласить открыто божественное возникновеніе и таковую же санкцію нравственнаго долга. Съ другой стороны, не безъ вліянія на характеръ рѣшенія этого вопроса могло быть опасеніе вмѣшательства въ свѣтскія дѣла духовенства, его враждебнаго отношенія къ свободѣ и къ существующимъ нынѣ государственнымъ учрежденіямъ [1]). Но эти опасенія едва ли имѣютъ серіозныя основанія, такъ какъ христіанская религія легко уживается со всевозможными формами правленія, проповѣдуя царство не отъ міра сего, и требуя поэтому воздаянія „божія—Богови, а кесарева—Кесареви". Да при томъ формы правленія не представляютъ такой важности, чтобы для нихъ можно было жертвовать болѣе жизненными интересами народа, какъ его нравственность, находящійся отъ нея въ зависимости весь строй общественной жизни и стойкость людей въ защитѣ даже политической независимости своей страны. Развѣ недавняя война крошечныхъ Боэрскихъ республикъ съ Британскимъ колосомъ, чуть не окончившаяся побѣдой Давида надъ Голіафомъ, не показала лучше всего, что значитъ одушевленіе людей религіозныхъ, проникнутыхъ убѣжденіемъ, что они защищаютъ святое дѣло.

Несомнѣнно, что въ борьбѣ за существованіе и отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ играетъ великую роль нравственность опирающаяся на религію. Подъ знаменемъ „Симъ побѣждай", христіанскій міръ одолѣлъ языческій не только при Константинѣ Великомъ, но продолжаетъ одолѣвать теперъ и будетъ побѣждать до конца міра. Отреченіе отъ этого знамени есть отреченіе отъ всѣхъ дальнѣйшихъ успѣховъ цивилизаціи даже и при обладаніи всѣми сокровищами научныхъ знаній, которыми справедливо гордится современное человѣчество. Знаніе и нравственность—проявленіе двухъ сторонъ одного и того же человѣческаго духа, почему не могутъ обезпечивать прочнаго общественнаго прогресса иначе, какъ только при совмѣстномъ воздѣйствіи на него. Нельзя не удивляться той односторонности, въ какую впадаютъ нѣкоторые изъ натуралистовъ даже изъ числа

---

[1]) Idem, стр. 286 и 280.

извѣстныхъ по своимъ научнымъ заслугамъ, какъ *Бертло*, когда они касаются вопроса о нравственномъ прогрессѣ человѣческихъ обществъ. Упрекая „возрождающійся мистицизмъ въ предъявленіи своихъ правъ на монополію нравственности“, этотъ ученый не замѣчаетъ, что онъ самъ заявляетъ еще бо́льшія притязанія на такую же монополію науки въ томъ же отношеніи „*Одна наука*, говоритъ онъ, измѣняетъ матеріальныя *и нравственныя* условія существованія народовъ. *Нравственность не имѣетъ другихъ основъ, кромѣ тѣхъ, которыя доставляются ей наукою.* Если въ мірѣ существуетъ что либо серіозное, то только наука. При всякомъ удобномъ случаѣ необходимо провозглашать во всеуслышаніе: матеріальные успѣхи, которыми человѣчество обязано наукѣ—еще наименьшее изъ благъ, являющихся результатомъ ея дѣятельности: она предъявляетъ законныя права на область несравненно болѣе обширную, на область нравственную и соціальную. Нравственная и матеріальная сила науки кроется въ нашемъ мотодѣ наблюденія и опыта устраняющемъ всякія таинственныя внушенія свыше“ [1]). Въ своихъ взглядахъ Бертло сходится съ *Боклемъ*, по мнѣнію котораго только интеллектуальный факторъ двигаетъ впередъ цивилизацію—положеніе давно уже отвергнутое нравственной статистикой, какъ совершенно несостоятельное [2]). Въ той самой Англіи, въ которой этого рода мнѣнія были когда то заявлены историкомъ ея цивилизаціи, теперь доказывается *Бенжаменомъ*.

---

[1]) См. *Бертло*. Наука и нравственность, стр. 27, 28, 39, 41. Нельзя не удивляться такого рода взглядамъ въ лицѣ солиднаго ученаго, приближающихъ его къ тѣмъ фанатикамъ атеизма, на которыхъ, по замѣчанію проф. *Паульсена*, слово религія, особенно христіанская, производитъ такое же впечатлѣніе, какъ красный платокъ на быковъ. Вѣра въ личнаго Бога и въ безсмертіе души считается ими за величайшее несчастіе рода человѣческаго, препятствующее успѣхамъ научнаго знанія, почему écrasez l'infame является для нихъ страстнымъ желаніемъ, въ которомъ они могутъ поспорить съ любымъ религіознымъ фанатикомъ. См. *Paulsen*, Philosophia militans. Gegen Klerikalismus und Naturalismus. Berlin, 1901, с. 174—175.

[2]) См. *Oetingen*, Die Moralstatistik.

Кидомъ въ его сочиненіи о „Соціальной эволюціи“ слѣдующее: Прогрессъ общественной эволюціи часто разсматриваютъ, говоритъ онъ, поверхностно, какъ исключительный продуктъ умственнаго движенія. Такой взглядъ нельзя не признать ошибочнымъ. *Главная двигательная сила нравственнаго прогресса* заключается болѣе всего въ развитіи альтруистическихъ чувствъ, *почерпаемыхъ населеніемъ изъ сверхъестественнаго откровенія христіанской религіи.* Такими чувствами держится главнымъ образомъ наша цивилизація. Эта религія была и остается главнымъ факторомъ, двигающимъ прогрессъ новѣйшихъ народовъ. Ея ученію о равенствѣ всѣхъ лѣдей предъ Богомъ и о любви къ людямъ, какъ основномъ условіи спасенія души, болѣе всего мы обязаны отмѣной рабства, при которомъ были бы невозможны нынѣшнія успѣхи наукъ, промышленности и торговли. Подъ вліяніемъ тѣхъ же альтруистическихъ чувствъ господствующіе классы обществъ отказывались добровольно отъ своихъ исключительныхъ правъ, распространяя свои привилегіи на все болѣе обширные слои населенія. Совершающійся постепенно *прогрессъ* человѣческихъ обществъ *есть результатъ не столько интеллектуальнаго, сколько религіозно-нравственнаго процесса*, имѣющаго своимъ источникомъ тотъ неистощимый фондъ альтруистическихъ чувствъ которымъ запаслась наша цивилизація въ христіанской религіи. Сущность соціальнаго прогресса зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что человѣческая расса становится болѣе нравственно-религіозной. Въ противоположность Боклю, Бенжаменъ Кидъ доказываетъ, что одно умственное развитіе хотя и обезпечиваетъ возрастающее торжество человѣка надъ природой, обезпечивая ему все большія жизненныя удобства, но не даетъ людямъ довольства своей жизнью. При всей быстротѣ экономическаго развитія культурное человѣчество чувствуетъ себя все болѣе несчастнымъ.

Того же мнѣнія держатся въ Германіи *Кирхнеръ* и *Фихте младшій*, въ Австріи проф. *Массарикъ* и цитируемые имъ чешскіе ученые. въ Швейцаріи проф. *Люд. Штейнъ*. Они доказываютъ вполнѣ убѣди-

---

[1]) *Бенжаменъ Кидъ*, Соціальная эволюція.

тельно, что идея гуманитарная явилась слѣдствіемъ не успѣховъ умственнаго развитія, а нравственно-религіознаго прогресса, что умственный и нравственный прогрессъ далеко не всегда идутъ рука объ руку. Счастіе не возрастаетъ пропорціонально успѣхамъ матеріальной культуры, но зависитъ главнымъ образомъ отъ степени нравственнаго развитія людей. Преувеличивающіе значеніе умственнаго фактора въ жизни забываютъ то громадное общественное значеніе, какое имѣетъ религія. Если подъ общественностью понимать смягченіе животныхъ, разнузданныхъ инстинктовъ ради регулированія сожительства людей, то для каждаго сдѣлается очевиднымъ, насколько религіозныя чувства были могущественными средствами въ процессѣ смягченія и упорядоченія аффективной жизни человѣка. Религія прядетъ духовную нить, обоединяющую психическіе интересы личностей. То, что позднѣе государство сковало посредствомъ крови и желѣза, т. е. національную солидарность, религія сдѣлала уже давно болѣе мягкими и кроткими средствами въ религіозной солидарности. Чѣмъ же мы обязаны религіи?—спрашиваетъ одинъ изъ только что цитированныхъ мною авторовъ и справедливо отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: „Всѣмъ. Въ борьбѣ съ человѣкомъ-звѣремъ религія была самымъ надежнымъ средствомъ въ защитѣ его духовнаго существованія“ [1]).

Всякую религію, не исключая христіанской, позитивисты (Гюйо) называютъ не болѣе, какъ „гипотезой“. Но если этой гипотезой жило культурное человѣчество въ теченіе почти 2000 лѣтъ, почерпая изъ нея рѣшимость на все доброе, возвышенное и благородное, какъ равно и самыя силы для проведенія христіанскихъ идеаловъ въ жизнь, почему съ ходомъ времени общественныя отношенія становились все гуманнѣе, то такая гипотеза уже вслѣдствіе этого становится *реальнымъ фактомъ*. Его нельзя вычеркнуть изъ скрижалей исторіи, не отказавшись отъ

---

[1]) См. *Kirchner*, Ethik, Katechismus der Sittenlehre. *J. H. Fichte*, System der Ethik. *Массарикъ*, Философскія и соціологическія основанія марксизма. Этюды по соціальному вопросу. Москва, 1900. *Люд. Штейнъ*, Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія. Москва, 1899.

пониманія той могущественной двигательной силы, которая одновременно съ наукой была рычагомъ общественнаго прогресса.

Да и что такое гипотеза? Развѣ она не имѣетъ своего логическаго основанія въ тѣхъ случаяхъ, когда положительное знаніе не успѣло еще раскрыть естественныхъ законовъ существующихъ явленій. На гипотезы опирается весь научный прогрессъ [1]). Если безъ гипотезъ не можетъ сдѣлать шага впередъ никакая позитивная наука даже въ области знаній, вполнѣ доступныхъ человѣческому уму, то тѣмъ болѣе имѣетъ основанія гипотеза тамъ, гдѣ научный анализъ останавливается въ сознаніи своего полнаго безсилія.

Гипотезѣ, провозглашенной какъ несомнѣнной истинѣ Тѣмъ, Кто могъ раскрыть принципы нравственности, управляющей культурнымъ человѣчествомъ въ теченіе столькихъ вѣковъ на пути къ безконечному прогрессу, опирая на эту гипотезу все ученіе о морали — нѣтъ логическихъ основаній не вѣрить. Даже простымъ смертнымъ, одареннымъ геніальными способностями, развѣ мы не вѣримъ тогда, когда наука безсильна сказать свое вѣсское слово!

Несомнѣнно, гипотеза, лежащая въ основаніи христіанскаго ученія, имѣетъ глубоко мистическій характеръ, безъ котораго не можетъ существовать никакая религія. Но если изъ этого, непостигаемаго однимъ холоднымъ мышленіемъ мистическаго основанія новѣйшіе народы почерпали въ теченіе всего своего культурнаго существованія то жизненное одушевленіе и энергію, которыя дѣлали людей способными на всякіе подвиги самоотверженія и героизма, то этотъ мистицизмъ становится уже реальной силой, вліяніе которой на жизнь человѣчества и прогрессивное развитіе его не можетъ быть отрицаемо. Замѣнить его другой силой, опирающейся на одну только холодную мыслительную способность, къ чему стремятся позитивисты, значитъ искалѣчить человѣческую природу, обратить живыхъ людей не только мыслящихъ, но и чувствующихъ, въ какія то счетныя машины. Человѣкъ, руководящійся въ пониманіи своего нравственнаго

---

[1]) См. выше о значеніи индуктивнаго метода, стр. 106 послѣд.

долга однимъ только умомъ, безъ участія чувства, обратился бы въ автомата, который чаще всего былъ бы неспособенъ ни на какія жертвы въ пользу ближняго.

Возможенъ ли мистицизмъ при высокомъ уровнѣ умственнаго развитія людей? Несомнѣнно возможенъ. Даже главы новѣйшаго позитивизма, *О. Контъ* и *Спенсеръ*, не могли не стать въ концѣ концовъ на чисто мистическую почву, первый въ своей религіи человѣчества, второй въ своемъ ученіи о непознаваемомъ [1]). Такія крупныя свѣтила естественныхъ наукъ, какъ Ньютонъ, Кеплеръ [2]), Галилей, Гершель, Бюфонъ [3]) Кювье, Амперъ [4]), Либихъ, Дюбуа-Реймонъ [5]), Дарвинъ, Вирховъ, Пастеръ и многіе другіе вполнѣ убѣдительно доказываютъ, что глубокія знанія и истинная наука ведутъ человѣка къ Богу и только поверхностныя знанія могутъ вести къ противоположнымъ заключеніямъ. „Сверхчувственное лежитъ на днѣ каждой души,

---

[1]) *Лютардтъ* въ своей „Апологіи христіанства“ (Спб. 1892, стр. 506), цитируетъ мнѣніе основателя научнаго эмпиризма *Бэкона Веруламскаго*, что философія, изучаемая поверхностно, удаляетъ отъ Бога, а изслѣдуемая основательно приводитъ къ Нему, что примѣняетъ и къ наукѣ вообще.

[2]) *Кеплеръ* заканчиваетъ свою знаменитую книгу о движеніи планетъ одушевленнымъ славословіемъ Бога. См. idem.

[3]) См. *Некрасовъ*, Философія и логика. Науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. Пересмотръ ученія Кетле. Москва, 1902, стр. 77.

[4]) Письма знаменитаго математика и физика *Андре Мари Ампера* (1775—1836), изданныя въ Парижѣ въ 1872 г. (Journal et correspondance d'Andre Marie Ampère), проливаютъ яркій свѣтъ на небольшой мистическій кружокъ послѣдователей ученія Евангелія, собиравшійся въ окрестностяхъ Ліона. Этотъ кружокъ былъ однимъ изъ первыхъ проявленій реакціи людей образованныхъ противъ матеріалистической философіи XVIII-го вѣка. См. *Сорейль*, Исторія французской революціи. Спб., 1892, т. I, стр. 138.

[5]) Знаменитый физіологъ, которому принадлежитъ также сочиненіе „О границахъ познанія“. Мнѣніе его, какъ равно и другихъ изъ цитируемыхъ здѣсь естествовѣдовъ, сообщаются въ извлеченіи въ I-мъ томѣ сочиненія *Карышева*, Основы истинной науки. Спб., 1895.

сказалъ *Пастеръ* во вступительной рѣчи, произнесенной во Французской Академіи Наукъ. Я много изучалъ и вѣрую поэтому, какъ бретонскій крестьянинъ. Если бы я сдѣлался еще ученѣе, то моя вѣра стала бы такой же глубокой и пламенной, какъ вѣра простой бретонской женщины" [1]).

Чисто титаническая борьба, которую предприняла незначительная горсть первыхъ христіанъ противъ цѣлаго міра, требовала необычайныхъ и умственныхъ и нравственныхъ силъ. Силы для этой борьбы почерпались первыми проповѣдниками христіанства, въ большинствѣ случаевъ людьми даже необразованными, никакъ не изъ одной холодной мыслительной способности, но еще болѣе изъ глубокаго мистическаго чувства живой связи съ Тѣмъ, Кто положилъ душу Свою за нравственное возрожденіе человѣчества. Развѣ безъ мистическаго единенія съ Божествомъ и сверхъестественнаго подкрѣпленія слабыхъ силъ первыхъ христіанъ было бы возможно ничѣмъ непреодолимое мужество, съ которымъ они шли на всевозможныя истязанія, на крестныя муки, растерзаніе дикими звѣрями или служили живыми факелами оргій Діоклеціановъ, Нероновъ и другихъ чудовищъ въ образѣ человѣческомъ. Трудъ Сенкевича, рисующій всѣ эти ужасы, не смотря на свои достоинства, грѣшитъ противъ исторической правды главнымъ образомъ въ томъ, что изъ него не видно, откуда почерпали свое почти невѣроятное мужество христіанскіе мученики, то мистическое одушевленіе, о которомъ говорятъ всѣ Acta Sanctorum съ такой искренностью, простотой и захватывающей сердце трогательностью. Откуда бралась сверхъчеловѣческая сила выносить самыя ужасныя муки не только у юношей, полныхъ физической энергіи, но у старцевъ, женщинъ и даже дѣтей—это остается у польскаго романиста невыясненнымъ, почему, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, его герои производятъ впечатлѣніе манекеновъ.

Мистицизмъ, одушевляющій на самоотверженное осуществленіе идеаловъ христіанской нравственности, желателенъ и для на-

---

[7]) См. *А. Ѳ. Кони* статью о Владимірѣ Сергѣевичѣ Соловьевѣ въ „Вѣстникѣ Европы" за февраль м. 1903 г.

шего времени. Безъ него невозможна самая молитва и вѣра въ Божественный Промыселъ. Въ основаніи мистицизма лежитъ вѣрная мысль постояннаго воздѣйствія Божества на нашъ духъ [1]). Но вѣра въ это воздѣйствіе должна идти рука объ руку съ умственнымъ развитіемъ людей, признающимъ необходимость помощи „не отъ міра сего“ главнымъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда никакая человѣческая мудрость и предусмотрительность не въ силахъ охранить человѣка отъ грозящихъ ему опасностей. Возложеніе же всей надежды на сверхъестественную помощь даже въ томъ, что человѣкъ можетъ и обязанъ сдѣлать собственными силами — равносильно искушенію Бога, по евангельской морали. Умственное развитіе людей безусловно необходимо для правильнаго усвоенія христіанской религіи; иначе изъ *вѣры* она очень легко можетъ перейти въ *суевѣріе* и отъ ея имени, но безъ ея духа всепрощающей кротости, могутъ совершаться людьми, неумѣющими отличить правой руки отъ лѣвой, вещи какъ разъ противоположныя тому, чего она требуетъ. Если дѣлать религію отвѣтственной за изувѣрства инквизиторовъ и кровавую расправу съ еретиками, то въ такомъ случаѣ за какіе только ужасы и звѣрства Маратовъ, Сенъ-Жюстовъ, Робеспьеровъ, Дантоновъ, залившихъ всю Францію кровью невинныхъ людей и возводившихъ на гильотину даже такихъ лицъ, какія составляли честь и гордость Франціи, изъ за простого только разногласія во мнѣніяхъ съ демагогами, не пришлось бы винить бѣдный человѣческій умъ эпохи „религіи разума!“ Вѣдь по словамъ самого же *Бертло* первая французская революція была „осуществленіемъ общественныхъ идеаловъ, провозглашенныхъ философами и учеными во имя разума и науки“. Сущность ея заключалась, говоря его же словами, „въ рѣшимости основать человѣческое общество на прочномъ и окончательномъ фундаментѣ науки и разума [2])“. Такія идеальныя задачи далеко не осуществились въ дѣйствительности революціей. Въ то же время во имя на-

---

[1]) См. *В. Кудрявцевъ*, Начальныя основанія философіи. Москва. 1901, стр. 134—135.

[2]) *Бертло*, Наука и нравственность, стр. 50 и 58—59.

уки и разума были совершены ею величайшія злодѣянія и изувѣрства, при томъ главнымъ образомъ противъ представителей разума. Такъ какъ мы не можемъ сдѣлать глупыхъ, необразованныхъ и неимущихъ умными, образованными и богатыми, то мы должны — такъ разсуждали тогда — уничтожить умныхъ, образованныхъ и богатыхъ. Для террористовъ во главѣ съ Маратомъ равенство во всемъ было фанатической догмой. Ради этого принципа Маратъ былъ въ состояніи, говоритъ *Люд. Штейнъ*, отправить на гильотину всю французскую интеллигенцію, чтобы не было никакихъ различій въ интеллигентности и въ образованіи. Головы тѣхъ, которые осмѣливались превосходить другихъ геніемъ или талантомъ, отрубались гильотиной, чтобы освободить посредственность отъ мучительнаго сознанія, что есть кто нибудь выше ея. Ученикъ Руссо Робеспьеръ съ Сенъ Жюстомъ хотѣли не столько уничтожить собственность, сколько поразить въ самое сердце образованіе и утонченность нравовъ. Трагизмъ господства террористовъ заключался въ томъ, что эти принципіальные убійцы, какъ люди были совсѣмъ не плохими; они были ужасны только какъ политическіе, чудовищно-послѣдовательные доктринеры [1]). Отзываясь о Маратѣ, какъ о чудовищѣ послѣдовательности прочно установившейся въ его умѣ догмы равенства, проф. Люд. Штейнъ утверждаетъ, что если бы Шарлота Кордэ не спасла Францію отъ Марата, то свѣтъ увидѣлъ бы такое зрѣлище грандіознѣйшихъ ужасовъ, сравнительно съ которыми злодѣянія Каллигулы, Нерона, Робеспьера, казались бы политическими фарсами. Между тѣмъ въ сущности Маратъ не былъ звѣремъ въ образѣ человѣческомъ. Ему были доступны чувства состраданія не только къ людямъ, но даже къ голубямъ, которыхъ онъ кормилъ у себя. Очевидно, что этотъ демагогъ заглушалъ въ себѣ человѣческія чувства требованіями своего холоднаго ума, оправдывавшаго всякія жестокости. Такимъ образомъ революція, предпринятая во имя разума, дошла во время самого своего апогея до отрицанія этого

---

[1]) См. *Люд. Штейнъ*, Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія, стр. 299.

разума, до желанія искоренить въ мірѣ всѣхъ лучшихъ представителей его. Развѣ это не напоминаетъ собою эпохи инквизиціи среднихъ вѣковъ, совершавшей во имя божественнаго ученія любви, милосердія и кротости самыя ужасныя и безчеловѣчныя злодѣянія. Если винить за нихъ христіанскую религію, какъ это теперь принято дѣлать далеко не однимъ Бертло, но и почти всѣми противниками религіи, требующими вычеркнуть ее изъ числа основныхъ элементовъ, двигавшихъ до сихъ поръ прогрессъ человѣчества, то въ такомъ случаѣ, чтобы быть послѣдовательными, они должны отказаться съ такимъ же легкимъ сердцемъ отъ науки и отъ разума, съ какимъ они отказываются отъ религіи! Нѣкоторые изъ французскихъ позитивистовъ впрочемъ такъ и дѣлаютъ, какъ это указано мною выше. Извѣрившись въ значеніи разума въ вопросахъ нравственныхъ, они совѣтуютъ людямъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ поступать „прямо, наивно, просто, безъ размышленій", жить какъ живется, предоставивъ слѣпымъ силамъ природы заботиться о развитіи человѣческой нравственности, какъ это было въ первобытномъ состояніи человѣчества [1]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что съ разумомъ, не управляемымъ нравственностью, могутъ примиряться всякія злодѣянія. Неудивительно поэтому, что эпоху „возрожденія" наукъ и освобожденія человѣческаго разума отъ путъ схоластической учености нѣкоторые изъ ученыхъ далеко не признаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и эпохой возрожденія нравственнаго, называя ее грубой, полной кровопролитныхъ войнъ, разбоевъ, истязаній, преслѣдованій, жестокостей въ отношеніи какъ людей, такъ животныхъ и всякаго рода дикихъ увеселеній. Такъ одинъ изъ англійскихъ писателей указываетъ, что около этого времени стала возникать торговля неграми; а теорія Декарта о томъ, что животныя будто бы лишены сознанія, явилась, съ своей стороны, предлогомъ безжалостнаго

---

[1]) См. выше на стр. 172—175 мой критическій разоборъ лекцій *Бернэ* и *Вагнера* о нравственномъ единеніи, прочитанныхъ въ Свободной Коллегіи соціальныхъ наукъ въ Парижѣ въ 1899 г.

обращенія съ ними[1]). По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ проф. Люд. *Штейномъ*, самое выдающееся произведеніе по общественной философіи временъ Возрожденія — Гемистоса Плетона, являющееся первымъ крупнымъ проектомъ реформъ общественныхъ, религіозныхъ, политическихъ и моральныхъ, предлагаетъ уголовные законы отличающіеся такой жестокостью, что по нимъ проектируется сожигать софистовъ за неправильный образъ мышленія и притомъ на мѣстѣ погребенія преступниковъ. А *Маккіавели* въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Principe", защищая абсолютизмъ для пользы немногихъ личностей, сознаетъ себя свободнымъ отъ всякихъ религіозныхъ и нравственныхъ предразсудковъ и сомнѣній. Онъ уполномочиваетъ государя нарушать свое слово для пользы государства и прибѣгать ко всякимъ другимъ подобнымъ мѣрамъ, защищая съ такой послѣдовательностью холодное, возмущающее всѣхъ нравственныхъ людей политическое ученіе, по которому цѣль оправдываетъ средства, съ какой никогда и никто, даже изъ послѣдователей Лойолы не защищали его. Натуралистическое направленіе современной намъ соціологіи, изгоняющее изъ нея всѣ нравственныя категоріи, можетъ быть, замѣчаетъ проф. Штейнъ, приведено къ Маккіавели, какъ къ первичному общественно-философскому типу[2]).

Успѣхи культуры, сдѣланные съ тѣхъ поръ человѣчествомъ, не спасаютъ ученыхъ отъ подобныхъ же выводовъ философскаго натурализма. Безъ нравственнаго развитія, почерпающаго свои силы главнымъ образомъ изъ христіанской религіи, одно только умственное развитіе, хотя бы и опирающееся на успѣхи наукъ, легко приводитъ даже самихъ представителей ихъ къ возведенію дарвиновской животной борьбы за существованіе въ основное начало соціальнаго прогресса. Развѣ мы не видимъ этого въ ученіи о классовой борьбѣ Маркса, отрицающаго въ самомъ прин-

---

[1]) *Солта*, Гуманитарное ученіе или гуманитаріанизмъ, переводъ съ англійскаго. Москва, 1896, стр. 14 — 24. Срвн. А. Н. *Энгельгардта* Эволюція жестокости. Спб., 1901.

[2]) См. *Люд. Штейнъ*, Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія, главу объ „Общественной философіи въ вѣкъ Возрожденія".

ципѣ какія бы то ни было альтруистическія побужденія общественной морали? Но отказаться отъ воздѣйствія религіозно нравственныхъ идеаловъ на общественную жизнь значитъ осудить общество на состояніе борьбы эгоистическихъ, низменныхъ интересовъ, въ которой становится homo homini lupus.

Стремиться устранять религію изъ государственно-общественныхъ отношеній значитъ игнорировать сущность человѣческой природы. Потребность въ религіозныхъ понятіяхъ также присуща людямъ, какъ и потребность въ научныхъ знаніяхъ. Эти потребности не исключаютъ другъ друга, а взаимно дополняютъ, ибо позитивная наука не даетъ отвѣта на тѣ вопросы, какіе разрѣшаетъ религія. Какъ 2000 лѣтъ тому назадъ научный анализъ былъ безсиленъ въ разрѣшеніи вопросовъ о возникновеніи органической жизни, о сущности жизни и смерти, о назначеніи человѣка, такъ онъ остается безсильнымъ и теперь. Между тѣмъ помириться съ мыслью, что за гробовой плитой оканчивается для человѣка все—не могутъ мыслящіе и чувствующіе люди. У большинства людей опустились бы руки, исчезла бы всякая энергія въ борьбѣ за жизнь при подобномъ взглядѣ. Стоило ли бы хлопотать объ устройствѣ жизни, продолжающейся одинъ мигъ въ сравненіи съ вѣчностью и притомъ сулящей почти каждому человѣку столько огорченій и страданій физическихъ и нравственныхъ. Неудивительно поэтому, что главы новѣйшаго позитивизма О. Контъ, Спенсеръ и Тэнъ, осудившіе первоначально религіозный элементъ жизни, какъ несовмѣстный съ высшимъ культурнымъ развитіемъ человѣчества, въ концѣ концовъ сами возвратились къ нему. Контъ собственной жизнью если и оправдалъ свой законъ трехъ стадій развитія человѣчества, то только въ обратномъ направленіи. Начавъ съ позитивизма, онъ чрезъ метафизику пришелъ къ религіозному сознанію. Спенсеръ въ своемъ чисто позитивномъ ученіи пришелъ къ агностицизму, одной только вѣрою. Вслѣдствіе этой вѣры въ „Непознаваемое“, т. е. Божественное, онъ сознался въ ошибочности своихъ чисто логическихъ выводовъ о необходимости изгнанія изъ общественныхъ отношеній чувства состраданія, а поэтому и всей благотворительной дѣятельности.

Точно также Тэнъ, написавшій всѣ свои первые ученые труды въ чисто позитивномъ направленіи, въ дальнѣйшихъ своихъ поискахъ за объективнымъ основаніемъ критическаго сужденія, недопускающемъ ничего произвольнаго и чисто личнаго, пришелъ къ признанію христіанства за источникъ всякаго нравственнаго прогресса, доказавъ это фактами всемірной исторіи.

На одной изъ страницъ своего знаменитаго труда „Origines de la France contemporaine“ онъ пишетъ: „По прошествіи 18-ти вѣковъ христіанство остается для 400 милліоновъ людей духовнымъ органомъ, крыльями, подымающими человѣка въ высь. Въ теченіе 18-ти вѣковъ всегда и вездѣ, какъ только эти крылья опускались, общество деморализировалось. Въ Италіи во время ренесанса, въ Англіи во время реставраціи, во Франціи во время директоріи, человѣкъ становился язычникомъ и тогда жестокость нравовъ и чувственность начинали господствовать. Успѣхи ни наукъ, ни искусствъ, ни государственной жизни не могли замѣнить благотворнаго вліянія христіанства. Древнее Евангеліе до нашего времени продолжаетъ оставаться лучшимъ средствомъ для развитія соціальныхъ инстинктовъ. Въ общественной жизни религія есть, по мнѣнію Тэна, естественный драгоцѣнный органъ. Люди нуждаются въ ней, чтобы сознавать и чувствовать связь своей временной жизни съ міромъ безконечнымъ, и въ то же время, чтобы умѣть устраивать эту временную жизнь наиболѣе справедливымъ образомъ. Исчезновеніе религіи оставило бы въ душахъ человѣческихъ прискорбную пустоту, и въ общественной жизни стали бы царить несправедливость и эгоизмъ.

Въ противоположность господствующему въ настоящее время во Франціи мнѣнію, что всей новѣйшей политической нравственностью, уваженіемъ къ правамъ человѣческой личности, новѣйшее культурное человѣчество обязано первой французской революціи, провозгласившей „права человѣка“, Тэнъ утверждаетъ, что совѣсть и честь нами унаслѣдованы еще отъ эпохи феодализма, христіанства и реформаціи; что задача современной культуры заключается въ томъ, чтобы развивать далѣе основные принципы христіанской религіи, обновленной реформаціоннымъ

движеніемъ. Тэнъ говоритъ о религіи не какъ раціоналистъ, но какъ историкъ и психологъ. Основываясь на томъ вліяніи, какое христіанство оказывало на развитіе цивилизаціи, онъ заключаетъ о невозможности создать нравственность помимо религіи. По этой солидарности между моралью и религіей онъ приходитъ къ заключенію объ „объективности" религіозной идеи. Съ его точки зрѣнія религіозный инстинктъ соотвѣтствуетъ природѣ человѣческой и играетъ первостепенную роль, какъ общественная связь и какъ нравственная узда. Указывая судьбу человѣческую послѣ земной жизни, религія является поэзіей морали, продолженіемъ до безконечности свѣтоносной и возвышенной идеи справедливости, почему мыслящій человѣкъ можетъ воспринять ее всецѣло, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ символа. Естественныя науки не въ въ силахъ замѣнить религію. Онѣ изучили видимый и осязаемый міръ звѣздъ, камней, растеній, раскрыли физическую природу человѣка, но онѣ не охватываютъ собою человѣка мыслящаго, чувствующаго, имѣющаго волю и дѣйствующаго. Это могутъ сдѣлать, по мнѣнію Тэна, только психологія и исторія. Тэнъ стремится опровергнуть общераспространенный предразсудокъ, что политическій общественный прогрессъ былъ осуществленъ въ прошедшемъ, путемъ насилія, которое легло въ основаніе первой французской революціи, и что только такимъ же путемъ онъ можетъ совершаться и далѣе въ будущемъ [1].)

Ясно такимъ образомъ, что религіозная сторона общественной жизни является столь же важной для прогресса общества, какъ матеріальная культура и какъ умственное развитіе его, обусловливаемое успѣхами знаній.

---

[1]) См. *Bourdeau.* Les maitres de la pensée contemporaine. Paris 1904. *A. Fouillée.* La France au point de vue moral. Paris 1900. *Brunetière.* Discours de Combat. Paris 1903.

ГЛАВА VIII*a*.

Профессоръ Зомбартъ, какъ самый откровенный противникъ вліянія религіи и нравственности на общественный прогрессъ.

Тѣмъ страннѣе встрѣчать со стороны извѣстнаго, талантливаго, современнаго намъ экономиста, профессора Бреславскаго университета, Зомбарта, заявленіе о томъ, что вліяніе нравственности и религіи на экономическую политику не приноситъ ничего кромѣ вреда, препятствуя всякому экономическому прогрессу. Такое заявленіе можно объяснить только тѣмъ, что Зомбратъ называетъ себя ученикомъ Маркса: во что бы то ни стало, онъ хочетъ отстоять вѣрность его мнѣнія во вредѣ этизаціи экономической науки. Но, будучи человѣкомъ въ высшей степени искреннимъ, онъ оканчиваетъ тѣмъ, что въ результатѣ наноситъ самые тяжелые удары ученію своего учителя.

Свои взгляды Зомбартъ изложилъ въ книгѣ „Идеалы соціальной политики“, переведенной своевременно на русскій языкъ, но страннымъ образомъ, оставшейся безъ всякихъ возраженій. Онъ увѣряетъ, что допущеніе вліянія „этическаго идеала, унаслѣдованнаго отъ старины, *заковываетъ производительныя силы въ такія цѣпи, которыя препятствуютъ успѣшному*

развитію экономической жизни". По своей природѣ „этизированіе" соціальной политики *всегда* экономически *реакціонно*, съ его точки зрѣнія. Это есть реакція противъ слишкомъ быстраго темпа экономическаго прогресса. Въ то время, какъ рабочее движеніе выступаетъ прогрессивной силой, этическая" политическая экономія состоитъ въ задерживаніи этой силы. Съ точки зрѣнія этики все совершается черезчуръ быстро; при бѣшеномъ темпѣ мы теряемъ весь нашъ культурный багажъ, „нравственное преобразованіе не поспѣваетъ за экономическимъ; старыя формы хозяйственной жизни, разсадники покорности и порядка, патріархальныхъ нравовъ и морали, должны быть предохранены отъ разрушительнаго вліянія промышленной революціи, слабые должны быть защищены, сильные укрощены, такъ звучатъ, говоритъ онъ, предостереженія этики политической экономіи по адресу правительствъ. Основнымъ мотивомъ ея является инстинктивный ужасъ предъ крупно-капиталистическимъ производствомъ и симпатія ко всѣмъ представителямъ мелкаго производства: къ мелкимъ крестьянамъ, ремесленникамъ, мелкимъ кустарямъ" и т. д. [1]).

Все это Зомбартъ повторяетъ цѣликомъ со словъ Маркса, который видитъ соціальный прогрессъ не во водвореніи правды и справедливости въ экономическихъ и общественныхъ отношеніяхъ, а въ безпощадной борьбѣ однихъ классовъ общества съ другими и въ торжествѣ сильныхъ надъ слабыми. Съ его точки зрѣнія, что на государствѣ всегда лежитъ обязанность поддерживать не интересы справедливости, а торжество тѣхъ классовъ общества, какіе въ данный моментъ оказываются наиболѣе сильными.

Что это такое, какъ не дифирамбъ экономическому прогрессу, освобождаемому отъ всякихъ высшихъ задачъ общественной жизни, поставляемыхъ ученіемъ о нравственности! „Не понятіе о нравственномъ должно ограничивать хозяйственную дѣятель-

---

[1]) *Зомбартъ*, Идеалы соціальной политики. Изданіе товарищества „Знаніе". Спб., 1900, стр. 55, 49, 50.

ность, заявляетъ откровенно Зомбартъ далѣе, но, наоборотъ, хозяйственныя нужды образуютъ границы, въ предѣлахъ которыхъ нравственное можетъ быть осуществляемо. Этика играетъ чисто декоративную роль и въ лучшемъ случаѣ была излишней для экономическаго развитія, которое находитъ свой путь и безъ этическихъ рельсовъ". Исходя изъ этой освобожденной отъ всякой этической узды точки зрѣнія, Зомбартъ приходитъ къ заключенію, что „всякая сознательная, цѣлесообразная соціальная политика *неизбѣжно должна быть классовой*. Внутренняя жизнь государства характеризуется разнородностью интересовъ, для которыхъ *не существуетъ примиренія*. Соціальная политика, переустроивая экономическую жизнь, является побѣднымъ шествіемъ опредѣленной системы хозяйства, значитъ отдѣльнаго соціальнаго класса. Опредѣленныя системы хозяйства, смѣняя однѣ другія, прекращаютъ взаимную борьбу не раньше, какъ послѣ побѣды одной изъ нихъ. Правительство, которое хотѣло бы стоять выше партій, неизбѣжно стало бы держаться зигзагообразнаго курса, т. е. преслѣдовать сегодня юнкерскую, завтра мелко-буржуазную, послѣ-завтра капиталистическо-пролетарскую политику, или же имѣло бы только декоративное значеніе, не преслѣдуя никакой самостоятельной политики, т. е. носило бы на себѣ всѣ признаки дряхлости" [1]).

Такая характеристика задачъ экономической политики, вытекающихъ изъ разума, освобожденнаго отъ этики, какъ ненужной для соціальнаго прогресса и только тормозящей его, сдѣлана не какимъ либо утопистомъ, но человѣкомъ науки, желающимъ не выходить изъ предѣловъ дѣйствительности. Нельзя не остановиться хотя на краткомъ критическомъ разборѣ такой боевой соціальной политики, незнающей никакихъ иныхъ принциповъ въ общественной жизни, кромѣ дарвиновской борьбы различныхъ частей населенія за свои исключительные, эгоистическіе интересы.

Правда ли, что допущеніе вліянія этическаго идеала, унаслѣдованнаго отъ старины, т. е. опирающагося на религію, какъ хранительницу этого идеала, равносильно наложенію цѣпей на

---

[1]) Idem.

развитіе производительныхъ силъ или тормазу прогресса экономической жизни? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать только исторія.

Подъ вліяніемъ идеала, провозглашеннаго христіанской религіей, что въ царствѣ Христовомъ „нѣтъ рабовъ и свободныхъ, нѣтъ мужчинъ и женщинъ, эллиновъ и іудеевъ“, но есть только братья во Христѣ, въ древнемъ мірѣ впервые стало устраняться рабство и другіе, созданные путемъ насилія виды соціальнаго неравенства, несовмѣстимые съ духомъ этой религіи. Принявшіе ее спѣшили или отпускать на волю своихъ рабовъ, или ставить ихъ въ такія мягкія, патріархальныя отношенія къ себѣ, при которыхъ прежніе рабы становились какъ бы членами семьи своихъ господъ. Безправному положенію женщины, почти приравнивавшейся въ древнемъ Римѣ къ состоянію дѣтей и рабовъ въ отношеніи власти отца семьи, который имѣлъ первоначально надъ всѣми ими даже права жизни и смерти, былъ положенъ конецъ подъ вліяніемъ христіанства. Положеніе иностранцевъ тоже перестало быть ничѣмъ необезпеченнымъ; гражданскія права стали распространяться и на нихъ. Мало того, самое понятіе о гражданскихъ правахъ стало расширяться до степени признанія за людьми такихъ еще болѣе высокихъ правъ человѣческой личности, неприкосновенныхъ для государственной власти, какъ свобода совѣсти. Идеаломъ политической власти, вмѣсто прежняго господства и эксплоатаціи подчиненныхъ, сдѣлалось служеніе общему благу: „Кто хочетъ быть первымъ, да будетъ послѣднимъ, да будетъ всѣмъ слуга“. Подъ вліяніемъ такого идеала и другихъ условій, даже и у язычниковъ прежнее невольничество перешло въ болѣе мягкую форму колоната и крѣпостного состоянія.

Такого рода радикальныя измѣненія во всемъ общественномъ строѣ жизни, какъ равно и всѣ дальнѣйшія смягченія права сильнаго, совершавшіяся подъ вліяніемъ христіанской этики, можно ли считать за тормазъ экономическаго развитія? Надо не желать знать всей исторіи, чтобы утверждать это. Пришлось бы перевернуть на выворотъ все ученіе общественныхъ и государственныхъ наукъ, впасть въ полное отрицаніе результатовъ

тысячелѣтней работы человѣческой мысли, чтобы договориться до того, что съ такой самоувѣренностью и апломбомъ заявляетъ ученый мужъ Бреславскаго университета. До сихъ поръ всѣ общественныя и государственныя науки утверждали, что возможно большее совпаденіе личныхъ интересовъ гражданъ съ общимъ благомъ составляетъ сущность задачъ всего общественнаго развитія, а выясненіе условій такого совпаденія служитъ фундаментомъ обществовѣдѣнія. У Зомбарта выходитъ наоборотъ. Съ его точки зрѣнія, возвышеніе центральной государственной власти изъ прежняго ея безсилія въ эпоху феодализма, для все большаго подчиненія сословныхъ и сепаратныхъ интересовъ отдѣльныхъ частей населенія идеѣ общаго блага, есть химера. По его мнѣнію, государственная власть должна быть сознательнымъ орудіемъ исключительныхъ, эгоистическихъ интересовъ тѣхъ классовъ, которымъ въ данный моментъ удастся захватить ее въ свои руки. Не справедливость, не право, но грубая физическая сила и насиліе, нестѣсняющіяся никакими требованіями человѣческой совѣсти,—вотъ, что должно быть написано на знамени вождей народа, облеченныхъ довѣріемъ его и аттрибутами государственной власти.

„Для разнородныхъ интересовъ, составляющихъ содержаніе внутренней жизни государства, *не существуетъ примиренія*“, торжественно заявляетъ Зомбартъ. Но въ такомъ случаѣ чѣмъ же держится общественная жизнь, отчего общества не распадаются на отдѣльные атомы, изъ которыхъ они состоятъ? Прежде это обезпечивалось кастовой организаціей, затѣмъ сословной, обезпечивавшихъ возможность меньшинству, обладавшему физической силой, жить на счетъ большинства. Теперь кастовыя и сословныя различія почти исчезли у образованныхъ народовъ, а между тѣмъ общественная жизнь продолжаетъ существовать безъ этихъ внѣшнихъ, насильственныхъ формъ, въ которыя она была втиснута въ эпоху господства кулачнаго права. Ясно, что она поддерживается внутреннимъ единеніемъ тѣхъ разнородныхъ интересовъ, о которыхъ говоритъ Зомбартъ. Эта именно разнородность и является причиной солидарности ихъ. Чѣмъ болѣе развивается общественная жизнь, вслѣдствіе все большаго раз-

витія раздѣленія занятій, лежащаго въ основаніи ея, тѣмъ все болѣе разнородными становятся интересы, составляющіе внутреннее содержаніе ея. Но вслѣдствіе того, эти интересы не только не становятся болѣе прежняго враждебными другъ другу, а напротивъ, между ними устанавливается все бо̀льшая солидарность. Классы населенія, посвящающіе себя промышленному труду, не могутъ не желать возможно большей производительности труда земледѣльцевъ, благодаря которой послѣдніе становятся тѣмъ лучшими покупателями произведеній первыхъ. Точно также процвѣтаніемъ промышленности, предъявляющей спросъ на продукты земледѣлія, сильно обусловливается прогрессъ сельскаго хозяйства. Коммерсанты заинтересованы въ процвѣтаніи сельскаго хозяйства и промышленности, такъ какъ продуктами ихъ они ведутъ всю свою торговлю. Лица, посвящающія себя либеральнымъ профессіямъ, заинтересованы въ успѣхахъ благосостоянія всѣхъ ихъ, ибо при бѣдности большинства населенія государству не откуда было бы почерпать своихъ доходовъ для содержанія состоящихъ у него на службѣ лицъ; а художникамъ и литераторамъ не было бы отъ кого получать вознагражденіе за свои труды на пользу умственнаго, нравственнаго и художественнаго развитія всего населенія.

Если Зомбартъ, говоря о непримиримости разнородныхъ интересовъ, составляющихъ содержаніе внутренней жизни государства, имѣетъ въ виду не различіе интересовъ, вытекающихъ изъ принципа раздѣленія труда, а различіе выгодъ классовъ работодателей и рабочихъ, то и въ такомъ случаѣ его положеніе невѣрно. Постоянно испытываемые новѣйшими обществами кризисы сбыта товаровъ происходятъ главнымъ образомъ отъ отсутствія достаточныхъ матеріальныхъ средствъ у рабочаго населенія для покупки ихъ. Чѣмъ оно будетъ зажиточнѣе, тѣмъ на болѣе вѣрный внутренній сбытъ своихъ произведеній могутъ разсчитывать фабриканты и не гоняться за невсегда достаточно прочными иностранными рынками.

Ученіе Зомбарта, что выгоды однихъ классовъ населенія и народовъ неизбѣжно достигаются насчетъ потерь другихъ — есть возвращеніе политической экономіи къ тому младенческому

состоянію, въ какомъ она находилась въ эпоху меркантилистовъ, ибо они выставляли этотъ принципъ за основаніе своего ученія.

Если благосостояніе каждаго класса общества обусловливается благосостояніемъ остальныхъ классовъ, то можетъ ли правительство не ставить своей цѣлью сколько-нибудь нормальной политики поддержаніе интересовъ всѣхъ этихъ классовъ вмѣстѣ взятыхъ, а не какого либо одного изъ нихъ насчетъ другихъ? По мнѣнію Зомбарта, такая экономическая политика ведетъ къ задержкѣ развитія техники. Но сущность экономическаго прогресса заключается не столько въ успѣхахъ промышленной и сельскохозяйственной техники, сколько въ возможно бо̀льшемъ обезпеченіи благосостоянія большинства населенія. Какъ бы ни превосходило крупное землевладѣніе мелкое по примѣненію высоко интенсивныхъ способовъ веденія сельскаго хозяйства, но неизбѣжно соединенный съ латифундіями сельскій пролетаріатъ составляетъ такую общественную язву, что для избѣжанія ея можно предпочесть мелкое землевладѣніе крупному. Въ дѣйствительности же оказывается, что даже и въ отношеніи усовершенствованія техники первое можетъ съ успѣхомъ бороться со вторымъ и даже превосходить его, особенно по части скотоводства, при извѣстномъ содѣйствіи со стороны правительства [1]). Домашняя и кустарная промышленность въ техническомъ отношеніи, конечно, стоитъ неизмѣримо ниже фабрично-заводской; но ограничивая область своего производства или очень дорогими, или, наоборотъ, самыми дешевыми продуктами, несоотвѣтствующими характеру и условіямъ фабрично-заводской промышленности, она не боится конкуренціи ея, обезпечивая при этомъ средства существованія сельскому населенію въ качествѣ подсобнаго промысла. Не оказывая въ то же время того деморализующаго вліянія на семейный бытъ, какое чаще всего производитъ на него фабричный трудъ, домашняя и кустарная промышленность

---

[1]) См. мое сочиненіе „Объ экономическомъ и общественномъ значеніи крестьянскаго землевладѣнія и размѣровъ его“. Варшава, 1901, а также мое изслѣдованіе „О развитіи скотоводства для устраненія сельско-хозяйственнаго кризиса и поднятія благосостоянія крестьянъ“. Варшава, 1902.

вполнѣ заслуживаютъ поддержки со стороны государственныхъ и общественныхъ учрежденій. Ремесленная дѣятельность тоже въ нѣкоторыхъ своихъ отрасляхъ никогда не исчезнетъ, а между тѣмъ по условіямъ соціальнымъ и нравственнымъ она стоитъ неизмѣримо выше фабрично-заводской промышленности [1]). Къ числу главныхъ задачъ экономической политики принадлежитъ созданіе такихъ условій, чтобы при нихъ плоды труда не проходили мимо рта трудящихся.

Можетъ ли точно также не входить въ число задачъ экономической политики защита дѣтей и женщинъ, какъ слабѣйшей части рабочаго населенія, и даже взрослаго мужскаго населенія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые предусмотѣрны новѣйшимъ фабричнымъ законодательствомъ? „Защиту слабыхъ и укрощеніе сильныхъ“ этимъ законодательствомъ въ настоящее время никто не признаетъ за тормазъ экономическаго прогресса, хотя они и составляютъ результатъ тѣхъ гуманныхъ, христіанскихъ чувствъ, которыми было одушевлено общественное мнѣніе Англіи и другихъ странъ противъ злоупотребленій крупной промышленности. Можетъ ли не входить точно также въ число задачъ экономической политики защита потребителей противъ фальсификаціи продуктовъ производителями, разсчитанной прямо на обманъ? Въ этой защитѣ тоже никто не видитъ тормаза экономическаго прогресса. Пока спорнымъ вопросомъ остается, необходима ли защита потребителей противъ промышленныхъ синдикатовъ и трёстовъ, какъ союзовъ, направленныхъ къ эксплоатаціи потребителей и рабочихъ. Предъ ними правительства многихъ странъ еще вѣжливо расшаркиваются и терпятъ ихъ, пока не сдѣлается очевидной для всѣхъ эксплоататорская роль этихъ союзовъ.

Такимъ образомъ защита слабыхъ въ народномъ хозяйствѣ является вполнѣ цѣлесообразной; она не только не препятствуетъ хозяйственному прогрессу, но благопріятствуетъ ему. Надо ли говорить объ отмѣнѣ наслѣдственнаго подданства крестьянъ, совершившейся въ половинѣ XIX-го столѣтія въ большинствѣ германскихъ государствъ и въ Австріи, въ Россіи крѣпостного

---

[1]) См. *Roscher*, Nationalökonomik des Handels und Gewerbefleisses.

состоянія, невольничества въ европейскихъ колоніяхъ Вестъ-Индіи и въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ? Все это была защита слабыхъ и укрощеніе сильныхъ, послужившія на пользу, а не во вредъ экономическому прогрессу.

Говоря о задержкѣ хозяйственнаго прогресса „этизированіемъ“ экономической политики, *Зомбартъ*, очевидно, имѣетъ въ виду исключительно задержки успѣховъ промышленной техники. Идеаломъ соціальной политики служитъ у него „система хозяйства высшей производительности“, какъ онъ самъ опредѣляетъ этотъ идеалъ [1]). О безупречности такого опредѣленія этого идеала самъ онъ столь высокаго мнѣнія, что съ необыкновенной самоувѣренностью выводитъ изъ него и свое основное положеніе о „неизбѣжности всякой сознательной, цѣлесообразной политики быть классовой“ при воображаемой имъ непримиримости разнородныхъ интересовъ. „Соціальная политика *должна быть классовой*. Это слѣдуетъ изъ моего опредѣленія понятія соціальной политики“, заявляетъ онъ съ чисто юношеской самоувѣренностью [2]). Но чрезмѣрная самоувѣренность у юношей чаще всего бываетъ результатомъ односторонности идей ихъ. Эту односторонность легко доказать и въ опредѣленіи идеала соціальной политики, сдѣланномъ Зомбартомъ. Система хозяйства высшей производительности далеко не всегда совпадаетъ съ системой правильнаго распредѣленія народныхъ богатствъ, обезпечивающаго благосостояніе большинства населенія. Очевидно, что выставляя такой идеалъ экономической политики и изгоняя изъ нея всякіе этическіе принципы, Зомбартъ невольно впадаетъ въ заблужденіе прежней манчестерской школы экономистовъ, съ точки зрѣнія которыхъ, по замѣчанію *Дротца*, „не богатства существуютъ для людей, а люди для богатствъ“. Говоря, что всякая сознательная, цѣлесообразная политика *неизбѣжно должна быть классовою*, что для разнородныхъ интересовъ, составляющихъ внутреннюю жизнь государства, „не существуетъ примиренія“ [3]),

---

[1]) *Зомбартъ*, Идеалы соціальной политики. Спб., 1900, стр. 68.

[2]) Idem, стр. 59, 61 и 60.

[3]) Idem, стр. 64 и 61.

Зомбартъ идетъ даже далѣе манчестерцевъ въ слишкомъ откровенной защитѣ необходимости эксплоатаціи однихъ классовъ общества другими. Онъ провозглашаетъ неизбѣжность такой экономической политики, которую правильнѣе всего можно было бы назвать *волчьей* политикой (homo homini lupus), ибо она заключается въ поддержаніи волчьихъ аппетитовъ у отдѣльныхъ лицъ и классовъ общества. Сказать, чтобы такая политика могла обусловливать экономическій прогрессъ, нѣтъ никакого основанія. Обогащеніе кого бы то ни было способами, вредными для общаго блага, не только не *экономично* для народнаго хозяйства, но положительно *убыточно*, ибо обезпечивая выгоды немногихъ, оно подрываетъ въ тоже время благосостояніе большинства населенія. Общее благо въ истинномъ смыслѣ чаще всего есть таже самая справедливость. Говоря о хозяйственной дѣятельности, какъ независимой отъ понятія о справедливости, Зомбартъ дѣлаетъ грубую ошибку: онъ становится исключительно на точку зрѣнія частнаго хозяйства, которая далеко не тождественна съ точкой зрѣнія народнаго хозяйства, стремляющагося примирить интересы частныхъ хозяйствъ съ общимъ благомъ.

Взгляды Зомбарта грѣшатъ не только противъ сущности всей экономической науки, но и противъ исторіи. Альтруистическіе мотивы, въ которыхъ заключается сущность этики, являются вполнѣ несомнѣннымъ, встрѣчающимся всюду историческимъ фактомъ. Поэтому научное изслѣдованіе не можетъ игнорировать ихъ, не представлая превратной картины общественныхъ отношеній, основанныхъ исключительно на однихъ только эгоистическихъ побужденіяхъ, которыми одними не могутъ держаться человѣческія общества, не обрекая себя на разложеніе.

Волчья политика, которую Зомбартъ возводитъ въ общій принципъ всякой экономической политики, есть отрицаніе всего, что сдѣлано было общественными науками съ возникновенія ихъ до нашего времени. Нежеланіе ученыхъ при построеніи своихъ соціальныхъ теорій подчиняться требованіямъ этики ведетъ ихъ такимъ образомъ къ отрицанію самой науки, слѣдовательно не только къ нравственному, но и къ умственному *нигилизму*. Изъ этого видно, что этика — далеко не одно только украшеніе

экономическаго прогресса, притомъ задерживающее его, какъ увѣряетъ Зомбартъ, но могущественный двигатель его, безъ котораго bellum omnium contra omnes становится неизбѣжной.

Сказать, чтобы для Зомбарта лично волчья соціальная политика была симпатичной — нельзя. Онъ, напротивъ, горячій сторонникъ блага рабочихъ, слѣдовательно большинства населенія. Тѣмъ не менѣе, изгнаніемъ изъ области народнаго хозяйства принциповъ этики, онъ гостепріимно открываетъ ворота въ него для всякихъ сверхчеловѣковъ, идеализирующихъ бытъ древнихъ народовъ, который опирался на рабствѣ и давалъ возможность ничтожному меньшинству полноправныхъ гражданъ пользоваться всѣми благами жизни на счетъ нищеты и невѣжества остальнаго населенія. Эти ворота въ области экономической политики Зомбартъ отворяетъ для сверхчеловѣковъ тѣмъ шире, что въ своемъ трудѣ объ „Идеалахъ соціальной политики“ самъ не берется даже и рѣшать, какой именно соціальный классъ въ классовой политикѣ долженъ пользоваться содѣйствіемъ правительства. Такъ какъ не дѣло науки заниматься разсмотрѣніемъ ложности или вѣрности „конечныхъ цѣлей“, говоритъ Зомбартъ, то поэтому и въ выборѣ того или другаго идеала научное познаніе безсильно“ [1]). Идеалъ, по его мнѣнію, есть дѣло вѣры и нравственнаго чувства каждаго отдѣльнаго лица, которыя у сверхчевѣковъ могутъ радикально расходиться съ христіанскими.

Самъ Зомбартъ лично не имѣетъ въ виду этой господской морали (Herren-Moral); онъ прямо указываетъ, что въ настоящее время подавляющее большинство образованнаго человѣчества признаетъ необходимымъ расширеніе благъ культуры на все болѣе широкіе слои населенія, съ чѣмъ и онъ согласенъ [2]). Но развѣ это не есть то, чего требуетъ чисто христіанскій идеалъ соціальной нравственности? Начавъ съ отрицанія его, нѣмецкій ученый кончилъ такимъ образомъ признаніемъ его и слѣдовательно самъ заклепалъ всѣ свои орудія, направленныя противъ этико-религіознаго основанія соціальной политики. Замѣтивъ явное

---

[1]) *Зомбартъ,* „Идеалы соціальной политики“ стр. 65.

[2]) Idem, стр. 66.

противорѣчіе, въ которое онъ впалъ, ставъ на чуждую для него точку зрѣнія, онъ пытается затѣмъ снова вернуться къ своей первоначальной, исходной точкѣ, увѣряя что наука можетъ изъ себя самой создать и свой „собственный идеалъ". Что же это за идеалъ? „Здоровая соціальная политика должна имѣть своей задачей, говоритъ онъ, возможную поддержку того соціальнаго класса, который является носителемъ экономическаго прогресса [1])".

Но какой же классъ служитъ представителемъ этого прогресса? Въ промышленной и земледѣльческой сферѣ — конечно, крупные предприниматели и землевладѣльцы считаютъ себя за нихъ. Отсюда логически вытекала бы необходимость такой экономической политики, какая обезпечивала бы интересы аграріевъ и крупныхъ фабрикантовъ, слѣдовательно юнкерской и буржуазной политики. Но этого совсѣмъ не желаетъ Зомбартъ. Все его сочувствіе на сторонѣ рабочихъ классовъ, слѣдовательно на сторонѣ идеала христіанской нравственности. Логически отстоять ихъ интересы онъ можетъ только опираясь на идеалы этики и при томъ не эволюціонной, мѣняющейся съ ходомъ времени, но религіозной, которая учитъ объ абсолютныхъ идеалахъ нравственности. Противъ эволюціонной этики онъ прямо и вполнѣ основательно возстаетъ, говоря: „всѣ тѣ этическія системы, которыя признаютъ измѣняемость основъ нравственности въ различные періоды времени, можно сравнить съ кораблемъ, несущимся по теченію. Въ противоположность абсолютнымъ, ихъ можно назвать относительными. Спрашивается, что могутъ дать они для сколько нибудь вѣрнаго направленія соціальной политики?... Какъ маякъ, который изъ нѣсколькихъ, а не изъ одной неподвижной точки испускаетъ лучи хорошо извѣстнаго свѣта, причинилъ бы кораблю, вмѣсто спасенія, гибель, такъ и политикѣ грозитъ серіозная опасность отъ идеала, который, на подобіе блуждающаго огонька, лишенъ спокойствія и постоянства свѣтильника, указывающаго путь" [2]).

---

[1]) Idem, стр. 67.

[2]) Idem, стр. 46—47

По истинѣ, жалко смотрѣть, какъ ученый съ несомнѣнно выдающимися способностями и обширными свѣдѣніями, задавшись желаніемъ изгнать изъ общественныхъ наукъ во что бы то ни стало принципы религіозной морали, бьется въ своемъ безсиліи, какъ рыба объ лёдъ. Онъ могъ бы вполнѣ примѣнить къ себѣ слова, слышанныя апостоломъ Павломъ при входѣ въ Дамаскъ: „Трудно тебѣ идти противъ рожна“!

Что доказываетъ вся, только что приведенная характеристика ученія Зомбарта объ идеалахъ соціальной политики? Полагаю, доказываетъ достаточно полное безсиліе соціальныхъ наукъ, при игнорированіи принциповъ нравственности, опирающихся на христіанскую религію, намѣтить сколько нибудь ясно и вѣрно пути соціальнаго прогресса. Соціальной наукѣ — хочетъ она того или не хочетъ, но ей приходится преклониться предъ религіей, какъ главной путеводительницей нравственнаго и общественнаго совершенствованія человѣчества. Свѣтъ науки, которой Бертло и другія позитивисты считаютъ единственнымъ путеводнымъ свѣтомъ въ развитіи человѣчества, оказывается въ области соціальной и нравственной слишкомъ фосфорическимъ, черезъ чуръ мѣняющимся въ сравненіи съ тѣмъ, который свѣтитъ человѣчеству уже около 2000 лѣтъ, какъ самый вѣрный „путь и истина“. Зомбартъ, очевидно, не сознаетъ того громаднаго соціологическаго значенія религіи, которое въ настоящее время достаточно уже выяснено въ наукѣ.

Идеалы правды, добра и любви, поддерживаемые въ людяхъ христіанскою религіею, являются руководящими принципами культурныхъ обществъ. Поэтому соціальный прогрессъ нельзя считать за продолженіе космическаго процесса. Отношеніямъ людей, основаннымъ на дарвиновской борьбѣ за существованіе, не должно быть мѣста въ средѣ этихъ обществъ. Они идутъ въ разрѣзъ со всѣми успѣхами гуманизма новѣйшаго времени, такъ прекрасно охарактеризованными Бенжаменомъ *Кидомъ*. Но считая эти успѣхи за результатъ эволюціи, очевидно, онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Логическимъ выводомъ изъ идеи эволюціи можетъ быть только охарактеризованное мною предъ этимъ ученіе *Ваше де Лапужа*, *Аммона*, *Плетца*, *Гай-*

крафта и другихъ, которыхъ Зомбартъ называетъ гигіенистами расы [1]), а также *Клеманса Руайе*, *Маркса*, *Нитцше*, и имъ подобныхъ. Стоя на чисто натуралистической точкѣ зрѣнія, они вполнѣ послѣдовательно отрицаютъ всякое понятіе о нравственности въ человѣческихъ обществахъ и проповѣдуютъ идеи, требующія массовыхъ приношеній на пользу тѣхъ, кто сильнѣе другихъ. Чѣмъ станетъ ученіе о сверхчеловѣчествѣ въ его практическомъ осуществленіи? — спрашиваетъ одинъ изъ нашихъ критиковъ Нитцше, симпатизирующихъ ему подъ вліяніемъ его несомнѣнно высоко художественнаго стиля, мгновенно и ярко освѣщающаго какъ молнія сущность многихъ изъ предметовъ, которыхъ онъ касается. Это ученіе, отвѣчаетъ г. *Герасимовъ*, станетъ проповѣдью безучастія и насилія, по которой „блаженны возгордившіеся духомъ, сильные и немилостивые, блаженны тѣ, кому чуждо состраданіе, кто не понимаетъ чужихъ слёзъ, блаженны безсердечные, высокомѣрно восклицающіе: горе побѣжденнымъ!“

Нитцше великъ только тогда, когда ведетъ насъ, какъ „духъ сомнѣнія и изгнанія“, въ своихъ безнадежныхъ скитаніяхъ надъ мрачными пропастями отрицанія всѣхъ нравственныхъ идеаловъ, которыми жило человѣчество въ теченіе столькихъ вѣковъ, которые куплены цѣлыми потоками крови лучшихъ, идеальныхъ людей, ужасами ихъ страданій на крестахъ, кострахъ, въ циркахъ Нерона и Тиверія. Но это призрачное, освѣщенное фосфорическимъ свѣтомъ величіе исчезаетъ, какъ только Нитцше начинаетъ рисовать намъ положительные идеалы нравственности. Онъ является въ нихъ, по справедливому замѣчанію того же критика, „обычнымъ жильцомъ низинъ, которому не чуждо все низкое, подчасъ пустое и жалкое“ [2]).

Хотѣлось бы вѣрить вмѣстѣ съ другимъ нашимъ критикомъ того же Нитцше, что его проповѣдь имморалитета является не

---

[1]) *Зомбартъ*, Идеалы соціальной политики стр. 35—36.

[2]) *Герасимовъ*, Нитцшеанство, стр. 152—153.

болѣе какъ агоническимъ воплемъ, послѣдними судорогами „пережитковъ“ стараго феодальнаго идеала, одолѣваемаго новымъ, основаннымъ на альтруистической любви къ ближнему, на помощи слабымъ и обездоленнымъ. Противъ этого новаго идеала направлены всѣ удары Нитцще, который клеймитъ его именемъ морали рабовъ, могущей, по его мнѣнію, привести людей къ потерѣ энергіи, гордости и могущества. Этому идеалу онъ противопоставляетъ необузданный эгоизмъ въ погонѣ за возвышеніемъ надъ другими, хотя бы по трупамъ всего человѣчества, называемаго имъ „ничтожнымъ и жалкимъ“, изъ среды котораго достойны жизни лишь немногіе, выдающіеся своей жаждой власти, отрицающіе всякія нравственныя ограниченія (стоящіе по ту сторону добра и зла), раздѣлавшіеся навсегда съ совѣстью, состраданіемъ и раскаяніемъ, какъ чувствами недостойными сверхчеловѣковъ. Развѣ это не агонія стараго идеала? — спрашиваетъ этотъ критикъ [1]).

Къ глубокому сожалѣнію, нѣтъ! Это не агонія, но апогей, котораго достигли въ своемъ логическомъ развитіи матеріалистическія идеи эволюціонизма и натуралистической философіи, незнающей никакихъ идеаловъ нравственности, чуждыхъ процессамъ физическимъ, химическимъ и физіологическимъ. Съ матеріалистической точки зрѣнія *Бюхнера*, *Фейербаха*, *Фохта* и *Молешота*, ученіе о пищевыхъ веществахъ имѣетъ большое этическое и политическое значеніе. Пища превращается въ кровь, кровь въ сердце и мозгъ, въ матерію мыслей и убѣжденій. Пища человѣка — основа его склада и образа мыслей... „Всѣ грѣхи и преступленія суть только слѣдствія недостаточнаго питанія и недостаточной организаціи мозга. Различіе добра отъ зла — самообманъ. Чѣмъ яснѣе мы сознаемъ относительно самихъ себя, что высочайшаго развитія человѣчества мы достигаемъ посредствомъ правильныхъ соединеній углекислоты, амміака и солей, кислорода и воды, тѣмъ больше будетъ облагоражи-

---

[1]) *Оболенскій*, Исторія мысли. Опытъ критической философіи. Спб. 1901, стр. 290.

ваться въ нашихъ глазахъ борьба и творчество. Человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ“ [1]).

Если бы взгляды Нитцше были агоніей стараго феодальнаго идеала, то твореніе этого философа не находили бы такой массы читателей, и что, еще хуже, — не совпадали бы въ главныхъ своихъ основаніяхъ со взглядами Дюркгейма, Клеманса Руайе и цѣлаго ряда соціологовъ, желающихъ вернуть человѣчество съ того пути, на который оно вошло подъ свѣтомъ христіанскихъ идеаловъ, на иной путь, по которому совершается движеніе всѣхъ физическихъ явленій подъ напоромъ слѣпыхъ силъ, не дѣлающихъ различія между добромъ и зломъ, нравственнымъ и безнравственнымъ, прекраснымъ и гнуснымъ. Другими словами, нашъ критикъ былъ бы правъ, если бы въ нынѣшнемъ прогрессѣ не замѣчалось той эволюціи жестокости, характеристикѣ которой посвятилъ цѣлое изслѣдованіе одинъ изъ нашихъ даровитыхъ писателей, г. *Н. А. Энгельгардтъ* [2]).

Борьба за существованіе, разъясняемая въ дарвинистическомъ смыслѣ, превратилась, по справедливому замѣчанію *Дюринга*, въ *теоретическое оправданіе* въ самомъ принципѣ гнуснѣйшаго эгоизма. Основывать свое существованіе на уничтоженіи другихъ — вотъ принципъ, говоритъ онъ, „вылупившійся въ цинической наготѣ изъ теоріи борьбы за существованіе“. Перенесеніе этого принципа на всѣ частныя и общественныя отношенія является источникомъ всеобщей деморализаціи. Торжество насилія и хитрости прославляется дарвинизмомъ, съ точки зрѣнія котораго безъ принесенія чужой жизни въ жертву собственной не мыслимъ прогрессъ [3]). Къ нищетѣ бѣднаго и горю слабаго такой принципъ прибавляетъ глумленіе надъ ихъ тяжелымъ положе-

---

[1]) Цитирую по *Кирхнеру*, Ethik, Katechismus der Sittenlehre. изданному въ русскомъ переводѣ въ С.-Петербургѣ въ 1900 г., с. 124 и по *Геффдингу*, Исторія новѣйшей философіи. Спб. 1900, стр. 236. Критическую новѣйшую оцѣнку подобныхъ теорій см. въ сочиненіи *Paulsen*'а, Philosophia militans. Gegen Klerikalismus und Naturalismus. Berlin, 1901, стр. 121—192.

[2]) *Н. А. Энгельгардтъ*, Эволюція жестокости. Спб., 1901.

[3]) *Düring*, Der Werth des Lebens, переведенное на рус. языкъ: Цѣнность жизни. Спб. 1896, стр. 25.

ніемъ, при томъ далеко не всегда заслуженнымъ, такъ какъ переживаютъ другихъ и выходятъ побѣдителями изъ борьбы за существованіе, къ сожалѣнію, не рѣдко не лучшіе люди, а скорѣе менѣе другихъ стѣсняющіеся въ выборѣ средствъ для обезпеченія своихъ личныхъ выгодъ [1]). Къ такому понятію о прогрессѣ относился отрицательно даже самъ Дарвинъ, утверждая, что общественный прогресъ опирается главнымъ образомъ на нравственныя качества людей, развивающіяся подъ вліяніемъ обычаевъ, образованія и религіи. Тѣ племена, которыя развили въ себѣ бо̀льшее самообладаніе, или у которыхъ соціальные импульсы пріобрѣли бо̀льшее значеніе, по его словамъ, побѣждали обыкновенно другія племена, отставшія отъ нихъ въ этомъ отношеніи [2]).

Примѣненіе ученія *Дарвина* къ выясненію общественнаго развитія убило послѣдніе остатки совѣсти у всѣхъ угнетателей и эксплоататоровъ. Провозгласивъ права сильнаго, оно не только объяснило, но и *оправдало* звѣрскую борьбу, наполняющую исторію человѣчества, чего не предвидѣлъ самъ Дарвинъ. Тоже самое можно сказать и про идеи *Нитцше*. Его ученіемъ увлекаются не одни только лучшіе люди, желающіе вдохнуть въ одряхлѣвшій міръ новыя нравственныя силы и энергію въ стремленіи къ идеаламъ, но еще болѣе жадно къ нему прислушиваются худшіе люди, нравственные поддонки общества. „Выползутъ, говоритъ одинъ изъ наиболѣе снисходительныхъ критиковъ Нитцше, гады въ личинахъ сверхчеловѣка и предъявятъ свои желанія. Самоувѣренно заговорятъ они о новыхъ точкахъ зрѣнія, о своемъ сверхчеловѣческомъ достоинствѣ, о разрывѣ съ прежнимъ, засмѣются надъ всѣмъ святымъ и завѣтнымъ смѣхомъ разнузданнаго человѣка. Другіе пустятъ въ ходъ динамитъ и кинжалъ, чтобы уничтожить всѣ законы и обычаи. Эмиль *Золя* въ своемъ „Жерминалѣ“ рисуетъ страшную картину дѣятельности такихъ

---

[1] См. *Windelband*, l. c. Срвн. *Brunetière*, La Moralité de la Doctrine Évolutive. Paris 1896, стр. 51—54.

[2]) См. *Schmoller*, Grundriss der allg. Volkswirtschaftslehre, стр. 65—67, *Вольтманъ*, Теорія Дарвина и соціализмъ, Спб. 1900, стр. 13 и др. *Кюльпе*, Введеніе въ философію. Спб. 1901, стр. 286.

сверхчеловѣковъ: Разнузданный народъ пронесется по дорогамъ; обагренный кровью убитыхъ гражданъ онъ понесетъ ихъ отрубленныя головы, разбрасывая золото изъ ихъ разграбленныхъ сундуковъ. Плачущія женщины, мужчины съ раскрытыми волчьими пастями, лохмотья, страшная, нестройная толпа, грязная, съ отвратительнымъ дыханіемъ, она смететъ весь старый міръ своимъ варварскимъ погромомъ. Заколыхаютъ пожары, въ городахъ не останется камня на камнѣ и люди возвратятся къ дикой жизни въ лѣсахъ послѣ великаго разврата и грабежа" [1]).

Рѣдкій изъ романистовъ изучалъ бытъ и настроеніе французкихъ пролетаріевъ съ такой добросовѣстностью, какъ Золя, почему нѣтъ основаній ему не вѣрить. Но и помимо его, многіе изъ общеизвѣстныхъ ученыхъ, какъ Джорджъ, Спенсеръ, Прудонъ, Лавеле, мнѣнія которыхъ сгруппированы въ сочиненіи *Лебона* „Психологія соціализма", предсказываютъ возможность той же самой катастрофы. Предъ нею покажутся блѣдными ужасы народныхъ звѣрствъ первой французской революціи. Новѣйшая характеристика настроенія народныхъ массъ во Франціи, сдѣланная *Арреатомъ* въ его сочиненіи о „Религіозномъ чувствѣ во Франціи", выставляетъ на видъ какъ общую черту низшихъ классовъ населенія, особенно въ большихъ городахъ, стремленіе ихъ освободиться отъ религіозныхъ вѣрованій, въ противоположность высшимъ классамъ и мелкой буржуазіи, стремящихся вернуться къ религіозному культу. Если крестьяне относятся къ нему индифирентно, то рабочіе, особенно парижскіе—съ явной враждебностью. Это черта времени крайне тревожнаго характера, представляющая противоположность той, которою отличались XVIII-ый и первая половина XIX-го вѣка, когда невѣріе шло сверху внизъ [2]). При потерѣ религіозныхъ вѣрованій народными массами для сверхчеловѣковъ откроется возможность, опираясь на Нитцше, оправдывать всякій разгулъ животныхъ

---

[1]) Беру всю эту образную характеристику послѣдствій нитцшеанства изъ цитированной уже мною увлекательно написанной книги *Герасимова* Нитцшеанство. Москва 1901.

[2]) См. *Lucien Arrèat,* Le sentiment religieux en France. Paris. 1903, стр. 16.

страстей и возвращеніе людей къ дикому состоянію, возводящему жестокость въ добродѣтель. Возможность такого практическаго примѣненія своего ученія сознавалъ хорошо Нитцше. „Мнѣ жаль тебя даже тогда, когда ты правъ, ибо моими словами ты будешь творить *неправду!*"—поучалъ онъ словами Заратустры своихъ учениковъ.

Если такого рода практическія послѣдствія предвидѣлъ Нитцше, то лучше было бы ему не знакомить міръ съ безплодными скитаніями своего мятущагося духа въ области вопросовъ, оставшихся для него въ концѣ концовъ загадкой, по его собственному признанію. Вѣдь смѣшно было бы, если бы кто изъ ученыхъ вздумалъ разсказывать всему міру о своихъ поискахъ за истиной, которыя онъ самъ называетъ вполнѣ неудавшимися. Его разсказовъ никто не сталъ бы и читать. Между тѣмъ о такихъ же неудачныхъ попыткахъ отыскать нравственные устои жизни берутся разсказывать съ увлеченіемъ Нитцше, Гюйо, Ренанъ, гр. Толстой и друіе. Интересно знать, съ какой цѣлью это дѣлается ими, какую нравственную пользу надѣялись они принести человѣчеству, дѣлясь съ нимъ впечатлѣніями, вынесенными ими изъ своихъ блужданій по дебрямъ сомнѣній? Каждый изъ нихъ глубоко скорбитъ о своемъ разрывѣ съ тѣми религіозными вѣрованіями, какія нѣкогда окрыляли его надеждой на идеальное царство вѣчной красоты, правды и любви, которыхъ только слабымъ отраженіемъ служатъ люди и весь окружающій ихъ міръ. Каждому изъ этихъ мыслителей было крайне тяжело примириться съ безжалостнымъ и безапелляціоннымъ приговоромъ сухаго, холоднаго ума, вторгнувшагося въ это идеальное царство, совсѣмъ неподлежащее его исключительному вѣдѣнію и незаконно присвоившаго себѣ право объявить человѣку, что онъ не болѣе какъ земля и не имѣетъ ничего общаго съ небомъ, что онъ долженъ вполнѣ примириться съ той жалкой участью, на которую, по библейскому разсказу, былъ обреченъ первый человѣкъ послѣ своего грѣхопаденія: „отъ земли взятъ ты и въ землю обратишься".

Ни о чемъ человѣческій духъ не скорбитъ болѣе, какъ о потерѣ тѣхъ идеальныхъ благъ, какія даетъ религія. Онъ отста-

иваетъ предъ холоднымъ анализомъ своего ума вѣру въ эти блага всѣми силами, до послѣдней возможности.

ГЛАВА IX.

Ренанъ, какъ главный представитель современнаго скептицизма.

„Богъ моей юности, восклицаетъ *Ренанъ*, долго я надѣялся вернуться къ Тебѣ съ подъятымъ стягомъ и гордынею разума, и, быть можетъ еще вернусь къ Тебѣ, хотя бы униженнымъ и побѣжденнымъ, какъ слабая женщина. Вѣдь нѣкогда ты слышалъ же меня!“ Французскій мыслитель преклоняется предъ безыскусственной вѣрой простыхъ людей, негоняющихся за теоретическими, безусловными подтвержденіями того, что даетъ смыслъ и красоту всей ихъ жизни. Его умиляетъ эта незнающая предѣловъ и сомнѣній вѣра [1]). Мы видѣли до какого отчаянія доходитъ позитивистъ *Гюйо* при мысли о безвозвратной смерти, какъ общаго удѣла человѣчества. Весь смыслъ жизни теряется у него съ потерей вѣры. Онъ сравниваетъ жизнь человѣчества съ волнующимся моремъ, которое живетъ, бушуетъ, вѣчно терзается, но безцѣльно и безнадежно. Результатомъ всѣхъ этихъ треволненій оказывается горсть пѣны, собранной вѣтромъ. Съ такой безцѣльностью жизни ему трудно примириться и его невольно тянетъ вернуться къ потеряннымъ идеаламъ: J'ai continué de regarder le ciel, пишетъ онъ, *même en le croyant vide* [2]). *Нитцше*, потерявшій вѣру въ Jenseits, какъ онъ выражается, хотя и проповѣдуетъ жизнерадостность, въ противоположность Шопенгауеру, но чрезъ нее пробивается тоска по недосягаемому идеалу жизни. Радость выходитъ у него чисто напускной. Онъ желаетъ этой проповѣдью какъ бы обмануть самого себя, дать отпоръ своему страданію именно въ тѣ годы, когда жизненныя силы его понизились до минимума [3]). Его жизнерадостное „да“, похоже на привѣтствіе“

---

[1]) См. *Ольденбургъ*, Ренанъ, какъ поборникъ свободы мысли, въ сборникѣ „Проблемы идеализма“, стр. 496 и 498.

[2]) См. *Fouillée*, La morale, l'art et la religion d'après Guyau. Paris. 1901, стр. 8—9.

[3]) См. *Анри Лихтенберже*, Философія Нитцше. Спб., 1901, с. 108

императору римскихъ гладіаторовъ, шедшихъ на смерть — morituri te salutant! Радостные гимны Нитцше въ честь жизни производятъ, какъ выразился болѣе прозаически одинъ изъ нашихъ біографовъ его, такое впечатлѣніе, какъ будто они вырываются изъ судорожно сжатаго горла у человѣка „съ веревкой“ на шеѣ [1]). Подобнымъ образомъ нашъ поэтъ-философъ гр. *Толстой*, находясь на верху своей литературной славы, окруженный семейнымъ счастьемъ и всѣми благами жизни, разставшись на 50-мъ году жизни съ своими прежними вѣрованіями, глубоко страдалъ, не находя отвѣта ни въ какихъ человѣческихъ знаніяхъ на мучившій его вопросъ о смыслѣ жизни. Онъ былъ близокъ къ тому, чтобы наложить на себя руки, какъ самъ сознается въ своей „Исповѣди“, если бы не нашелъ этого отвѣта въ жизни людей простыхъ, несущихъ легко бремя жизни при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ и смѣло смотрящихъ въ глаза смерти, опираясь на обѣты религіи, по ученію которой она не конецъ жизни, а только освобожденіе божественнаго духа человѣка отъ земной грязи. Но вмѣсто того, чтобы быть послѣдовательнымъ и всецѣло принять ученіе религіи о томъ, о чемъ безсильна сказать что либо наука съ своими позитивными способами изслѣдованія, не идущими далѣе видимаго міра, нашъ поэтъ остановился на полдорогѣ, изобрѣлъ собственную религію, опирающуюся на пантеизмъ Спинозы. Сказать, чтобы такая религія могла удовлетворить хотя бы самаго изобрѣтателя ея—мудрено. Въ концѣ своей „Исповѣди“, служащей введеніемъ къ его сочиненію „Въ чемъ моя вѣра“, онъ самъ образно представляетъ свое мучительное психическое состояніе, какъ человѣка, повисшаго надъ мрачной, безпредѣльной бездной, и забывающаго по временамъ ужасъ своего положенія только поднимая глаза къ небу.

Могутъ сказать, что гр. Толстой, Нитцше, Гюйо и даже Ренанъ, стремившіїся создать „религію сердца“, являются, судя по ихъ высоко-художественному слогу, болѣе поэтами, чѣмъ солидными мыслителями и что поэтому они не въ силахъ смотрѣть трезво на жизнь, не требуя отъ нея того, чего она не можетъ дать. Но возьмемъ такого великаго мыслителя и естествовѣда,

---

[1]) *Андреевичъ* (Е. А. Соловьевъ), Нитцше. Введеніе къ Воспоминаніямъ *Дейсена* о Нитцше. Спб. 1902, стр. 50.

котораго никто не заподозритъ въ желаніи гоняться за неосуществимыми идеалами, знаменитаго автора „Космоса“, *Александра Гумбольдта.* Въ концѣ своего жизненнаго и ученаго поприща, сохраняя поразительную свѣжесть мысли на 80-мъ году жизни, онъ писалъ слѣдующія слова, полныя отчаянія: „Жизнь есть величайшая безмыслица. Восемьдесятъ лѣтъ стремишься и изслѣдуешь, чтобы въ концѣ концовъ сознаться, что стремился ни къ чему и изслѣдовалъ ничто. Хотя бы мы по крайней мѣрѣ знали, зачѣмъ мы существуемъ! А то все было и остается для мыслителя загадочнымъ, почему самое великое счастіе—родиться дуракомъ“ (Мемуары).

Если людямъ, хотящимъ жить однимъ только холоднымъ мышленіемъ, игнорирующимъ сущность всей человѣческой природы, такъ тяжело даются сомнѣнія въ томъ, чѣмъ жило до сихъ поръ человѣчество, что даетъ людямъ смыслъ и энергію жизни, то чѣмъ въ такомъ случаѣ объяснить ихъ страстное желаніе подѣлиться со всѣмъ міромъ своими сомнѣніями и нравственными муками? Разсматривая черезъ черныя стекла человѣческую жизнь при помощи тѣхъ научныхъ пріемовъ, которые не въ силахъ открыть ничего за видимымъ міромъ, зачѣмъ они рекомендуютъ всѣмъ людямъ, не исключая и тѣхъ, у которыхъ жива вѣра въ Божественное откровеніе, надѣть тѣ же черные очки? Это просто не гуманно даже въ томъ случаѣ, если бы они обладали несомнѣннымъ доказательствомъ, что они не ошибаются, котораго въ сущности никто изъ нихъ не имѣетъ и имѣть не можетъ. Жестокій приговоръ надъ такими мыслителями, не исключая и самого себя, произнесъ *Нитцше* въ одномъ изъ писемъ къ своему другу *Дейссену*: „Если невольнику грезится въ темницѣ свобода, пишетъ онъ, у кого хватитъ жестокости разбудить его и сказать, что это былъ сонъ? Кто въ состояніи быть на столько жестокимъ? Палачъ развѣ! но ни у меня, ни у тебя не хватитъ духу взять на себя эту роль“ [1]). И однако такой жестокости и рѣшимости взять на себя подобную роль хватило у него самого! Въ извиненіе его

---

[3]) См. П. *Дейссенъ*, Воспоминанія о Нитцше. Спб. 1902, с. 129.

можно сказать только, что его желаніе проповѣдывать urbi et orbi свою переоцѣнку всей христіанской религіозной морали возрастало вмѣстѣ съ ходомъ его психической болѣзни, кончившейся полнымъ сумашествіемъ. Онъ писалъ тому же изъ своихъ друзей, что желалъ бы, чтобы его труды были переведены на семь языковъ и распространены по всему міру въ милліонахъ экземпляровъ, въ чемъ нельзя не видѣть уже начала наступавшей умственной болѣзни.

Но что можно сказать въ защиту другихъ мыслителей, желающихъ свою переоцѣнку этическихъ вѣковыхъ цѣнностей, унаслѣдованныхъ отъ эпохи христіанства, сдѣлать извѣстной всему міру? Сказать съ полной увѣренностью, что они не ошибаются, что въ своихъ изслѣдованіяхъ они пришли къ безусловно вѣрной, хотя и отрицательной истинѣ, никто изъ нихъ не имѣетъ основанія. „Тотъ, кто думаетъ, что онъ одинъ обрѣлъ полную, окончательную, императивную истину—не правъ, заявляетъ *Гюйо.* Въ человѣческой мысли нѣтъ ничего совершеннаго, чтобы можно было признать окончательнымъ“ [1]). Точно также и по сознанію *Ренана,* онъ, какъ человѣкъ науки, сознаетъ хорошо, что никакое утвержденіе не можетъ имѣть абсолютной вѣрности. Самое большое, что можетъ сказать позитивная наука, дойдя до вопроса о конечныхъ цѣляхъ и причинахъ жизни, — что она ничего не знаетъ и не можетъ знать о нихъ, что это даже не входитъ въ область ея изслѣдованій. А въ такомъ случаѣ зачѣмъ же отъ имени ея отнимать у людей самыя великія блага въ жизни, которыя придаютъ ей смыслъ и предоставляютъ людямъ возможность не падать окончательно духомъ ни подъ какими ударами судьбы?

На этотъ вопросъ позитивисты даютъ или слишкомъ неудовлетворительные, чаще всего крайне уклончивые отвѣты, или совсѣмъ никакихъ. Такъ Ренанъ увѣряетъ, что онъ никогда не имѣлъ въ виду уменьшать то количество религіи, какое еще осталось въ мірѣ. „Цѣлью всѣхъ моихъ сочиненій, пишетъ онъ, было, напротивъ, очистить и оживить чувство, которое мо-

---

[1]) *Гюйо*, Очеркъ морали, стр. 375.

жетъ разсчитывать на сохраненіе власти надъ людьми лишь подъ условіемъ, что оно станетъ *болѣе утонченнымъ*. Религія въ наши дни не можетъ уже обособляться отъ душевной утонченности и отъ умственнаго развитія. Я полагалъ, что служу религіи, пытаясь перенести ее въ область, куда не достигаютъ никакія нападки — за предѣлы частныхъ догматовъ и сверхестественныхъ вѣрованій" [1]). Но развѣ когда либо христіанская религія обособлялась отъ самыхъ возвышенныхъ душевныхъ чувствъ и отъ умственнаго развитія, за исключеніемъ мрачной эпохи средневѣковаго варварства и, пожалуй, даже въ настоящее время среди людей совершенно невѣжественныхъ. Вѣдь не для нихъ же Ренанъ писалъ свои труды. *Утонченность* чувствъ людей интеллигентныхъ должна бы давать имъ больше прежняго возможности постигать сверхчувственное, выходящее за предѣлы міра видимыхъ явленій, непознаваемое однимъ только близорукимъ, холоднымъ мышленіемъ. Считая необходимымъ перенесть религію внѣ предѣловъ сверхъестественныхъ явленій, какой она всегда была и останется, Ренанъ очевидно желалъ въ сущности вычеркнуть ее изъ числа самыхъ могущественныхъ силъ, одушевлявшихъ людей на все великое и замѣнить ее безжизненной, логической абстракціей, вѣрой въ безличнаго Бога, выражающаго собою простую закономѣрность явленій, какъ училъ Спиноза. Подобный взглядъ у насъ развиваетъ подробно гр. *Толстой*, какъ послѣдователь Спинозы и другіе. Если это не есть съ ихъ стороны простая фикція, а дѣйствительная идея божества, которую они строятъ во избѣжаніе *антропоморфизма*, то такая идея, по справедливому замѣчанію *Олэ-Лапруна*, будетъ *физіоморфизмомъ*, если можно такъ выразиться. Одушевлять слѣпыя физическія силы или міровую субстанцію, обожествлять ихъ — это значитъ или впадать въ идолопоклонство, или же обманывать самихъ себя и въ сущности просто ничего сказать, хотя и показывать видъ, что сказано очень много [2]).

---

[1]) Цитирую слова Ренана по статьѣ о немъ г. *Ольденбурга*: Ренанъ, какъ поборникъ свободы мысли, въ Сборникѣ Московскаго Психологическаго Общества за 1902 г. стр. 493.

[2]) *Олэ-Лапрюнъ*, Цѣнность жизни, 221 и *Каро*, Идея Бога, 546.

Но чѣмъ отвлеченнѣе понятіе, тѣмъ менѣе оно можетъ вліять на совѣсть человѣка, живущаго не однимъ умомъ, но и всѣми чувствами. Можно ли къ безличному Богу, который не въ силахъ вліять на измѣненія судьбы людей и отзываться на ихъ мольбы, питать какія либо живыя чувства? Красотамъ природы или искусства удивляются и восторгаются ими; но ощущать къ нимъ признательность, дѣлиться съ ними своимъ горемъ и радостями, всѣми тѣми чувствами и мыслями, которыя связываютъ живыхъ разумныхъ существъ, невозможно, ибо такое общеніе требуетъ взаимности. Кто полагаетъ, что въ нашъ просвѣщенный вѣкъ разумъ одержалъ окончательную побѣду надъ чувствомъ, что логическая категорія окончательно справилась съ психическими аффектами, тотъ, по справедливому замѣчанію проф. *Люд. Штейна*, „чрезмѣрно преувеличиваетъ силу первыхъ и уменьшаетъ силу вторыхъ. Религію невозможно уничтожить рѣшеніемъ ареопага мыслителей точно также, какъ невозможно устранить право, мораль, науку или искусство. Всѣ они имѣютъ естественное основаніе, коренящееся въ недоступной опытному наблюденію подпочвѣ чувства, постоянно влекущаго людей къ *сверхчувственному*, непознаваемому, какъ выражается Спенсеръ. Безрелигіозность является такой же психической аномаліей, какъ сумашествіе, какъ притупленное правовое чувство, или какъ абсолютная неотзывчивость къ искусству и наукѣ“ [1]).

Поэтому напрасно Ренанъ безпокоился о возможности исчезновенія когда либо религіи и придумывалъ суррогатъ ея, могущій имѣть значеніе не болѣе, какъ той или другой философской системы. Но эти системы столько разъ смѣнялись и будутъ еще смѣняться однѣ другими въ то время, какъ христіанская религія стояла неприкосновенно во всемъ величіи ея въ теченіе столькихъ вѣковъ и останется таковой навсегда, служа неистощимымъ источникомъ нравственной жизни людей. Именно въ томъ, что ея Богъ не есть отвлеченная формула простой закономѣрности, но Богъ конкретный, принесшій Себя въ жертву для

---

[1]) *Люд. Штейнъ.* Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія. Москва 1899, стр. 157 и *Каро*, Идея Бога и безсмертія, стр. 545.

искупленія людей, любящій ихъ больше даже, чѣмъ они Его, всегда останется для нихъ живымъ Богомъ, предметомъ ихъ страстныхъ воздыханій и стремленій къ вѣчному единенію съ Нимъ.

Отвлеченные суррогаты религіи въ видѣ всевозможныхъ философскихъ системъ не могутъ имѣть прочнаго вліянія на народную нравственность не только вслѣдствіе ихъ абстрактности, мало говорящей человѣческому сердцу, но также потому, что они быстро мѣняются. Едва успѣетъ возникнуть одно міровоззрѣніе и начнетъ пріобрѣтать все большее число послѣдователей, какъ его власть надъ умами подрывается новымъ, почему никакое изъ нихъ не оставляетъ прочныхъ слѣдовъ въ народной нравственности. Между тѣмъ, вслѣдствіе господства одной и той же религіи въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, принципы ея успѣваютъ такъ глубоко вкорениться въ человѣческую совѣсть и складъ мыслей, что даже люди, разувѣрившіеся въ ней подъ леденящимъ дыханіемъ скептицизма, еще долго послѣ этого продолжаютъ жить подъ ея незамѣтнымъ вліяніемъ, вошедшимъ въ ихъ плоть и кровь и руководиться ея принципами. Неизмѣнность началъ христіанской религіи, выставляемая позитивистами, какъ противорѣчіе идеи прогресса, является такимъ образомъ въ сущности одной изъ причинъ могущественной, нравственной силы его.

Нѣкоторые считаютъ христіанство осужденнымъ лишь на сохраненіе прошлаго, безъ всякой будущности. Между тѣмъ оно, по справедливому замѣчанію *Олэ-Лапрюна*, сохраняетъ изъ прошлаго лишь то, что, будучи вѣчнымъ, свойственно всѣмъ временамъ. Эта необыкновенная живучесть христіанства поражаетъ всѣхъ. Оно обладаетъ силой сбрасывать съ себя тѣ вредоносные наросты, которые на немъ иногда оказываются, и становится принципомъ, возрождающимъ умы и души. Не измѣняя своей сущности, оно все обновляетъ, но ни съ чѣмъ не сливается. Являясь неистощимымъ источникомъ утѣшеній для настоящаго, оно въ то же время открываетъ тайну жизни будущему [1]).

---

[1]) *Олэ-Лапрюнъ*, Цѣнность жизни. Харьковъ, 1898, стр. 401—402.

„Я несомнѣнно хочу свободы мысли, пишетъ далѣе Ренанъ, ибо истина имѣетъ также свои права, какъ и благо“ [1]). Это вѣрно само по себѣ. Но только дѣло въ томъ, можетъ ли свобода мысли, опирающаяся на одни чисто позитивные способы изслѣдованія, для которыхъ разрѣшеніе вопроса о конечныхъ причинахъ совершенно недоступно и даже не входитъ въ число научныхъ задачъ, вести къ открытію истины? Если нѣтъ, какъ это выяснилъ съ достаточной убѣдительностью академикъ *Prudhomme*, проф. *Boutroux*, *Гефдингъ* и другіе [2]) и какъ это утверждаютъ сами позитивисты, начиная съ О. Конта и кончая Дарвиномъ и Гербертомъ Спенсеромъ [3]), то въ такомъ случаѣ свобода мысли, ставя для себя совершенно ненаучныя задачи, посягаетъ только на идею блага, безъ всякой пользы для выясненія истины. Между тѣмъ благо также имѣетъ свои права, какъ и истина, по словамъ самого же Ренана.

„Уничтоженіе духа свободнаго изслѣдованія приводитъ, говоритъ далѣе Ренанъ, къ притупленію мысли или легкомыслію, которыя знаменуютъ собою упадокъ всякой истинной нравственности и приносятъ народу больше золъ, чѣмъ свободное изслѣдованіе со всѣми его послѣдствіями. Незамѣтно, чтобы страны, въ которыхъ удалось окончательно задушить мысль (напр. Испанія, мусульманскія страны), стали бы значительно нравственнѣе“ [4]). И подъ этими словами можно вполнѣ подписаться

---

[1]) См. цитированную уже ст. г. *Ольденбурга*, Ренанъ какъ поборникъ свободы мысли, стр. 494.

[2]) См. Le probléme des causes finales par *Sully Prudhomme* et *Charles Richet*. Paris 1902, стр. 81 — 86. *Boutroux*. De l'idée de la loi naturelle dans la science et la philosophie contemporaine. Paris, 1895. *Гефдингъ* Философія религіи, Спб. 1903 г. стр. 23 съ слѣд. и его же лекціи о витализмѣ (1898). Ср. *Стенли Джевонсъ*. Основы науки. Трактатъ о логикѣ, главу XXXI: Размышленія о результатахъ и границахъ научнаго метода, стр. 684 — 713.

[3]) См. *Гефдингъ*, Исторія новѣйшей философіи. Спб, 1900, стр 395 и 404.

[4]) См. ту же статью, Ренанъ какъ поборникъ свободы мысли, въ сборникѣ Проблемы идеализма, стр. 494.

вѣрующему человѣку. Безъ умственнаго и научнаго развитія народы не только не могутъ идти впередъ въ нравственномъ отношеніи, но навѣрное пойдутъ назадъ. Христіанская религія требуетъ, чтобы люди „вѣдали, что творятъ“, чтобы они были не только „кротки какъ голуби, но и мудры, какъ змѣи“. Отсюда однако не вытекаетъ, чтобы противоположная крайность,— уничтоженіе религіознаго духа, поставляемое задачей многихъ такъ называемыхъ свободномыслящихъ людей, могло привести къ поднятію уровня народной или даже индивидуальной нравственности. Незамѣтно, чтобы страны, въ которыхъ удалось въ значительной степени ослабить вѣру — напр. Франція, центры городской и промышленной жизни въ Западной Европѣ [1]) — стали бы нравственнѣе. Современные намъ французскіе моралисты и публицисты почти единогласно свидѣтельствуютъ, какъ мы видѣли, о все болѣе грозномъ возрастаніи нравственной анархіи съ тѣхъ поръ, какъ вѣковые религіозные устои народной нравственности поколеблены въ ихъ странѣ и самое преподаваніе религіозной морали изгнано изъ училищъ. Страшныя послѣдствія ослабленія религіозныхъ вѣрованій можетъ, впрочемъ, легко провѣрить и всякая другая страна у себя, путемъ простого сопоставленія относительнаго количества совершаемыхъ ежегодно преступленій въ городскомъ населеніи, гдѣ эти вѣрованія все болѣе падаютъ, и въ сельскомъ, гдѣ они еще крѣпко держатся. Еще въ первой половинѣ XIX-го столѣтія французскіе статистики *Герри и Файе*, путемъ сопоставленія степени распространенія образованія въ народныхъ массахъ со средней пропорціей преступленій въ различныхъ частяхъ Франціи, пришли къ заключенію, поразившему очень многихъ, что департаменты, занимающіе высокое положеніе въ первомъ отношеніи, нерѣдко занимаютъ такое же мѣсто и во второмъ от-

---

[1]) По *Эттингену*, въ то время какъ въ Саксоніи въ сёлахъ изъ 100 лицъ взрослаго населенія пріобщается ежегодно Св. Таинъ 123 человѣка, т. е. нѣкоторые по два и болѣе разъ, въ городахъ эта пропорція ограничивается 75 лицами, въ Дрезденѣ 40, а въ Лейпцигѣ только 33-мя. См. *Oettingen*, Die Moralstatistik.

ношеніи. Это особенно замѣтно на Сенскомъ департаментѣ, гдѣ встрѣчается самое большое количество грамотныхъ, но въ то же время и наибольшая пропорція преступниковъ. Тоже самое первый изъ указанныхъ статистиковъ провѣрилъ и на данныхъ уголовной статистики Англіи [1]). Такимъ образомъ оба представителя статистической науки имѣли основаніе сдѣлать выводъ, что одно только образованіе и умственное развитіе сами по себѣ, безъ соотвѣтственнаго нравственнаго развитія, не только не вліяютъ на уменьшеніе преступленій въ странѣ, но дѣлаютъ людей болѣе изобрѣтательными въ проявленіи злой воли и въ сокрытіи слѣдовъ преступленій. Тоже самое доказалъ нѣмецкій статистикъ *Ваппеусъ* въ своемъ классическомъ трудѣ по сравнительной статистикѣ населенія, утверждая основательно, что успѣхи одной только грамотности въ населеніи и даже знаній не дѣлаютъ людей лучше, если они не соединены съ успѣхами нравовъ и религіозности народа [2]).

Новѣйшія статистическія изслѣдованія какъ для этихъ, такъ и для другихъ странъ, не опровергли общихъ выводовъ этихъ ученыхъ, а, напротивъ, подтвердили ихъ. Нашъ криминалистъ *Тарновскій* въ статьѣ о преступности въ западной Европѣ въ 1895 г. констатируетъ, что въ болѣе образованныхъ странахъ преступленія увеличиваются и что образованіе даже способствуетъ развитію особой изобрѣтательности у преступниковъ [3]). Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ извѣстно, что у нѣкоторыхъ изъ преступниковъ послѣ совершенія ими преступленій находили въ карманахъ романы уголовнаго содержанія, по плану которыхъ

---

[1]) См. *Guérry*, Statistique comparée de l'état de l'instruction et du nombre des crimes dans les divers arrondissements des cours royales et des académies universitaires de France. Paris, 1829. *Его же*, Essai sur la statistique morale de la France. Précédé d'un rapport à l'Académie des sciences. Paris, 1833 (удостоено преміи Montyon'a). Его же Statistique morale de l'Angleterre et en France. Paris, 1860 и 1864 (тоже удостоенное преміи Монтіона).

[2]) *Wappäus*, Allgemeine Bevölkerungsstatistik. Leipzig 1861, томъ II-й, гл. VIII-ю: Ein Blick in die Sitten-Statistik.

[3]) См. Журналъ Министерства Юстиціи за 1899 г.

они и выполняли преступленія. Отсутствіе непосредственнаго вліянія грамотности на повышеніе народной нравственности точно также отмѣчается въ „Судебной Психопатологіи“ проф. П. И. *Ковалевскаго,* указывающаго, что по статистическимъ даннымъ Англіи, Франціи, Россіи и др. странъ, на долю грамотныхъ приходится бо́льшее относительное количество преступленій, чѣмъ на неграмотныхъ [1]). Русскій криминалистъ *Дриль* держится противоположнаго мнѣнія, утверждая, что культурный слой общества отличается высшимъ нравственнымъ развитіемъ, ибо носитъ нравственный законъ въ самомъ себѣ [2]), а въ низшемъ слоѣ населенія видитъ возвратъ къ дикому состоянію. Но съ его мнѣніемъ не соглашается проф. Ковалевскій, указывая вполнѣ основательно на гораздо меньшую преступность сельскаго населенія въ сравненіи съ городскимъ, вслѣдствіе бо́льшей религіозности перваго. Дѣйствительно, фактъ наибольшей преступности горожанъ повсюду не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ 1901 году на основаніи „Сводовъ данныхъ уголовной статистики“, ежегодно обнародуемыхъ нашимъ Министерствомъ Юстиціи, мною были сопоставлены преступленія противъ собственности въ десяти губерніяхъ Царства Польскаго за послѣдній 20-лѣтній періодъ [3]). Изъ сопоставленія оказалось, что въ то время, какъ во всемъ краѣ на 100.000 жителей приходится осужденныхъ за этого рода преступленія въ среднемъ выводѣ около 44, въ Варшавской губерніи, благодаря г. Варшавѣ, эта пропорція достигаетъ 88 осужденныхъ на то же число жителей, слѣдовательно превышаетъ среднюю для всего края въ два раза, а въ самомъ г. Варшавѣ даже въ 4 раза. Баварскій статистикъ *Георгъ Майеръ* въ своемъ всѣмъ извѣстномъ трудѣ о „Законо-

---

[1]) См. П. И. *Ковалевскій*, Судебная Психопатологія. Психологія преступника. Спб. 1901.

[2]) *Дриль*, Малолѣтніе преступники. Спб. 1884.

[3]) См. *Симоненко*, „Объ экономическомъ и общественномъ значеніи крестьянскаго землевладѣнія и размѣровъ его, въ связи съ вліяніемъ экономическихъ условій жизни вообще на народную нравственность, по новѣйшимъ даннымъ уголовной статистики. Варшава, 1901, стр. 36—38.

мѣрности явленій въ общественной жизни" идетъ еще дальше въ своихъ выводахъ, указывая, что даже высшій уровень образованія едва ли можетъ уменьшать число преступленій [1]).

Французскій ученый *Фулье* въ сочиненіи „Темпераментъ и характеръ" (1896) основательно утверждаетъ, что образованіе само по себѣ можетъ измѣнить только форму пороковъ, но не искоренить ихъ въ населеніи. Съ ослабленіемъ религіозныхъ вѣрованій и идеи воздаянія въ загробной жизни для многихъ людей, по его мнѣнію, исчезаетъ единственный стимулъ добродѣтели. Такое мнѣніе французскаго позитивиста Фулье представляетъ особую важность, такъ какъ онъ самъ далеко не принадлежитъ къ числу приверженцевъ христіанской этики. Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи La science sociale contemporaine онъ посвящаетъ цѣлую главу самой придирчивой критикѣ идеи христіанскаго братства для любви къ Богу. Въ ней онъ обнаруживаетъ крайне слабое, черезъ-чуръ поверхностное знакомство съ основными принципами христіанской религіи; тѣмъ не менѣе онъ поставленъ въ необходимость придти къ заключенію, что религіозная нравственность, опираясь на „мистическія основанія", даетъ людямъ религіозное одушевленіе и является могучимъ рычагомъ общественнаго прогресса. Не смотря на свою чисто позитивную profession de foi, онъ видитъ въ ослабленіи религіознаго чувства главную причину нравственнаго упадка общества и отъ возрожденія этого чувства ожидаетъ возрожденія всей общественной жизни. Обычаи, привычки, законы и общественныя учрежденія, говоритъ онъ, испытываютъ на себѣ сильное вліяніе религіи, почему наука не въ правѣ игнорировать этого вліянія [2]).

Нельзя не удивляться тѣмъ похваламъ, какія у насъ расточаются Ренану, повидимому, безъ знакомства со всѣмъ тѣмъ, что

---

[1]) Г. *Майеръ*, Закономѣрность явленій въ общественной жизни, стр. 456 и *V. de Lapouge*, Les sélections sociales, 1896, p. 122—125.

[2]) См. *Fouillé*, La science sociale contemporaine. Paris, 1885, главу Critique de la fraternité chrétienne. Срви. *Кеннингъ*, Современная цивилизація въ нѣкоторыхъ ея экономическихъ проявленіяхъ. Кіевъ, 1898 и *Thorold Rogers*, Interprétation économique de l'histoire. Paris, 1892.

сдѣлано по критической оцѣнкѣ его трудовъ въ западноевропейской литературѣ. Его называютъ у насъ „представителемъ истинной научности“, говорятъ, что онъ примѣнилъ къ христіанству научные методы, внесъ въ него научный духъ, который не разрушаетъ и не уничтожаетъ, а только ставитъ въ предѣлы опредѣленнаго времени и опредѣленныхъ культурныхъ взаимодѣйствій [1]). Но именно этихъ достоинствъ и недостаетъ Ренану при изслѣдованіи христіанства. Его нельзя назвать даже позитивистомъ. Это просто скептикъ и въ то же время беллетристъ, но только не ученый, судя по его книгѣ о „Жизни Іисуса“. Эта книга, по справедливому замѣчанію академика *Каро*, поражаетъ непредубѣжденнаго читателя слабостью и пустотой аргументаціи. Ренанъ не стремится къ пониманію жизни Іисуса пріемами методически правильнаго разсужденія. Въ самыхъ важныхъ пунктахъ той исторіи, на которой держится духовная жизнь всего образованнаго міра, у Ренана встрѣчаются одни предположенія, догадки, произвольныя гипотезы. Онъ больше всего бьетъ на внѣшній блескъ и популярность изложенія, не заботясь о научной доказательности своихъ мнѣній. Такъ какъ евангельскіе тексты не рѣдко противорѣчатъ его догадкамъ, то онъ не стѣсняется въ произвольномъ по своему вкусу толкованіи ихъ и взаимномъ сопоставленіи, чтобы этимъ путемъ возсоздать тотъ образъ Іисуса, который ему кажется наиболѣе правдоподобнымъ съ точки зрѣнія обыкновенныхъ законовъ чувствъ живого организма. Но онъ забываетъ, что берется за объясненіе самой великой души, по его собственному признанію, какая когда либо являлась на землѣ, а слѣдовательно измѣреніе имъ обыкновенной мѣркой того, что само по себѣ не измѣримо, выходитъ у него не вѣрнымъ. Сочиненіе Ренана не есть научный трудъ, а скорѣе историческій романъ, написанный съ оскорбительной для христіанскаго чувства развязностью о Томъ, Кого привыкло благоговѣйно чтить человѣчество въ теченіе столькихъ вѣковъ. Утверждая противоположное

---

[1]) См. статью „Ренанъ какъ поборникъ свободы мысли“ въ сборникѣ Московскаго Психологическаго Общества, „Проблемы идеализма“, стр. 491 и 495.

тому, что говорятъ евангелія и пророчества, Ренанъ не считаетъ нужнымъ даже доказывать свои положенія, а отдѣлывается, вмѣсто доказательствъ, словами: „*вѣроятно*, *кажется*, *принуждены думать*“, и т. п. Полная научная несостоятельность Ренана въ этомъ отношеніи выяснена очень обстоятельно членомъ академіи надписей и изящной литературы *Wallon*'омъ въ сочиненіи La Vie de Jesus et son nouvel historien. Полная несостоятельность книги Ренана даже какъ историческаго романа доказана не менѣе убѣдительно членомъ французской академіи наукъ *Каро*, выяснившимъ крайнюю невыдержанность въ психическомъ отношеніи характера Спасителя, изображаемаго Ренаномъ. Здѣсь все фантазія, притомъ полная несовмѣстимыхъ противорѣчій. Въ заключеніе своей прекрасной критической оцѣнки Ренана, Каро вполнѣ основательно замѣчаетъ: „Ренанъ не знаетъ даже есть ли Богъ. По этому вопросу онъ колеблется и безпрестанно противорѣчитъ себѣ. Будучи не въ состояніи для *самого себя* разрѣшить этой проблемы, на которой держится вся духовная жизнь человѣчества, онъ въ то же время претендуетъ на объясненіе мнѣ сущности религіи и происхожденія христіанства! Когда у меня отнимаютъ вѣрованія, то я хочу по крайней мѣрѣ знать, чѣмъ ихъ замѣняютъ. Но кто самъ не знаетъ, во что надо вѣровать ему, какое онъ имѣетъ право наставлять другихъ?“ [1]).

Разсмотрѣвъ главные доводы Ренана, приводимые въ статьѣ, написанной недавно у насъ въ защиту его противъ упрековъ въ стремленіи ослабить религіозныя вѣрованія, считаю излишнимъ останавливаться на оцѣнкѣ остальныхъ изъ нихъ, состоящихъ почти въ дѣтской игрѣ словами, несовмѣстимой съ обсужденіемъ вопроса первостепенной важности, поставленнаго самимъ же Ренаномъ [2]). Въ этой игрѣ видно его безсиліе сказать что либо серіозное въ оправданіе своего неуваженія къ хри-

---

[1]) См. *Каро*, Идеи Бога и безсмертія души предъ судомъ новѣйшихъ критиковъ. Изд. Библіотеки „Въ защиту идеаловъ разума“. Харьковъ, 1898, стр. 147.

[2]) См. статью Ренанъ, какъ поборникъ свободы мысли, стр. 494.

стіанскимъ вѣрованіямъ, недоказывающаго ни терпимости къ чужимъ убѣжденіямъ, ни послѣдовательности даже въ развитіи собственныхъ основныхъ положеній. Если Ренанъ признавалъ религіозную вѣру за великое благо для общественной культуры, то смущать духъ вѣрующихъ, стремиться отнять у нихъ величайшее изъ духовныхъ благъ, не имѣя возможности дать имъ вмѣсто этого ничего равноцѣннаго, значитъ впадать въ открытое противорѣчіе съ самимъ собою и посягать на одно изъ главныхъ условій соціальнаго прогресса. Въ этомъ нельзя видѣть терпимости къ чужимъ убѣжденіямъ, образцомъ которой выставляло Ренана нынѣшнее атеистическое правительство Франціи Комба, открывая ему монументъ въ Бретани въ 1903 году.

Точно также не по заслугамъ выставленъ Ренанъ представителями того же правительства въ рѣчахъ при открытіи монумента какъ главный поборникъ свободы мысли. Можно ли назвать свободно мыслящимъ того, спрашиваетъ академикъ Брюнетьеръ, кто заранѣе связалъ свободу своего мышленія абсолютнымъ догматомъ отрицанія сверхестественнаго, хотя бы этотъ догматъ и былъ заимствованъ Ренаномъ у своего знаменитаго друга, естествовѣда Бертело. Подчинять философію своей теологіи, а теологію, въ свою очередь, своей физикѣ—развѣ не значитъ отказаться отъ свободы мышленія. Естественныя науки, по основнымъ своимъ задачамъ не компетентны въ разрѣшеніи вопросовъ, составляющихъ сущность религіи. Поэтому подчиненіе имъ послѣдней было бы равносильно не свободѣ мысли, а скорѣе свободѣ невѣрія.

Ораторы Комба, участвовавшіе въ открытіи въ 1903 году монумента Ренану, восхваляли его также за любовь къ истинѣ, желая поставить свои антирелигіозные взгляды подъ авторитетъ Ренана. Но самъ Ренанъ не считалъ своихъ взглядовъ за дѣйствительную истину, а только за личное мнѣніе, не имѣющее за собою никакихъ признаковъ наибольшей достовѣрности, или очевидности, въ сравненіи съ противоположными ему взглядами. Всякое мнѣніе, по словамъ Ренана, законно, если оно искренне; *каждый даетъ отвѣты на основные вопросы нравственности, сообразуясь со своимъ нравственнымъ темпераментомъ и этого*

достаточно“ [1]). Но при чемъ же тутъ истина, если она ставится въ зависимость отъ такого мѣняющагося у различныхъ людей элемента, какъ нравственный темпераментъ?

Самъ Ренанъ не отвергаетъ вѣчности религіозныхъ потребностей, присущихъ человѣчеству. „Если итальянскіе софисты XVI-го вѣка утверждали, говоритъ онъ, что религія была изобрѣтена людьми простыми и слабыми, то чѣмъ въ такомъ случаѣ объяснить, спрашиваетъ онъ, что лучшіе представители человѣчества были наиболѣе религіозными людьми? Поэтому мы можемъ сказать смѣло, что религія есть принадлежность нормальнаго человѣка, что человѣкъ стоитъ ближе всего къ истинѣ тогда, когда онъ наиболѣе религіозенъ и наиболѣе увѣренъ въ безконечности своего назначенія“. Изъ этого факта Ренанъ не колеблется сдѣлать выводъ, который едва ли ему простятъ фанатики отрицанія. „Въ тотъ день, когда исчезнетъ религіозное чувство, въ душѣ человѣческой произойдетъ страшная пустота, и человѣчество достигнетъ своего паденія. Религіозное чувство побуждаетъ человѣка превзойти природу, господствовать надъ нею. Человѣкъ становится религіознымъ, говоритъ Ренанъ, съ той минуты, когда чувство безконечнаго беретъ у него верхъ надъ капризомъ или страстью. Человѣкъ чувствуетъ себя въ присутствіи великой тайны міра, которой онъ не въ силахъ раскрыть. Чѣмъ большими онъ обладаетъ познаніями, тѣмъ болѣе сознаетъ незначительность ихъ. Религіозное чувство является эстетическимъ трепетомъ, испытываемымъ человѣкомъ предъ тайнами вѣчности [2]). Но, по справедливому замѣчанію одного изъ новѣйшихъ критиковъ его, хотя Ренанъ возбудилъ большой интересъ во Франціи своей исторіей религіи, но онъ никогда не анализировалъ достаточно глубоко явленія, изъ котораго сдѣлалъ предметъ своихъ постоянныхъ изслѣдованій. Потому и не доказалъ тождественности религіознаго чувства съ эстетическимъ благовѣніемъ предъ тайнами вѣчности [3]).

---

[1]) См. *Brunetière*, Cinque lettre sur Ernest Renan, Paris 1903.
[2]) См. *Allier*, La Philosophie d'Ernest Renan, Paris 1903, p. 152.
[3]) Idem, стр. 155.

Во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться съ Ренаномъ, что сущность религіи составляетъ мистицизмъ, особенно ярко обнаруживавшійся въ золотой вѣкъ церкви, въ эпоху ея возникновенія. Сновидѣнія, видѣнія, экстазъ, слезы были обычной пищей бившаго ключемъ религіознаго чувства.

Если религія соотвѣтствуетъ постоянной, врожденной человѣку потребности, то въ такомъ случаѣ имѣлъ ли Ренанъ основаніе относиться такъ легкомысленно къ сущности христіанской религіи и колебать ея значеніе своимъ историческимъ романомъ, не имѣющимъ ни научныхъ, ни эстетическихъ достоинствъ [1]). Онъ самъ сознавалъ всю потребность душевнаго спокойствія, даваемаго этой религіей людямъ. До послѣднихъ дней жизни онъ не терялъ надежды когда-либо вернуться къ глубокой, наивной вѣрѣ своей молодости. Чѣмъ же въ такомъ случаѣ оправдать стремленіе Ренана въ то же время поколебать эту вѣру у другихъ?

Всю пользу, принесенную имъ обществу въ этомъ отношеніи, онъ сводитъ къ тому, что онъ далъ людямъ нѣсколько электрическихъ ударовъ, пробудившихъ ихъ изъ спячки. Но кто глубоко вѣритъ въ живаго Бога христіанъ, тотъ не находится въ состояніи спячки. По справедливому замѣчанію *Геффдинга*, христіанская вѣра всегда была наиболѣе активной вѣрой; она поднимала, а не ослабляла запасъ душевныхъ силъ, необходимыхъ для проведенія въ жизнь нравственныхъ идеаловъ. Въ этомъ отношеніи онъ противопоставляетъ ее азіатскому буддизму, претствовавшему соціальному прогрессу. Нравственная спячка свойственна скорѣе людямъ индиферентнымъ въ религіозномъ отношеніи, чѣмъ образованнымъ классамъ общества. Она наиболѣе противорѣчитъ духу христіанства, что такъ образно и сильно выражено апостоломъ Іоанномъ Богословомъ: „Знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горячъ; о, если бы ты былъ холоденъ или горячъ! Но такъ какъ ты теплъ, а не горячъ и ни холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ.“ Такихъ людей пробудить къ новой жизни Ренанъ не могъ своимъ произведеніемъ, а только

---

[1]) См. *Freppel*, Examen critique de la vie de Jésus de m. Renan.

давалъ въ ихъ руки возможность къ оправданію своей спячки. Да и что можетъ имѣть общаго истинная наука съ театральными подмостами для производства электрическихъ ударовъ по нервамъ зрителей, а не для выясненія истины? Quasi научныя изслѣдованія, производящія потрясенія нервовъ читателей, переносятъ науку на балаганные подмоски и могутъ только колебать въ людяхъ любовь къ истинѣ, вѣру въ высшіе нравственные идеалы, разрушая основы общественной жизни.

Трудно признать въ этомъ какую либо заслугу Ренана предъ культурнымъ человѣчествомъ. Вмѣсто того, чтобы влагать новые камни и цементъ въ нравственные устои общественной жизни, слагавшіеся вѣками, Ренанъ только расшатывалъ эти устои и потому на признательность потомства не имѣлъ никакихъ правъ. Воздвигая ему монументъ въ странѣ съ наиболѣе религіознымъ населеніемъ, нынѣшнее французское правительство обнаружило тѣмъ самымъ только крайній атеистическій фанатизмъ, несовмѣстимый ни съ свободой человѣческой совѣсти, ни съ уваженіемъ къ чувствамъ и правамъ націи, избравшей его. За такого рода эксперименты въ живомъ тѣлѣ Франціи, какъ in anima vili, за чисто-деспотическое навязываніе своихъ мнѣній народнымъ массамъ во Франціи придется потомъ тяжело разсчитываться будущимъ поколѣніямъ.

Возмутительность деспотической, антирелигіозной политики нынѣшняго французскаго правительства въ странѣ, выставившей на своемъ государственномъ знамени „свободу, равенство и братство“ тѣмъ поразительнѣе, что эта политика идетъ въ разрѣзъ не только съ вѣрованіями народныхъ массъ, но и съ убѣжденіями лучшихъ представителей французской современной мысли. Въ доказательство позволю себѣ привести въ заключеніе этой главы прекрасную характеристику полной боэсодержательности нравственнаго міросозерцанія Ренана, сдѣланную еще въ 1880-хъ годахъ однимъ изъ талантливѣйшихъ представителей французской критической литературы *Леметромъ* въ его извѣстномъ сочиненіи „Les contemporains“.

„Было бы интересно сопоставить рядъ противорѣчій, въ которыя впадаетъ Ренанъ. Его Богъ существуетъ и не суще-

ствуетъ, онъ въ одно и то же время — личенъ и безличенъ. Безсмертіе, о которомъ онъ иногда мечтаетъ, является у него то индивидуальнымъ, то коллективнымъ. Онъ вѣритъ и не вѣритъ въ прогрессъ. Онъ любитъ историческія науки и презираетъ ихъ. Онъ благовѣйно безбоженъ. Онъ мистикъ, но и въ этомъ мистицизмѣ коваренъ. Часто его мысли и выраженія темны, если не противорѣчащи. Подъ наружностью связнаго мышленія онъ дѣлаетъ невѣроятные прыжки въ идеяхъ, почти злоупотребляя словами, ставя ихъ въ двусмысленномъ значеніи. Одновременно онъ и отрицаетъ и утверждаетъ. Онъ выражаетъ иногда глубокую увѣренность въ томъ, во что черезъ минуту не вѣритъ, прибѣгая къ ироническимъ парадоксамъ.

Ренанъ не имѣетъ права быть жизнерадостнымъ. Какъ Макбетъ убилъ свой сонъ, такъ Ренанъ въ каждомъ изъ своихъ сочиненій двадцать и сто разъ убиваетъ радость и способность дѣйствовать, подрываетъ силы душевныя и безопасность нравственной жизни. Онъ проповѣдуетъ добродѣтель, съ задней мыслью выставить ее глупостью".

Можно легко себѣ представить, какое гибельное вліяніе долженъ былъ оказать Ренанъ на умы и нравственныя понятія современной французской молодежи, среди которой находится у него такая масса горячихъ приверженцевъ. По замѣчанію *Бурдо*, Ренанъ, ренанистъ, поверхностная иронія составляютъ такое направленіе ума, что если оно распространится между образованными классами, то сдѣлается новымъ несчастіемъ для бѣдной Франціи, страдающей и безъ того болѣзнью воли [1]).

---

[1]) См. *Bourdeau*. Les maitres de la pensée contemporaine, Paris, 1904, стр. 81.

ГЛАВА X.

Высокій уровень научныхъ знаній гарантируетъ ли самъ по себѣ такой же уровень нравственнаго развитія и современное состояніе Франціи, какъ доказательство противнаго.

По справедливому замѣчанію проф. *Геффдинга*, „всякія попытки бороться съ религіозными мотивами приведутъ лишь къ тому, что былая сила и гармонія уступятъ мѣсто полной неувѣренности и шаткости. Движущія силы, дѣйствовавшія до сихъ поръ, не должны быть подавлены, разъ нѣтъ возможности поставить на ихъ мѣсто другія. Слишкомъ часто критика отнимаетъ силу и смѣлость, необходимыя для того, чтобы дерзать, терпѣть и страдать. Религіозные мотивы, способные дать эту силу и смѣлость, тѣмъ самымъ оправдываютъ себя и доказываютъ свое право на существованіе. Такая форма жизни какъ религія, концентрирующая въ себѣ всѣ способности и стремленія, не можетъ быть удалена изъ жизни безъ потери для послѣдней“ [1]). Даже съ точки зрѣнія такого реалиста, какъ

---

[1]) *Геффдингъ*, Философія религіи. Изданіе Товарищества „Общественная польза“. Спб. 1903, стр. 330 и 343.

Дж. Ст. Милль, религія имѣетъ громадное значеніе въ дѣлѣ общественнаго прогресса. Она вытекаетъ, по его мнѣнію, изъ потребностей въ болѣе величественныхъ и прекрасныхъ образахъ, чѣмъ тѣ, которые приноситъ съ собой проза жизни. Несмотря на всѣ успѣхи культуры, человѣческая жизнь останется навсегда столь тяжкой и узкой, что человѣкъ вѣчно будетъ чувствовать потребность, чтобы судьбѣ его открывались болѣе широкіе и возвышенные горизонты. Воображеніе его должно быть свободно отъ границъ, полагаемыхъ ему позитивнымъ опытомъ. Сущность всякой религіи состоитъ въ томъ, чтобы чувства и стремленія энергично и ревностно направлялись къ идеальному объекту. Если бы даже вѣра и не допускала доказательствъ, если бы ей суждено было быть скорѣе надеждой, чѣмъ вѣрой, то все-таки истинная житейская мудрость требуетъ, по мнѣнію Милля, чтобы мы всѣми силами, старались не терять вѣры. Благодаря ей, можно, не отказываясь отъ разума и критики, смотрѣть на жизнь болѣе увѣренно и радостно. Чрезмѣрное сосредоточеніе на мракѣ и уныніи отъ несчастій жизни только парализуетъ нашу дѣятельность. Надежда, что по ту сторону нашего опыта существуютъ добрыя силы и безсмертіе, имѣетъ важное значеніе, удлиняя скалу нашихъ чувствъ. Милль останавливается также на значеніи, которое имѣло до сихъ поръ христіанство, благодаря тому, что въ образѣ Христа данъ человѣческому роду возвышенный идеалъ. Даже съ чисто исторической точки зрѣнія вліяніе этого идеала не уничтожится [1]). Тѣмъ большее значеніе имѣетъ христіанство съ чисто спиритуалистической точки зрѣнія по громадному вліянію религіи на весь смыслъ жизни и на то, что составляетъ, даже и по мнѣнію позитивистовъ, самое важное въ жизни— на ея энергію и интенсивность. Кто ограничиваетъ настоящею

---

[1]) *Геффдингъ*, Исторія новѣйшей философіи. Спб. 1900. Изд. ред. журн. „Образованіе“, стр. 379—380 и *Carrau*, La Philosophie religieuse en Angleterre, p. 186—205.

жизнью всѣ свои желанія и стремленія, тотъ, по основательному замѣчанію *Олэ-Лапрюна*, теряя ее, въ ней все теряетъ; но кто умѣетъ видѣть нѣчто за предѣлами этой жизни и, въ случаѣ надобности, жертвовать ею, тотъ, находя жизнь болѣе высокую, пріобрѣтаетъ средство вносить и въ настоящую жизнь бо́лшее достоинство и цѣнность [1]). Другой изъ современныхъ намъ представителей спиритуалистической философіи во Франціи, *Брюнетьеръ*, указываетъ на китайцевъ, какъ на живой примѣръ возможности прекращенія развитія цивилизаціи, вслѣдствіе отсутствія иного идеала для нея, кромѣ матеріальнаго благосостоянія и счастія въ этой жизни. Метафизическія истины, тоска по непознаемомъ, надъ которою глумятся позитивисты, но которая составляетъ высшее достоинство человѣчества, никогда не мучила сыновъ Конфуція. Путемъ одного только научнаго воспитанія, развивающаго индиферентизмъ къ высшимъ задачамъ человѣческой жизни и относящаго ихъ къ области химеръ и мечтаній, можно, конечно, и европейцевъ обратить въ китайцевъ въ этомъ отношеніи [2]); но выиграетъ ли отъ этого человѣческій прогрессъ?

По мнѣнію проф. *Дюринга*,— выиграетъ. Въ сочиненіи подъ тѣмъ же заглавіемъ, какъ и одного изъ предшествующихъ авторовъ о „Цѣнности жизни“, онъ увѣряетъ, что перспектива смерти, увеличивая сознаніе жизни, не только концентрируетъ энергію ея, но и успокоиваетъ насъ [3]). Что она можетъ концентрировать энергію жизни, это утверждаютъ и нѣкоторые изъ спиритуалистовъ. „Человѣкъ является на сцену міра на мгновеніе, пишетъ *Бартелеми Сентъ-Илеръ*, чтобы почти тотчасъ же и исчезнуть. Вмѣсто того, чтобы огорчаться этимъ онъ долженъ ска-

---

[1]) *Олэ-Лапрюнь*, Цѣнность жизни. Въ защиту идеаловъ разума. Избранная библіотека современныхъ западныхъ мыслителей. Харьковъ. 1898, стр. 266.

[2]) *Brunetière*, La moralité de la doctrine évolutive. Paris 1896, стр. 56. Его же Education et instruction. Paris 1895, стр. 78. Срав. *Le Bon*, Lois psychologiques de l'évolution des peuples. Paris 1895, главу Comment les civilisations s'éteignent.

[3]) *Дюрингъ*, Цѣнность жизни. Изслѣдованіе въ смыслѣ героическаго жизнепониманія. Спб. 1896, стр. 217.

зать себѣ, что это мгновоніе тѣмъ драгоцѣннѣе для него, чѣмъ оно короче, что скоропреходящее существованіе тѣмъ болѣе цѣнно, чѣмъ оно менѣе продолжительно". Но практическія послѣдствія такой высокой оцѣнки и концентраціи жизни совершенно различны у спиритуалистовъ и матеріалистовъ. Для первыхъ, говоря словами того же французскаго академика, „въ практическомъ отношеніи особенно важно сознаніе, что послѣ нынѣшней жизни наступитъ новая, восполняющая ее; безъ этого сознанія она теряетъ свой смыслъ" [1]). Убѣжденіе въ непрекращеніи жизни и послѣ физической смерти побуждаетъ людей вѣрующихъ спѣшить воспользоваться своимъ кратковременнымъ земнымъ существованіемъ такимъ образомъ, чтобы сдѣлать себя достойными лучшей жизни, развивая себя нравственно и служа благу ближнихъ. Совсѣмъ другое значеніе получаетъ высокая оцѣнка этой жизни безъ идеи безсмертія. Въ такомъ случаѣ человѣкъ поставленъ въ необходимость спѣшить взять отъ жизни все, что она можетъ дать ему, не думая ни о нравственномъ совершенствованіи, ни объ уваженіи правъ ближнихъ. Самъ *Дюрингъ* сознается, что „наиболѣе напряженная энергія жизни у людей невѣрующихъ *всего чаще* приводитъ къ насильственному разрушенію ея", т. е. къ самоубійству [2]), ибо жизнь имѣетъ для нихъ серіозное значеніе только въ смыслѣ азартной игры [3]). Но это будетъ не созидательная для общества, а разрушительная энергія рыцаря большихъ дорогъ, ставящаго на карту собственную жизнь, чтобы ограбить другихъ. Возводить такого рода задачи въ „героическое жизнепониманіе", какъ выражается въ самомъ заглавіи своей книги Дюрингъ, не было ни малѣйшихъ разумныхъ основаній. Что это за жизненная энергія, которая вся сводится къ порывамъ страстнаго игрока, заставляющая людей добровольно отказываться отъ жизни при всякихъ серіозныхъ житейскихъ неудачахъ. Она равносильна признанію человѣка рабомъ не-

---

[1]) См. *Barthélemy-Saint Hilaire.* La Philosophie dans ses rapports avec les sciences et la religion. Paris 1889, стр. 125 и 136.

[2]) *Дюрингъ*, Цѣнность жизни, стр. 200 и *Carrau*, p. 229.

[3]) Idem, стр. 198—199

благопріятныхъ, случайныхъ обстоятельствъ, отсутствію сознанія въ себѣ разумной способности бороться съ ними. Такую способность даетъ людямъ то, что Дюрингъ называетъ „потусторонними призраками“ [1]). Но если вѣра въ загробную жизнь дѣлаетъ человѣка способнымъ не падать духомъ при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, то это не есть уже „призракъ“, а могучая нравственная сила, дѣлающая человѣка изъ презрѣннаго раба обстоятельствъ и неразумныхъ увлеченій, властелиномъ ихъ и творцомъ собственной судьбы.

Этого не можетъ не сознавать проф. Дюрингъ. Поэтому объявивъ себя въ началѣ своей книги о „Цѣнности жизни“ радикальнымъ противникомъ всякаго соединенія морали съ спиритуалистическими представленіями, какъ „неразумнаго и только компрометирующаго понятіе о нравственномъ“ [2]) и обозвавъ всѣхъ спиритуалистовъ „лицемѣрами“, Дюрингъ въ концѣ концовъ переходитъ самъ въ лагерь спиритуалистовъ, не замѣчая этого. На послѣднихъ страницахъ своей книги онъ говоритъ о необходимости „насажденія въ людяхъ, при посредствѣ воспитанія, того *облагороживающаго настроенія*, которое коренится въ возвышающемъ міропониманіи и въ принципахъ, направленныхъ на добрую нравственность, обезпечивающую возможность величія души и возвышеннаго подъёма духа“. Одно только позитивное знаніе дать этого не можетъ. Поэтому Дюрингъ вполнѣ основательно заявляетъ, что такое облагороживающее настроеніе „можетъ существовать лишь при условіи соединенія свѣта знанія *съ теплотой облагороженной воли* [3]), слѣдовательно переходитъ къ тому *волевому* началу, изъ котораго проф. *Паульсенъ* главнымъ образомъ выводитъ возникновеніе и сущность религіи [4]). Значеніе позитивнаго знанія, какъ единственнаго источника нравственности, Дюрингъ опровергаетъ также замѣчаніемъ, „что въ вопросахъ нравственности и устройства жизни

---

[1]) Idem, стр. 39.

[2]) Idem, стр. 54.

[3]) Idem, стр .320—321.

[4]) См. *Паульсенъ*, Введеніе въ философію. Москва 1899 и *Carrau*, La Philosophie religieuse en Angleterre, p. 274.

не требуется предварительно такого знанія, которое должно еще быть построено впервые въ ряду послѣдовательныхъ научныхъ положеній. Здѣсь можно и должно тотчасъ вступать въ обладаніе руководящими истинами", говоритъ онъ [1]). Очевидно, что это не есть уже позитивное знаніе, но апріорное, какимъ является метафизическое знаніе, противъ котораго первоначально такъ горячо ратовалъ Дюрингъ, увѣряя, что „обманчивые образы метафизики отвлекаютъ отъ настоящей жизни на путь сущностей, лишенныхъ всякаго содержанія" [2]).

Судьбѣ угодно было дать возможность проф. Дюрингу убѣдиться въ собственной жизни, на сколько одно только умственное развитіе людей служитъ слишкомъ плохой гарантіей высокаго уровня ихъ нравственности и потому онъ открыто заявляетъ, что „началъ борьбу противъ ученаго сословія и его среды" [3]), которыя, по его мнѣнію, были главными виновниками всѣхъ преслѣдованій людей мысли. Мало того, Дюрингъ прямо беретъ подъ свою защиту церковь и государство противъ обыкновенно расточаемыхъ имъ упрековъ въ этихъ преслѣдованіяхъ. Кто припишетъ всемірно историческія преслѣдованія великихъ умовъ прежде всего церкви и государству, тотъ составитъ себѣ, говоритъ онъ, ложное представленіе о характерѣ этихъ гоненій. Припомнимъ не только Бруно, но въ области болѣе трезвой науки Галилея. Церковь и государство во многихъ случаяхъ являются совершенно индиферентными и оставались бы часто незатронутыми, если бы стоящая ближе къ преслѣдуемымъ лицамъ враждебная каста или группа ученыхъ и принадлежащіе къ ней личные завистники и враги не брали на себя иниціативы и первые не возбуждали церкви и государства. Такъ было и съ Галилеемъ, испытавшимъ съ самого начала своихъ лекцій враждебное отношеніе къ себѣ аристотеликовъ, которые господствовали тогда въ университетахъ. Въ древности настоящими виновниками въ смерти Сократа Дюрингъ признаетъ софистовъ,

---

[1]) *Дюрингъ*, Цѣнность жизни, стр. 319.
[2]) Idem, стр. 137.
[3]) Idem, стр. 306.

а не религію, которою они только воспользовались какъ орудіемъ, для своихъ враждебныхъ къ нему цѣлей. Въ XIX-мъ столѣтіи поучительнымъ примѣромъ онъ выставляетъ основателя позитивной философіи О. Конта. „Къ вѣчному стыду парижскихъ профессоровъ, пишетъ Дюрингъ, О. Контъ былъ подлымъ образомъ удаленъ изъ политехнической школы, вслѣдствіе чего лишился тамъ мѣста преподавателя математики, а вмѣстѣ съ нимъ и средствъ къ жизни. Это изгнаніе было результатомъ интригъ ученыхъ и въ частности физика Араго. Другой примѣръ, напоминающій заслуги и судьбу Галилея, сдѣлался извѣстнымъ публикѣ лишь благодаря моей книгѣ Robert Mayer der Galilei des 19 Jahrhunderts (1880). Отвѣтомъ на великое открытіе механическаго эквивалента теплоты было обвиненіе его автора въ маніи величія и затѣмъ дѣйствительное заключеніе Роберта Майера въ домъ умалишенныхъ, гдѣ онъ, привязанный къ смирительному стулу, долженъ былъ отказываться, какъ отъ безсмыслицы, отъ своей новой физикальной истины. Въ этомъ отвѣтѣ, не говоря уже объ обкрадованіи у Роб. Майера его открытія, преступленіе открылось въ полной наготѣ, *не прикрываясь церковью или государствомъ.* Ближайшій къ намъ выдающійся примѣръ, гдѣ преступленіе ученыхъ выразилось на нѣмецкой почвѣ за свой собственный страхъ, безъ церковной или государственной маскировки, представляетъ, направленный противъ меня походъ, описанный въ книгѣ Sache, Leben und Feinde. Во всѣхъ этихъ случаяхъ подтверждается, что причиной гоненія на выдающіеся умы была и есть зависть ученыхъ, къ которой лишь на второмъ планѣ присоединяются остальныя формы враждебности“ [1]).

Если безпристрастіе приговора проф. Дюринга надъ научной нравственностью можетъ быть заподозрѣно на томъ основаніи, что онъ лично пострадалъ отъ нея, то этого нельзя сказать напр. о французскомъ академикѣ *Брюнетьерѣ.* Между тѣмъ его отзывъ о естествознаніи, какъ источникѣ нравственныхъ понятій, ни сколько не лучше Дюринга. „Развѣ не ученые, спрашиваетъ французкій академикъ, осудили Галилея. Развѣ не во имя науки

---

[1]) Idem, стр. 308.

противники Пастера столь долго преслѣдовали его? Что случилось бы съ нимъ, еслибы главный противникъ его былъ облеченъ правами великаго инквизитора? Тѣ, съ устъ которыхъ теперь не сходятъ имена Клода Бернара, Дарвина и Пастера, произносимыя съ такимъ эмфазомъ, не должны забывать, сколько потребовалось отваги и генія, чтобы восторжествовать надъ воображаемыми „несомнѣнными истинами", которыя противоставляли имъ ученые ихъ времени. Послушайте даже теперь нѣкоторыхъ изъ нашихъ ученыхъ, съ какой нетерпимостью и высокомѣріемъ они третируютъ тѣхъ, кто не стоитъ на ихъ точкѣ зрѣнія, заявляя, что „съ католиками и спиритуалистами не приходится вести преній", какъ выразился недавно редакторъ Revue philosophique, полуфизіологъ, полупсихологъ Теодулъ *Рибо*. Кальвинъ и Торквемадо едвали бы сумѣли выразиться съ большей нетерпимостью, въ глубокомъ сознаніи своей безошибочности" [1]).

Эти слова академика Брюнетьера и проф. Дюринга могутъ служить блестящимъ отвѣтомъ на тѣ ожесточенныя нападки на религію, какія можно встрѣтить у Бертло и другихъ представителей позитивныхъ знаніи за нетерпимость будто бы религіи къ научному прогрессу. Оказывается изъ словъ Дюринга, что всѣ обвиненія позитивистовъ за это противъ религіи возвращаются прямо по адресу представителей самой науки, которымъ поэтому слѣдуетъ быть болѣе скромными въ своихъ притязаніяхъ на нравственое возрожденіе міра, предоставя эту задачу главнымъ образомъ религіи, выходящей изъ ея области вѣдѣнія [2]). За выясненіемъ нравственныхъ истинъ напрасно мы будемъ обращаться, замѣчаетъ Брюнетьеръ, къ натуральной исторіи или физіологіи — мы не извлечемъ изъ физической природы, а слѣдовательно и изъ наукъ, изучающихъ ее, атома самоотверженія. Прогрессъ нравственный совершается нашими усиліями организовать царство человѣческое въ природѣ.

---

[1]) *Brunetière*, Éducation et Instruction. Paris 1895, стр. 81—85.

[2]) См. *De Pressensé*, L'ancien monde et le christianisme. Paris. 1887, стр. XI—XII.

Подобно Ренану, *Гюйо* тоже хочетъ вычеркнуть существующія религіи съ ихъ догматами и обрядами изъ числа великихъ общественныхъ силъ, управляющихъ нравственнымъ развитіемъ культурнаго человѣчества, замѣнивъ ихъ моралью, опирающеюся на метафизику. Отъ Ренана онъ отличается гораздо большей откровенностью, не желая софизмами и игрою въ слова затемнять истинный смыслъ того, что онъ желаетъ. Отнимая своей философіей у людей религіозную вѣру, безъ которой кратковременная, физическая жизнь теряетъ разумный смыслъ, а по мнѣнію гр. Толстого становится даже злой, безжалостной шуткой надъ ними, Гюйо увѣряетъ, что за то, вмѣсто вѣры, онъ даетъ людямъ нѣчто бо́льшее — разумную увѣренность въ существованіи безсмертія. Онъ пишетъ:

„Часто встрѣчаю у себя миссіонера. Его увѣренный и проникающій какъ бы насквозь человѣка взглядъ озаряется по временамъ мистическимъ свѣтомъ. Этотъ миссіонеръ поддерживаетъ сношенія со всѣми странами. Онъ трудится много, но надъ созданіемъ именно того, что я стремлюсь разрушить. Наши усилія, направленныя въ противоположныя стороны, вредятъ ли другъ другу? Нѣтъ, мы являемся сотрудниками въ дѣлѣ человѣчества. Обращать первобытныя племена къ догматамъ христіанской религіи и освобождать отъ положительной, догматической вѣры тѣхъ, которые достигли высшей степени цивилизаціи — эти двѣ задачи не только не исключаютъ другъ друга, но взаимно дополняютъ. Миссіонеры и свободные мыслители культивируютъ различныя растенія на различной почвѣ; но въ сущности тѣ и другіе трудятся надъ поддержаніемъ безпредѣльнаго плодородія жизни“ [1]).

Гюйо не является матеріалистомъ въ полномъ смыслѣ слова. Вмѣстѣ съ *Ренувье*, *Секретаномъ*, *Гобле д'Алвилля* и другими спиритуалистами онъ признаетъ метафизическія и нравственныя

---

[1]) См. *Fouillée*, La morale, l'art et la réligion d'apres Guyau. Paris 1901. стр. 14 и 19. Объ источникѣ, изъ котораго могъ почерпнуть такой взглядъ Гюйо, см. *Boutroux*, Etudes d'histoire de la philosophie. Paris, 1901, стр. 386.

вѣрованія вѣчными, неразрывно соединенными съ человѣческой природой, но возстаетъ противъ приданія этимъ вѣрованіямъ формы миѳовъ, догматовъ, религіозныхъ законовъ. Онъ стремится удалить изъ религіи все мистическое, всякое откровеніе свыше, устранить самую необходимость вѣры, т. е. положеній, превосходящихъ человѣческое разумѣніе. Съ его точки зрѣнія, можетъ быть несовершенное пониманіе, метафизика, но не религія [1]).

Утверждая это, Гюйо впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Онъ самъ вѣритъ въ такіе предметы, которые превосходятъ человѣческое пониманіе и находятся въ несоотвѣтствіи со всѣмъ видимымъ, доступнымъ внѣшнему наблюденію міромъ. Говоря, что человѣческое тѣло со всѣми его внѣшними злоключеніями исчезнетъ, разсыпется какъ форма статуи, онъ вѣритъ, что не смотря на это, внутренній богъ оживётъ въ душѣ тѣхъ, которыхъ онъ любилъ и которые его любили. Мало того, онъ вѣритъ въ возможность перехода духа умершаго человѣка въ души людей, близкихъ его сердцу, оставшихся въ живыхъ [2]).

Но что же это такое, какъ не мистицизмъ, и при томъ идущій гораздо дальше допускаемаго христіанской религіей. Это есть вѣра индѣйцевъ въ переселеніе душъ, которую французскій мыслитель возводитъ въ догму, находящуюся внѣ предѣловъ опыта и положительныхъ знаній. Въ мистическомъ характерѣ своего предположенія сознается самъ Гюйо, но только переименовываетъ ее въ *тайну философскую* (mystère philosophique), какъ будто бы вслѣдствіе этого эпитета измѣняется сущность дѣла. „Въ этомъ заключается и всегда будетъ заключаться, говоритъ онъ съ необыкновенной увѣренностью, философская тайна, вытекающая изъ того, что совѣсть, мысль, есть предметъ *sui generis*, неимѣющій аналогіи, совершенно необъяснимый, сущность котораго остается навсегда недоступной научнымъ формуламъ, а слѣдовательно навсегда открытой для метафизическихъ гипо-

---

[1]) Idem, стр. 146.
[2]) Idem, стр. 184.

тезъ“ [1]). Но трудно понять, въ какомъ отношеніи „*тайна философская*“ можетъ стоять выше „*тайны религіозной*“. По моему мнѣнію, ей совсѣмъ не мѣсто въ области позитивныхъ знаній, гдѣ все должно опираться на внѣшній опытъ и наблюденіе, на вещи доказуемыя. Вѣра вполнѣ умѣстна въ области христіанской религіи, какъ ученіи, основанномъ на „откровеніи“ Того, незыблемая вѣрность нравственнаго ученія Котораго выдержала испытаніе почти 2000-лѣтней культурной жизни человѣчества, развивавшейся подъ вліянемъ этого ученія. Но вѣра въ бездоказательную фантазію мыслителя, хотя бы и самаго популярнаго, не можетъ имѣть подъ собой никакихъ ни историческихъ, ни научныхъ основаній. Да и самъ Гюйо не могъ быть увѣренъ въ безусловной вѣрности своей идеи, не признавая, какъ позитивистъ, никакихъ безусловныхъ, императивныхъ истинъ. То, что онъ проповѣдуетъ, не есть знаніе, а только догадки и предположенія. Было ли съ его стороны хоть какое нибудь основаніе, ради этихъ догадокъ и предположеній, колебать вѣрованія, управлявшія судьбами человѣчества въ теченіе столькихъ вѣковъ? Мечтать замѣнить своими фантазіями годсподствующія вѣроисповѣданія значило предлагать людямъ вмѣсто хлѣба камень. Чѣмъ оправдать это? Не проявляется ли въ этомъ тотъ самый „*антирелигіозный фанатизмъ*“, который *Гюйо* самъ признавалъ почти столь же опаснымъ, какъ и религіозный“ [2]). Можно ли считать себя обладающимъ терпимостью къ чужимъ вѣрованіямъ, называя ихъ „ложью“ [3]) и позволяя даже прямое глумленіе надъ ними, какъ это дѣлаетъ Гюйо въ своемъ „Очеркѣ морали“ [4])? Расшатывать чужія вѣрованія только для того, чтобы на ихъ мѣсто ставить бездоказательныя и еще болѣе мистическія гипотезы, развѣ это не значитъ посягать на чужую духовную жизнь, отнимать у людей величайшія блага, безъ которыхъ жизнь теряетъ свой смыслъ?!

---

[1]) Idem, стр. 185.

[2]) Idem, стр. 143.

[3]) Idem, стр. 187.

[4]) *Гюйо*, Задачи современной эстетики, Очеркъ Морали. Спб. 1899, стр. 312.

Одинъ изъ представителей французской философіи основательно замѣчаетъ, что философы не могутъ быть освобождаемы отъ нравственной отвѣтственности за вліяніе своихъ доктринъ на общество, особенно если труды ихъ разсчитаны на обширный кружокъ читателей и написаны съ талантомъ и увлеченіемъ. Если благотворное вліяніе ихъ идей дѣлаетъ имъ честь, то странно было бы не порицать ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они оказывали деморализующее вліяніе на общество. Прежде чѣмъ высказывать извѣстную идею или популяризовать ее, каждый долженъ взвѣсить логическія послѣдствія ея для жизни. Исходя изъ этой точки зрѣнія, *Paulhan* произноситъ суровый приговоръ надъ Ренаномъ. Называя его однимъ изъ воспитателей французскаго духа, онъ упрекаетъ его въ томъ, что при употребленіи словъ Богъ, душа, нравственность, онъ лишилъ эти слова обычнаго смысла и ослабилъ вѣру въ людяхъ. „Нѣтъ ни одного изъ талантовъ Ренана, доставившихъ ему вліяніе на публику, которымъ бы онъ не стремился увеличить анархію въ вѣрованіяхъ и нравственныхъ понятіяхъ". Съ этой точки зрѣнія осуждается и *Тэнъ*, не смотря на его заслуги въ области эстетики [1]). Но едва ли Paulhan правъ, освобождая отъ такой же отвѣтственности за деморализацію общества Гюйо. Все, что онъ говоритъ въ оправданіе этого даровитаго и популярнѣйшаго изъ французскихъ писателей, можетъ служить скорѣе къ осужденію его. „Гюйо искалъ, пишетъ Paulhan, эквивалента, могущаго замѣнить прежнія вѣрованія, не забывая тѣхъ потребностей, къ удовлетворенію которыхъ они служили. Онъ зналъ цѣнность научнаго духа и немощность всего, основаннаго помимо этого духа; но зналъ также, что наука не обладаетъ всезнаніемъ, что надо поэтому уважать прежніе устои нравственности, которые еще держатся, и строить на скорую руку новые, хотя и не столь солидные, для тѣхъ, для кого рушились прежнія вѣрованія. Его безрелигіозность была въ извѣстномъ смыслѣ болѣе религіозной, чѣмъ большая часть доктринъ, на которыя онъ нападалъ".

---

[1]) См. *Paulhan*, Le nouveau Mysticisme. Paris 1891, p. 129—131, 22. 16—20 и 124. Срвн. *Ollé-Laprune*, La philosophie et le temps présent. Paris, 1903, p. VI—VIII.

Но трудно признать въ трактованіи свысока вѣковыхъ вѣрованій, доходящемъ иногда у Гюйо до прямого глумленія надъ величайшими таинствами христіанской религіи, проявленіе уваженія къ прежнимъ нравственнымъ устоямъ, къ укрѣпленію которыхъ, по словамъ Арреата, стремится въ настоящее время все бо́льшая часть образованнаго французскаго общества. Для тѣхъ же изъ представителей послѣдняго, для которыхъ навсегда рушились эти устои, фантастическія, „сдѣланныя на скорую руку новыя постройки“ еще менѣе могутъ оказаться пригодными. Въ философіи, которая стремится сдѣлать все доказуемымъ, еще менѣе можетъ быть мѣста для какихъ бы то ни было „*таинъ*“, чѣмъ въ религіи, въ которой непостижимое разумомъ легко постигается непосредственной вѣрой, опирающейся на авторитетъ Богочеловѣка. Самая наивная, чисто дѣтская вѣра въ религіи не унижаетъ человѣка, такъ какъ она касается той области, въ которой наука, основанная на внѣшнемъ опытѣ, безсильна сказать свое вѣсское слово. Такая глубокая, непосредственная вѣра является идеальной для всѣхъ, съ точки зрѣнія евангельскаго ученія (отъ Луки, гл. X, ст. 21).

Но подобная же наивная вѣра въ философіи, претендующей на доказуемость всѣхъ своихъ положеній, была бы униженіемъ разума и человѣческаго достоинства, такъ какъ она допускала бы возможность считать за истины бездоказательныя предположенія всякаго фантазёра. По справедливому замѣчанію *Carrau*, многіе предпочитаютъ вѣрить безъ мотивовъ, чѣмъ руководиться въ своихъ убѣжденіяхъ доводами черезчуръ сомнительнаго качества [1]). Сочиненія, слишкомъ неумѣло отстаивающія принципы естественной религіи, создаютъ больше атеистовъ, чѣмъ вѣрующихъ, какъ было это замѣчено еще Бентамомъ.

Вопросъ о возможности устраненія религіи откровенія пріобрѣтаетъ гораздо большее значеніе и чисто политическую важность, когда переносится изъ области этики въ область политики, т. е. когда правящіе классы общества, становясь на точку зрѣнія Гюйо, стремятся къ устраненію религіи изъ народнаго

---

[1]) Ludovic *Carrau*, La Philosophie religieuse en Angleterre depuis Locke jusqu'a nos jours. Paris 1888, стр. 50.

воспитанія. Парижскій академикъ *Ренувье* ставитъ вопросъ — можно ли признать за ними такого рода право, не должны ли они сами подчиняться общимъ условіямъ развитія того народа, къ которому принадлежатъ? *Фулье* хотя раздѣляетъ точку зрѣнія Гюйо, но отрицаетъ за правящими классами такое право, признавая вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы обезрелигіозить народъ, быть имъ толко самимъ невѣрующими. Примѣръ ихъ, по мнѣнію Фулье, несомнѣнно воздѣйствуетъ на народныя массы. Это въ значительной степени возможная вещь. Но съ соціологической точки зрѣнія важно выяснить, какія могутъ быть послѣдствія этого для соціальнаго прогресса.

Фулье вмѣстѣ съ Гюйо увѣряетъ, что никакихъ дурныхъ послѣдствій отъ потери народомъ религіи не можетъ быть. Въ древнія времена религія несомнѣнно была основаніемъ народной нравственности и воспитанія; на нее опирались идеи нравственной власти, права, весь экономическій строй жизни населенія, даже философія и наука. Теперь же, по мнѣнію Фулье и Гюйо, всѣ стороны общественной жизни порвали свою связь съ нею [1]). Но вѣрно ли это? Конечно, открыто исповѣдуемый атеизмъ правящихъ классовъ и еще болѣе изгнаніе закона Божія изъ числа предметовъ преподаванія въ народныхъ училищахъ — распространитъ атеизмъ въ народныхъ массахъ; религіозныя вѣрованія могутъ въ значительной степени ослабѣть въ нихъ и Франція снова въ состояніи будетъ провозгласить „религію разума“, какъ это было въ первую французскую революцію. Но позволительно спросить: вмѣстѣ съ атеистическими взглядами правящихъ классовъ перейдетъ ли отъ нихъ ко всему народу высшее образованіе ихъ и нравственныя убѣжденія метафизическаго характера, доступныя имъ, благодаря, этому образованію? Само собой понятно, что это физически невозможно. Высшее образованіе и особенно философское мышленіе всегда были и останутся удѣломъ немногихъ счастливцевъ [2]). Большинство насе-

---

[1]) *Fouillée*, La morale, l'art et la religion d'après Guyau стр. 147.

[2]) Недоступность послѣдняго даже для людей образованныхъ выясняетъ довольно убѣдительно *Carrau*. См. его La Philosophie religieuse стр. 271 и 274.

ленія какъ было, такъ и останется съ простой только грамотностью и элементарными свѣдѣніями, какія преподаются въ начальныхъ училищахъ. Этихъ элементарныхъ свѣдѣній при религіозномъ фундаментѣ вполнѣ достаточно для поддержанія народной нравственности. Но они окажутся ни къ чему въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія населенія безъ этого фундамента и народъ снова обратится въ того дикаго звѣря, какимъ онъ былъ въ эпоху Маратовъ, Робеспьеровъ и прочихъ кориѳеевъ религіи разума. По всей же вѣроятности, произойдетъ нѣчто еще худшее. Благодаря громаднымъ успѣхамъ въ послѣднее время соціалистическихъ и коммунистическихъ идей, имѣвшихъ слишкомъ ничтожное число адептовъ во время первой французской революціи (неудавшійся заговоръ Бабёфа), не распространятся ли ужасы Парижской Коммуны 1871 года на всю Францію, стеревъ съ лица ея всѣ слѣды вѣковой цивилизаціи. Коммунары съ особенной ненавистью относились ко всему тому, что чтила образованная Франція. Низвергались не только памятники исторической славы ея (Вандомская колонна), искусствъ (Тюльери, сокровища Луврскаго музеума уцѣлѣли случайно), но обращались въ пепелъ дома цѣлыхъ кварталовъ, какъ принадлежавшіе ненавистной для нихъ буржуазіи.

Французскій ученый *Ле Бонъ*, нарисовавшій въ своей „Психологіи соціализма“ очень убѣдительно страшную картину ужасовъ торжества соціалистическихъ утопій среди народныхъ массъ, думаетъ, что первой жертвой этихъ ужасовъ будетъ Германія [1]). Но введеніе кн. Бисмаркомъ обязательнаго страхованія рабочихъ на случай увѣчій, болѣзней и старости ихъ значительно ослабило тотъ острый характеръ, какимъ отличалось прежде недовольство рабочихъ своимъ положеніемъ. Судя по вышедшему въ этомъ году сочиненію Женевскаго профессора *Мило*, ослабилось и прежнее отношеніе соціаль-демократовъ къ религіи. Всякія рѣзкія нападки на религіозныя вѣрованія во вкусѣ *Бебеля*, объявившаго, что христіанство и соціализмъ относятся другъ къ другу какъ

---

[1]) См. *Le Bon*, Lois psychologiques de l'évolution des peuples. Paris 1895, стр. 171—172.

огонь и вода, въ настоящее время вызываютъ все болѣе смѣлые протесты на соціалистическихъ съѣздахъ въ средѣ самихъ соціаль-демократовъ [1]). Хотя вожаки послѣднихъ называютъ себя учениками Штрауса и Ренана и въ своихъ сочиненіяхъ обнаруживаютъ фанатическую ненависть къ Церкви, но понимаютъ хорошо, что перенесеніе антирелигіозной агитаціи, производимой съ такимъ увлеченіемъ въ предмѣстьяхъ Берлина, въ среду крестьянъ, только повредило бы дѣлу соціализма. По чисто политическимъ соображеніямъ депутаты соціалисты, довели свою религіозную терпимость даже до подачи своихъ голосовъ противъ закона, изгоняющаго іезуитовъ. Въ этомъ отношеніи авторъ сочиненія о „Германскомъ соціализмѣ" противопоставляетъ нѣмецкихъ соціаль-демократовъ французскимъ радикаламъ, воюющимъ даже съ такими религіозными конгрегаціями, которыя не преслѣдуютъ никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ благотворительныхъ [2]). Вслѣдствіе ли этого, или иныхъ причинъ, но во Франціи, судя по книгѣ *Арреата*, вышедшей въ 1903 году, разрывъ между религіей и народными массами все болѣе возрастаетъ [3]). Поэтому есть основаніе полагать, что первою жертвою успѣховъ атеизма падетъ Франція.

„Право не опирается болѣе на религію, говоритъ Фулье, а держится внѣ ея". Но вѣрно ли это? Оно основывается на нравственной сущности религіознаго ученія. Безъ опоры права на нравственность, освященную религіей и пустившую глубокіе корни въ народномъ сознаніи, велѣнія права сдѣлаются для большинства населенія какъ бы навязанными ему извнѣ, станутъ казаться произвольными и несправедливыми. Имъ будутъ повиноваться люди только изъ за страха наказанія, а не вслѣдствіе побужденій совѣсти, удерживающей отъ совершенія преступленій даже тогда, когда никакое око человѣческой юстиціи не въ си-

---

[1]) См. *Edgard Milhaud*, La democratie socialiste allemande. Paris 1903, стр. 253—258.

[2]) *Bourdeau*, Le socialisme allemand et le nihilisme russe. Paris, 1894, стр. 97—103.

[3]) *Arreat*, Le sentiment religieux en France l. c.

лахъ открыть ихъ. По справедливому замѣчанію проф. *Геффдинга*, порывъ къ идеалу и ясный взоръ надежды — болѣе здоровые и цѣнные мотивы, нежели страхъ предъ закономъ [1]). Право есть только отрицательное проявленіе нравственности. Съ исчезновеніемъ религіи исчезнетъ источникъ положительной нравственности, идущей далѣе простаго воздержанія отъ посягательствъ на чужое благо и требующей жертвъ въ пользу его собственными интересами. Благотворительность будетъ изгнана изъ человѣческихъ обществъ, чего, какъ мы видѣли, эволюціонисты и такъ называемые гигіенисты расы даже прямо и требуютъ [2]).

---

[1]) Проф. *Геффдингъ*, Философія религіи, Спб. 1903, стр. 333.

[2]) Впрочемъ *Фулье* въ своей Science sociale cotemporaine (Paris 1885) увѣряетъ, что безъ религіи любовь къ людямъ сдѣлается даже чище и возвышеннѣе, ибо за дѣла милосердія не обѣщается никакой награды. Но такой безкорыстной любви къ людямъ требуетъ и христіанская религія, указывая, что безъ нея если бы человѣкъ отдалъ даже тѣло свое на сожженіе за ближнихъ, онъ будетъ какъ „мѣдь звенящая и кимвалъ бряцащій". Фулье возстаетъ противъ христіанской любви къ ближнимъ, подчиненной вѣрѣ въ Бога, увѣряя, что гораздо выше ея любовь къ людямъ самимъ по себѣ (см. гл. Critique de la fraternité chrétienne, стр. 330). Но если бы всѣ руководились въ своихъ добрыхъ дѣлахъ только любовью къ ближнимъ безъ всякаго отношенія къ идеѣ Бога, то такая чисто человѣческая любовь въ многихъ случаяхъ совершенно могла бы изсякнуть и перейти въ ненависть и презрѣніе къ людямъ, такъ какъ очень часто добрыя дѣла не только не вызываютъ благодарности въ людяхъ, но обусловливаютъ почти враждебное настроеніе со стороны тѣхъ, для кого они совершаются. Извѣстный англійскій государственый мужъ и филантропъ *Гладстонъ* возводилъ это даже въ общее правило. Ему сообщили, что кто то изъ его знакомыхъ отзывается о немъ очень дурно. „Странно, замѣтилъ Гладстонъ, я кажется ему ничего не сдѣлалъ добраго". Когда готова изсякнуть любовь къ ближнимъ вслѣдствіе ихъ низкихъ поступковъ, она возрождается подъ вліяніемъ идеи Бога, требующаго любить враговъ и благотворить ненавидящимъ насъ. Въ этомъ случаѣ хотя вѣра стоитъ выше любви, но не вызываетъ конфликта съ этикой и не разъединяетъ людей, какъ ошибочно утверждаетъ проф. *Геффдингъ* (Философія религіи, стр. 331—332), а соединяетъ ихъ. Хотя въ вѣрѣ и преобладаетъ элементъ самосохра-

По словамъ *Гюйо*, мораль также стремится отдѣлиться отъ религіи, опираясь въ своихъ основаніяхъ на метафизику [1]).

ненія, но нравственнаго, духовнаго, почему она можетъ быть элементомъ самопожертвованія въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣческая любовь оказывается безсильной, чтобы побуждать къ нему. Геффдингъ, упуская возможность такихъ случаевъ, впадаетъ въ одинаковую ошибку съ Фулье въ оцѣнкѣ значенія религіозныхъ мотивовъ. Французскій же ученый *Récéjac* возводитъ такіе случаи даже въ общее правило: „Съ точки зрѣнія *эмпирической*, самопожертвованіе въ пользу *другаго*, хотя бы имъ было все человѣчество, не имѣетъ ни малѣйшихъ основаній справедливости къ тому, чтобы побудить меня пожертвовать хотя частицей своего счастья или жизни. Этотъ *другой* начинаетъ внушать къ себѣ глубокое чувство уваженія и нравственной любви только тогда, когда я перестаю смотрѣть на него съ позитивной точки зрѣнія и почерпаю эти чувства изъ источниковъ болѣе глубокихъ, чѣмъ опытъ и чистый разумъ". Такимъ источникомъ является чаще всего религіозный мистицизмъ. См. *Récéjac*, Essai sur les fondements de la connaissance mystique. Paris 1897, стр. 225. Еще яснѣе выражена мысль неспособности человѣка къ великимъ подвигамъ самопожертвованія безъ религіознаго одушевленія въ сочиненіи *Frary*, цитированномъ мною выше. Недавно бывшій предсѣдатель совѣта министровъ во Франціи, сенаторъ Leon *Bourgeois*, сдѣлалъ, по примѣру Фулье, столь же неправильное противопоставленіе христіанской идеи любви къ ближнему для любви къ Богу идеѣ общественной солидарности, какъ болѣе правильной. Но при одной идеѣ солидарности, хотя бы даже согласуемой съ принципомъ справедливости, какъ единственномъ основаніи общественной жизни, не окажется мѣста для христіанскаго чувства состраданія, какъ это было вѣрно указано однимъ изъ возражателей г. Буржуа. Понятіе же его объ обществѣ, какъ выраженіи принципа обмѣна и договора, есть возвращеніе къ крайне узкому понятію объ обществѣ, развитому еще *Бастіа*, въ его Harmonies économiques. При такомъ понятіи въ обществѣ не могли бы существовать люди слабые и безпомощные калѣки. См. Léon *Bourgeois* и Alfred *Croiset*, Essai d'une philosophie de la solidarité. Conferences et discussions. Paris 1902, XIII—XIV, 77, 72 и 123.

[1]) *Fouillé*, La morale, l'art et la religion d'apres Guyau, стр. 147. Еще рѣшительнѣе высказываетъ подобное мнѣніе *Camille Dreyfüs*, увѣряя, что „европейскія племена достигли конца религіозной эволюціи, что нравственность освободилась отъ религіозныхъ гипотезъ, сдѣлавшись самостоятельной наукой". См. его сочиненіе. L'évolution des mondes et des sociétés. Paris, 1893, стр. 320.

Но развѣ сухія, отвлеченныя формулы метафизики могутъ быть доступны большинству населенія, чтобы воодушевлять его на все великое? Общество, говоритъ онъ, безусловно нуждается въ нравственномъ порядкѣ, въ общественной нравственности, безъ которой оно не въ силахъ существовать. Этотъ порядокъ и общественная нравственность могутъ, по его мнѣнію, достаточно охраняться воспитаніемъ [1]). Но я показалъ на критическомъ разборѣ лекцій, читанныхъ въ „Свободной Коллегіи соціальныхъ наукъ въ Парижѣ", являющихся, по замѣчанію *Boutroux*, скорѣе въ своемъ родѣ исповѣданіями вѣры современныхъ мыслителей, чѣмъ лекціями [2]), что безъ религіи, этой главной воспитательницы человѣчества, даже и высшее образованіе, дѣлающее доступнымъ пониманіе метафизическихъ ученій, не обезпечиваетъ нравственнаго единенія людей, а слѣдовательно и самого существованія общественной жизни.

Чѣмъ объяснить теперешнюю религіозную нетерпимость образованныхъ и притомъ правящихъ классовъ общества, не исключая самихъ представителей науки и философіи, отъ которыхъ можно было бы ожидать болѣе объективнаго разсмотрѣнія вопроса о жизни и смерти современной Франціи? Тѣмъ отвѣчаетъ Бертло, Фулье и другіе, что религія несовмѣстима съ наукой. Но наука не касается области религіозной, такъ какъ изслѣдованіе конечныхъ причинъ не входитъ въ число задачъ науки, по сознанію самихъ позитивистовъ, начиная съ О. Конта. Вторгаясь въ эту область, она присвоиваетъ себѣ права, логически ей не принадлежащіе и перестаетъ быть наукой, впадая нерѣдко даже въ еще большій мистицизмъ, чѣмъ господ-

---

[1]) *Fouillé*, idem.

[2]) Les quatorze conférences que l'ont reunit ici, пишетъ въ своемъ предисловіи къ нимъ *Boutroux*, ont été faites sur des sujets déterminés séparément par les auteurs, sans entente préalable... *Il ne s'agissait pas d'un enseignement, mais d'une sorte d'exament de conscience*, auquel étaient conviées les personnes qui réfléchissent sur les questions morales. См. Morale sociale. Avant-propos par *Boutroux*, стр. XI.

ствующая у насъ религія, какъ это лучше всего можно видѣть изъ ученія Гюйо. „Позитивныя науки не могутъ, по справедливому замѣчанію *Бутру*, поглотить въ себя морали. Еще не наступило время и едва ли когда либо наступитъ, чтобы посредствомъ эмбріологіи и термодинамики можно было рѣшить задачу нашего нравственнаго долга. Мораль должна сохранить свой собственный характеръ, пользоваться соотвѣтствующимъ ей методомъ и науками, не порабощая себя имъ“ [1]). Другой изъ новѣйшихъ французскихъ ученыхъ *Récéjac* въ интересномъ психологическомъ этюдѣ объ „Основаніяхъ мистическаго познанія“ доказываетъ безсиліе нашихъ понятій о нравственномъ долгѣ безъ мистической подкладки, коренящейся въ нашей совѣсти [2]).

Говорятъ, что естественныя науки не могутъ ужиться съ религіей. Геологія опрокинула большую часть религіозныхъ преданій; физіологія, изучая нервную систему, даетъ объясненіе древнихъ чудесъ. Но успѣхи геологіи предоставляютъ только возможность давать иное толкованіе этимъ преданіямъ [3]). Что же касается до объясненій физіологіей древнихъ чудесъ, то это нисколько не опровергаетъ возможности ихъ. *Джевонсъ* основательно упрекаетъ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ философовъ въ ошибочной и вредной тенденціи представлять наше знаніе приблизительно полнымъ. Какого высокаго уровня развитія ни достигли естественныя науки въ наше время, ими, по замѣчанію этого англійскаго ученаго, раскрыта безконечно малая доля тѣхъ естественныхъ законовъ, знаніе которыхъ даетъ возможность повелѣвать дѣйствіемъ силъ природы, соотвѣтственно человѣческимъ цѣлямъ. Между тѣмъ безъ знанія всѣхъ этихъ законовъ, равно какъ и всѣхъ возможныхъ спеціальныхъ ихъ примѣненій, никто не можетъ сказать, за исключеніемъ развѣ „От-

---

[1]) Въ изданіи Morale sociale Avant—Propos par Emile *Boutroux* стр. X.

[2]) *Récéjac,* Essai sur les fondements de la connaissance mystique. Paris 1897, стр. 224—254.

[3]) См. *Карышевъ*, Основы истинной науки Книга III. Сущность жизни. Спб. 1895, стр. XIV и слѣд.

кровенія“, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ чудомъ. Утверждать, что научный методъ можетъ охватить все своимъ мертвымъ единообразіемъ — значитъ предполагать, что творческій умъ не выше человѣческаго ума [1]). По сознанію самого *Фулье*, „въ мистической интуиціи религіи прозрѣваются иногда высшія истины“, почему, если чудеса и есть факты „ультранаучные“ (ultra scientifiques), то это еще не значитъ, что они „антинаучные“ (antiscientifiques) [2]).

Но съ точки зрѣнія того же Фулье, взявшаго на себя защиту основныхъ положеніи *Гюйо*, религіозная нравственность несовмѣстима и съ общественнымъ воспитаніемъ такъ какъ даже такая религія, какъ протестантская, наиболѣе приспособляющаяся къ усвоенію новыхъ идей, не можетъ отказаться отъ послѣдовательной символистики, отъ того, чтобы не быть философіей, говорящей образами [3]).

Но что же дурного въ этомъ? Благодаря этой именно символистикѣ и языку образовъ, она становится доступной, понятной, убѣдительной для народныхъ массъ, дѣйствующей глубоко на ихъ нравственное чувство, подобно тому, какъ поэзія и художественное искусство сильно дѣйствуютъ на чувство даже и высоко образованныхъ людей, нисколько не принижая ихъ умственныхъ способностей. Развѣ языкъ поэзіи не состоитъ весь изъ образовъ точно также, какъ языкъ математическихъ наукъ состоитъ изъ условныхъ знаковъ и формулъ. Въ символистикѣ христіанской религіи выражается глубокая сущность ея ученія. Въ глубинѣ символовъ мистика чувствуетъ Бога, говоритъ *Récéjac*, возможность единенія съ Нимъ, сознаетъ безсмертіе своего духа безъ всякихъ другихъ соображеній и труд-

---

[1]) См. *Стенли Джевонсъ*, Основы науки. Трактатъ о логикѣ. Спб. 1881, стр. 884—713 и *Геффдингъ*, Философія религіи. Спб. 1903, стр. 27 и слѣд.

[2]) *Fouillé*, La morale, l'art et la religion d'après Guyau. Paris 1901, стр. 183.

[3]) Idem.

ныхъ разъясненій, ввѣряется Богу въ безграничной любви [1]). Въ самомъ дѣлѣ, развѣ литургіей не напоминается вѣрующимъ вся земная жизнь Спасителя и величіе его страшной, трогающей до глубины души искупительной жертвы. Эта жизнь поучаетъ вѣрующее человѣчество гораздо больше, чѣмъ отдѣльныя мѣста евангельской проповѣди. Она дѣлаетъ образъ совершеннѣйшаго изъ людей, какъ Богочеловѣка, живымъ въ сердцахъ вѣрующихъ. Поэтому только нежеланіе вникнуть въ смыслъ обрядовъ внѣшняго культа можетъ вести къ крайне ошибочному мнѣнію, что они будто бы „стоятъ внѣ жизни" какъ увѣряетъ проф. *Геффдингъ* [2]). Напротивъ, будучи постояннымъ напоминаніемъ о жизни Лица, составляющаго предметъ этого культа, они оказываютъ живое воздѣйствіе на нравственное настроеніе вѣрующихъ, побуждаютъ ихъ воздерживаться отъ всего дурного и вдохновляютъ на все хорошее.

Если нѣкоторые могли воспитаться на чтеніи произведеній Шекспира, Данта, Гёте, проникнуться ихъ взглядами, то понятно, въ какой еще болѣе сильной степени постоянное напоминаніе при богослуженіи о всей жизни живого идеала такого совершенства, какъ Христосъ, можетъ наставлять и вдохновлять людей: „Пребывайте во Мнѣ и слова Мои въ васъ пребудутъ". Духовное общеніе возможно внѣ пространства и времени. Христосъ, открывающійся внутреннему взору вѣрующихъ, служитъ живымъ идеаломъ и оказываетъ бо́льшее вліяніе, чѣмъ описанія характера какихъ бы то ни было великихъ людей. Это прекрасно выяснено профессоромъ Глазговскаго университета *Генри Друммондомъ* [3]), въ одной изъ его рѣчей, переведенныхъ на русскій языкъ.

Чѣмъ конкретнѣе нравственное понятіе, тѣмъ оно жизненнѣе и тѣмъ сильнѣе вліяетъ на человѣческую волю. Напротивъ,

---

[1]) *Récejac*, Essai sur les fondements de la connaissanse mystique, стр 278—279.

[2]) *Геффдингъ*, Философія религіи. Спб. 1903, стр. 342.

[3]) *Генри Друммондъ*, Три рѣчи. Какъ преобразить нашу жизнь. Москва 1892, стр. 75—104.

чѣмъ оно болѣе обще и абстрактно, тѣмъ оно безцвѣтнѣе и потому оказываетъ болѣе слабое вліяніе на людей, привыкшихъ къ чувственнымъ воспріятіямъ. Чувствовать что либо къ совершенно безличному Богу, какъ высшей логической абстракціи, о которомъ учитъ Спиноза, у насъ гр. Толстой и другіе, довольно мудрено. По справедливому замѣчанію г. *Филиппова*, истинное и міровое значеніе имѣли толко тѣ религіи, которыя опирались не на абстрактное сознаніе, въ которомъ утопала всякая индивидуальность, а на индивидуальной личности, воплощающейся въ лицѣ основателя религіи [1]).

Да и самая проповѣдь Богочеловѣка была доступной народнымъ массамъ отчасти потому, что говорила имъ не отвлечеными идеалами, а живыми образами въ притчахъ, понятныхъ всѣмъ.

Противоположность христіанской морали представляла собою мораль античныхъ народовъ по самой своей формѣ, какъ почти тождественная съ мудростью и философіей, недоступныхъ для большинства людей. Вся интеллектуальная жизнь составляла тогда достояніе только класса свободнаго отъ матеріальныхъ заботъ жизни, которыя всей своей тяжестью перелагалисъ на рабовъ. Но такого рода аристократическая мораль, которую по видимому стремится пасадить во Франціи нынѣшнее правительство ея, совмѣстима ли съ демократическимъ характеромъ новѣйшаго культурнаго человѣчества, особенно съ принципами равенства, братства и свободы, провозглашенными республиканской Франціей, какъ основаніями ея соціально-политическаго быта? Не подлежитъ сомнѣнію, что люди должны быть равны не только предъ гражданскимъ закономъ, но и предъ нравственнымъ. Поэтому замѣна религіозной морали, доступной большинству населенія, метафизической моралью, понятной немногимъ, была бы разрушеніемъ основъ всего строя общественно-государственной жизни нынѣшней Франціи. Это было бы равносильно обреченію большинства населенія ея на лишеніе всякихъ нравственныхъ поня-

---

[1]) *Филипповъ*, Философскіе идеалы — въ журналѣ „Научное Обозрѣніе“ за 1903 г. апрѣль м. стр. 24.

тій и повело бы его къ одичанію, страшныя послѣдствія котораго дали бы себя вскорѣ почувствовать на всѣхъ сторонахъ общественнаго быта. Мораль должна быть средствомъ къ достиженію нравственнаго совершенствованія всѣхъ людей безъ различія ихъ общественнаго положенія и уровня образованія. Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ ученіе о христіанской нравственности и совершенно несоотвѣтствуетъ всякое отвлеченное ученіе о нравственности, какъ бы оно ни было научно и правильно само по себѣ [1]).

Даже такой противникъ христіанской религіи какъ *Ренанъ*, въ своемъ сочиненіи объ „Умственной и нравственной реформѣ", изданномъ вскорѣ послѣ разгрома Франціи въ 1871 году, былъ поставленъ въ необходимость сознаться, что „*Церковь имѣетъ слишкомъ важное значеніе для воспитанія*, чтобы можно было обойтись безъ ней". Вызванная ослабленіемъ религіозныхъ вѣрованій все большее господство чисто матеріальныхъ стремленій во Франціи, индеферентизмъ къ общему благу, стремленіе къ наживѣ и матеріальнымъ наслажденіямъ, чрезмѣрное развитіе личнаго интереса, несовмѣстимое на войнѣ съ мужествомъ — вотъ по мнѣнію Ренана, были главныя причины разгрома Франціи. Чтобы жертвовать своей жизнью, говоритъ онъ, необходима вѣра во что нибудь нематеріальное; но эта вѣра съ каждымъ днемъ все болѣе исчезала" [2]).

Допуская возможность замѣны религіозной нравственности научною, нынѣшнее правительство Франціи и публицисты, поддерживающіе его взгляды, очевидно не сознаютъ того великаго культурнаго значенія, какое имѣетъ церьковь, не только поддерживая высокій идеализмъ въ мірѣ, подавленномъ прозою обыденной жизни, но дѣлая доступнымъ широкимъ массамъ міръ мысли, нравственнаго чувства и поэзіи. Безъ религіи народныя массы, по справедливому замѣчанію проф. *Гефдинга*, погибли

---

[1]) См. Essai d'une philosophie de la solidarité. Conferences et discussions. Présidées par MM. *Bourgeois* et Croiset. Paris, 1902, p. 100.

[2]) См. *Ernest Renan*, La Réforme intellectuelle et morale. Paris, 1871, p. 108 и 115—116.

бы въ борьбѣ за жизнь или совершили бы свой жизненный путь въ тупомъ одичаніи, никогда не ощущая въ себѣ присутствія высшихъ идеальныхъ силъ. Соціальное значеніе церкви, особенно христіанской, состоитъ въ томъ, что она защищала и продолжаетъ защищать высокій идеализмъ среди тѣснаго, прозаическаго, подавленнаго заботами о насущномъ кускѣ хлѣба міра, въ которомъ многимъ людямъ лишь при помощи церкви удается немного приподнять свою голову и взглянуть на вѣчныя звѣзды.

Церковь является носительницей великой традиціи, системы образовъ, въ которыхъ безчисленныя поколѣнія, примкнувшія къ ученію основателя церкви, выразили результаты своихъ наиболѣе глубокихъ жизненныхъ опытовъ, воплотили все великое и малое, что судьба заставила ихъ пережить, перестрадать и передумать. Особенно въ церковныхъ гимнахъ мы слышимъ какъ бы вопль чоловѣческой души, въ которомъ милліоны людей, въ теченіе долгой жизни рода, выражали свой страхъ и свою надежду, свою скорбь и благодарность, свое паденіе и возрожденіе. Каждый отдѣльный человѣкъ чувствуетъ, что здѣсь онъ имѣетъ передъ собою великія общія воспоминанія изъ области опыта внутренней жизни. Онъ находитъ здѣсь основные принципы, при помощи которыхъ ему легче осмыслить свой собственный внутренній опытъ. Въ церковномъ культѣ разыгрывается великая драма рода человѣческаго. Здѣсь отдѣльное лицо получаетъ болѣе широкій кругозоръ для пониманія и оцѣнки своей личной жизни. Участвуя въ культѣ, оно переживаетъ великія первичныя противорѣчія жизни; его чувства проясняются и идеализируются, когда мысль устремлена на событія, память о которыхъ чтитъ церковь, усматривая въ нихъ высокіе образцы. Въ церкви человѣкъ находитъ удовлетвореніе потребности въ утѣшеніи и душевномъ спокойствіи представляющихъ одну изъ сторонъ религіозной потребности. Общественная организація, способная въ своихъ благороднѣйшихъ формахъ къ такому богатому и концентрированному вліянію на широкія массы, единственна въ своемъ родѣ. До сихъ поръ мы не имѣемъ никакой иной

общественной формы духовной культуры, которая могла бы взять на себя задачи, выполняемыя церковью“ [1]).

Трудно шире и глубже оцѣнить великое соціальное значеніе христіанской церкви, чѣмъ это сдѣлано въ только что приведенныхъ словахъ извѣстнаго современнаго намъ датскаго философа Геффдинга. Этотъ мыслитель характеризуетъ приведенными словами значеніе церкви не того или другого, взятаго въ отдѣльности исповѣданія, но всякой христіанской церкви вообще, если она просуществовала въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и имѣетъ за собою вѣковыя традиціи. Будучи писателемъ страны съ протестантскимъ населеніемъ, Геффдингъ сумѣлъ, несмотря на это, возвыситься надъ отличіями отдѣльныхъ вѣроисповѣданій и поставить на первомъ планѣ то, что они имѣютъ общаго въ дѣлѣ служенія высшимъ нравственнымъ задачамъ и идеаламъ общественной жизни. Поэтому, ставя въ заслугу христіанской церкви вообще, что она проложила дорогу новѣйшей филантропіи, стоя обыкновенно во главѣ ея, онъ не задумывается отмѣтить особенно широкое развитіе филантропіи въ теченіе XIX-го вѣка въ католической церкви. „Во Франціи революція уничтожила“, говоритъ онъ, „монастыри, но монастырская жизнь, повинуясь исключительно внутреннему импульсу, широко развернулась снова и къ концу XIX-го столѣтія 25.000 монаховъ и 142.000 монахинь посвящали свою жизнь тяжелымъ и неблагодарнымъ трудамъ, приносящимъ несомнѣнную пользу не только отдѣльнымъ страдальцамъ, но и всему обществу, какъ отмѣтилъ это и *Taine* въ Régime moderne. Духовное теченіе, могущее указать на такіе результаты, обладаетъ еще достаточной жизненной силой“ [2]).

Въ сравненіи съ такой оцѣнкой, какъ узки, близоруки и невѣжественны оказываются нападки на значеніе ея, дѣлаемыя фанатиками атеизма, которые, не справляясь съ великой исторической ролью, какую играла религія въ судьбахъ человѣчества,

---

[1]) См. проф. *Геффдингъ*, Философія религіи. Спб. 1903, стр. 346—348.

[2]) Idem, стр 349—350.

пытаются свои чисто личныя настроенія духа и недомысліе навязывать всему народу и отнять у него нравственную поддержку въ вѣковыхъ преданіяхъ церкви. Съ ихъ стороны это является чудовищнымъ посягательствомъ на величайшее изъ благъ, завоеванныхъ новѣйшей цивилизаціей,—на свободу совѣсти. Отъ государственныхъ людей можно было бы требовать болѣе близкаго знакомства съ основными устоями общественной жизни, съ которыми они обязаны сообразовать принимаемыя ими государственныя мѣропріятія. Безъ такого знакомства они могутъ только уродовать общественную жизнь, обрекая ее на разложеніе и все большій упадокъ живыхъ нравственныхъ силъ. Антирелигіозная политика, за примѣненіе которой такъ усердно взялось французское правительство со времени еще *Жюля Ферри*, похожа на политику тѣхъ представителей общественной гигіены, которые, вмѣсто попеченія о санитарныхъ нуждахъ всего населенія, вздумали бы возводить въ общее правило свои личныя потребности и вкусы, навязывая обществу то, въ чемъ большинство населенія наименѣе нуждается. Будучи людьми, пресыщенными богатствомъ, проживая въ своихъ дворцахъ, они, естественно, не нуждались бы въ попеченіи правительства о хорошихъ и дешевыхъ жилищахъ, объ обезпеченіи народнаго продовольствія, о сносныхъ условіяхъ фабрично-заводскаго труда. Ихъ можетъ интересовать только то, чтобы страна была достаточно обезпечена въ производствѣ или доставкѣ изъ-за границы изысканныхъ дорогихъ яствъ и питей, чтобы она была покрыта въ достаточномъ количествѣ величественными зданіями театровъ, въ которыхъ бы первоклассные артисты міра за баснословное вознагражденіе помогали имъ убивать свое праздное, ни на что непригодное время. Имъ не нужны ни храмы, привлекающіе къ себѣ на молитву массу обездоленныхъ людей, ищущихъ тамъ подкрѣпленія своихъ душевныхъ силъ въ непосильной борьбѣ съ тяжелыми условіями жизни; ни краснорѣчивые проповѣдники съ церковныхъ каѳедръ, спасающіе отъ отчаянія людей, слишкомъ пригнетенныхъ несчастіями жизни; ни сестры милосердія, дающія уходъ за больными тѣмъ, кому собственная семья не обезпечиваетъ его, ни благотворительныя заведенія и пріюты, въ кото-

рыхъ бы люди, неспособные къ труду, находили себѣ убѣжище. Для счастливцевъ, призванныхъ на пиръ жизни, эта жизнь такъ красна легкой возможностью удовлетворять свои прихоти, увеличивающія количество испытываемыхъ ими удовольствій, что имъ рѣдко приходится думать объ иной, духовной жизни. Они и безъ того довольны своимъ положеніемъ. Въ этомъ случаѣ забывается только одно, что всѣ эти блага, какими пользуются немногіе, недоступны для большинства населенія. Въ его ежедневной борьбѣ за кусокъ насущнаго хлѣба не нужны ни оперные театры, ни дворцы, ни заграничныя вина и устрицы. Избравъ представителей народа для попеченія о своихъ нуждахъ, нація въ правѣ требовать, чтобы эти представители заботились прежде всего объ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ большинства населенія, а не о томъ, что соотвѣтствуетъ ихъ личнымъ вкусамъ. Такъ какъ мнимые радѣтели общественнаго блага не въ силахъ обезпечить большинству населенія всѣхъ тѣхъ удобствъ жизни, какими сами пользуются, то они не имѣютъ права отнимать у него, по крайней мѣрѣ, хотя того неистощимаго источника духовныхъ радостей и утѣшеній, какія предоставляетъ ему церковь. Стремясь искоренить въ народныхъ массахъ самую потребность религіи, эти радѣтели хотятъ тѣмъ самымъ снять съ нищаго послѣднюю рубаху. Можно ли сказать, чтобы такая государственная политика не находилась въ прямомъ противорѣчіи съ основными принципами демократіи, съ нуждами большинства населенія! Надо изумляться поэтому, что бывшій министръ-президентъ Комбъ имѣлъ смѣлость сказать въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей въ парламентѣ, что въ теченіе всей своей двухлѣтней дѣятельности онъ ничѣмъ не оскорбилъ принциповъ демократіи. Но развѣ осужденіе народныхъ массъ на нравственное голоданіе своей антирелигіозной политикой не есть величайшее оскорбленіе этихъ принциповъ? Развѣ выставленіе монумента Ренану въ странѣ съ наиболѣе религіозно настроеннымъ населеніемъ не было оскорбленіемъ религіозныхъ чувствъ большинства населенія? Развѣ самая политическая программа Ренана, идеализировавшая рабство древнихъ народовъ и ставившая эксплоатацію большинства населенія меньшинствомъ въ об-

разецъ новѣйшимъ культурнымъ народамъ [1]), не была открытымъ глумленіемъ надъ интересами демократіи? Выставляя Ренана вожакомъ антирелигіозной политики Франціи, правительство Комба заявило тѣмъ самымъ открыто о своемъ разрывѣ съ основными принципами французской революціи, провозгласившей свободу, равенство и братство. Основной задачею управленія кабинета Комба, продолжавшагося болѣе $2^1/_2$ лѣтъ, было, какъ выражаются сами французскіе публицисты, „атеизированіе" Франціи. Изгнаніе религіозныхъ орденовъ, разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Ватиканомъ, вмѣшательство правительства въ дисциплинарныя дѣла церкви—все это было намѣченными Комбомъ этапами, которые должны были привести къ отдѣленію церкви отъ государства. Но стремленіе французскаго правительства порвать всякую связь общественной нравственности съ вѣчными принципами ея, хранимыми христіанскимъ ученіемъ, должно было привести это правительство къ потерѣ всякаго нравственнаго равновѣсія. Правительство лишилось способности отличать нравственное отъ безнравственнаго, честное отъ безчестнаго; оно допустило въ своей политикѣ и во всѣхъ отрасляхъ государственной администраціи постыдную систему доносовъ и шпіонства. Эта система была организована сначала въ военномъ вѣдомствѣ, а затѣмъ и во всѣхъ остальныхъ. Вмѣсто того, чтобы требовать отъ ближайшаго начальства аттестаціи должностныхъ лицъ, представляемыхъ къ повышенію, правительство Комба предпочло обращаться за такой аттестаціей къ массонскимъ ложамъ, открыто враждебнымъ къ христіанской религіи со времени самого возникновенія ихъ. Означенныя ложи стали выдавать тайныя аттестаціи на основаніи, главнымъ образомъ, того — принадлежатъ ли эти лица къ числу атеистовъ, или же религіозныхъ людей. Съ точки зрѣнія массоновъ, простое посѣщеніе церкви лицами, состоящими на государственной службѣ, и ихъ семействами дѣлало людей неблагонадежными въ политическомъ отношеніи. Въ лицѣ массонства образовалось во Франціи государство въ государствѣ, и были случаи заявленій свидѣтелями, вызванными

---

[1]) См. выше, стр. 165.

въ судъ, объ отказѣ давать показанія по всей правдѣ, вслѣдствіе прямого запрещенія со стороны массонскихъ ложъ. Извѣстный французскій адвокатъ Лабори имѣлъ поэтому полное основаніе заявить на одномъ изъ засѣданій суда, что при такихъ условіяхъ французская юстиція не можетъ долѣе функціонировать, другими словами,—что государство нравственно обанкрутилось и самые устои государственной и общественной жизни поколеблены.

Дальше этого трудно было итти правительству Комба въ разрывѣ своей политики съ основными принципами нравственности. Общественному мнѣнію страны удалось съ трудомъ найти кое-какія пути къ низверженію правительства, въ конецъ опозорившаго Францію предъ лицомъ всей цивилизованной Европы.

Но управленіе Комба было не болѣе, какъ однимъ только фазисомъ государственнаго управленія фанатиковъ атеизма. Въ сущности оно было продолженіемъ антирелигіозной французской политики, начавшейся еще со времени *Жюля Ферри*, бывшаго министра народнаго просвѣщенія (1879) и главы министровъ. Уже тогда преподаваніе Закона Божьяго было запрещено во всѣхъ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ и замѣнено преподаваніемъ отвлеченной морали, неопирающейся на религію. Въ школьныхъ помѣщеніяхъ недозволялось выставленіе крестовъ и иконъ, напоминающихъ о религіи.

Такое отдѣленіе нравственности отъ религіи дало себя вскорѣ почувствовать крайне неблагопріятными послѣдствіями. Извѣстный французскій ученый, бывшій министръ-президентъ *Жюль Симонъ*, писалъ еще въ 1880 годахъ, что усвоеніе въ школахъ отвлеченнаго ученія о нравственности нисколько не дѣлаетъ учащихся нравственными: какъ легко оно усваивается однимъ холоднымъ мышленіемъ и памятью, такъ же легко оно и испаряется изъ памяти по выходѣ изъ учебныхъ заведеній, не оказывая никакого, сколько-нибудь серіознаго вліянія на волю и поступки молодыхъ людей. Еще *Гётте* указалъ, что все, что освобождаетъ наши умы, не научая въ то же время насъ господствовать надъ нашимъ характеромъ, не давая самообладанія,—не дѣлаетъ насъ нравственными. „Надо признаться“, за-

мѣчаетъ даже одинъ изъ выдающихся современныхъ защитниковъ замѣны въ школахъ преподаванія Закона Божьяго отвлеченной моралью, именно *Фулье*, „мы много потрудились во Франціи надъ освобожденіемъ умовъ не только взрослыхъ, но и дѣтей, но старались ли мы внушить имъ самообладаніе, о которомъ говоритъ Гетте?“ Самые убѣжденные защитники нынѣшней системы образованія во Франціи послѣ столькихъ свѣтлыхъ надеждъ, возлагавшихся на нее, въ настоящее время поставлены въ необходимость разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ. Заполнять память учащихся фактами, именами и числами — это не значитъ сообщать умамъ идеи, возвышающія нравственныя чувства и подавляющія пороки. Наше образованіе, какъ первоначальное, такъ и среднее, переходя отъ одного предмета къ другому, касается всего слегка, но не даетъ никакихъ глубокихъ свѣдѣній, вліяющихъ на волю человѣческую. Французскій философъ *Ренувье*, свободный отъ клерикализма, основательно замѣтилъ, что среди умовъ узкихъ и ограниченныхъ свободная мысль вызываетъ одно только отрицаніе, посредствомъ котораго мудрено дѣлать народъ нравственнымъ. Хотя Фулье и защищаетъ замѣну во французскихъ учебныхъ заведеніяхъ Закона Божьяго метафизической моралью, тѣмъ не менѣе, онъ поставленъ въ необходимость сдѣлать слѣдующее замѣчаніе по этому поводу: „Кто бы какого мнѣнія ни былъ объ объективномъ значеніи религіозныхъ догматовъ, онъ не имѣетъ права игнорировать ту основную истину соціологіи, по которой религіи служатъ самой сильной нравственной уздой животныхъ инстинктовъ населенія и еще болѣе неисчерпаемымъ источникомъ нравственности. Поэтому, мы, философы, апостолы терпимости, будемъ настаивать на необходимости этой терпимости и въ отношеніи религіи. Нравственный скептицизмъ у дѣтей и молодыхъ людей чаще всего бываетъ результатомъ религіознаго скептицизма. Французская педагогія много думала объ улучшеніи умственнаго развитія учащихся, но, освобождая умы, она не выработала новыхъ основаній для нравственнаго воспитанія. Это тѣмъ прискорбнѣе, что популярная пресса во Франціи содѣйствуетъ распространенію даже въ мелкихъ сельскихъ общинахъ анти-общественныхъ идей и чувствъ.

Пресса вмѣстѣ съ правительствомъ является во Франціи главными виновниками переживаемаго ею нынѣ нравственнаго кризиса".

Послѣ этого замѣчанія тѣмъ страннѣе видѣть, что въ своемъ трудѣ: „Франція съ точки зрѣнія нравственности", Фулье главную причину возрастающей все болѣе деморализаціи французскаго населенія приписываетъ не стремленію правительства изгнать религію, какъ самый могущественный факторъ народной нравственности, а все большимъ успѣхамъ фабрично-заводской промышленности и алкоголизма. Но вѣдь успѣхи первой свойственны не одной современной Франціи, а и всѣмъ западноевропейскимъ государствамъ, однако алкоголизмъ не дѣлаетъ нигдѣ такого ужасающаго прогресса, какъ во Франціи. Ясно, что тамъ существуетъ особая причина деморализаціи. Въ алкоголизмѣ французское населеніе стремится забыться до нѣкоторой степени отъ той безпроглядной прозы обычной дѣйствительной жизни, которая становится неизбѣжной при отсутствіи въ ней всякихъ идеаловъ, возвышающихъ духъ надъ слишкомъ низменными интересами обыденной жизни.

Прямо со школьной скамьи молодежь бросается въ борьбу за жизнь, руководясь исключительно чисто эгоистическими побужденіями, безъ всякихъ высшихъ нравственныхъ идеаловъ и задачъ. Неразборчивая въ средствахъ достиженія своего матеріальнаго благосостоянія, она per fas et nefas стремится завоевать себѣ высшее экономическое соціальное положеніе.

Подобнымъ образомъ характеризовалъ недавно *Фурьеро* современное состояніе французскаго народа, оспаривая вѣрность теперешнихъ задачъ французской педагогіи. По его мнѣнію, подъ вліяніемъ такихъ задачъ масса невѣрующихъ не только отрицаетъ деизмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всякаго рода идеализмъ и какую бы то ни было нравственность. Единственнымъ культомъ для нихъ остаются деньги, поклоненіе золотому тельцу; всякій безкорыстный идеалъ отрицается ими. Вся нравственность сводится къ искусству обогащенія [1]). Эта нравственная безпринципность

---

[1]) См. *Fournière* въ Révue socialiste за 1899 г

становится также отличительной чертой дѣятельности большинства представителей французскаго правительства, членовъ парламента, представителей журналистики и, тѣмъ болѣе, конечно, промышленныхъ дѣльцовъ. При крайне низкомъ уровнѣ нравственнаго развитія большинства избирателей по системѣ suffrage universel, страна управляется и порабощается арміей должностныхъ лицъ, въ интересахъ той партіи, которая находится во главѣ правительства. Личные интересы становятся выше сознанія общаго блага [1]). Такъ при устройствѣ акціонерныхъ компаній для осуществленія сколько-нибудь значительныхъ предпріятій, разрѣшеніе послѣднихъ зависитъ главнымъ образомъ не столько отъ полезности ихъ, сколько отъ тѣхъ матеріальныхъ средствъ, какими располагаютъ эти компаніи для подкупа лицъ, имѣющихъ власть и силу. Лучше всего это обнаружилось во время всѣмъ извѣстнаго панамскаго краха. На прорытіе Панамскаго перешейка было основано акціонерное общество во главѣ съ тѣмъ самымъ Лессепсомъ, которому принадлежитъ честь иниціативы въ прорытіи Суэцкаго канала. Былъ собранъ капиталъ въ $1^1/_2$ милліарда франковъ, но изъ нихъ 850 милліоновъ франковъ пошло на подкупъ громаднаго количества депутатовъ французскаго парламента, министра путей сообщенія, выдающихся представителей французской журналистики, банкировъ, взявшихся за выпускъ и продажу акцій означенной компаніи Для выполненія самаго предпріятія едва осталось 650 милліоновъ. Акціи были сбыты въ руки мало зажиточныхъ классовъ общества, соблазненныхъ большими дивидендами, обѣщанными въ массѣ статей почти всѣхъ французскихъ журналовъ. Но и 850 милліоновъ оказалось въ дѣйствительности мало для того, чтобы снискать компаніи расположеніе всѣхъ власть имущихъ. Потребовались отъ Лессепса еще новые милліоны для подкупа, отказъ въ уплатѣ которыхъ вызвалъ наступленіе краха. На скамьи подсудимыхъ было посажено болѣе ста депутатовъ во главѣ съ министромъ. Панамскій процессъ обнаружилъ яснѣе всего ту страшную всеобщую

---

[1]) Срвн. Idées sociales et Taites sociaux par *Blondel*, *Souchon* и др. avec Introduction de *Georges Goyau*. Paris, 1903, стр. 23.

деморализацію, какая стала господствовать во Франціи со времени введенія народнаго образованія, игнорирующаго религіозную нравственность.

Позднѣйшія изслѣдованія *Фулье*, *Тарда*, *Жоли* и другихъ обнаружили дальнѣйшій регрессъ французскаго общества въ нравственномъ отношеніи.

Предоставимъ имъ самимъ охарактеризовать возрастающую деморализацію французскаго населенія, приблизительно съ того именно времени, когда правительство Франціи перестало считаться съ необходимостью вліянія религіи на народную нравственность. Фулье указываетъ на общее увеличеніе преступности во всѣхъ ея формахъ съ 1881 года. Особенно поражаетъ его въ уголовной статистикѣ Франціи возрастаніе преступности молодыхъ людей въ возрастѣ отъ 16 до 21 года. Въ пятнадцатилѣтній періодъ, протекшій между 1880 и 1895 годами, по его словамъ, число преступныхъ дѣтей увеличилось на $^1/_4$ часть, между тѣмъ, какъ взрослыхъ только на $^1/_9$. Въ Парижѣ больше половины арестуемыхъ лицъ находится въ возрастѣ ниже 21 года, и, не смотря на то, они участвуютъ въ такого рода преступленіяхъ, какъ убійство, отравленіе, дѣтоубійство, нанесеніе ранъ, насиліе, посягательство на честь женщинъ, кража. Обвинительные акты противъ молодыхъ преступниковъ свидѣтельствуютъ необычайную жестокость, изысканную похотливость, хвастовство своими пороками, чего не встрѣчается въ такой же степени въ возрастѣ болѣе позднемъ. Да и среди молодыхъ людей, непопавшихъ въ категорію преступниковъ, обнаруживается, по свидѣтельству *Joly*, крайняя нравственная безпомощность, невѣжество, слабость характера и невѣроятное легкомысліе, въ чемъ нельзя не видѣть вырожденія націи. Въ то же время проституція среди лицъ дѣтскаго возраста приняла большіе размѣры. Проститутокъ въ этомъ возрастѣ насчитываютъ до 40.000. Самоубійства среди дѣтей ниже 16-ти лѣтняго возраста, прежде необычайно рѣдкія, въ 1887 году достигли уже 50-ти случаевъ; а среди молодежи отъ 16 до 21 года — до 375 случаевъ. Въ 1894 году первая цифра достигла 87, а вторая — 450 случаевъ. Въ 14-ти лѣтній періодъ, между 1881 и 1894 го-

домъ количество самоубійствъ во всѣхъ возрастахъ повысилось на 44% (съ 6741 до 9703), а количество самоубійствъ среди малолѣтнихъ увеличилось за тотъ же періодъ на 176%.

Самый характеръ преступленій во Франціи въ послѣднее время, по мнѣнію Фулье, началъ измѣняться въ направленіи, свидѣтельствующемъ о началѣ возвращенія общества къ эпохѣ первобытнаго варварства, когда среди мотивовъ преступленій выдвигались на первый планъ такого рода страсти, какъ гнѣвъ, ревность, мщеніе, въ которыхъ человѣкъ, подобно животнымъ, оказывается не въ силахъ господствовать надъ самимъ собою.

Хотя *Марксъ* и увѣряетъ, что народною нравственностью управляетъ производство и потребленіе богатствъ, что преступленіе противъ собственности есть всецѣло результатъ бѣдности населенія, но, по мнѣнію *Фулье*, на Франціи лучше, чѣмъ на какой либо другой странѣ, можно видѣть громадное вліяніе на народную нравственность идей и вѣрованій, совершенно упускаемое изъ виду Марксомъ. Про Францію нельзя сказать, чтобы эта страна отличалась болѣе несправедливымъ распредѣленіемъ собственности, чѣмъ другія европейскія страны, и чтобы этимъ можно было оправдывать въ ней высокую уголовную преступность. Въ числѣ причинъ этой преступности играетъ главную роль нравственное вырожденіе, особенно замѣчаемое среди дѣтей и юношества. Благодаря отсутствію равновѣсія въ нервной системѣ и прогрессу алкоголизма, вырожденію подвергается масса дѣтей и молодежи. Во Франціи матеріальное благосостояніе несомнѣнно растетъ, и, не смотря на это, въ ней растетъ и преступность, даже имущественная, ибо, какъ замѣтилъ еще Аристотель, преступленіе совершается не подъ вліяніемъ одного только желанія обезпечить себѣ необходимое въ жизни, но еще болѣе отъ ничѣмъ не сдерживаемой жадности къ наслажденіямъ и отъ пылкости страстей. Преступленія противъ собственности, совершаемыя подъ вліяніемъ крайней нужды, составляютъ, по словамъ Фулье, не болѣе $^1/_4$ части всего числа имущественныхъ преступленій. Неуваженіе къ чужому имуществу, лѣнь, порокъ—являются обыкновенно причинами остальной части этихъ преступленій. Во Франціи большинство имущественныхъ пре-

ступленій не только не связаны съ бѣдностью, но, напротивъ, эти преступленія въ бѣдныхъ департаментахъ Франціи совершаются рѣже, чѣмъ въ богатыхъ. Такъ, Herault и Нормандія принадлежатъ къ числу наиболѣе богатыхъ частей страны, но въ то же время и наиболѣе преступныхъ, въ особенности среди молодежи. *Жоли* и *Тардъ* видятъ причину этого въ той быстротѣ, съ какой молодежи удается обогащаться. Алчность и корыстолюбіе возрастаютъ тамъ еще быстрѣе богатства. Самая легкость удовлетворенія пороковъ влечетъ за собою и быстрое развитіе ихъ. Наоборотъ, провинція Бретань принадлежитъ къ числу бѣдныхъ. Тамъ благосостояніе достигается молодыми людьми путемъ продолжительнаго и настойчиваго труда. Это и вліяетъ на меньшую преступность, какою отличается эта провинція. Населеніе ея стоитъ на высокомъ уровнѣ нравственнаго развитія. Тамъ сохранились во всей чистотѣ семейныя чувства и вѣрованія въ идеальную цѣль жизни.

Страшное увеличеніе во Франціи юношеской преступности *Фулье* считаетъ за указаніе всеобщаго нравственнаго кризиса въ ней, главною причиною котораго онъ выставляетъ отсутствіе правильнаго семейнаго воспитанія. Школы не могутъ возмѣстить этого недостатка. Въ школахъ, по словамъ *Ренара*, даются ученикамъ неопредѣленныя отвлеченныя указанія началъ нравственности. Чтобы сдѣлать изъ учениковъ будущихъ хорошихъ гражданъ, учителя стараются внушить въ нихъ страхъ предъ жандармами и любовь къ знамени.

Но страхъ предъ внѣшней юстиціей далеко не тождественъ съ страхомъ Божьимъ, удерживающимъ преступника отъ совершенія преступныхъ дѣяній даже тогда. когда онъ увѣренъ, что останется неоткрытымъ для человѣческаго правосудія. Лучшимъ доказательствомъ служитъ малая преступность англійскаго населенія, главнымъ образомъ вслѣдствіе высокой религіозности его. Праздничные дни отдыха рабочаго населенія не тратятся на пьяный разгулъ, какъ во Франціи, но посвящаются чтенію почти въ каждой семьѣ евангелія, религіознымъ размышленіямъ и тихимъ семейнымъ радостямъ. Эта жизнь проводится у вѣрующихъ людей подъ немерцающимъ свѣтомъ той жизни, къ ко-

торой идутъ люди поколѣніемъ за поколѣніемъ, въ надеждѣ найти высшія духовныя радости и успокоеніе, какихъ не можетъ дать жизнь, полная борьбы за насущный кусокъ хлѣба и всевозможныхъ житейскихъ невзгодъ, огорченій и страданій.

Антирелигіозная политика современной Франціи, стремленіе замѣнить религіозную нравственность научной напоминаетъ собою отчасти положеніе дѣлъ въ античномъ мірѣ, гдѣ все населеніе распадалось на эксплоататоровъ и эксплоатируемыхъ и потому была необходимость созданія для первыхъ особой, аристократической нравственности, почти тождественной съ мудростью и философіей, недоступными для всѣхъ людей. Вся интеллектуальная жизнь составляла тогда достояніе только меньшинства, свободнаго отъ матеріальныхъ заботъ жизни.

Такого рода аристократическая мораль несовмѣстима съ демократическимъ характеромъ новѣйшаго культурнаго человѣчества, особенно съ принципами равенства, братства и свободы провозглашенными республиканской Франціей, какъ основанія соціально-политическаго быта. Граждане должны быть равны не только предъ государственнымъ закономъ, но и предъ нравственнымъ. Поэтому замѣна религіозной морали, доступной большинству населенія, метафизической моралью, понятной немногимъ была бы разрушеніемъ основъ всего строя общественно-государственной жизни. Оно было бы равносильно обреченію большинства населенія ея на лишеніе всякихъ нравственныхъ понятій.

Уже *И. Кантъ*, судя по одному изъ посмертныхъ отрывковъ его трудовъ, повидимому, созналъ неудовлетворительность своего метафизическаго ученія о нравственности съ соціологической точки зрѣнія. Изъ этого отрывка видно, что, до знакомства съ трудами Ж. Ж. Руссо, онъ презиралъ народъ за его невѣжество и отсутствіе у него умственной культуры. Руссо открылъ ему глаза и научилъ уважать человѣчество въ лицѣ самыхъ простыхъ людей. Съ тѣхъ поръ Кантъ призналъ въ принципѣ, что всякое нравственное положеніе, которое не можетъ быть обобщено для всѣхъ, не должно считаться за вполнѣ вѣрное. Мораль должна быть средствомъ къ обезпеченію воз-

можности нравственнаго совершенствованія за всѣми людьми [1]). Какъ бы ни были научны и глубоки абстрактныя положенія нравственной философіи, преподаваемой въ учебныхъ заведеніяхъ, они не имѣютъ большого значенія, если не могутъ быть выражены въ самыхъ простыхъ заключеніяхъ, доступныхъ пониманію каждаго и могущихъ серіозно вліять на его волю [1]). Стремленіе современной Франціи замѣнить нравственность, опирающуюся на религію, нравственностью, имѣющею своимъ источникомъ метафизику, подробно мотивированное Гюйо, Фулье и другими, показываетъ только полное непониманіе соціологической сущности религіи и вслѣдствіе этого—прямое противорѣчіе ихъ ученія всему демократическому строю современной общественной жизни, которымъ такъ на словахъ гордится Франція. Въ дѣйствительности же правительство ея попираетъ основные принципы первой французской революціи. Дорожа больше всего своими республиканскими учрежденіями, оно, въ лучшемъ случаѣ, подготавливаетъ своей иррелигіозной политикой переходъ ихъ къ аристократическимъ учрежденіямъ, не замѣчая само этого. Послѣ исчезновенія христіанской религіи, съ ея чисто демократическими тенденціями по самой ея сущности между высшими образованными классами и низшими, ляжетъ такая глубокая пропасть не только по образованію, но и по нравственнымъ понятіямъ, что при ней думать о торжествѣ принциповъ свободы и гражданскаго равенства сдѣлается фактически невозможнымъ. Незамѣчая этого, *Гюйо* ставитъ въ заслугу французскому генію, что онъ не остановливается на полумѣрахъ, а желаетъ получить все или ничего, почему не хочетъ довольствоваться даже протестантизмомъ. Онъ восхваляетъ Францію, что она является очагомъ свободной мысли всего міра. Но черезчуръ большая прямолинейность выводовъ въ этомъ случаѣ становится легкомысліемъ, по сознанію самого Гюйо: „Если французскій геній имѣетъ недостатокъ, говоритъ онъ, то не въ логикѣ, а скорѣе въ край-

---

[1]) См. въ изданіи „Morale sociale". Paris, 1899, *Boutroux* IX и *Dauriac* La morale des Grecs et la crise actuelle, p. 315—316.

немъ легкомысліи, въ нѣкоторой узкости точки зрѣнія, противной духу послѣдовательности и анализа“ [1]).

Но крайнее легкомысліе въ вопросахъ нравственной жизни и смерти цѣлаго народа есть величайшее преступленіе противъ собственной націи, противъ всѣхъ предшествующихъ ея поколѣній, созидавшихъ и накоплявшихъ съ такимъ трудомъ запасъ умственныхъ, нравственныхъ и соціальныхъ сокровищъ, переданныхъ нынѣшнимъ поколѣніямъ для дальнѣйшаго развитія ихъ, а не для разрушенія. Это есть преступленіе также и противъ всего человѣчества, почерпавшаго изъ тогоже запаса все пригодное для поддержанія его жизни и прогресса.

---

[1]) См. *Fouillé* „La morale, l'art et la religion d'apres Guyau“, p. 150.

Оглавленіе.

Страницы:

Предисловіе . . . . . I—XVIII.

ГЛАВА I. Задача статистической науки, главные предметы ея содержанія, способъ выясненія причинной связи между ними и отношеніе ея къ другимъ общественнымъ наукамъ . . . . . 1 — 42.

ГЛАВА II. Отношеніе статистики къ другимъ общественнымъ наукамъ . . . . . 43 — 72е.

ГЛАВА III. Соціологія и статистика . . . . . 73 — 86і.

ГЛАВА IV. Критическая оцѣнка воззрѣній новоисторической школы на задачи, методъ и законы экономической науки, какъ соціологіи . . . . . 87 —124.

ГЛАВА V. Критическая оцѣнка взглядовъ на законы соціальной эволюціи . . . . . 125 —159і.

ГЛАВА VI. Ученіе эволюціонистовъ въ области нравственной и Нитцше, какъ наиболѣе популярный изъ представителей его . . . . . .159к—178е.

ГЛАВА VII. Возможно ли нравственное единеніе общества безъ религіи . . . . . .178е—199.

ГЛАВА VIII. Можетъ ли наука замѣнить религію . . 199—217б.

ГЛАВА VIII*a*. Профессоръ Зомбартъ, какъ самый откровенный противникъ вліянія религіи и нравственности на общественный прогрессъ . . . . .217в—234.

ГЛАВА IX. Ренанъ, какъ главный представитель современнаго скептицизма . . . . . 235—249г.

ГЛАВА X. Высокій уровень научныхъ знаній гарантируетъ ли самъ по себѣ такой же уровень нравственнаго развитія, и современное состояніе Франціи, какъ доказательство противнаго . . . . . 249е—287.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Osnovnye voprosy statistiki. ek
311.2 S5980
D90071775-